Т. В. ВОЛОКИТИНА Г. П. МУРАШКО А. Ф. НОСКОВА

НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

МИФ или реальность?

«Наука»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
Институт славяноведения и балканистики

Т. В. ВОЛОКИТИНА, Г. П. МУРАШКО,
А. Ф. НОСКОВА

НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ 1944—1948 гг.

МОСКВА «НАУКА» 1993

ББК 63.3(0)6
Н30

Ответственный редактор
академик Российской академии наук
П. В. ВОЛОБУЕВ

Рецензенты:
доктор исторических наук *Г. Ф. Матвеев*
кандидат исторических наук *Ю. Ф. Зудинов*
Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова

Н30 **Народная** демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944—1948 гг.— М.: Наука, 1993.— 344 с.
ISBN 5—02—010180—x

Привлекая большое количество ранее не опубликованных архивных материалов, авторы исследуют тот политический строй, который ранее мы называли «народной демократией». Изучив различные аспекты развития Восточноевропейских стран в первые послевоенные годы они приходят к новым, неоднозначным выводам.
Для историков, широкого круга читателей.

Н $\frac{0503030000-051}{042(02)-93}$ —93, I полуг. ББК 63.3(0)6

© Т. В. Волокитина, 1993
© Г. П. Мурашко, 1993
© А. Ф. Носкова, 1993
© Российская академия наук, 1993

ISBN 5—02—010180—x

«...В каждой европейской стране, освобожденной от нацистов, неизбежно возникнет борьба за новые условия, политическая борьба за власть, идеологическая борьба... Это обязательно должно пройти везде...»

Эдуард Бенеш, президент Чехословацкой Республики (декабрь 1944 г.)

К ЧИТАТЕЛЮ-СОВРЕМЕННИКУ
(вместо введения)

Политические перемены в странах Восточной Европы на рубеже 80—90-х подвели черту под четырьмя десятилетиями существования авторитарно-тоталитарных режимов, стержнем которых была монопольная власть коммунистических партий. Как и после второй мировой войны, общество этих стран вновь стоит перед проблемой ухода от тоталитаризма и ищет пути движения к демократии.

Несмотря на то, что история не знает простого повторения пройденного, историческая память, естественно, обращается к прошлому в поисках аналогий и сравнений. В связи с этим неслучаен в нашей исторической науке всплеск внимания к первым послевоенным годам развития стран Восточной Европы[1], этапу, получившему тогда название народной демократии* и вошедшему под этим названием в историческую литературу бывших социалистических стран.

Созданная за сорок с лишним лет обширная историческая литература по народной демократии была подчинена обслуживанию одной из магистральных идей ленинской теории перехода к социализму, а именно идеи перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Основанная на ограниченном, с четкой идеологической заданностью подбора и интерпретации материале эта историография, как и коммунистическая доктрина, оказалась «опрокинутой» крахом мира социализма на рубеже 80—90-х годов[2]. Утратили смысл и многолетние схоластические дискуссии обществоведов по вопросу: имел ли место в первые послевоенные годы период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую или народная демократия была «особой формой диктатуры проле-

* Термин «народная демократия» родился в коммунистическом движении в период испанской революции 1931—1939 гг. Его содержание связывалось с возникновением «парламентской республики нового типа», являющейся особым государством, где власть будет принадлежать коалиции антифашистских сил, включая «левую часть буржуазии», входившую в Народный фронт, который в свою очередь будет иметь решающее влияние в обществе.

тариата», установленной в странах Восточной Европы сразу по завершении войны или на ее заключительном этапе[3]. Что касается литературы, созданной за пределами восточного блока, то определение первых послевоенных лет в странах Восточной Европы как народной демократии в настоящее время отвергается. Содержание этого периода (при многих оттенках позиций разных исследователей) в главном сводится к коммунистическому насилию прежде всего извне, со стороны СССР, и связывается с деятельностью его военных, политических и репрессивных органов[4]. Эти диаметрально противоположные тенденции в историографии являются отражением многолетнего идеологического противостояния в послевоенном биполярном мире.

Сегодня, когда исчез смысл идеологического противостояния и «берлинская стена» в науке рухнула, перед исследователями встает задача нового осмысления этого периода. Ученым и Запада и Востока предстоит, освободившись от идеологического «панциря», сковывавшего научный поиск и задававшего последнему изначально однолинейную направленность, переосмыслить уже накопленный фактический материал, обогатить информационную основу исследований ранее недоступными архивными документами. Это позволит выяснить, какие же реальности имели место во второй половине 40-х годов в общественном развитии стран Восточной Европы, какие внутренние и внешние факторы, находившиеся в теснейшем взаимовлиянии и взаимозависимости между собой, породили этот особый этап в истории стран рассматриваемого региона.

Стремление видеть послевоенную историю стран Восточной Европы как многогранный и противоречивый процесс привело авторов данной работы к необходимости проанализировать реально существовавшие в то время и воспринимавшиеся различными силами общества концепции общественного развития и определить комплекс внутренних и внешних причин, обусловивших к 1948 г. победу альтернативы, предлагавшейся коммунистами.

Необходимость изучения всего многообразия концепций, выдвигавшихся в 40-е годы, диктуется и развитием современной ситуации в Восточной Европе, где после искусственной нивелировки общественной жизни, ограничения ее формулой «морально-политического единства» стало реальностью возрождение многих идейных концепций тех политических сил, которые были насильственно удалены с общественной арены на рубеже 40—50-х годов. 1989—1990 гг. еще раз и весьма убедительно свидетельствуют, что социально-политическое столкновение 1944—1948 гг. отнюдь не было «борьбой теней».

При взгляде с исторической дистанции совершенно очевидно, что шла реальная борьба реальных политических сил за утверждение предлагаемых ими концепций общественного развития. За каждой из них стояли не только крупные обществен-

ные группы внутри страны с их социальными потребностями и политическими устремлениями, но и конкретные внешнеполитические силы, интересы которых сталкивались в Восточноевропейском регионе. Здесь на смену довоенной борьбе за влияние Англии, Франции и Германии пришло и стало прямо воздействовать на внутреннюю ситуацию нараставшее новое противостояние — СССР и США, поддерживавших силой своего международного авторитета, опираясь на послевоенные международно-правовые инструменты (соглашения, договоры, совместные декларации и т. п.) и армию, конкретных носителей той или иной альтернативы. Борьба последних не была особенностью только Восточноевропейского региона. На рубеже войны и мира она развернулась практически на всем Европейском континенте.

Историчность подхода, многомерность картины или явления проявятся в том лишь случае, если мы не просто поставим вопрос об альтернативах, но и объясним, вскрывая причины, почему именно та, а не иная из предложенных альтернатив оказалась реализована. На этом вопросе хотелось бы заострить внимание читателя, ибо он связан прежде всего с трактовкой воздействия «советского фактора» на внутренние процессы в странах региона. Специфика ситуации в Восточной Европе заключалась в том, что здесь международно-правовые итоги войны (Ялтинские и Потсдамские договоренности, советско-чехословацкий, советско-польский, советско-югославский договоры 1943 и 1945 гг., а также соглашения о перемирии с Болгарией, Венгрией и Румынией) открывали для СССР возможность прямого воздействия на развитие внутриполитических процессов. Для этого Советский Союз располагал целым рядом рычагов: присутствие частей Красной Армии в большинстве стран региона, исключая Албанию, Югославию, а с декабря 1945 г. и Чехословакию; функционирование сети советских военных комендатур; решающую роль в союзных контрольных комиссиях в Болгарии, Венгрии и Румынии; использование системы политических, экономических и военных советников, ядром которой выступали посольства и представительства СССР; участие оперативных групп НКВД с широким спектром действий в «регулировании» общественной жизни.

Долгое время в советской исторической литературе воздействие «советского фактора» на внутренние процессы в странах Восточной Европы рассматривалось лишь в общем и только позитивном плане. События 1989—1990 гг. выдвинули проблему «советского фактора», его роли в послевоенной истории региона в центр общественного внимания. Все более широкое распространение стала получать интерпретация внутренних процессов в странах Восточной Европы в 1944—1948 гг. как «натягивания советского пиджака» на восточноевропейские «плечи», как насильственное «одевание» восточноевропейских стран в новые одежды, создателем которых, «портным», был Советский Союз[5].

Наблюдается не только абсолютизация присутствия СССР и снижение (вплоть до полного выведения за скобки) влияния западных держав на течение внутренних процессов в регионе, происходит по сути дела игнорирование социальных корней и внутренних предпосылок утверждения леворадикального направления в общественных настроениях и установления монопольной власти компартий во второй половине 40-х годов.

Думается, что историческая дистанция позволяет увидеть более объективную и более сложную картину советского влияния в регионе. Но при этом важно избежать не только простой смены цвета с белого на черный, но и недооценки роли внутренних предпосылок, обуславливавших то или иное направление исторического развития. Сегодня с высоты 90-х годов, когда завершился целый этап в развитии Восточноевропейского региона, очевидной становится методологическая несостоятельность оценок воздействия внешнего фактора на внутренние процессы как абсолютно самостоятельного, некорректируемого этими процессами, а исключительно задающего им соответствующее интересам внешних сил направление. Как следствие этого, встает задача устранения дисбаланса в воссоздании и интерпретации истории. Это тем более важно, что внешний фактор вряд ли можно рассматривать как некую всегда постоянную величину, действующую только в одном и том же направлении и только согласно изначальному замыслу тех или иных политических сил и их лидеров.

К объективности трактовки послевоенного исторического развития Восточной Европы, когда его субъектами стали крупные, главным образом малоимущие и неимущие социальные группы общества, нельзя приблизиться без изучения и учета их общественных интересов и политических устремлений. Этот внутренний фактор необходимо постоянно иметь в виду, ибо именно период 1944—1948 гг. характеризовался особенно высокой политической активностью различных социальных слоев, массовых движений и партий.

Сегодня некоторые исследователи выражают сомнения или полностью отрицают правомерность использования термина «народная демократия» для характеристики определенного периода послевоенного развития стран Восточной Европы. Они исходят из убеждения, что в это время в регионе складывались и функционировали тоталитарные режимы по советскому образу и подобию, о «народности» и «демократичности» которых говорить попросту неуместно[6]. Народная демократия предстает в таком случае как очередной миф, заслуживающий развенчания и осуждения.

Несомненно, что события 1989—1990 гг. в Восточной Европе заставляют исследователей вновь размышлять об адекватности и правомерности тех или иных характеристик, т. е. о соответствии понятия содержанию. Но уточнения и изменения не могут возникать на сугубо эмоциональной или политически конъюнк-

турной основе, а должны являться итогом тщательного и всестороннего изучения. Это в полной мере относится и ко второй половине 40-х годов в истории стран Восточной Европы. Чтобы понять содержание этого этапа, надо, по нашему мнению, проанализировать следующий круг проблем:

— расстановка социальных сил и их идейно-политические ориентиры на рубеже войны и мира;

— концепции общественного развития, предлагавшиеся различными партиями и группировками, действовавшими на послевоенной политической арене;

— течение политической борьбы, развернувшейся вокруг концепций послевоенного развития, и факторы, обусловившие ее итоги;

— социальная база и идейно-политические носители левого радикализма;

— состояние восточноевропейского рабочего движения в 1947—1948 гг.;

— идейно-политический поворот в международном коммунистическом движении. Роль Коминформбюро в утверждении унитарной концепции послевоенного развития на базе советской модели;

— воздействие внешнего фактора на внутренние процессы стран Восточной Европы в 1944—1948 гг.

Изучение этих проблем с привлечением новых архивных материалов сможет приблизить нас к ответу на вопрос, какое же реальное состояние общества было наименовано народной демократией.

Что касается географии исследования, то авторский коллектив строит свой анализ, оперируя материалами Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии. «Изъятие» материала, характеризующего развитие советской зоны оккупации Германии в 1945—1948 гг., продиктовано тем, что деятельность внутренних сил здесь строго регламентировалась советской военной администрацией и была формально и фактически лишь вторичным, производным фактором.

Поиск и введение в научный оборот новых источников рассматривались авторским коллективом как задача первостепенная.

Благодаря конструктивным позициям руководства Архива внешней политики Российской Федерации МИД Российской Федерации и руководства ряда архивохранилищ Болгарии, Польши и Чехо-Словакии, авторский коллектив получил возможность ознакомиться и использовать чрезвычайно важные для понимания послевоенных общественных процессов в Восточной Европе документы партийных и государственных органов. Использована также коллекция документов ТАСС за 1944—1948 гг., хранящаяся в ЦГАОРе, а также некоторые материалы из фондов Российского центра хранения и изучения документов по новейшей истории. Многие архивные документы, прежде всего советские, вводятся в научный оборот впервые. При написании рабо-

ты авторы опирались на материалы такого важнейшего источника, как пресса различных политических направлений.

Авторы глубоко признательны всем коллегам — историкам, принимавшим участие в обсуждении рукописи этой книги. Особую благодарность мы выражаем Ешичу М. Б. (Институт национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации), Дмитренко В. П. (Институт российской истории РАН), Маковецкой Т. Ф., Орехову А. М., Стыкалину А. С. (Институт славяноведения и балканистики РАН) за их советы и замечания, Ермаковой Д. А. (Институт славяноведения и балканистики РАН), взявшей на себя научно-организационную и техническую работу по подготовке книги.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

НА РУБЕЖЕ ВОЙНЫ И МИРА: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОЗИЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИЛ

Завершение второй мировой войны открывало новый этап в истории Европы. В экономической сфере предстояло восстановить хозяйство, разрушенное войной, и провести его демилитаризацию. В политической жизни речь шла о переходе от фашизма и авторитарных диктатур, утверждение которых во многих европейских странах происходило в 20—30-е годы, к демократической организации общества, что декларировалось различными социально-политическими силами.

И та и другая задачи по сути своей были общенациональными. За их неотложное решение выступало в подавляющей части стран континента большинство наций. Уникальность послевоенной ситуации заключалась в том, что в отличие от межвоенного времени социально разнородные слои общества из объекта политики все более превращались в ее активного субъекта. Это был не только результат их участия в антифашистской борьбе, не только следствие экстремальной ситуации послевоенной разрухи, но и особого состояния социальной психологии масс, вызванного открывшимися возможностями для исторического перелома в жизни общества.

Данное обстоятельство очень точно было зафиксировано английским исследователем Р. Милибендом, который, характеризуя настроения европейского общества на рубеже войны и мира, писал: «Парадокс войны сам по себе был очень важным фактором формирования „народного радикализма". То, что война велась не просто против Германии или Италии... а против фашизма, придало ей яркую идеологическую окраску — на первый план была выдвинута защита демократических ценностей и прославление простого человека. Вступление России в войну и ее упорное сопротивление усилило эту идеологическую окраску — восхищение Россией переплелось с совершенно новым интересом к социальной и экономической системе, в условиях которой были организованы военные усилия России. Вступление Америки в войну не стало противодействующим фактором. Америка также способствовала росту „народного радикализма"»[1].

«Народный радикализм» послевоенной Европы делал по существу невозможным здесь простое возвращение к довоенным структурам даже в их демократическом варианте (например Чехословакия, Франция). И в Восточной, и в Западной Европе борьба за возрождение государственного суверенитета, отодви-

нув на второй план социальные антагонизмы в тех формах, в каких они существовали до войны, снивелировала противоречия и консолидировала значительную часть общества на решение задач, общих для нации. Открывалась возможность избежать острого противостояния вплоть до вооруженного конфликта крупных социальных групп. Общественное развитие через последовательные реформы неизбежно приобретало качественно новое содержание как в Западной (например, Франция, Италия, Австрия, Бельгия и др.), в Северной (например Финляндия, Дания), так и в Восточной Европе.

Движение (хотя и с разной степенью интенсивности) шло в направлении утверждения экономической демократии через развитие многосекторной экономики с расширявшимися позициями государственного сектора. Это отражало уровень развития мировой экономической мысли и настроения широких масс, видевших в сильном государстве гаранта своей социальной стабильности и защищенности от власти монополий. Шел процесс формирования структур гражданского общества на базе политического плюрализма и коалиционного характера власти, создававшейся «на максимально широкой парламентской основе»[2]. Это был процесс, характерный для подавляющего большинства стран Европы.

Европа уходила от того капитализма, который в сознании большинства европейцев закономерно ассоциировался с глубоким структурным кризисом рубежа 20—30-х годов, с массовой безработицей и растущей социальной дифференциацией, с фашизмом и авторитарными режимами, со второй мировой войной. Европейский капитализм межвоенного образца как строй, неспособный обеспечить нормальное и прогрессивное социально-экономическое развитие нации, был серьезно скомпрометирован. Главным направлением послевоенного развития Европы виделось движение от фашизма как правой разновидности тоталитаризма через антифашизм к демократии и социальному прогрессу.

В этом же русле шли и общественные перемены в Восточной Европе, где стало возможным возникновение особого исторического явления, получившего название «народная демократия». Ситуация в этом регионе имела свою специфику, обусловленную как предшествующим внутренним развитием стран «второго эшелона» капитализма, так и геополитическим положением региона на континенте. Компрометация капитализма была здесь более глубокой, чем в Западной Европе. Экономический кризис рубежа 20—30-х годов, разрушительные последствия которого экономически развитыми странами были преодолены путем усиления государственного регулирования («новый курс» Ф. Рузвельта) или милитаризации экономики (Германия), в странах Восточной Европы привел к иным последствиям. Правящие круги этих стран, политический авторитет которых базировался на их лидерстве в создании независимых национальных государств, продемонстрировали неспособность самостоятельно преодолеть последствия

кризиса. Результатом стало усиление экономической и политической зависимости от Англии, Франции и, что особо следует подчеркнуть, от Германии. Одним из негативных следствий этого были в годы второй мировой войны утрата или ограничение государственного суверенитета, что не могло не повлечь за собой ущемление национальных чувств, роль которых в формировании массового общественного сознания в государствах рассматриваемого региона была чрезвычайно велика.

Для понимания сущности политических процессов в послевоенном европейском обществе принципиально важное значение приобретает осознание их прямой зависимости от социальной структуры общества и обусловленности социокультурными характеристиками населения.

Основу западноевропейского общества составляли уже сформировавшиеся новые социальные группы — промышленная и аграрная буржуазия, промышленный рабочий класс, освоивший школу индустриального производства, крестьянство, интеллигенция и средние городские слои, включенные в систему капиталистических товарно-денежных отношений. Добуржуазные слои занимали здесь весьма незначительное место и в производственном процессе и в социальной структуре. Не они определяли лицо общества. Мера воздействия их настроений на политическую сферу была ограничена.

В странах же Восточной Европы (за исключением Чехословакии, которая в этом плане тяготела к Западной Европе) социальный облик общества был в значительной мере доиндустриальным, а развитие капитализма было деформировано весьма сильными добуржуазными экономическими структурами. Здесь преобладал «дотоварный» (добуржуазный) тип работника. Абсолютное большинство составляло крестьянство. Фабричный рабочий межвоенного времени все еще оставался «новобранцем индустриализации», только что вышедшим из деревни и добуржуазных городских слоев и не утратившим связей с прежней социальной средой.

Центральное место в настроениях этих групп населения занимала идея уничтожения всевластия крупного капитала и выравнивания, прежде всего экономического, положения членов общества. Для крестьян это был передел земельной собственности, для рабочих — участие в контроле над производством и обеспечение социальной защищенности со стороны государства, для мелких производителей города — обеспечение их экономической стабильности путем ликвидации засилья монополий. В немалой степени через призму таких социально-психологических стереотипов эта пестрая неимущая и малоимущая часть общества и представляла себе послевоенное устройство. Социально-политические ориентиры общественных групп, обнищавших в годы войны, несли в себе значительные элементы социальной психологии маргинальных слоев, склонных к радикальной революционности, экстремизму, несовместимыми с демократическими решениями

общественных проблем. На таком фоне не могло не возникнуть противоречия между объективными потребностями общества в движении к демократии и реальными возможностями этого движения.

Не меньшее воздействие на общественные настроения во всей послевоенной Европе в отношении капитализма и отрицания его как строя оказало возникновение фашизма в недрах такой капиталистически развитой страны как Германия. Причем, если в межвоенный период восприятие фашизма и родственных ему авторитарно-тоталитарных режимов в общественном сознании было неоднозначным (от полного отрицания до прямой и активной поддержки вплоть до времени его крушения), то национальные катастрофы периода войны сделали антифашистские настроения массовыми. Антидемократические режимы в странах Восточной Европы прямо или косвенно, политически или генетически связанные с фашизмом, стали восприниматься в оккупированных странах как прямые виновники утраты государственного суверенитета, а в странах-сателлитах фашистской Германии — как виновники трагедии втягивания в войну и поражения в ней.

Антифашизм объединил весь спектр социально-политических сил, в том числе и их леворадикальный фланг в лице компартий, которые в большинстве стран региона были легитимированы своим участием в движении Сопротивления и вступили на послевоенную политическую арену как составная часть коалиционной власти. Политические же носители идеи прямого восстановления довоенных порядков в значительной мере утратили свое влияние.

Но, отмечая изменения в расстановке социально-политических сил в пользу демократии как центрального направления общеевропейского развития, следует видеть и принципиальную особенность Восточноевропейского региона.

Парадокс истории заключался в том, что здесь гарантом, который должен был обеспечить реализацию этого центрального направления, стало по итогам второй мировой войны тоталитарное государство — Советский Союз. Этим закладывалось еще одно противоречие между тенденцией к демократическому развитию и фактическими возможностями ее реализации в Восточной Европе. Разрешение этого противоречия должно было произойти в ходе внутриполитической борьбы и развития ситуация на международной арене.

Глава 1

ДОВОЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ ПОСЛЕВОЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ни в одной из стран Восточной Европы к моменту освобождения от фашизма довоенная политическая элита не смогла (в силу разных причин) сохранить свои прежние позиции в обществе.

Наиболее далеко идущие перемены произошли в Албании и Югославии, где довоенные правящие круги практически оказались лишенными возможности исполнять властные функции в системе новых органов управления, возникавших в процессе освобождения этих стран от фашистской оккупации.

В Югославии это было итогом сложного размежевания сил в многонациональном и конфессионально разнородном обществе в процессе борьбы за восстановление государственного суверенитета. Происходившее тогда политическое размежевание было обусловлено рядом факторов. В их числе следует прежде всего выделить отношение к оккупации и расчленению страны государствами фашистского блока, к созданию под их эгидой Независимой державы Хорватия и инспирированного нацистами квислинговского режима в Сербии (правительство М. Недича). Это был один «план» в размежевании общества посткоролевской Югославии.

Был и другой, более глубокий «план»: размежевание внутри социально-политических сил, которые выступали за восстановление национальной независимости и территориальной целостности Югославии как многонационального государства. Водоразделом здесь служило отношение к эмигрантскому королевскому правительству и политическим группировкам, поддерживавшим его великосербские концепции восстановления Югославии на довоенных основах, и к той массовой, подлинно народной войне за независимость, которая развернулась в стране под руководством коммунистов. Несмотря на совершенно очевидный полицентризм происходившего размежевания, определяющей стала резкая политическая дифференциация среди тех, кто не принял оккупации. В итоге произошло очевидное ослабление позиций важнейших партий, действовавших в межвоенное время. Даже английская печать, которую трудно заподозрить в симпатиях к коммунистам, вынуждена была признать, что эмигрантское правительство представляло «режим нескольких сотен человек, очень сильно скомпрометированных своим прошлым... Сопротивление внутри страны развивается независимо от правительства...»[1]. В обстановке острой конфронтации с КПЮ представители различных кругов, поддерживавших королевское правительство, оказались лишенными возможности войти в структуры власти, формировавшейся КПЮ на освобожденных территориях. В Национальном комитете освобождения Югославии (НКОЮ),

сформированном в ноябре 1943 г., все ключевые позиции принадлежали коммунистам[2]. И хотя наряду с ними в НКОЮ входили отдельные представители других партий и групп, но, по мнению югославского исследователя Б. Петрановича, это были лица, которые «приняли программу Народно-освободительного фронта, участвовали в борьбе против оккупантов и часть из них уже изменила свой прежний партийный статус, но рассматривалась еще по старой партийной принадлежности»[3].

Решения II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), лишавшие эмигрантское правительство всяких прав и запрещавшие королю Петру возвращение в страну, возникновение НКОЮ следует рассматривать как создание тех государственно-организационных структур, которые были призваны обеспечить под общенациональными лозунгами монополию КПЮ на политическую власть[4].

Возникновение структур новой государственности отнюдь не означало снятия претензий на участие во власти тех политических сил и партий, которые в годы войны заняли однозначно антикоммунистические позиции. Здесь следует назвать прежде всего Демократическую партию, возглавлявшуюся М. Гролом. Выражая интересы великосербских кругов торговой и промышленной буржуазии, эта партия в годы войны активно поддерживала «королевскую освободительную армию» — четников Д. Михайловича. В эмиграции ее представители являлись одной из главных опор королевского правительства. Идея возвращения короля Петра в страну долгое время составляла основу программных установок Демократической партии. В конкретной послевоенной ситуации ее лидеры готовы были пойти на некоторое ограничение деятельности крупного капитала, но при этом требовали строгого «уважения частной собственности»[5].

С более либеральных позиций выступала Радикальная партия. Она представляла интересы тех кругов общества, которые, понимая неизбежность послевоенных реформ, видели свой идеал в принципах «полной свободы и демократии» по образцу западных демократий[6].

С идеями реформирования послевоенного общества выступала и часть политиков Хорватской крестьянской партии. Либеральное крыло ХКП было представлено такими деятелями как И. Шубашич, Ю. Шутей. Эта группировка видела будущее в политике, основанной на проведении либеральных экономических и политических реформ, рассматривая последние как важнейшее средство изоляции коммунистов в обществе[7].

Серьезным влиянием располагала католическая церковь, особенно в Хорватии, Словении, Воеводине, Боснии и Герцеговине. В период оккупации она открыто поддерживала создание независимого хорватского государства и занимала резко отрицательные позиции в отношении КПЮ, открыто призывая «просто уничтожать» коммунистов[8].

Сохраняли свое влияние сторонники независимого хорватского государства, а также монархисты, выступавшие за восстановление королевского режима*. Но объем и масштаб их социальной поддержки были недостаточны, чтобы обеспечить реальное участие во власти.

Политические позиции сил, противостоявших коммунистам, ослаблялись рядом объективных факторов. Во-первых, ни за одной из вышеназванных партий и политических группировок не имелось такого высоко котировавшегося в первые послевоенные годы нравственно-национального «багажа», как бескомпромиссная, последовательная вооруженная борьба против оккупантов. Во-вторых, все эти партии и группировки действовали, как правило, в региональных или национальных рамках. Они не располагали общегосударственным организационно-политическим центром внутри страны и не могли выдвинуть общую для всей страны политическую программу послевоенного развития. Их курс базировался в значительной мере на наличии в югославском обществе острых национальных противоречий, шовинистических и националистических настроений [10].

Единственным стержнем, вокруг которого могли объединиться различные политические силы, не принимавшие новую власть, мог стать антикоммунизм. Но в конкретных условиях Югославии рубежа войны и мира успешно использовать антикоммунизм для прорыва к власти было малореальным. Перспективу могла иметь консолидация общества на антифашистских и патриотических основах и широкая демократическая коалиция. Решающую роль для превращения перспективы в реальность (оказавшуюся на практике кратковременной) сыграла поддержка некоммунистических партий со стороны западных союзников по антигитлеровской коалиции. Отражением этой поддержки стали состоявшиеся в июне, ноябре и декабре 1944 г. переговоры лидера КПЮ И. Б. Тито и премьер-министра эмигрантского правительства И. Шубашича.

Важно заметить, что английская печать акцентировала внимание именно на внутриполитических причинах соглашений Тито — Шубашич. «Обсервер» писала 14 января 1945 г.: «...речь идет не о разногласиях между королем и кабинетом, а между движением национального освобождения и представителями старых политических партий. Старые партии отвергают претензию движения Сопротивления на то, что оно поглотило все прежние партии и что таким образом только оно одно полностью представляет все течения югославского общественного мнения. В особенности против этого возражают ХКП и Сербская демократи-

* Без поддержки со стороны населения вряд ли бы длительное время, вплоть до 1946—1947 гг., могли существовать и действовать 15 тыс. четников в Боснии и Сербии, 15—20 тыс. крижар (крестоносцев) в Хорватии, Боснии и Герцеговине, которые совершали террористические акты против сторонников новой власти [9].

ческая партия, которые утверждают, что свободные выборы докажут, что они не утратили своей опоры в народе».

Достигнутым в ходе переговоров соглашением предусматривалось фактическое устранение королевской власти; формирование единого временного коалиционного правительства, в состав которого наряду с представителями НКОЮ должны были войти и буржуазные политики, в том числе и представители эмигрантских кругов. По сути дела речь шла о допуске к власти двух крупных партий: Демократической и Хорватской крестьянской в лице их лидеров (М. Грол получил пост вице-премьера, И. Шубашич — пост министра иностранных дел, Ю. Шутей — пост министра без портфеля)[11]. Кроме того, была достигнута договоренность о свободной деятельности политических партий и групп, незапятнанных коллаборационизмом.

Реалистичным представляется вывод французского обозревателя Ж. Форга о внутриполитических, стабилизирующих ситуацию итогах состоявшихся соглашений: «Маршалу Тито вновь удалось воссоздать единство народов Югославии... он сумел сгруппировать вокруг себя представителей всех партий, объединенных чувством ненависти к немцам»[12].

Опираясь на этот вывод, можно, по-видимому, говорить и о появившихся контурах либерально-демократической альтернативы послевоенного развития Югославии. Однако оформление этой альтернативы могло стать реальным только при условии изменения соотношения внутренних социально-политических сил в пользу сторонников либеральной демократии, вошедших в правительство, и расширения их поддержки в обществе.

Анализируя расстановку сил в албанском обществе, исследователи нередко склонны толковать события в этой стране как некий сколок ситуации в Югославии. Однако Албания имела свою и притом весьма существенную специфику.

Итальянская оккупация страны в апреле 1939 г. не повлекла за собой сколь-нибудь массового вооруженного организованного сопротивления, хотя еще с итало-греческой войны существовали отдельные вооруженные отряды, возглавляемые лицами разной политической ориентации (националисты, противники короля Зогу, коммунисты)[13]. Импульс к активизации антиоккупационных настроений в Албании был дан началом Великой Отечественной войны советских народов против Германии и развернувшейся с середины 1941 г. народно-освободительной борьбой в Югославии. Вплоть до германской оккупации Албании в августе 1943 г. наиболее крупными политическими силами, претендовавшими на лидерство в движении Сопротивления, были возникшая в ноябре 1941 г. компартия, ставшая инициатором создания Национально-освободительного фронта, через который осуществлялось взаимодействие КПА с различными партизанскими группами некоммунистической ориентации, и массовая организация «Балли Комбетар», объединявшая представителей крупных землевладельцев, крестьянства, духовенства, части интеллигенции и

рассматривавшая себя как противовес Национально-освободительному фронту[14].

Осенью 1943 г. оформилась еще одна достаточно влиятельная политическая организация «Легалитет». Она была создана представителями албанских феодалов — байрактаров, выступала за восстановление «законной» власти короля Зогу и открыто противостояла коммунистам и НОФ. И «Балли Комбетар» (республиканцы) и «Легалитет» (монархисты) были едины в стремлении восстановить Албанию «в этнических границах», во имя чего признавали необходимость политического взаимодействия разных группировок, исключая коммунистов, лидер которых «Энвер Ходжа продал Косово и Метохию* партизанам Тито»[15].

Германская оккупация Албании внесла существенные коррективы в политические позиции сторонников «Балли Комбетар» и «Легалитет». На сотрудничество с Германией пошли торговая буржуазия, байрактары, католическое духовенство, которые надеялись с помощью немецких войск «навести порядок в стране». Гитлеровцы, используя популярную в албанском обществе идею создания «Великой Албании в этнических границах», привлекли на свою сторону вооруженные формирования баллистов и «Легалитет»[16]. Единственной силой, которая не имела намерений сотрудничать с германским командованием, была КПА, оказавшаяся перед единым фронтом коллаборационистов и оккупантов. Выход советских войск на Балканский полуостров заставил немецкое командование начать отвод своих дивизий с территории Албании и открыл возможность активизации боевых действий национально-освободительной армии, руководимой коммунистами. В ноябре 1944 г. вся Албания была освобождена, антифашистский Национально-освободительный комитет НОФ был преобразован во Временное демократическое правительство, из одиннадцати членов которого семь были коммунистами и четверо беспартийными[17]. Сотрудничество же политических деятелей, представлявших интересы правивших ранее социальных групп, с германскими оккупантами, фактически перекрыло возможность их участия в системе новой власти.

Итак, в Югославии и Албании к концу войны произошло оттеснение с политической авансцены подавляющей части прежних правящих кругов. Тем самым они лишались возможности определять направление послевоенного общественного развития. В такой ситуации представители этих кругов видели свою главную задачу в восстановлении во многом утраченных политических позиций сверху, через вхождение в коалицию с коммунистическими и прокоммунистическими силами.

Задача перехвата власти, хотя во многом по иным причинам, встала на исходе войны и перед лидерами «лондонского» лагеря

* В ходе германо-итальянской оккупации Югославии в апреле 1941 г. районы Косово и Метохии, населенные преимущественно албанцами, были присоединены к Албании, включенной на основе «личной унии» в итальянскую империю в апреле 1939 г.

Сопротивления в Польше, получившего свое название по месту пребывания эмигрантского правительства. Специфика ситуации в этой стране состояла в том, что всеобщее противостояние оккупантам стало главной чертой, определявшей политико-психологический климат в обществе. Социальные и межпартийные противоречия отошли на второй план. Открылась реальная перспектива объединения различных социально-политических сил на общей, национально-патриотической платформе.

Уникальность ситуации в Польше состояла не только в факте высокого национального подъема и широкого патриотического движения, но и в том, что в одном национально-политическом антигитлеровском лагере объединились социально разнородные и политически еще недавно враждующие силы. Готовность к сотрудничеству с национальной демократией (эндеками), а также с «санацией», продемонстрировали лидеры демократической оппозиции из находившихся на левом общественном фланге рабочей Польской социалистической партии (ППС) и крестьянского Стронництва людового (СЛ). Блоком этих сил было создано польское правительство и воинские части в эмиграции, представительство правительства в оккупированной стране (Делегатура), система государственных и военно-политических структур в подполье («подпольное государство»)[18].

За пределами этого лагеря Сопротивления остались лишь крайне правые (фашистские и профашистские мелкие группировки) и составлявшие безусловное меньшинство в обществе леворадикальные, неорганизованные поначалу силы (коммунисты, часть социалистов и деятелей крестьянского движения — людовцев).

Правый фланг «лондонского» лагеря занимали две крупные политические силы, пользовавшиеся поддержкой не только имущей части общества, но и доверием интеллигенции, мелких и средних городских слоев, части рабочих и крестьян. Одна из этих сил — «санация», итогом внутренней и внешней политики которой стала сентябрьская катастрофа 1939 г. и ощутимое падение ее влияния в обществе. Тем не менее, не утратив полностью былой популярности, она смогла занять весьма важные позиции в эмигрантском правительстве и выступила главным организатором подпольной Армии Крайовой. Другой крупной политической силой являлась эндеция — влиятельное движение, имевшее сторонников среди разных социальных слоев, включая рабочий класс и особенно крестьянство. Самой значительной организацией эндеции было Стронництво народове (СН), которое выступало по сути дела за консервацию социальных порядков, за довоенные восточные границы, было воинствующе антикоммунистическим и антисемитским. Во внешнеполитической ориентации СН традиционным было антигерманское направление, что и обеспечило достаточно высокий «ранг» эндеков и в формирующемся эмигрантском правительстве, и в политических подпольных структурах «лондонского» лагеря.

Клерикальные, оппозиционные «санации» и дистанцирующие от эндеции круги польского среднего предпринимательства, части интеллигенции и рабочего класса составляли христианско-демократическую ветвь политических сил, представителем которых являлось Стронництво працы (СП)[19], располагавшее достаточно скромным влиянием в обществе. Важнейшую роль в том, что представители польской политической элиты удерживали контроль над развитием внутренних процессов в оккупированной стране, сыграл внешний фактор.

Заключение советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., подписание противоправных секретных протоколов о фактическом разделе Польши, последовавшее затем неспровоцированное польской стороной вступление Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию 17 сентября 1939 г., наконец, подписание «Договора о дружбе и границах между СССР и Германией» от 28 сентября 1939 г. были восприняты польским обществом как четвертый раздел Польши. Это нашло свое выражение в консолидации подавляющей части масс вокруг эмигрантского правительства и связанных с ним подпольных структур для борьбы за независимость и против Германии, и против СССР.

Происшедший осенью 1939 г. подъем устойчивых и до войны антисоветских и антикоммунистических настроений обусловил принципиальное отличие ситуации в Польше от ситуации в других оккупированных странах Восточной Европы. Вплоть до нападения Германии на СССР было невозможным восприятие в Польше иной концепции борьбы за независимость, чем ориентация на западные державы.

Ситуация в корне изменилась после 22 июня 1941 г., когда не только рухнул союз Сталина и Гитлера, важнейшим элементом которого была антипольская направленность, но и последовало предложение СССР Польше о взаимодействии в войне против Германии. Правительство СССР признало «советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»[20].

Но подавляющая часть политических деятелей «лондонского» лагеря стойко придерживалась антисоветских позиций. Одной из важнейших причин, воздействовавших на устойчивое сохранение в польском обществе достаточно высокого уровня антисоветских настроений, были массовые депортации польского населения в 1939—1941 гг. из западных районов в глубь СССР, гражданская дискриминация поляков, физическое уничтожение значительной части интернированных польских офицеров[21]. В таких условиях предложение обществу концепции борьбы за независимость опираясь на союз с СССР и противостояние СССР не могло встретить заметной поддержки.

Более того, коренное изменение в 1943 г. ситуации на советско-германском фронте, приближение Красной Армии к границам Польши не повлекли за собой решительных изменений в

позиции подавляющего большинства общества по центральному вопросу конфликта с СССР — о восточной границе. СССР продолжал рассматриваться эмигрантским правительством лишь как союзник западных союзников Польши.

На завершающем этапе войны произошла существенная радикализация социальных настроений польского населения и политические лидеры «лондонского» лагеря удовлетворили общественные запросы в этом направлении. В марте 1944 г. под давлением социалистов и людовцев была принята демократическая программа послевоенного возрождения Польши. Будущее государство объявлялось парламентской республикой с сильным центром (правительством) и значительной ролью местного территориального, экономического и профессионального самоуправления. Были декларированы социально-экономические реформы — обобществление через передачу государству ключевых отраслей промышленности, транспорта, связи, финансов; аграрная реформа (изъятие земель, превышающих 50 га, вопрос о выкупе и компенсации откладывался); развитие кооперации и охрана среднего и мелкого производства, торговли, ремесла. Таким образом, в сфере экономики, которую предполагалось вести по плану, государство расширяло свои руководящие и контролирующие функции. Чрезвычайно важным политически, имея в виду конфликт с СССР, было присутствие в декларации пункта о предоставлении национальным меньшинствам полного равноправия. Что касается внешнеполитической сферы, то здесь исходные постулаты остались прежними — территориальная целостность Польши в довоенных границах как условие и принцип нормализации отношений с СССР, союз с западными державами [22].

Такая программа действий могла удовлетворить значительную часть общества как с точки зрения внутренней политики, так и особенно в подходах к отношениям с СССР.

Итак, на рубеже 1943—1944 гг. эмигрантское правительство оставалось весьма авторитетным среди населения. Оно олицетворяло собой жизненность Польского государства, признавалось западными державами, поддерживалось подпольными политическими центрами, в том числе и такими ключевыми, как созданная в начале 1944 г. Рада едности народовой (РЕН), в рамках которой осуществлялось взаимодействие объединенных общим пониманием национально-государственных интересов, но представлявших разные социальные слои четырех политических партий — СН, СП, СЛ и ППС-ВРН. «Лондонский» лагерь располагал и военной силой. Армия Крайова насчитывала летом 1944 г. 250 тыс. человек, из них 32 тыс.— под ружьем; армия людовцев состояла из 150 тыс. бойцов. На Западе участвовала в боях регулярная польская армия [23].

Важнейшим фактором, укреплявшим и стабилизировавшим положение лидеров «лондонского» лагеря Сопротивления, был костел. Настроенное глубоко патриотически католическое духовенство, авторитет и слово которого значили для большинства

рядовых поляков весьма много, было идейным и политическим союзником сил, объединившихся в этом лагере[24].

Вместе с тем в развитии внутренней и в особенности внешней ситуации Польши к началу 1944 г. произошли изменения, затруднявшие восстановление после освобождения власти эмигрантского правительства и легализацию подчиненных ему подпольных государственно-политических структур. На международной арене ситуация развивалась не в пользу эмигрантского правительства. Западные державы, продолжая поддерживать своего польского союзника, по сути дела отказали в удовлетворении его главного условия в споре с СССР — восстановление восточной границы по состоянию на 1 сентября 1939 г.[25] Советский Союз все более утрачивал интерес к нормализации разорванных весной 1943 г. отношений с польским эмигрантским правительством.

На рубеже 1943—1944 гг. произошли изменения и в политическом подполье. В стране организационно оформился еще один лагерь Сопротивления, ядром которого выступала Польская рабочая партия (ППР). Эта партия, объединив вокруг себя леворадикальное меньшинство социалистического, крестьянского, молодежного и профсоюзного движений, создала политическое представительство этих сил — Крайову раду народову. Польскому народу была предложена программа демократических преобразований, которая объективно не противоречила настроениям значительной части общества. Но решительное расхождение объединившихся левых сил с «лондонским» лагерем, с большинством польского общества было по вопросу отношений с СССР: ППР и КРН были единственной политической силой, признававшей законным сохранение западноукраинских и западнобелорусских земель за СССР[26].

Безоговорочная поддержка СССР лагеря КРН[27] могла свести на нет шансы «лондонского» правительства на легализацию в стране его политических структур. Учитывая это, «лондонское» руководство предприняло усилия по предотвращению установления власти КРН. Это была важнейшая политическая задача, которую попытались решить отряды АК[28]. Принимая участие в освобождении Волыни, Вильно, Львова, Белостока, Люблина и других пунктов, они пытались обеспечить легализацию политических структур Делегатуры в качестве единственных и законных. Но такой военно-политический шаг не принес предполагаемых результатов: отряды АК были разоружены советской стороной, те офицеры и часть солдат, которые отказались вступить в польские части, сражавшиеся вместе с Красной Армией, были арестованы*. Попытки органов Делегатуры встретить Красную Армию в качестве хозяев положения на местах также не удались[30]. Закончилось национальной трагедией и антифашистское

* В последней декаде июля 1944 г. аресту подверглись 2500 офицеров и солдат отрядов АК, действовавших на Люблинщине[29].

восстание в Варшаве летом — осенью 1944 г. Это была не только героическая борьба с оккупантами за их изгнание из города, но и отчаянная попытка ценой жизней сотен тысяч поляков продемонстрировать непризнание формирующейся на освобожденных землях власти КРН, вынудить Советский Союз * признать польское «подпольное государство» в качестве единственной власти в стране [32].

Итак, в середине 1944 г. в Польше налицо было двоевластие: с одной стороны, КРН и ее низовые звенья на освобождаемой территории — рады народове, поддерживавшиеся лишь меньшинством общества, но располагавшие такими союзниками, как СССР и Польская армия, пришедшая с Востока, с другой — эмигрантское правительство и подчиненная ему административно-политическая и военная сеть в подполье, облеченные доверием большинства поляков. Две власти имели и два подхода к национально-государственным интересам. ППР и КРН (и в 1943, и в 1944 гг.), осознавая слабость своего влияния, не исключали варианта ликвидации двоевластия путем далеко идущего компромисса (прежде всего с демократической частью «лондонского» лагеря). «Лондонский» лагерь и в эмиграции, и в стране отвергал саму идею взаимодействия с коммунистами. Не скрывала недоверия к СССР и враждебности к коммунистическому движению и бóльшая часть прогрессивных и демократических сил Польши. Отмежевание от ППР воспринималось как защитная мера от коммунизма. В массовом сознании эта партия рассматривалась не только как иностранная (т. е. советская) агентура, антинациональная сила, но и как инструмент насаждения социализма, облик которого напрямую ассоциировался с СССР. Итак, расстановка политических сил в Польше была такова, что вопрос о направленности послевоенного развития оставался летом — осенью 1944 г. открытым и во многом зависел от развития международной ситуации.

Таким образом, во всех трех названных странах в ходе освобождения от фашизма их прежней политической элите не удалось восстановить довоенные режимы. Она оказалась исключенной из формирующейся системы новой власти. Но если в Югославии и Албании политическое влияние имущих классов в обществе их коллаборационистскими позициями по отношению к оккупантам было существенно сужено и вопрос о власти с точки зрения коммунистов был во многом уже близок к решению, то в Польше ситуация была иной. Здесь, опираясь на преобладав-

* Заметим, что в это же время произошел дворцовый переворот в Румынии, но в отличие от польских сторонников западной ориентации, румынские англофилы «не хотели повторить ошибки польского генерала Бура, который, стремясь лишить русских возможности создать в Варшаве дружественное СССР правительство, игнорировал сотрудничество с левыми элементами и таким образом не смог заручиться благожелательным отношением к себе командования польской и советской армий»[31].

шее идейно-политическое влияние в обществе и действовавшие подпольные структуры, лидеры «лондонского» лагеря имели реальные шансы развернуть борьбу за восстановление ускользавшей государственной власти и экономических позиций в обществе.

В отличие от трех вышерассмотренных стран, в Чехословакии весной 1945 г. в движении Сопротивления было достигнуто соглашение о создании Национального фронта чехов и словаков. На общей национально-патриотической платформе объединились представители всех социальных слоев: от коммунистов и социал-демократов, выступавших от имени рабочего класса, до тех, кто отражал настроения интеллигенции, средних городских слоев, крестьянства, части рабочего класса и буржуазии, которые, занимая антифашистские, демократические позиции, ориентировались на президента Э. Бенеша и эмигрантское правительство в Лондоне. Их в Национальном фронте стали представлять Чешская национально-социалистическая и Народная партии в Чешских землях и Демократическая партия в Словакии. Попытки ряда политических группировок в эмиграции развернуть на рубеже 1944—1945 гг. кампанию по включению в формировавшийся Национальный фронт представителей еще двух довоенных партий — аграрной и живностенской, и тем самым восстановить после войны весь политический спектр домюнхенской республики успеха не имели, поскольку эти партии представляли предпринимательские круги, активно сотрудничавшие с оккупантами. Их попытки получить представительство на переговорах в Москве в марте 1945 г. по вопросам программы Фронта были блокированы совместными действиями партий, создавших социалистический блок * — коммунистами, социал-демократами и национальными социалистами [34]. В состав первого правительства Фронта на паритетной основе вошли коммунисты, социал-демократы, национальные социалисты, представители Народной и Демократической партий. Таким образом, демократическая часть довоенной политической элиты сохранила участие во власти. Но суть и характер этой власти становились уже иными: довоенная монополия этой элиты оказалась разрушена. Теперь нужно было делить властные функции с другими социальными слоями и прежде всего с рабочим классом. Реализация этих функций становилась возможной только через согласование интересов и позиций сил, входивших в широкую антифашистскую коалицию. Стержневым в таких условиях стал вопрос об отношениях с коммунистами, представлявшими леворадикальный фланг Национального фронта.

* Этот блок стал складываться в эмиграции с конца 1941 г. Он рассматривался его участниками как оптимальная форма сотрудничества различных политических течений в движении Сопротивления, которые видели перспективу развития в социализме. После освобождения он продолжил свою деятельность в стране под названием «Национальный блок трудящихся города и деревни»[33].

Необходимость сотрудничества в послевоенном государстве была после 1943 г. осознана как неизбежность довоенными политиками, которые представляли антифашистские группировки как в эмиграции в Лондоне, так и внутри страны. Отнюдь не случайно один из наиболее прогрессивно и широко мысливших политических деятелей Чехословакии Э. Бенеш еще на переговорах в Москве с руководством КПЧ (1943 г.) выдвинул тезис о будущем участии коммунистов в послевоенном правительстве*: «Я буду проводить такую политику, чтобы вы (коммунисты.— *Авт.*) могли быть в каждом правительстве. С дискриминацией коммунистов должно быть покончено. Коммунистам будет обеспечено полное равноправие»[36]. В этом было принципиальное различие в позициях политических представителей чехословацкой и польской лондонской эмиграции.

Упрощением было бы сводить причины, побуждавшие довоенных политиков Чехословакии идти на контакты и сотрудничество с коммунистами, только к воздействию внешнего фактора — к советскому военному и политическому присутствию в Центральной и Восточной Европе. Глубокое воздействие на их позиции оказывала радикализация общественных настроений, что находило свое отражение в частности в возрастании интереса к социалистическим идеям в их различной интерпретации. Эта тенденция стала отчетливо проявляться в чешском обществе уже в годы войны. Своего апогея она достигла к моменту освобождения и являлась реакцией демократических слоев (в первую очередь интеллигенции, которая выступала как интеллектуальный выразитель общественных настроений) на кризис системы парламентской демократии, на мюнхенскую катастрофу, на расчленение и оккупацию страны Германией.

Радикализация общественных настроений с весьма значительной ориентацией на по-разному понимаемые идеи социализма как строя альтернативного капитализму довоенного времени существенно отличала ситуацию в Чехословакии от положения в других странах региона на рубеже войны и мира. Эта ситуация требовала от демократических политиков антифашистского лагеря, если они хотели, говоря словами Э. Бенеша, «удержать революцию в разумных рамках»[37], изменения отношений с представителями рабочих партий и прежде всего с коммунистами. С этой точки зрения курс на сотрудничество с коммунистами в рамках Национального фронта в условиях роста инициативы и общественного авторитета КПЧ рассматривался как реальная возможность корректировки темпов и глубины общественных

* Включение в правительственные послевоенные структуры как можно более широкого спектра политических сил, занимавших антифашистские позиции, не исключая и коммунистов, выступало в Европе как характерная черта деятельности авторитетных довоенных политиков демократической ориентации. В Финляндии в кабинете Паасикиви, сформированном в ноябре 1945 г., была представлена компартия Финляндии, находившаяся 26 лет на нелегальном положении[35].

преобразований, которые будут разворачиваться под общедемократическими, национально-патриотическими, антифашистскими лозунгами. Именно этот аспект политики сотрудничества подчеркивал ее инициатор Э. Бенеш в беседе с деятелем довоенной аграрной партии Л. Фейерабендом в июле 1945 г., когда доказывал необходимость и неизбежность сохранения Национального фронта: «Только так можно держать коммунистов в узде»[38].

Но наряду с этой особой, так сказать, «классовой» заинтересованностью довоенной политической элиты во взаимодействии с партнерами леворадикальной ориентации существовала реальная общенациональная проблема, действительно объединявшая все социальные и политические течения, выступившие на арену общественной жизни после освобождения. Речь шла о необходимости ликвидации внешне- и внутриполитических последствий мюнхенского соглашения, что в национальном сознании (особенно в чешском) связывалось не только с восстановлением государственных границ 1937 г., но и с проведением таких политических и социально-экономических преобразований, которые должны были дать гарантию от возможности повторения мюнхенской трагедии.

Именно этот комплекс преобразований и был положен в основу программы правительства, содержавшей требования конфискации имущества третьего рейха, германских и венгерских монополий, наказания коллаборационистов и предателей, конфискации их собственности, искоренения фашизма и запрещения реакционных политических партий, превращения Чехословакии в славянское государство двух народов — чехов и словаков путем выселения лиц венгерской и немецкой национальности за пределы страны.

Программа также четко фиксировала внешнеполитическую ориентацию страны на союз с СССР. Союзнические отношения с СССР, закрепленные договором 1943 г., всеми политическими течениями рассматривались как решающее условие ликвидации последствий мюнхенского соглашения и обеспечения безопасности возрожденной республики от повторения германской угрозы в будущем. Обостренное чувство опасности со стороны Германии закономерно присутствовало в массовом сознании тех лет и служило убедительным основанием курса на союз с СССР. Оно побуждало чехословацких политиков всех направлений к восприятию советского присутствия в Восточной Европе как естественного*. Для них учет этого фактора, так же как и возраставшей революционности общественных настроений, означал не только корректировку внешнеполитической ориентации страны, но и

* Э. Бенеш, определявший линию внешней политики Чехословакии, еще во время войны исходил из того, что разгром фашизма приведет к усилению позиций СССР на международной арене. В связи с этим он рекомендовал польским, румынским и югославским политикам, находившимся в эмиграции в Лондоне, признать наличие советского фактора в послевоенной Европе[39].

серьезные перемены во внутренней политике. Это нашло свое отражение в компромиссе, закрепленном программой правительства, в которую были включены положения, изменявшие ситуацию в послевоенном обществе. Во время переговоров в Москве в марте 1945 г. все силы демократической коалиции дали согласие на включение в программу предложения социал-демократов об установлении государственного руководства не только кредитной и денежной системой (что рассматривалось всеми партнерами по Фронту как непременное условие восстановления экономики), но и всеми ключевыми отраслями промышленности, страхованием, природными и энергетическими источниками [40]. Тем самым в будущий политический курс закладывалась идея формирования экономики, управляемой и регулируемой государством.

Довоенные политики, соглашаясь на усиление роли послевоенного государства, исходили из позитивов «нового курса» Рузвельта. В социалистической же интерпретации контролируемая экономика означала путь к социализации [41].

Не менее важным с точки зрения изменения места и роли прежней политической элиты в обществе представляется закрепление в программе положения о том, что правительство будет реализовывать свою политику только через национальные комитеты, которым программа официально придавала статус новых органов государственного и общественного управления. Возникшие в процессе освобождения страны как органы прямой демократии национальные комитеты не имели аналогов в домюнхенской республике. Признание их (по предложению коммунистов) в качестве основного звена складывавшейся новой государственно-политической структуры означало разрыв преемственности с домюнхенскими структурами власти, что по сути дела означало ослабление возможностей довоенной элиты оказывать воздействие на направление общественного развития и ограничивало ее политическую роль.

Э. Бенеш в конфиденциальных беседах с Л. Фейерабендом в июле 1945 г. оценивал ситуацию в стране как «нехорошую», ссылаясь на то, что на переговорах в Москве «демократические партии были подвергнуты нажиму со стороны коммунистов, который был усилен их опорой на Советский Союз и Красную Армию, а он как президент не имел возможности выступать против их решений, хотя со многим и был не согласен...» Вместе с тем он подчеркнул, что демократические партии перестанут поддаваться давлению коммунистов «как только они организуются и будут чувствовать себя увереннее после ухода Красной Армии» [42]. К «уходу Красной Армии» Э. Бенеш возвращался в беседах с Фейерабендом неоднократно. Он рассчитывал добиться радикального изменения ситуации в пользу демократических партий после того, как Красная Армия покинет пределы Чехословакии [43]. Однако эти намерения оказались не реализованными: положение дел определялось не столько присутствием советских войск,

сколько изменениями в соотношении социально-политических сил, вызванными ростом политической активности населения.

В Болгарии, Венгрии и Румынии, принимавших участие в войне на стороне фашистского блока, положение довоенной политической элиты было иным, чем в группе вышерассмотренных стран. Вплоть до поражения в войне существовавшие в них «отечественные» авторитарные, прогерманские режимы (особенно в Венгрии и Румынии) располагали достаточно массовой поддержкой. Поражение в войне, воспринятое как национальная трагедия, компрометировало в этих двух странах профашистскую верхушку и связанные с ней реакционные группировки крупных собственников, выступавших субъектами сотрудничества с Германией, а отнюдь не существующий порядок в целом. Этим и объясняется значительно меньшая степень дискредитации крупных довоенных партий и сохранение ими достаточно широкой социальной базы.

Немалую роль здесь играли и распространенные в Венгрии и Румынии антисоветские и антикоммунистические настроения. Приход Красной Армии в массовом сознании далеко не всегда ассоциировался с освобождением, а перспектива репарационных платежей и связанные с этим чувства национальной ущемленности в немалой степени порождали внутренние, консолидирующие общество тенденции [44].

Сохранение государственного суверенитета в годы войны, хотя и ограниченного системой союзных договоров с Германией, сдерживало распространение антифашистских настроений. Антифашизм как массовое движение был блокирован социально-экономическими выгодами, которые давал союз с Германией на этапе победоносного шествия вермахта по странам Европы. Это не могло не оказывать влияния на психологическую и политическую атмосферу в обществе. По мере того, как перспектива военного поражения Германии приобретала реальные очертания, стали нарастать антигерманские настроения, но антифашизм приобрел сугубо конкретное содержание: требование разрыва с Германией и внешнеполитической переориентации. Приближение Красной Армии к границам этих государств ускорило «смену вех», поставив проблему сопряжения политики правящих кругов (как на международной арене, так и внутри страны) не только с позициями западных держав, но и СССР.

Сохранение политического влияния этих кругов в Румынии выступало как весьма существенный фактор, определявший настроения общества в момент выхода из фашистского блока. Основные политические группировки во главе с королем в условиях, когда Красная Армия развернула бои на границе, поспешили сманеврировать, избрав тактику дворцового переворота, чтобы в критический момент порвать с Германией и изменить внешнеполитическую ориентацию Румынии. Но сделать это предполагалось таким образом, чтобы, сохраняя превалировавшую ориентацию на Запад, заручиться поддержкой и советской сто-

роны. Румынские англофилы, подготовляя переворот, решили не повторять польской «ошибки» и создать видимость того, что они действуют вместе с коммунистами. С этой целью они привлекли к сотрудничеству представителя подпольной РКП Л. Патрашкану, высокообразованного человека, одного из теоретиков партии, отбывавшего тюремное наказание за политическую деятельность. Его ввели как в состав штаба по руководству переворотом, так и делегации по ведению переговоров о перемирии с СССР.

Однако и в том, и в другом случае роль коммунистов «была не более чем символической». С. Дангулов, 1-й секретарь посольства СССР в Румынии, анализируя в 1947 г. развитие событий августа 1944 г. и степень участия в них компартии, считал, что будет правильнее говорить: «король привлек к участию в перевороте коммунистов, нежели коммунисты привлекли короля». Что же касается трактовки этого переворота, будто бы совершенного «чуть ли не под напором восставших масс», то он признавал: «...когда переворот был уже совершен и румынские войска выступили против немцев, в этих операциях и, в частности, в районах Бухареста и Плоешти, принимали участие несколько рабочих дружин, но они не сыграли сколь-нибудь заметной роли в разгроме немцев в этом районе, так как на столицу уже шли мощные советские армии»[45].

Такая трактовка переворота 23 августа 1944 г. делает понятной развитие событий в Румынии и расстановку политических сил, когда коммунисты достаточно длительное время оставались на общественной периферии, о чем свидетельствовал состав трех первых правительств. В них абсолютное большинство принадлежало довоенным политическим партиям — Национал-царанистской и Национал-либеральной (НЦП и НЛП), а также генералитету. Но если в первое правительство и представители буржуазных партий, и представители рабочих партий — РКП и СДП — вошли как министры без портфелей, то во втором правительстве НЦП и НЛП получили ряд ведущих министерств (финансы, внутренние дела, военное ведомство, национальная экономика)[46].

Что представляли из себя эти так называемые исторические партии? НЛП выражала интересы крупной по местным масштабам финансово-промышленной буржуазии, ориентированной еще в межвоенный период на французские и английские монополистические круги, что во многом определило ее самую активную роль во дворцовом перевороте 23 августа 1944 г. В этой партии уже с довоенного времени четко обрисовались две группировки. Одна из них концентрировалась вокруг семейства Д. Брэтиану и выражала интересы тех кругов, которые были связаны со «старыми» отраслями промышленности (легкой, пищевой, обрабатывающей). Интересы этой группировки тесно переплетались с интересами крупных землевладельцев. Именно последние и служили основой взаимодействия этой части НЛП с национал-царанистами. К другому центру Национал-либеральной партии

тяготели те круги собственников, интересы которых концентрировались в тяжелых отраслях промышленности, все более набиравших силу и укреплявшихся в годы войны в связи с происходившими процессами индустриализации и милитаризации экономики. Эта группировка, возглавлявшаяся Г. Татареску, выступала за развитие государственно-монополистических форм капитализма[47].

Национал-царанистская партия была самой массовой в Румынии и объединяла в своих рядах различные социальные слои. Часть политиков выражала интересы прежде всего помещиков, а также крупного и среднего городского капитала (Ю. Маниу), часть — представляла интересы зажиточных крестьян-собственников (И. Михалаке) и тяготела к компромиссу со сторонниками Маниу, наиболее влиятельными в партии. Имелись и левые группировки (А. Потоп, А. Александреску*), которые добивались проведения аграрной реформы в пользу мелких и безземельных крестьян. Эти разные силы в НЦП объединялись вокруг идей аграризма.

О степени влияния «исторических партий» в румынском обществе в 1944 г. весьма наглядно свидетельствовал так называемый третий правительственный кризис (декабрь 1944 г.). Он был порожден реакцией служащих и части интеллигенции на чистки по инициативе Союзной контрольной комиссии (СКК) местного и центрального госаппарата от элементов, связанных с режимом Антонеску, и на массовые демонстрации рабочего класса в поддержку этих чисток. Прекращение чисток связывалось с созданием правительства «сильной руки».

Такие настроения подавляющей части румынского общества обусловили сохранение вплоть до весны 1945 г. королевской армией и «историческими партиями» контроля (хотя и ограниченного СКК) над государственно-политической жизнью страны. Рабочие партии имели свое представительство в правительстве, но его важнейшим гарантом выступала СКК.

Расстановка социально-политических сил в Венгрии при переходе от войны к миру во многом напоминала румынскую ситуацию. Но здесь процесс разрыва правящих кругов с Германией был затруднен происшедшими в октябре 1944 г. салашистским путчем и германской оккупацией страны, что прервало попытки правящих кругов вывести Венгрию из войны так, как это имело место в Румынии и Финляндии. В изменившихся условиях лишь отдельные представители прежней политической элиты искали возможности разрыва с Германией и немедленного установления взаимодействия с СССР. Именно они как беспартийные и вошли в состав коалиционного Временного национального правительства, созданного усилиями компартии в декабре 1944 г. в освобожденном Красной Армией Дебрецене. Это правительство, сфор-

* Есть данные, что Александреску одновременно являлся и членом компартии[48].

мированное из представителей партий разного политического спектра, объединившихся в Венгерский национальный фронт независимости, было создано при поддержке СССР (что не могло не отразиться и на его составе) на принципе политического паритета. Причем ключевые посты (премьер, министры иностранных дел, военный, финансов и др.) находились в руках прежней политической элиты[49].

Временное правительство подписало Соглашение о перемирии с союзными государствами. Реально речь шла о перемирии с СССР. Тем самым была выполнена «самая срочная задача», сформулированная в Заявлении Временного правительства, где признавалось необходимым осуществление демократических преобразований путем гарантии всех свобод, демократизации госаппарата, восстановления сельского, городского и областного самоуправления. В качестве неотложной меры предполагалось проведение земельной реформы. Однозначно ставился вопрос о сохранении частной собственности как основы общественного строя[50].

Если сравнить Заявление правительства с принятой 3 декабря 1944 г. программой Фронта независимости*, то нельзя не заметить существенных различий в подходах к ряду ключевых проблем. В Заявлении отсутствовали положения о запрещении монополий, об установлении государственного контроля над картелями и крупными банками, о национализации системы страхования и земных недр, а также ряда добывающих предприятий и электростанций. Не было положения и о конфискации военных прибылей, полученных «ценой пота и крови народа»[51]. Был свернут до нескольких строк раздел о восстановлении законов по защите интересов рабочих.

Из сравнения становится очевидным, что в правительственном Заявлении были опущены те положения программы Фронта, которые ограничивали интересы буржуазии как класса. Причины этого, скорее всего, лежали в несоответствии между политическим составом Временного национального собрания** (в нем, как известно, большинство принадлежало партиям, претендующим на выражение интересов и позиций рабочего класса и политически связанным с этими партиями организациям) и реальными общественными настроениями, склонявшимися в сторону антифашистских партий, прежде всего (но не только) ПМСХ.

Советские представители в СКК на местах отмечали не только чрезвычайно быстрое включение в политическую жизнь пар-

* В основу этой программы был положен документ Заграничного бюро компартии, находившегося в Москве, принятый в Сегеде осенью 1944 г.

** В дебреценский период из 230 депутатов этого собрания 71 были коммунистами, 55 — членами Партии мелких сельских хозяев (ПМСХ) 38 — социал-демократами, 16 принадлежали к Национально-крестьянской партии, левое крыло которой было близко к коммунистам, а правое тяготело к ПМСХ, 19 — к профсоюзам, 19 — к беспартийным и лишь 12 — к Буржуазно-демократической партии[52].

тий, выходивших из подполья, но и бурный рост численности традиционных и популярных в межвоенный период политических партий, и прежде всего ПМСХ[53]. Причем активизация деятельности ПМСХ происходила нередко вопреки намерениям СКК и советских военных комендатур, которые стремились ограничить этот процесс*. Тем не менее именно эта партия к весне 1945 г. превратилась в крупнейшую политическую силу (130—140 тыс. членов) с устойчивой тенденцией роста членской массы[55]. Партия достаточно быстро выступила в общенациональном масштабе.

В послевоенный период ПМСХ, не выдвинув принципиально новой программы, приняла к исполнению установки межвоенного времени, ориентированные на либерально-демократическое реформирование общества[56]. В конкретной ситуации, во многом определявшейся присутствием Красной Армии и резко активизировавшейся легальной деятельностью компартии, которая своим политическим весом была обязана военным победам Красной Армии, лидеры ПМСХ успешно актуализировали те положения своей программы 1939 г., которые звучали современно и могли ассоциироваться с борьбой против диктаторских форм правления: «Мы хотим установить власть трудового народа, а не власть отдельных классов. Мы противники всякого рода диктатуры». Провозгласив свою партию олицетворением независимой Венгрии («Мы восстанавливаем страну сами, нам не нужен протекторат других держав»), руководство ПМСХ заявило, что будет бороться против реакции, но «самую острую борьбу она (партия.— *Авт.*) ведет против тех партий, которые пользуются методом террора», что партия «принимает в свои ряды всех желающих и тех, кто из страха и осторожности или в результате террора вступает в другие партии»[57]. Смысловая нагрузка этих деклараций при сопоставлении с реальностью и межпартийной борьбой внутри правительственной коалиции заключалась в их антисоветской и антикоммунистической направленности. Она отвечала политическим симпатиям и настроениям значительной части венгерского общества и обеспечивала лидерам ПМСХ обратную связь с массами, прежде всего с крестьянством. Именно об этом свидетельствует ее массовость (в сентябре 1945 г.— 700 тыс. членов) и гомогенность социального состава. Согласно официальным данным, в 1945 г. партия на 80 % состояла из крестьян[58], причем различных его прослоек, включая бедняков, получивших землю по аграрной реформе.

* Такие действия советских представителей, пытавшихся вмешиваться в развитие политической жизни, вызывали систематические протесты венгерских властей всех уровней вплоть до премьер-министра Д. Б. Миклоша. Весной 1945 г. он направил протест председателю СКК К. Ворошилову, составленный на основании докладов глав администрации ряда комитатов (Шопран, Веспрем, Баранья), где прямо указывалось, что советское военное командование препятствует организационной деятельности ПМСХ[54].

В условиях, когда СКК запретила деятельность реакционных партий, а затем венгерское правительство, выполняя условия Соглашения о перемирии, приняло указы о роспуске военных и фашистских организаций, когда арестованными оказались 1672 наиболее активных их функционера[59], масса бывших рядовых членов распущенных партий, принадлежавшая к разным социальным слоям, устремилась в ПМСХ, видя в ней удобную для себя «политическую нишу». Ряды ПМСХ росли также и за счет мелких городских слоев и особенно молодежи, представители которых, будучи нередко настроенными достаточно демократично, не воспринимали рабочие партии как силу, способную выражать общенациональные интересы и не доверяли коммунистам, рассматривая их как инонациональное явление, напрямую связанное с Москвой и СКК. У многих был жив в памяти 1919 г.

Нараставшую политическую гетерогенность ПМСХ признавали в беседе с советским посланником Г. Пушкиным и заместителем председателя СКК В. Свиридовым руководители ПМСХ Ф. Надь и З. Тильди: «Мы (советские представители.— *Авт.*) упрекнули их в том, что в партии имеются антидемократы — открытые монархисты. Тильди и Надь оправдывались тем, что к их партии пристало много случайных элементов и что они не навели еще у себя в партии порядок. Работники СКК отмечали как одну из тенденций общественной жизни Венгрии «усиление... легитимистского движения, в котором принимали участие и влиятельные члены ПМСХ»[60]. Вливавшиеся в ряды этой партии правые политические группировки, используя все более ясно обозначавшуюся поддержку католической церкви и кардинала Миндсенти, стремились определять ее лицо и политический курс. В таких условиях было понятно, почему советская дипломатическая служба воспринимала ПМСХ как «серьезную опасность»[61].

Быстрый рост и укрепление влияния ПМСХ, ее включение в новые политические и государственные структуры тормозили процессы организационного оформления иных политических центров, выражающих интересы господствующих классов. Тем не менее в конце 1944 г. начала оформляться Гражданская (далее — Буржуазная) демократическая партия как партия средних предпринимателей, либеральной интеллигенции и мелких городских слоев[62]. Но по мере развития ее социальный состав постепенно усложнялся, в ее рядах концентрировались представители крупной буржуазии, бывших помещиков, банкиров и даже верхушки рабочего класса. Однако новая партия росла сравнительно медленно: к марту 1945 г. она насчитывала 15 тыс. членов, а к осени 1945 г. ее ряды расширились до 50 тысяч. В основу программных установок БДП были положены идеи единства венгерской нации, базирующиеся на принципах христианской морали, неприкосновенности частной собственности, свободы предпринимательства, инициативы и гражданского равноправия[63].

Не проявила себя как заметная политическая сила и Венгерская радикальная партия, развернувшая свою деятельность среди еврейской интеллигенции и части мелких собственников. Эта партия, считавшая себя «представительницей прогрессивной трудящейся интеллигенции», выступала с требованиями коренных реформ, которые «могут предотвратить революцию», «против диктатуры», за превращение Венгрии в мост между Востоком и Западом [64].

Пытаясь определить объем и каналы влияния указанных партий, нельзя игнорировать политическую роль и место католической церкви в венгерском обществе, где 2/3 населения были католиками. Венгерские клерикалы практически сразу после освобождения включились в политическую жизнь. Ими в ноябре 1944 г. в нелегальных условиях была создана Народно-демократическая партия [65].

Костел осуществлял свое влияние и через другие партии и различного рода общественные организации, в частности через ПМСХ и БДП. Не случайно советский посланник Г. Пушкин писал: «...Можно взорвать оппозицию изнутри, развалить ту или иную оппозиционную партию, но до тех пор, пока не будет уничтожено влияние церкви на политическую жизнь страны, такие партии будут возникать снова...»[66].

Другим серьезным проводником политического влияния католической церкви были общественные организации и прежде всего Женская христианская лига, напрямую связанная с кардиналом Миндсенти [67].

Анализ позиций рассмотренных политических сил позволяет констатировать, что здесь, как и в Румынии, эти силы сохраняли возможности и способности политического самовыражения. Лишены таких возможностей (по условиям Соглашения о перемирии) были только крайне правые, фашистские и профашистские группировки.

Представительство интересов довоенной политической элиты в складывающейся коалиционной власти во многом взяла на себя ПМСХ. Именно эта партия становилась ключевой фигурой на политической арене и не без основания претендовала на роль реальной силы, выражавшей общенациональные интересы. Здесь было существенное отличие от ситуации в Румынии, где противостоявший коммунистам лагерь был поначалу биполярен.

Особое место в группе бывших сателлитов Германии занимала Болгария, в которой в годы войны правящий режим не обрел такой опоры в массах, как в Венгрии и Румынии. Не оформилось как единая массовая партия и фашистское движение, имевшее место уже в межвоенной Болгарии. Существовал лишь ряд отдельных организаций, не скрывавших своей ориентации на установление фашистской диктатуры и выступавших своеобразной оппозицией справа существующему режиму [68]. Сдерживающую роль в укоренении фашистской идеологии (что напрямую ассоциировалось в массовом сознании военных лет

с нацизмом и гитлеровской Германией) играли традиционные для части болгарского общества прорусские настроения.

Накануне освобождения правящий режим имел и легальную либеральную оппозицию, главной силой которой была Демократическая партия (лидер — Н. Мушанов), представлявшая интересы средней и некоторых слоев крупной (по болгарским масштабам) буржуазии, части крестьянства, а также отдельных групп интеллигенции. Традиционная поначалу русофильская ориентация этой партии постепенно изменилась, и в годы войны ей было присуще стремление к соглашению с западными державами. С близких позиций выступала и Народная партия, также представлявшая интересы крупной, средней торговой и аграрной буржуазии и интеллигенции[69]. Созданный в 1928 г. Народный союз «Звено» (лидер — К. Георгиев) был узкой политической организацией, объединявшей прежде всего офицерство и часть интеллигенции[70]. Программные установки «Звена» были ориентированы на реформирование болгарского общества с целью ускорить его развитие через этатизацию, вмешательство государства в доходные отрасли экономики. Идеалом политического устройства для «звенарей» была Англия как эталон «дисциплинированной и просвещенной демократии»[71].

После перелома во второй мировой войне эти силы, взаимодействуя с крупнейшим политическим представителем крестьянских масс — Болгарским земледельческим народным союзом (БЗНС, лидеры — Д. Гичев, Н. Петков), попытались добиться доступа в структуры власти путем соглашения с правящими монархическими кругами. Выдвинув летом 1943 г. идею создания правительства «национальной концентрации», они предлагали объединить силы нации для того, чтобы «нанести удар по всем, кто желает смут и анархии»[72]. Неприятие сформировавшихся к этому времени под руководством коммунистов структур Отечественного фронта, безусловно, составляло подтекст этой идеи, что подтверждалось отказом руководства партий легальной оппозиции от предложения коммунистов объединить силы для свержения монархического режима, союзного Германии.

В итоге к августу — сентябрю 1944 г. в Болгарии, где процесс радикализации политических позиций развивался под прямым воздействием русофильских настроений, усиленных военными победами Красной Армии и выходом ее на границы Болгарии, были дискредитированы не только откровенно фашистские группировки и дворцовая камарилья, но и либеральная оппозиция, оказавшаяся неспособной вывести Болгарию из фарватера политики гитлеровской Германии.

Восстание 9 сентября 1944 г. отстранило от власти созданное буквально накануне освобождения (2 сентября) правительство Муравиева. Прав известный болгарский историк М. Исусов, утверждая, что «замена правительства И. Багрянова на правительство К. Муравиева была первым шагом, направленным на трансформацию политической системы, созданной фашизмом...»,

на переход «к буржуазной демократии». Но в конкретной обстановке начала осени 1944 г. этот шаг политических деятелей из рядов либеральной буржуазии вряд ли воспринимался в обществе так, как это трактует М. Исусов[73].

Для радикально настроенных масс это была скорее всего просто «смена вывески». Только переход власти в руки правительства Отечественного фронта мог быть ими воспринят как реальное изменение характера власти. В отличие от румынских и финских политиков, болгарские либералы не поспевали за развитием внутренней ситуации, все более характеризовавшейся радикализацией масс под воздействием положения дел на Восточном фронте. К участию в управлении страной в результате восстания 9 сентября оказались допущены лишь некоторые группировки «демократической прогрессивной части буржуазии»[74].

Значительная часть болгарской буржуазии, сохранив свои экономические позиции, оказалась за рамками ОФ. Более того, все ее политические представительства, исключая «Звено», были запрещены сразу после победы восстания 9 сентября 1944 г.[75] Что касается «Звена», то, войдя в первое коалиционное правительство на формально равных с коммунистами, социал-демократами и «земледельцами» условиях и даже возглавив это правительство, логикой политического развития оно стало динамично трансформироваться в главного лидера либеральных кругов*.

Значительно более сложным явлением было «Звено» с точки зрения социального состава. Быстрое расширение его рядов (на рубеже 20—30-х годов — 300 чел., в начале 1945 г.— 14—15 тыс., в 1946 г.— около 50 тыс. человек[77]) происходило как за счет членов запрещенных либеральных партий, так и за счет средних предпринимателей, интеллигенции, офицеров, крестьян и рабочих. Это усиливало социальную гетерогенность партийных рядов и создавало почву для обострения идейно-политических разногласий в партии.

Характеризуя политическое представительство болгарских либеральных сил в системе коалиционной власти ОФ на рубеже 1944—1945 гг., следует иметь в виду, что в отличие от Венгрии и Румынии в Болгарии эти силы были более слабыми и оказались не в состоянии взять на себя роль главного носителя идей демократии как одной из центральных концепций послевоенного развития страны.

Таким образом, в момент восстановления национально-государственного суверенитета большинства стран Восточной Европы властная монополия довоенной политической элиты, хотя и по разным причинам, была во многом разрушена. Но степень оттеснения этой элиты от власти была различной. В Югославии, Албании и Польше она не получила доступа в легальные госу-

* Советские дипломатические представители рассматривали «Звено» как «опасного врага внутри самого фронта» и квалифицировали его как «наиболее правую буржуазную партию»[76]. Между тем роль «Звена» на политической арене Болгарии и внутри ОФ была гораздо более сложной.

дарственные структуры, формировавшиеся в момент освобождения. В Чехословакии и Болгарии доступ получили только ее демократические антифашистские группировки. В Венгрии и Румынии участия во власти была лишена лишь наиболее реакционная часть прежней политической элиты, непосредственно задействованная во властных структурах режимов, союзных фашистской Германии.

Констатируя своеобразие положения прежних правящих кругов в каждой из стран региона, следует иметь в виду, что факт неучастия во власти или конкретная доля участия отнюдь не были адекватны их реальному влиянию в обществе. Это и придавало социально-политической ситуации во всех странах Восточной Европы значительную неустойчивость. Только политическая борьба за перспективы общественного развития могла ликвидировать такую неустойчивость.

Глава 2

РАБОЧИЙ КЛАСС И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ

Являясь активным социальным компонентом движения Сопротивления, рабочий класс был той социальной силой, от имени которой претендовали на участие во власти социалистические и коммунистические партии. Они рассматривали рабочий класс как единственно способный представлять и отстаивать жизненно важные интересы большинства нации и брали на себя миссию предлагать общенациональные программы восстановления независимости, возрождения экономики, ликвидации экономических и политических позиций реакционных группировок, новую концепцию внешнеполитических союзов. Однако конкретные возможности реализации этих программ зависели от ряда факторов: от положения рабочих партий в системе формировавшейся новой власти, от степени поддержки этих партий рабочими массами, от уровня цивилизационного развития и обусловленных им социокультурных характеристик рабочего класса. Эти факторы во многом определили схему развития каждой из стран Восточной Европы в первые послевоенные годы.

В Югославии и Албании уже на выходе из войны фактически политической монополией располагали компартии. В ходе народно-освободительной борьбы они обрели реальную поддержку значительной части общества, в котором рабочий класс еще оставался доиндустриальным и немногочисленным, что было производным от уровня их экономического развития.

В Югославии накануне войны (1941 г.) в промышленности, представленной прежде всего добывающими и перерабатываю-

щими продукцию сельского хозяйства отраслями, трудилось лишь 5 % самодеятельного населения[1]. Преобладали (63 %) мелкие предприятия с числом рабочих менее 100 чел., доля крупных предприятий (более 500 чел.) не превышала 8,6 %[2]. В годы войны в Югославии было полностью или частично разрушено 36,5 % промышленных предприятий.

Численность рабочего класса к 1945 г. сократилась более чем в три раза[3].

Значительную часть занятых в промышленности составляли рабочие первого поколения, не утратившие связей с крестьянской средой по своему происхождению и во многом сохранявшие менталитет этой среды. Их мировосприятие определялось низким уровнем грамотности населения в подавляющей части страны, за исключением Хорватии, Словении, а также конфессиональной неоднородностью (48,7 % населения — православные, 37,5 % — католики, 11,2 % — мусульмане[4]). Экономическая и социокультурная дифференциация общества оказывала прямое воздействие на национальные и религиозные чувства, усиливала религиозную нетерпимость, ощущения национального неравенства, ущемленности или превосходства, в том числе и среди рабочего класса.

Что касается политической организации рабочих, то она до войны была достаточна разнообразна, и рабочая прослойка имелась во всех партиях. Компартия тогда насчитывала 1500 членов и представляла крайне левый фланг. Более многочисленными были социал-демократы (3,5—4 тыс. членов)[5], располагавшие сильными позициями в профсоюзном движении. Значительная часть рабочего класса более развитых Хорватии и Словении шла за Хорватской крестьянской партией и Словенской народной партией.

Однако война принципиально изменила баланс политических сил и в рабочем движении, и в целом в стране в пользу коммунистов. Если в 1941 г. в рядах партии насчитывалось 15 тыс. чел., то в конце войны компартия объединяла 161,8 тыс. членов и превратилась в самую массовую общегосударственную политическую организацию[6]. Важно иметь в виду, что бурный рост рядов партии шел прежде всего за счет радикально настроенных крестьянских масс. Даже в 1946 г., когда наблюдался массовый прилив в партию рабочих и особенно интеллигенции, крестьянство по-прежнему составляло половину членов КПЮ (50,38 %). На долю рабочих приходилось 27,55 %, служащих и интеллигенции — 10,33, остальных — 10,74 % ее членов[7].

Глубокое включение компартии в освободительную борьбу, концентрация в руках коммунистов не только военного и организационного, но и идейно-политического руководства этой борьбой и деятельностью Народно-освободительного фронта объективно привели к фактическому слиянию партийных организаций со структурами НОФ и обусловили то, что партия имела общенациональную, а не классово-партийную программу[8]. Это обеспе-

чивало ей общественную поддержку, ограничивая тем самым социальную базу политических конкурентов КПЮ.

Немалую роль в укреплении политического влияния КПЮ играли распространенные тогда в югославском обществе просоветские настроения и симпатии к Красной Армии*. Этот фактор, создавая благоприятную для деятельности коммунистов морально-психологическую атмосферу, принципиально отличал политическую ситуацию в Югославии от положения дел, например, в Польше, Румынии или Венгрии. Авторитет коммунистов, приобретенный в годы войны, мог быть использован руководящими структурами КПЮ.

Такая возможность становилась реальностью в силу ряда объективных обстоятельств. Речь идет прежде всего о низкой общей и политической культуре крестьян и рабочих, вовлеченных народно-освободительной борьбой в активную политическую жизнь, но в силу низкой грамотности не способных еще к критическому анализу, к самостоятельным оценкам политической действительности.

Приобщение многих тысяч людей, ставших членами КПЮ в годы войны, к идеям социализма происходило в условиях абсолютного господства сталинизма в международном коммунистическом движении и канонизации советского строя как эталона социализма. Приспособленный к менталитету люмпенизированных слоев, среди которых были популярны идеи достижения справедливости через социальное уравнение и насильственный передел собственности, «советский идеал» обретал почву в югославском обществе. В условиях отсутствия устойчивых демократических традиций ассоциация в массовом сознании представлений о достижении социальной справедливости с советским строем таила в себе опасность форсирования руководством КПЮ перехода к строительству этого «идеала».

Опасность усугублялась отсутствием даже формальной внутренней демократии в самой партии. Обусловленные ситуацией непрерывных военных действий в 1941—1945 гг. организационные структуры партии, приспособленные к подпольной работе, сохранялись и в условиях, когда она стала правящей. Партийные собрания проводились строго секретно, члены партии скрывали свою партийную принадлежность. Вместо принципа выборности действовал принцип назначения. Коллегиальность принятия решений была подменена абсолютной властью узкого руководства в лице И. Б. Тито, Э. Карделя, М. Джиласа, А. Ранковича, а то и единоличной властью Тито [10].

* В документах советского посольства, направляемых в НКИД СССР летом 1945 г., даются характеристики настроений широких слоев в различных республиках Югославии и подчеркивается «исключительно хорошее» отношение к СССР: «Мы чувствуем абсолютно неподдельную любовь и симпатии далматинцев к СССР, к Красной Армии, к нам, русским... К нам черногорцы относятся прекрасно... в старину они считали свою страну отдаленной губернией России, и это чувство единства с русскими никогда не угасало» [9].

Таким образом, оценивая общественные позиции рабочего класса Югославии, можно констатировать, что он вряд ли мог выполнять роль политического лидера. Партия же, выступавшая от его имени и располагавшая политическим влиянием в обществе, естественно, брала на себя эту роль и стремилась ее реализовать, исходя из идейно-теоретической доктрины коммунистического движения.

Воплощение этой доктрины облегчалось отсутствием внутри рабочего движения Югославии крупного и влиятельного идейно-политического оппонента коммунистам. Социалистическая партия в годы войны была дискредитирована сотрудничеством с оккупантами и утратила влияние в рабочей среде. После формального восстановления в ноябре 1945 г. ее руководству не удалось создать местных партийных организаций. Существовал лишь Исполком и организации в Белграде и Нови-Саде [11].

Что касается профсоюзного движения, то оно было воссоздано в конце 1944 г. по инициативе руководства КПЮ и с этого времени находилось под контролем коммунистов. Быстрый численный рост профсоюзов (январь 1945 г.— 220 тыс. членов, сентябрь 1945 г.— 700 тыс. членов [12]) был, с одной стороны, подтверждением влияния коммунистов среди рабочих, а с другой — свидетельствовал, что монополия коммунистов в рабочем движении не оставит профсоюзам возможности самостоятельно выражать интересы рабочего класса. Итак, стержневым элементом развития общественной ситуации в Югославии становился развернувшийся и уже организационно закрепленный в 1943 г. процесс утверждения политической монополии КПЮ.

Во многом аналогичным было и содержание политических процессов в албанском обществе, где господствующими оставались феодальные, родо-племенные и религиозные связи и противоречия. Капитализм лишь начинал здесь проникать в город и деревню. Промышленное производство в Албании только зарождалось и было представлено нефтедобычей и мелкими (от 10 до 30 занятых) кустарными промыслами по переработке сельскохозяйственного сырья [13]. Общая численность связанных с добуржуазным промышленным производством рабочих и служащих в конце войны составляла 3 % от общего числа жителей [14].

Малочисленный, малообразованный (или необразованный) нарождавшийся рабочий класс Албании не располагал опытом организации и политической борьбы. В такой ситуации исключительная роль выпадала на долю политических организаций выступавших от его имени. Возраставшие в ходе национально-освободительной борьбы леворадикальные настроения неизбежно аккумулировались КПА, которая в октябре 1944 г. насчитывала 2246 человек. К концу 1945 г. в партии было зарегистрировано уже 10 558 человек. Среди ее членов рабочие составляли 15,5 %. Учитывая, что доля рабочих вместе со служащими в составе населения не превышала 3 %, можно, по-видимому, говорить о достаточно высокой их организованности. Массовую базу партии

составляли крестьяне (50 %) и учащиеся (21 %)*. Доля ремесленников едва превышала 8 %. Лишь 2,5 % членов КПА имели высшее образование и около 14 % — незаконченное среднее или среднее образование [15].

Возникшая в годы войны и не имевшая какого-либо опыта легальной политической деятельности КПА (как и КПЮ) после освобождения продолжала оставаться на нелегальном положении [16].

Совокупность всех вышеназванных факторов создавала возможность концентрации реальной власти в руках узкого партийного руководства и превращения партийной массы в объект манипулирования руководства. В условиях, когда партия в момент освобождения страны стала выполнять властные функции (органы новой власти, как правило, формировались из бойцов Национально-освободительной армии, прежде всего членов КПА), а прямой путь иных политических группировок к власти был перекрыт их коллаборационистскими позициями, усиливалась вероятность изоляции коммунистов и создаваемых ими органов власти от их социальной опоры.

Негативные последствия этого осознавались частью руководства КПА (С. Малешова, Ю. Дишница и др.). На антифашистском конгрессе в Берате (октябрь 1944 г.) речь шла о корректировке политической линии путем расширения социальной основы Фронта и установления контактов с некоторыми представителями бывших господствующих классов. Определяя суть этой корректировки, С. Малешова говорил: «Мы открыли двери Фронта тем, кто сотрудничал с оккупантами, но не замочил свои руки в крови, и тем, кто боролся с оружием в руках против нас, а затем перешел на нашу сторону. Все это мы сделали потому, что Фронт является политической организацией всех албанцев и здесь все должны иметь возможность работать для новой Албании»[17]. Это означало готовность идти на контакт с теми группировками, которые демонстрировали желание сотрудничать с новым режимом.

Такой курс нашел свое выражение в реорганизации Национально-освободительного фронта, куда вошли КПА, молодежные и женские антифашистские организации, профсоюзы и отдельные представители феодальных кругов. Однако НОФ не стал коалицией партий [18]. Противостояние ему ряда группировок, настроенных враждебно к новой власти, продолжалось. На севере Албании продолжали действовать крупные вооруженные подраз-

* Поскольку в довоенной Албании по существу не имелось сформированной системы народного просвещения, весьма немногочисленная албанская интеллигенция чаще всего приобщалась к образованию и культуре в государствах Европы. Та ее часть, которая приняла активное участие в национально-освободительной борьбе и вошла в ряды КПА и ее руководства, как правило выступала носительницей демократических тенденций в этом руководстве. Типичным представителем этих кругов был поэт и философ Сейфулла Малешова.

деления, руководимые байрактарами. Их действия получали поддержку со стороны католического духовенства, объявившего открытую войну новому режиму, а также отрядов четников из Черногории. Зимой 1945 г. дело дошло до вооруженного восстания, для подавления которого была использована регулярная армия [19].

Несмотря на обострение внутриполитической ситуации, взаимодействие различных сил в рамках Фронта получило свое развитие. В августе 1945 г. на конгрессе Фронта, преобразованного в Демократический, был принят программный документ. В нем формулировалось положение о необходимости создания «прогрессивно-демократической республики» и достижения политического сплочения всего населения. Важнейшими пунктами этой программы были: защита и обеспечение независимости Албании и верховной власти народа, поддержка нового правительства, широкие экономические и социальные реформы, необходимые для создания самостоятельного демократического государства, мобилизация народных масс на решительное искоренение остатков фашизма и реакции, постоянная связь со всеми демократическими странами мира, и особенно Балканского полуострова [20].

Албанскому обществу, слабо политизированному, все еще регулируемому родоплеменными и религиозными нормами, был предложен документ, ориентирующий его на развитие демократических преобразований. Их реализация должна была создать основу для объединения этого общества на новых принципах. Курс, предлагавшийся коммунистами, свидетельствовал о стремлении руководства КПА не выпустить развитие ситуации из-под контроля и тем самым сохранить свои определяющие позиции в системе власти.

В других странах Восточной Европы — Болгарии, Чехословакии, Венгрии и Румынии — партии, выступавшие от имени рабочего класса, не располагали в 1944—1945 гг. организационно оформленной монополией власти (как КПЮ и КПА) и являлись компонентом демократических антифашистских коалиций. Особый характер имела пришедшая в июле 1944 г. к власти и отражавшая позиции лишь меньшинства общества коалиция в Польше. Здесь в союзе с ППР выступили леворадикально ориентированные представители других политических направлений.

Роль и место рабочих партий в демократических коалициях в значительной мере зависели от степени их участия в движении Сопротивления, его массовости, от социальной активности рабочего класса. Эта активность, развиваясь вначале в рамках антифашизма и будучи направленной на решение общенациональных задач, по мере своего нарастания стала приобретать сугубо классовый характер, что прежде всего проявлялось практически во всех рассматриваемых странах в массовом движении рабочих за установление снизу рабочего контроля за производством через фабрично-заводские комитеты и профсоюзы. Так, в Чехослова-

кии к концу 1945 г. существовали уже около 13 тыс. фабзавкомов, в Венгрии летом 1945 г.— 2500 таких комитетов. Исследователи констатируют массовый характер движения за фабзавкомы в Польше. В Болгарии установление рабочего контроля осуществлялось сначала через комитеты Отечественного фронта, а с лета 1945 г. контрольные функции были возложены на профсоюзные организации. В Румынии наблюдалась определенная специфика. Здесь установление контроля шло через государственные органы, но в них привлекались специально выделенные контролеры из числа рабочих, в первую очередь,— членов РКП и социал-демократической партии. На крупнейших промышленных предприятиях Румынии работали около 860 контролеров [21].

Вызванные к жизни стремлением сохранить предприятия от разграбления отступающими германскими войсками фабрично-заводские комитеты еще в ходе освобождения практически брали на себя функции по управлению оставшимися бесхозными промышленными предприятиями и по установлению контроля за работой остальных промышленных объектов, что имело место прежде всего в таких странах, как Польша, Венгрия, Чехословакия. В состав комитетов входили рабочие разных политических и мировоззренческих ориентаций.

Что касается функций фабрично-заводских комитетов, то они не были во всех странах полностью идентичными. Но суть их сводилась к тому, чтобы разрушить монополию собственников на управление производством и заставить их делить управленческие функции со своим социальным антиподом. Острые столкновения между предпринимателями и фабзавкомами наблюдались в Венгрии и в Болгарии. В Чехословакии уже летом 1945 г. открыто говорилось «о диктатуре Центрального совета профсоюзов» [22].

Весьма своеобразная ситуация сложилась в Польше, где фабрично-заводские комитеты стали той силой, которая практически не допустила возвращения на фабрики и заводы после изгнания оккупантов бывших польских собственников и их уполномоченных [23]. Польская буржуазия еще до принятия новой властью каких-либо законодательных мер фактически оказалась лишенной ведущих экономических позиций в системе производства. В отличие от других стран Восточной Европы, в Польше борьба в экономической сфере разворачивалась в принципиально иной плоскости: речь шла не о сохранении в том или ином объеме частнокапиталистической собственности, а о возвращении или невозвращении в частную собственность предприятий, взятых под временное управление новым государством.

Установление рабочего контроля и деятельность фабрично-заводских комитетов как органов прямой демократии на местах становились убедительным свидетельством не только антикапиталистических настроений подавляющей части рабочего класса стран Восточной Европы, но и его реальных действий, направленных на лишение буржуазии ее прежнего положения «полного хозяина в собственном доме». В условиях разделения власти

в государстве это создавало основу для укрепления влияния рабочих партий в обществе.

Лидер радикально настроенной части рабочего класса — ППР, не имела массовой поддержки в польском обществе. Она пришла к власти в благоприятных внешнеполитических условиях при прямой поддержке СССР. Коренным образом отличало польскую ситуацию от ситуации в других странах региона то, что здесь на этапе освобождения страны была реальностью другая коалиционная подпольная власть, имевшая морально-политическую поддержку большинства нации. Причем сложность и острота противостояния двух властей состояла в том, что оно приняло не столько социально-политический, сколько национально-патриотический характер. Водораздел прошел внутри всей нации, в том числе и внутри рабочего класса, прежде всего по вопросу об отношении к СССР и коммунистам.

Плюрализм политических ориентаций и представлений о национально-государственных интересах Польши и классовых интересов в рабочем движении был итогом сложного исторического развития страны. Накануне второй мировой войны Польша оставалась аграрно-индустриальным государством с острыми национальными противоречиями, различными конфессиональными и политическими ориентациями населения. Высокий, по сравнению с другими странами региона, уровень политической культуры и политизации населения был связан с участием многих поколений поляков в длительной борьбе за восстановление независимости.

Рабочий класс уже осознавал себя отдельной социальной группой в структуре общественных и политических отношений и был политически организован. Вместе с семьями он составлял около 1/3 населения страны. Но относительно слабое капиталистическое развитие накладывало свой отпечаток на облик и структуру рабочего класса. Лишь каждый пятый работающий по найму был связан с промышленным производством, ведущее место в котором занимали горнодобыча, металлургия, химическая, текстильная, пищевая и другие отрасли. Каждый третий работающий по найму являлся сельскохозяйственным рабочим. Примерно столько же было занято в ремесле. Несмотря на наличие уже достаточно оформленного промышленного ядра, в составе пролетариата преобладали рабочие первого поколения, связанные с докапиталистическими формами производства [24].

Целенаправленная политика оккупантов привела к серьезным изменениям численности и структуры рабочего класса. Несмотря на то, что основная масса рабочих была занята к концу войны на крупных заводах, развивались процессы деклассирования и расширения маргинальной прослойки внутри промышленного рабочего класса [25]. Эти «подвижки» неизбежно обусловливали множественность его политических ориентаций. Ситуация усложнялась особой обостренностью национального самосознания польского населения (включая рабочий класс) и конфессиональной

принадлежностью его абсолютного большинства (64,8 %) к весьма политизированному католическому костелу [26].

Рабочие входили практически во все многочисленные партии и национальные движения, действовавшие в межвоенной Польше, но прежде всего в социалистическое и коммунистическое, а также христианско-демократическое, основанное на принципах классового солидаризма. Речь идет о Стронництве працы (СП), образованном в 1937 г. и располагавшем влиянием в среде клерикально настроенных рабочих [27].

Главными претендентами на право выражать интересы и формулировать стратегические цели рабочего класса выступали социалисты (ППС) и коммунисты (КПП, в годы войны — ППР), которых разделяли глубокие идейно-политические расхождения. Компартия Польши, тесно связанная с Коминтерном, в массовом сознании воспринималась как инонациональная сила. Происшедшее в 1942 г. восстановление организационного центра польских коммунистов привлекло в ряды ППР не только бывших членов КПП, но и часть леворадикально настроенных социалистов и деятелей крестьянского движения — людовцев. Тем не менее партия вышла из подполья в июле 1944 г. относительно немногочисленной кадровой организацией. Тесно взаимодействуя с СССР, опираясь на его военно-политическую поддержку, ППР приступила к оформлению в Польше новой государственности, обеспечивая для себя ключевые позиции в системе власти [28].

К этому времени ППР прошла этап оформления партийной программы, ориентированной на демократические преобразования с постепенным движением к социалистической перспективе. В декларации «За что мы боремся» (ноябрь 1943 г.) провозглашалось лишение легитимности эмигрантского правительства и его администрации, восстановление всех демократических свобод и создание новых государственно-политических структур. В экономической сфере речь шла о преобразованиях, означавших исключение крупного капитала из экономики страны, защиту мелкого и среднего предпринимательства, передачу помещичьих земель беднейшей части деревни.

Особое место занимал в программе блок внешнеполитических решений (новые западные границы с включением этнических польских земель, фактическое признание права украинцев и белорусов на самоопределение вплоть до отделения, союз с СССР и западными державами), принципиально отличавший ППР от всех других партий [29]. Этот блок был наиболее труднопреодолимым препятствием на пути ППР к признанию в обществе.

По мере освобождения всех польских территорий, включая и ранее принадлежавшие Германии западные и северо-западные районы, в условиях общей радикализации настроений ряды ППР начали расти: в годы оккупации ППР насчитывала немногим более 12 тыс. членов, в сентябре 1944 г. — 18 тыс., в апреле 1945 г. — уже 302 тыс. По социальному составу это была, безусловно, рабочая партия. На долю рабочих в середине 1945 г.

приходилось 57,7 % всех ее членов. На долю крестьян — 32,7 %, интеллигенции — 9,6 %[30]. Анализ социального состава и политических настроений сторонников ППР, проведенный польскими учеными, свидетельствует, что расширение ее рядов шло прежде всего за счет тех, кто ожидал от новой власти быстрой реализации общественного аванса: малоквалифицированные рабочие, бывшие безработные, репатрианты из других стран, крестьянская малоземельная беднота и сельскохозяйственный пролетариат[31]. Это была наиболее радикально настроенная часть общества, которая хотела перемен решительных, немедленных и любой ценой. Она и обеспечила превращение ППР в массовую партию.

Но подготовленная руководством в условиях подполья программа партии, не содержавшая традиционных «классовых» положений и ориентаций на скорую «социалистическую революцию», оказалась отставшей от леворадикальных настроений многих новых членов партии. Эти настроения накладывались на коминтерновский менталитет части партийного аппарата и актива *, что создавало благоприятную почву для регенерации ультралевых устремлений как достаточно массовых и представляло серьезные трудности для тогдашнего руководства ППР.

Значительно большим, чем коммунисты, влиянием в польском рабочем движении располагала социалистическая партия, массовую базу которой составляли, прежде всего, высококвалифицированные рабочие, а также государственные служащие. К ним относились железнодорожники, печатники, работники связи и т. д. ППС ориентировалась также на сельскохозяйственных рабочих, на средние городские слои, на мелких служащих и чиновников[33]. В начале гитлеровской оккупации ППС самораспустилась, но вскоре была восстановлена как массовая под названием «Вольность, Рувность, Неподлеглость» (ВРН). ППС-ВРН выступила одним из создателей эмигрантского правительства, вошла как важнейший составляющий элемент в связанные с ним подпольные политические и военные структуры[34]. Главный программный документ ВРН — «Программа Народной Польши» — был опубликован в 1941 г. и содержал ряд основополагающих тезисов: объединение трудящихся масс города и деревни в борьбе за полное освобождение польских земель «от немецкой и советской оккупации»; после освобождения — утверждение «навсегда демократически-республиканского строя»; создание народного правительства при решающем влиянии «крестьян, рабочих и демократической части интеллигенции», объединенных на основе общей программы социально-экономических и политических преобразований.

* В 80-е годы один из лидеров ППР Я. Берман, вспоминая 40-е годы, неоднократно говорил о «несомненном давлении партийных низов, исповедовавших лозунги КПП». Среди работников аппарата ЦК и воеводских комитетов в конце 1945 г. более 50 % составляли бывшие члены КПП и молодежного коммунистического союза, а 25 % — члены ППР, вступившие в нее в 1944—1945 гг.[32]

Содержание этих преобразований было конкретизировано и отвечало настроениям трудящейся части польского общества. В экономике предлагалось провести глубокие демократические реформы: обобществление всех ключевых отраслей промышленности и банков путем их передачи не столько в государственную собственность, сколько под управление кооперативов, органов территориального самоуправления и фабзавкомов; конфискация помещичьей земли без вознаграждения и превращение крестьянского хозяйства в фундамент сельскохозяйственного производства. В политической сфере ВРН выступала за демократическую парламентскую республику и демократические принципы избрания двухпалатного парламента, за обеспечение гражданских свобод и равного общественного старта всем трудящимся, за широкое территориальное и экономическое самоуправление. Что же касается внешнеполитических концепций ВРН, то исходный их постулат состоял в утверждении: послевоенная Польша будет связана с западными державами военными союзами, ее внешняя политика должна быть направлена и против Советского Союза, и против Германии. На востоке мыслились предвоенные границы, на западе — включение в состав Польши Восточной Пруссии, Верхней Силезии, части Западного Поморья[35]. Именно здесь — в сфере внешней политики, накануне освобождения был эпицентр противоречий двух основных направлений в рабочем движении Польши.

В 1941 г. организационно оформилась группа «Польские социалисты» (с 1943 г.— Рабочая польская социалистическая партия — РППС), разошедшаяся с ВРН по принципиальным вопросам. «Польские социалисты» признали необходимость союза с СССР. Это открывало возможность для сотрудничества части левых социалистов и ППР, что и было реализовано на рубеже 1943—1944 гг. при создании КРН. Следует отметить, что среди них были достаточно распространены леворадикальные, близкие к доктринерству коммунистов настроения. Они находили свое выражение как в обвинениях лидеров ВРН в предательстве интересов рабочего класса, так и в программных лозунгах борьбы «за независимую социалистическую Польшу». Признавая право наций на самоопределение, левые социалисты считали проблему восточной границы Польши несущественной в условиях борьбы «за общеевропейскую социалистическую революцию»[36].

На фоне радикализации настроений рабочего класса и стремлений части его к реализации своих классовых интересов, минуя или игнорируя общенациональные приоритеты, наличие леворадикальных течений в ППР и РППС становилось препятствием на пути реализации широкого национального демократического фронта.

В решающий момент легализации в новой действительности значительная часть ППС-ВРН и ее руководство остались в подполье и не приняли новую власть. Часть же членов ВРН поддержала усилия деятелей РППС (Э. Осубки-Моравского, Б. Дроб-

нера, С. Матушевского и др.) по восстановлению осенью 1944 г., хотя и немногочисленной (5 тыс. членов), легальной ППС, взаимодействовавшей с ППР. Состоявшаяся в сентябре 1944 г. партийная конференция социалистов призвала в свои ряды тех, «кто в военное время сохранил верность принципам социализма», и признала КРН, Польский комитет национального освобождения (ПКНО) и рады народовы на местах как «наиболее соответствующую форму демократического руководства народа».

Бурный рост рядов этой партии пришелся на рубеж 1944—1945 гг. В апреле 1945 г. она насчитывала 125 тыс. членов. Причем только 17 % членов партии состояло в довоенной ППС и социалистических партиях периода оккупации. Более 50 % членов пришли в возрождавшуюся ППС из левых профсоюзов, спортивных, кооперативных и других организаций. Более 30 % состава партии были политическими новичками[37]. Такова была социальная структура социалистической партии, выступившей партнером коммунистов по новой власти.

В основу действий этой власти были положены программный документ КРН (Манифест демократических общественно-политических и военных организаций от 15 декабря 1943 г.) и Манифест ПКНО (22 июля 1944 г.), базировавшиеся на декларации ППР «За что мы боремся». Все намечавшиеся социально-экономические и политические преобразования не выходили за рамки демократизации общественных порядков в послевоенной Польше[38]. Социалистические требования рабочего класса (а речь шла прежде всего об их леворадикальном толковании) были руководством ППР сняты как неактуальные и не способствующие консолидации общества. Тем не менее основы для политических противоречий внутри рабочего класса, находившегося в разных политических лагерях, оставались и лежали они в двух плоскостях — внешнеполитической (союз с СССР и восточная граница) и внутриполитической (отношение к ППР и ее решающему участию во власти).

В Болгарии Отечественный фронт, пришедший к власти после восстания 9 сентября 1944 г., объединял далеко не весь демократический лагерь, находившийся в оппозиции к прежнему режиму. В него входили лишь те политические организации, которые дали согласие на сотрудничество с коммунистами: левое крыло БЗНС («Пладне»), «Звено» и левый фланг БРСДП. Коммунисты являлись в этом блоке силой, выступавшей от имени рабочего класса и видевшей именно этот класс в роли политического лидера послевоенного развития. Насколько реалистичны были эти претензии? Что представлял собой рабочий класс Болгарии к середине 40-х годов?

Облик страны определяло мелкотоварное сельское хозяйство. На долю занятых в промышленности приходилось лишь 7,9 % самодеятельного населения. Об экономическом отставании Болгарии от развитых стран свидетельствовала и структура промышленности, дававшей накануне войны 23,7 % национального дохо-

да[39]. В ней преобладали прежде всего отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья. Удельный вес отраслей, обеспечивавших технический прогресс и базовую индустриализацию, в общем объеме промышленного производства составлял всего 6,61 %, на долю же машиностроения приходился лишь 1 %[40].

Уровень экономического развития определял численность рабочего класса, его структуру и основные социокультурные параметры. В 1946 г. рабочий класс составлял 15,3 % активно занятого населения[41]. В промышленных отраслях было занято около 1/3 рабочих, примерно 1/4 составлял сельскохозяйственный пролетариат. Значительным было число рабочих, занятых в ремесле и в сфере услуг (19,2 %)[42]. Основная масса работающих по найму была связана с доиндустриальными формами производства[43]. Промышленное же ядро еще только зарождалось: всего 2 % занятых в промышленности работали на предприятиях, насчитывавших от 300 до 2 тыс. рабочих, где использовались технологии машинного производства[44].

Рассматривая основные параметры, характеризующие лицо рабочего класса, следует иметь в виду, что Болгария являлась страной с широким распространением грамотности. Уже накануне второй мировой войны 72 % населения были грамотны, из них 50 % имели законченное начальное и основное образование. Если говорить о рабочем классе, то начальное и семилетнее образование имели 72,2 % рабочих[45].

Подавляющая часть рабочих являлась рабочими первого поколения, тесно связанными происхождением, менталитетом с деревней, с ее традициями и политическими настроениями. Такие люди были своеобразным переходным типом от сельской бедноты к промышленному пролетариату, т. е. той социальной средой, где находили отклик не только прокоммунистические лозунги, но прежде всего аграристские концепции демократического переустройства общества.

Влияние фашистской идеологии в рабочей среде Болгарии (в отличие, например, от Венгрии) было незначительно. Не были здесь распространены и клерикальные настроения, ибо господствующая православная церковь не являлась активной политической силой, как например католический костел в Венгрии или Польше.

Еще в межвоенный период Болгарская рабочая партия — БРП пользовалась весьма значительным влиянием в рабочем движении. Она занимала последовательно антифашистские позиции в годы войны и принимала самое активное участие в вооруженной партизанской борьбе против режима, сделавшего Болгарию союзником Германии: 75 % участников партизанского движения были членами БРП или ее молодежной организации[46]. Это обстоятельство, а также вступление Красной Армии на территорию Болгарии, воспринятое подавляющей частью общества с энтузиазмом, обусловили лавинообразное расширение массовой

базы БРП. Из подполья после восстания 9 сентября 1944 г. вышли приблизительно 12—15 тыс. коммунистов, а к февралю 1945 г. их число достигло 254 тыс.[47]. Осенью 1944 г. партия приняла новое название — БРП (коммунистов).

Данный процесс свидетельствовал о резко возраставшей политизации именно тех социальных групп и слоев, которые ранее оставались на периферии общественной жизни. На общем фоне массового вступления рабочих в БРП(к) наибольшая активность наблюдалась среди сельскохозяйственных и связанных с ремесленным производством рабочих. И тем не менее к весне 1945 г. удельный вес рабочих среди членов партии по-прежнему был невысок и составлял лишь 25,6 %[48]. Этот показатель, вызывавший в партийном руководстве (особенно на уровне областей) большую озабоченность *, был естественен и являлся следствием структуры болгарского общества, где доминировали мелкие городские и сельские производители. Включение в общественную жизнь вело многих из них в БРП(к), которая воспринималась как наиболее влиятельная политическая сила, способная реализовать их интересы. Именно в этот период четко прослеживается тенденция увеличения в БРП(к) удельного веса непролетарских элементов, в первую очередь за счет вступления мелких и средних крестьян, а также достаточно сильного притока служащих. Последнее особенно рельефно проявлялось в Софийской партийной организации. Здесь в декабре 1944 г. соотношение между промышленными рабочими и служащими было 7 : 1,5, а в марте 1945 г. стало 1 : 1[50].

Все эти новые слои, вливавшиеся в партию на волне революционных эмоций, усиливали в ней леворадикальные настроения. Добиваясь реализации своих интересов, новые члены партии не могли не воздействовать на морально-психологическую атмосферу в ней, на принимаемые ее руководством решения.

В той общественно-политической обстановке, когда среди рабочих преобладали настроения, что «9 сентября не было полностью использовано», что «необходимо уничтожить хозяев, эксплуатирующих фабрики и заводы», что «в Болгарии надо было устанавливать Советскую власть»[51], а среди мелких собственников города наблюдался взрыв политических симпатий к коммунистам, в политике БРП(к) стали вырисовываться попытки монополизации ее политического положения за счет ограничения роли союзников по ОФ. Они находились в прямом противоречии с той линией, которую вело руководство партии в период подготовки восстания 9 сентября, когда ЦК БРП(к) пошел на признание принципа партийного паритета при формировании правительства ОФ. Этот же курс сохранялся в целом и при разработ-

* Весной 1945 г. на областных конференциях Русенской, Пловдивской и других парторганизаций отмечалась низкая доля рабочих среди членов партии, ставился вопрос о том, что рабочая партия должна быть и по своему составу рабочей, а каждый рабочий должен стать коммунистом[49].

ке программы правительства ОФ от 17 сентября 1944 г., которая была компромиссом всех партий ОФ; компромиссом, направленным на устранение экономических позиций торгово-спекулятивной буржуазии [52].

Однако уже начиная с октября 1944 г. в политике коммунистов стали нарастать другие тенденции, которые были зафиксированы политическими советниками СКК на основании бесед как с коммунистами, так и с деятелями других партий. В частности, отмечалось, что возглавив МВД партия взяла на себя всю ответственность за проведение политического очищения в стране *, в ходе которого было допущено на местах много необоснованных арестов. Вся политическая ответственность за реализацию непопулярных мер, таких, например, как реквизиции продовольствия в деревне, возлагалась общественностью на БРП(к), а через нее и на ее главного внешнеполитического союзника — Советский Союз. Коммунисты стремились взять на себя и всю работу по ориентации страны на СССР, хотя с точки зрения реализации коалиционной политики было более целесообразным привлечь к этому все население, и в первую очередь интеллигенцию. «В вопросе проведения внутренней политики в стране,— отмечал в декабре 1944 г. в беседе с представителем СКК Д. Г. Яковлевым член руководства Демократической партии С. Мошанов,— Рабочая партия забывает, что она участвует в коалиционном правительстве с буржуазными партиями, поэтому (она.— *Авт.*) сделала ряд тактических ошибок»[54].

Думается, что эти ошибки порождались получавшими все более широкое хождение в среде коммунистов представлениями о том, что существование ОФ как коалиции будет кратковременным. Такая позиция в значительной мере и нашла свое отражение в решении Политбюро ЦК «Об основных направлениях экономической политики ОФ» от 10 ноября 1944 г., где речь шла о фактическом отказе от условий компромисса с партнерами по ОФ. Обозначился новый, по сравнению с программой 17 сентября, курс по отношению к частному сектору в промышленности: его вытеснение через систему кредитов и налогов, с одной стороны, и расширение сети государственных, кооперативных, государственно-кооперативных, общественных и кооперативно-общественных предприятий — с другой. Выдвинута была и идея создания производственной кооперации в деревне. По оценке одного

* Этот вопрос представителям СКК представлялся крайне серьезным, и к нему они неоднократно возвращались в беседах с коммунистами. Рекомендуя привлекать союзников по ОФ к проведению мер по «выкорчевыванию фашистских элементов», они считали, что, «во-первых, рабочая партия могла бы проверить своих союзников в этом деле и выяснить насколько честно они относятся к рабочей партии и программе ОФ; во-вторых, если бы союзники вместе с рабочей партией принимали бы участие в репрессиях в отношении врагов ОФ, у союзников была бы исключена возможность свалить вину за репрессивные меры на рабочую партию»[53].

из руководителей БРП(к) П. Кунина, центральной теперь становилась линия на превращение экономики Болгарии из капиталистической в социалистическую[55].

Таким образом, осенью — зимой 1944 г. в политике БРП(к) обозначилась тенденция к разрыву с прежним курсом. Показателем ее стали и участившиеся со стороны политиков из других партий ОФ обращения в СКК с жалобами на «перетибы» и левые тенденции в поведении БРП(к). Так, П. Стоянов в беседе с заместителем политического советника СКК К. Д. Левычкиным в апреле 1945 г. указал, что «межпартийные трения исходят от рабочей партии, а не от земледельцев» (БЗНС.— *Авт.*), что СКК должна «как можно скорее вмешаться и как можно скорее урегулировать конфликт между рабочей партией и земледельцами». «Я заметил Стоянову,— говорится в записи беседы,— что СКК не компетентна вмешиваться во внутренние дела Болгарии и быть арбитром в разрешении межпартийных конфликтов». Председатель «Звена» И. Харизанов в беседе с Левычкиным в январе 1945 г. обвинял коммунистов в том, что они «осуществляют свою диктатуру, прикрываясь ОФ, и выдвигал требование пропорционального распределения мест в органах власти между политическими партиями, входившими в ОФ: «...все посты в органах власти, начиная с областного центра и кончая деревней, заняты рабочей партией... Если рабочая партия и в дальнейшем будет вести такую линию, то ОФ Болгарии угрожает опасность»[56]. Эти устремления БРП(к) были тем более опасны, что коммунисты не имели сколь-нибудь серьезных оппонентов ни в профсоюзном, ни в социалистическом движении, способных противостоять таким поворотам.

Общий рабочий профессиональный союз, ряды которого с сентября по декабрь 1944 г. расширились с 30 до 200 тыс. человек[57], практически находился под контролем коммунистов. Подпитываемые революционным энтузиазмом рабочих профсоюзы сами выступали носителями таких радикальных идей, как изгнание предпринимателей, саботировавших производство. Эта тенденция была весьма устойчивой. Г. Димитрову, видевшему опасность левого экстремизма, приходилось в конце 1945 г. разъяснять: «Задачи профессиональных союзов заключаются не в том, чтобы изгнать предпринимателя с его предприятия и поставить своего комиссара. Их задача заключается в том, чтобы... защищать интересы и права рабочего класса этого предприятия, чтобы приучать промышленника и всякого рода других хозяев к новому, совершенно новому отношению к рабочим и служащим...»[58].

Что касается социал-демократической партии — БРСДП, левое крыло которой входило в Отечественный фронт, то ее позиции в рабочей среде были весьма слабыми, и в этом существенное отличие состояния рабочего движения Болгарии от положения дел в Польше, Венгрии, Румынии, Чехословакии, где социалисты и социал-демократы располагали большим влиянием.

В рядах БРСДП осенью 1944 г. насчитывалось 12—15 тыс. членов, к концу 1945 г.— до 32 тыс.[59] Ее массовую основу, как и БРП(к), составляли представители мелкой буржуазии и средних городских слоев: ремесленники, учителя, служащие кооперативных организаций, железнодорожного транспорта, почт, чиновники и т. п. Значительным было и число крестьян. БРСДП, не располагая самостоятельными низовыми организациями на промышленных предприятиях, не могла сыграть роль сколько-нибудь серьезного противовеса влиянию коммунистов в рабочей среде и в обществе в целом и тем самым ослабить нарастание леворадикальных устремлений в БРП(к).

Оценивая ситуацию в рабочем движении Болгарии, можно видеть определенные аналогии с ситуацией в Югославии: и в той и в другой стране коммунисты фактически располагали политической монополией в рабочем движении, и их теоретические постулаты и концепции, вытекающие из принципов классового противостояния, воспринимались рабочей средой. Идеи социальных реформ путем постепенных компромиссов и уступок не сопрягались со степенью напряженности социальных отношений в обеих странах и не могли обрести сколько-нибудь устойчивой поддержки. Леворадикальные настроения по сути дела превалировали в сознании рабочего класса Болгарии и Югославии.

Но были и существенные различия. В Югославии создание НКОЮ положило начало организационно-государственному закреплению монополии КПЮ на власть. Здесь элементы коалиционности власти появились в 1944—1945 гг. под влиянием в значительной мере внешнего фактора, хотя и не только его. Они должны были реализовываться в условиях, когда новые государственные структуры, от центральных до местных, уже были сформированы и функционировали под прямым политическим контролем КПЮ.

В Болгарии же в рассматриваемое время и ОФ, и его правительство являлись результатом весьма непростого компромисса политических сил. БРП(к) была лишь одной из них. «Взрывообразное» расширение ее влияния в массах, следствием чего на местах стало фактическое установление политической монополии коммунистов, не изменило коалиционного характера центральной власти. Но создалась почва для давления леворадикальных сил на руководство БРП(к), что ускорило формирование ее союзниками по ОФ альтернативных концепций общественного развития.

В Чехословакии рабочий класс представлял собой наиболее многочисленную и организованную социальную группу. В 1937 г. его удельный вес в экономически активном населении составлял 44,6 % (в Чешских землях — 46,5 %, в Словакии — 37,6 %). Вхождение Чехословакии еще в межвоенный период в ряд государств, наиболее продвинувшихся по пути капиталистического развития обусловил принципиально иную, чем в остальном регионе, внутреннюю структуру рабочего класса и его социокуль-

турные параметры *. Среди рабочих (особенно в Чешских землях) самую высокую по численности категорию составляли промышленные рабочие, 60 % рабочего класса было занято в промышленности, ремесле, строительстве и на транспорте и 23 % работали в сельском хозяйстве (в Чешских землях соответственно 66 % и 18 %; в Словакии — 44 и 33 %)[60].

Война привела в обеих частях республики к резкому увеличению численности рабочих (в Чешских землях почти на 42 %, в Словакии — на 51 %)[61]. В Протекторате Богемия и Моравия, созданном оккупантами, имело место интенсивное насыщение его выходцами из других социальных слоев: ремесленниками, интеллигенцией и офицерством, студентами и служащими. В Словакии рост рабочего класса происходил как за счет ликвидации постоянно существовавшей безработицы, так и за счет привлечения в промышленность крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Сильные миграционные процессы после войны и переход части квалифицированных рабочих в администрацию и органы управления заводов, в госаппарат повлекли за собой такое негативное явление, как уменьшение доли кадровых рабочих. В районах пограничья стал складываться новый рабочий класс, для которого была характерна низкая профессиональная подготовка, слабая адаптация к новой среде и высокая степень социальной неустойчивости.

Отмечая порожденные войной негативные явления, следует иметь в виду, что рабочий класс Чехословакии уже был классом промышленно развитого общества **. Он имел глубокие традиции политической организованности и располагал опытом активного функционирования своих политических и профессиональных организаций в условиях парламентской демократии. Это во многом определяло его общественный менталитет. Вместе с тем в его политическом багаже был опыт «Мюнхена» и кризиса парламентаризма, который на первый план в общественном сознании выводил не просто отрицание домюнхенских порядков, а идеи социального переустройства на новых принципах, подавляющая часть которых ассоциировалась с социализмом.

Партии, объединившиеся еще в эмиграции в Социалистический блок, получили в стране после войны далеко не однозначную поддержку. Наибольший приток новых членов наблюдался в КПЧ. Вышедшая из подполья весной 1945 г. она насчитывала около 37 тыс. членов, а к марту 1946 г.— уже свыше 1 млн человек[63]. При этом рабочий класс оставался в КПЧ превалирую-

* Чехословакия к началу 30-х годов была страной сплошной грамотности, и уже в межвоенный период обязательным было восьмилетнее образование.

** Об этом наглядно свидетельствует структура его профессиональной подготовки: в Чешских землях в 1946 г. доля квалифицированных и обученных рабочих составляла 51,5 %, 29,8 % составляли подсобные рабочие. В Словакии соответственно эти показатели были следующие: 44,7 % — квалифицированные и обученные рабочие и 55,3 % — подсобные рабочие[62].

щей социальной группой: в 1946 г. 57,1 % всех членов партии составляли рабочие, 12,8 % — крестьяне, 4,1 — ремесленники и мелкие предприниматели, 9,2 % — интеллигенция и 16,8 % другие социальные категории [64].

Столь интенсивное вступление в партию, которая в межвоенный период не входила в правительственные структуры и оставалась на общественной периферии, свидетельствовало о нарастании в стране леворадикальных настроений, что позволило КПЧ переместиться в центр политической жизни. Освобождение страны Красной Армией не только закрепляло это перемещение, но и делало его величиной постоянной. В массовом сознании складывалось восприятие компартии как наиболее влиятельной силы [65].

Не отрицая безусловного воздействия внешнего фактора, думается, что среди многих причин, обусловивших рост авторитета коммунистов в годы войны, можно назвать и их стремление быть носителями общенациональных интересов и приоритетов. Об этом наглядно свидетельствовали дискуссии вокруг Кошицкой программы.

Руководство КПЧ в обстановке, когда политически активная часть общества будущее страны связывала с идеями социализма в их различной интерпретации, не выдвигало в своих программных документах таких идей и не давало своей трактовки социализма. Готвальд настойчиво проводил мысль о том, что на повестке дня стоит «не социалистическая революция и диктатура пролетариата, а национальная, освободительная, демократическая революция»[66]. Член руководства КПЧ Р. Сланский в беседе с послом СССР в Чехословакии В. А. Зориным весной 1945 г., характеризуя позиции отдельных партий, выходивших на политическую арену в освобожденной стране, весьма критически оценивал позиции левых социал-демократов. В частности, он прямо подчеркнул, что социал-демократы «стоят сейчас на архилевых позициях в области экономики, говоря что они за социалистические мероприятия. Коммунисты наоборот сдерживают их, указывая на преждевременность социалистических мероприятий». «Сланский, смеясь, сказал,— записал в дневнике Зорин,— что в 1918 г. коммунисты предлагали переход к социализму, а социал-демократы решительно возражали, говоря, что они за национальную революцию, сейчас социал-демократы чуть ли не за переход к социализму, а коммунисты выступают за национальную революцию»[67].

Большинство исследователей (и советских, и чехословацких) были склонны видеть в такой позиции руководителей КПЧ чисто тактический ход. Однако в 1968 г. чехословацкий историк Я. Недвед высказал предположение, что наблюдаемый длительное время уход коммунистов от определения своих социалистических целей имел глубокие внутренние причины. Руководящие политики, по его мнению, ясно представляли себе невозможность в условиях чехословацкого общества выступать с классическими

представлениями о социализме на базе советского опыта, а новой его интерпретации в компартии еще не существовало[68]. Я. Недвед считает, что в этот период во внутрипартийных документах уже обрисовалось понятие «нашего пути к социализму». Думается, что в пользу такой точки зрения свидетельствует и то обстоятельство, что уже летом 1945 г. в Народно-хозяйственной комиссии ЦК КПЧ был разработан документ под названием «Проект экономической политики Национального блока трудящихся города и деревни», в котором были сформулированы принципы создания и функционирования многосекторной экономики, что не вписывалось в сталинскую схему социализма.

Однако политическая линия руководства КПЧ на общенациональные приоритеты, воплощенная в Кошицкой программе, оказалась неадекватной настроениям в рабочей среде. Представители Революционного профсоюзного движения — общенациональной профсоюзной организации, являясь в подавляющей своей массе левыми социал-демократами, по существу отвергли Кошицкую программу, расценив ее как «малореволюционную и не содержавшую ничего социалистического»[69]. В рабочем же классе внесенный социал-демократами в Кошицкую программу пункт о необходимости поставить под общее государственное руководство всю финансово-кредитную систему, ключевые промышленные предприятия, страхование, природные и энергетические источники интерпретировался весьма однозначно — как изъятие указанных отраслей из рук частного капитала. Именно с этим требованием со ссылками на Кошицкую программу в летние месяцы 1946 г. пошли петиции с фабрик и заводов в министерство промышленности, возглавлявшееся одним из видных деятелей социал-демократической партии Б. Лаушманом. Эта своеобразная «вилка» в настроениях рабочего класса и линии, предлагавшейся руководством КПЧ, не могла, как покажет последующее развитие событий, не повлиять на позиции той части этого руководства, которая была склонна к революционному радикализму.

Чехословацкая социал-демократическая партия, традиционно выступавшая как партия рабочего класса и располагавшая в довоенный период значительным влиянием в рабочей среде, начала восстановление своих позиций весной 1945 г. Этот процесс во многом осложнился тем, что в период оккупации партии не удалось сохранить в стране свои местные структуры. Леворадикальная волна, способствовавшая расширению рядов КПЧ, для социал-демократии сыграла прямо противоположную роль: значительная часть рабочих (а до войны именно они составляли 60 % членов социал-демократической партии в Чешских землях) перешла к коммунистам. К концу 1945 г. социал-демократическая партия насчитывала около 250 тыс. членов[70] (т. е. почти в три раза меньше, чем КПЧ). Столь замедленный, по сравнению с компартией, рост массовой базы социал-демократии обусловливался рядом причин. С одной стороны, в рабочей среде создание Социалистического блока трактовалось как пролог к объедине-

нию двух рабочих партий, что порождало в конкретной обстановке 1945 г. стремление вступать прямо в компартию.

С другой стороны, от руководства социал-демократией отошли старые, традиционные лидеры. Их место заняли представители левого крыла — З. Фирлингер, Б. Лаушман, Э. Эрбан, Л. Янковцева, тесно сотрудничавшие с коммунистами *. Радикальный курс новых руководителей ** далеко не всегда получал поддержку и одобрение членов довоенной социал-демократии [73].

Все это требовало от лидеров изменения социальной опоры партии. В обстановке национально-патриотического подъема возможности виделись в расширении спектра социальных сил, которые будет объединять эта партия. К 1947 г. эти изменения стали отчетливо прослеживаться. Теперь рабочие составляли лишь 33,4 % всех членов партии, ремесленники — 6,7 %, частные служащие — 9,7 %, крестьяне — 11 %, государственные служащие — 11,3 %, профессора, учителя — 1,73 %, студенты 1,6 %, другие социальные группы — 24,4 % [74]. Таким образом, не столько рабочие, сколько представители многочисленных в чешском обществе средних слоев, которые совершали поворот влево в своей политической ориентации и которым импонировали идеи социализма в социал-демократической трактовке, стали составлять основную массу ее членов. Чехословацкая социал-демократическая партия в своей программе заявляла, что «перспективой сегодняшнего переходного периода является не альтернатива социализм или капитализм, а альтернатива социализм или хаос». И она выступает за социализм: «Социализм перестает быть только интересом рабочего класса и становится условием социального развития нации...» [75]. Отрицая капитализм как общественный строй, социал-демократы исходили из того, что на повестке дня стоит следующая задача: вместо либеральной демократии создать «новую демократию, демократию народную, в которой подлинным хозяином будут самые широкие слои народа». В сфере политической должно произойти объединение трудового народа в рамках нескольких партий, у которых существуют различные политические взгляды, но нет классовых противоречий, что и позволит полностью использовать демократические методы и установить действительное народовластие. Эта политическая структура долж-

* Либеральные политики из окружения Э. Бенеша видели в этом сотрудничестве опасность для будущего развития страны, расценивая лидера левого крыла З. Фирлингера как «кукушкино яичко», подброшенное Готвальдом в гнездо социал-демократии.

** Например, Б. Лаушман полагал, что следует взять «в свои руки управление 60—70 % чехословацкой промышленности» и при этом «в управлении промышленностью должно использовать опыт СССР» [71]. Представители министерства промышленности, в частности Э. Эрбан, уже 25 мая 1945 г. в беседе с работником советского посольства в Праге Демьяновым поставили вопрос «о желательности послать в СССР специальную комиссию для изучения опыта планирования и управления отдельных отраслей промышленности». Было высказано пожелание, «чтобы СССР при Экономическом Совете Чехословакии создал постоянный институт экономических советников» [72].

на базироваться на смешанной многосекторной экономике. В качестве субъектов общественной собственности, по мнению социал-демократов, должны были выступать не только государство, но и весьма широкий круг коллективных собственников — область, город, район, населенный пункт или самоуправляющийся производственный союз. Передаче в общественную собственность должны были подлежать энергоисточники, банки, финансы, страхование и отрасли тяжелой промышленности. Остальное производство должно было остаться в сфере частного предпринимательства, субъектами которого могли стать и отдельные лица и объединения производителей [76].

Такая программа с акцентами на принципы политической и экономической демократии отвечала менталитету средних слоев и, как показала ситуация, была ими принята. К середине 1946 г. численность социал-демократической партии достигла 352 тыс. человек и вплоть до 1948 г. (до объединения с КПЧ) колебалась в этих пределах [77].

Анализируя политическую организованность чехословацкого рабочего класса, было бы принципиально неверным оставить в стороне партию национальных социалистов, также входившую в Социалистический блок. Она выступила на арену послевоенной политической жизни под социалистическими лозунгами, обратившись к своей программе 1918 г., выдвинутой в период подъема национально-освободительной и революционной борьбы. Эта программа базировалась на принципах «практического социализма», которые понимались как участие рабочих во власти, включая правительство, а также проведение национализации крупных предприятий путем возрастания доли государства в той или иной отрасли. В 1945 г. были вновь предложены обществу идеи «демократизирующегося социализма» или «социализирующейся демократии», сформулированные Э. Бенешем как идеологом этой партии в 1931 г., когда экономический кризис достиг своего апогея. Делая акцент на отрицании классовой борьбы и любых форм насилия, рассматривая социализм как этический идеал, он связывал переход к нему с серией социальных, культурных и экономических реформ, которые и должны привести к изменению общественного строя [78].

Провозглашение приверженности идеям неклассового, национального социализма, наполнение программных заявлений в 1945 г. положениями о политических свободах и демократии как идейном наследии гуманизма Т. Г. Масарика, о необходимости обеспечения прав человека и, наконец, определение партии национальных социалистов как партии, отражающей интересы «маленького чешского человека»,— вот те главные постулаты, которые отвечали настроениям значительной части чехословацкого общества.

Однако экономические аспекты программы оставались весьма умеренными. Они ограничивались лишь требованиями контроля государства над крупными промышленными предприятиями и

всеми средствами производства. Но по мере того, как на политические реальности в освобожденной стране стали все больше воздействовать выступления рабочего класса, добивавшегося национализации промышленности и банков, национальные социалисты вынуждены были уточнять и конкретизировать свою экономическую программу. Основой развития экономики провозглашалась теперь такая «плюралистическая система», где наряду с государственными и общественными промышленными, торговыми и финансовыми предприятиями и институтами существовали бы смешанные предприятия, «в которых государство или общественные организации будут делить собственность с частными предпринимателями»[79]. Вместе с тем в торговле, финансах и предпринимательстве должен был сохраняться частный сектор. Думается, что программу национальных социалистов нельзя оценивать только как направленную на сохранение позиций буржуазии. Акцент на демократию и интересы «маленького чешского человека» закладывал в нее серьезный преобразовательный потенциал и делал ее созвучной настроениям отнюдь не только мелких и средних городских слоев, но и части рабочего класса. Совсем неслучайно послевоенная массовая база этой партии оказалась достаточно широкой. В ее рядах уже к началу 1946 г. насчитывалось 580 тыс. членов. Среди них на долю рабочих и мелких служащих, близких по своему статусу к наемному рабочему, приходилось 25 %; на долю служащих — 26 %, мелких предпринимателей — 14 %, крестьян — 18 %, и прочих — 17 %[80].

Таким образом, рабочий класс Чехословакии связывал свое будущее с продвижением к социализму. Но поскольку представления о новом строе были весьма различны, то это и находило свое отражение в политической ориентации рабочих на разные партии, предлагавшие программы движения к социалистическому идеалу. Следует особо подчеркнуть, что уже весной-летом 1945 г. в рабочем движении Чехословакии четко обрисовалась тенденция к леворадикальному видению социализма и пути к нему. Причем наиболее ярко это проявилось не столько в рядах КПЧ, сколько среди левых социал-демократов и в профсоюзном движении.

В Венгрии, как и во всех других странах, где возникли коалиционные правительства, партии, выступавшие от имени рабочего класса — КПВ и СДП — вошли при прямой поддержке СССР в систему государственно-политической власти. Но доля их участия, возможности его реализации были иными, чем в Польше, Болгарии и Чехословакии. Они определялись в первую очередь тем, что антифашизм не сложился здесь в массовое движение и не определял общую атмосферу в обществе на рубеже войны и мира. Еще недавно немалая доля рабочего класса поддерживала правящий режим и принимала участие в политической жизни через фашистские организации. В отличие от ситуации в оккупированных гитлеровцами странах, где антифашизм как социальное явление теснейшим образом оказался увязан с национально-

патриотическими чувствами абсолютного большинства нации, в Венгрии (как и в Румынии) радикализации общественных настроений к моменту разрыва с фашистской Германией не произошло. Патриотизм нации долгое время был обращен на защиту режима Хорти.

Национальная катастрофа (немецкая оккупация, жестокие бои на территории Венгрии, сознательное разрушение гитлеровцами производственного потенциала, военное поражение и восприятие в массовом сознании прихода Красной Армии как трагедии нации) могла вызвать к жизни социальную радикализацию, но на иной почве: на основе экономических факторов, естественного стремления к самосохранению, к преодолению хозяйственной разрухи. В такой ситуации рабочий класс мог стать важнейшим действующим лицом, без участия которого было невозможно решение этих общенациональных задач.

Что же представлял собой венгерский рабочий класс как социальная общность?

Венгрия (как и Польша) относилась к группе аграрно-индустриальных стран. К началу 40-х годов она существенно продвинулась по пути капиталистического развития; удельный вес промышленности в создании национального дохода составил 37,8 % [81]. Показателем экономического развития была и достаточно высокая степень урбанизации. В 1941 г. 38,3 % населения проживало в городах [82]. Об уровне цивилизованности общества свидетельствовали распространение грамотности и структура образования. К 1941 г. почти 94 % населения страны уже были грамотными. Из них 15 % имели восьмилетнее образование, 4,2 % — среднее и 1,6 % — высшее. В 1940 г. был принят закон о всеобщем восьмилетнем школьном обучении [83]. Что касается структуры промышленности Венгрии, то для нее уже был характерен высокий удельный вес добывающих и тяжелых отраслей, в первую очередь машиностроения, что также свидетельствовало о продвинутости развития по пути капитализма. В конце 40-х годов именно в этих отраслях было занято около 2/3 всего рабочего класса страны. Фабричное производство в целом по промышленности составляло 60 % [84].

Однако незавершенность индустриализации проявлялась в частности в том, что в Венгрии сформировался всего один крупный промышленный центр — Большой Будапешт *. Здесь была занята почти половина промышленных рабочих [86]. Другим показателем незавершенности индустриализации была высокая (25 %) доля кустарного и полукустарного производства [87], что

* Как показывают материалы СКК, провинция в подавляющем большинстве оставалась аграрным придатком к этому промышленному центру. Например, социальная структура комитатов Толна и Шомори на начало 1945 г. была следующей: в сельском хозяйстве было занято соответственно 66,9 % и 61 % населения; доля рабочих и мелких кустарей составляла 16,6 % и 15 %, чиновников и лиц свободных профессий — 7,5 % и 7 % [85].

оказывало влияние и на структуру рабочего класса. В 1946 г. из всех занятых в промышленности рабочих и служащих с фабричным производством было связано 56 %, остальные — с кустарным и полукустарным производством. Что же касается профессиональной подготовки и квалификации рабочего класса, то по данным переписи 1949 г., из 28,5 % рабочего класса в общем составе экономически активного населения 11,2 % являлись квалифицированными рабочими, 12,1 — разнорабочими и 5,2 % — малоквалифицированными [88].

Широкое распространение грамотности и образования создавали базу для достаточно высокой политизации общества. Если же учесть, что основные звенья народного образования контролировались католической церковью (65 % начальных школ, более 1/3 средних и 3/4 учительских институтов фактически находились в руках католического духовенства) [89], то совершенно очевидно, что на определение политической ориентации рабочего класса оказывали немалое влияние клерикальные политические группировки. В этом состояла одна из существенных причин крайне ограниченного значения левых сил, в особенности коммунистов.

Долгие годы находившаяся в подполье компартия Венгрии * вышла из него только в конце 1944 г., насчитывая 2500 человек [91]. К марту 1945 г. в условиях постепенного оживления левых настроений и возвращения из эмиграции революционных деятелей в рядах партии было уже 55—60 тыс., а в мае 1945 г.— 150 тыс. членов. Интенсивный рост компартии в основном происходил за счет приема рабочих (как ранее беспартийных, так и тех, кто еще недавно был политически организован в других партиях), лишь 15 % ее членов были крестьянами, ремесленниками или выходцами из городских слоев [92]. Среди вступавших в ВКП значительной была доля радикально настроенных социал-демократов, видевших в коммунистах последовательных сторонников самых революционных преобразований. Решительность, весьма близкая к прямолинейности, и революционное нетерпение были наиболее характерной чертой настроений людей, группировавшихся вокруг компартии уже на этапе освобождения. Существенную роль в скачкообразном росте «привлекательности» ВКП на местах сыграло присутствие Красной Армии и опора коммунистов на ее силу [93], материализуемую через деятельность советских комендатур и СКК.

Немалое число новых членов ВКП составляли и бывшие рядовые члены фашистских организаций, запрещенных СКК и распущенных правительством. Чаще всего это были малоквалифици-

* Еще в ноябре 1944 г. один из активных деятелей венгерской социал-демократии Ш. Гарбаи, в годы войны находившийся в Париже, в беседе с советником посольства СССР во Франции констатировал, что в Венгрии «имеется в настоящее время растворившаяся социал-демократическая партия. Существует нелегально и неизвестной силы компартия» [90]. До осени 1944 г. компартия Венгрии называлась КПВ, с осени — ВКП.

рованные рабочие, недавние выходцы из деревень и местечек, представители мелкого предпринимательства, которые в свое время пошли за националистическими, антисемитскими лозунгами салашистов. Склонные к радикализму, располагавшие политическим опытом пребывания в правящих (и околоправящих) партиях и практикой жизни в авторитарном государстве, они теперь устремились в ряды компартии[94].

Сообщения представителей СКК весной 1945 г. свидетельствовали о весьма частых случаях приема местными организациями ВКП в свои ряды бывших салашистов[95]. Чрезвычайно быстрое расширение рядов компартии весьма негативно оценивалось в отчетах советского посольства в МИД СССР[96]. Критически оценивалась и деятельность коммунистов на местах, где налицо была явная переоценка своих сил. Такая ситуация в партии во многом объяснялась тем, что партийный актив, особенно в низовых структурах, зачастую состоял из людей, привлеченных радикальными лозунгами, и лишь только приобщавшихся к политической деятельности. Так, например, уполномоченный СКК по комитату Толна, описывая ситуацию, сообщал: «Руководитель партии — Клейн Калманс работает с декабря 1944 г., по национальности мадьяр, по специальности — сапожник. В тюрьме просидел два года. Освобожден из тюрьмы с приходом частей Красной Армии. Кроме руководителя компартии является губернатором и председателем национального комитета. Крайне перегружен обязанностями. Опыта в руководстве не имеет. Первоначально Клейн... и др. пошли по пути беспринципного создания местной организации компартии, приняв в ее ряды буржуазные элементы и пр. После приезда и вмешательства члена ЦК компартии организация была распущена...»[97].

Присущие венгерскому коммунистическому движению еще в межвоенный период леворадикальные взгляды, основанные на возведенном в абсолют классовом принципе, выплеснулись в легальную политическую жизнь на рубеже 1944—1945 гг. и принимались частью венгерского общества (прежде всего частью рабочего класса). Даже советские дипломаты, анализируя ситуацию в стране весной 1945 г., отмечали как основную опасность «левацкие загибы молодых коммунистов» и считали их «особенно опасными, потому что они отпугивали крестьян и мелкую буржуазию... поддерживали левацкие настроения среди венгерских рабочих, которые считали, что нечего строить буржуазную демократию, а надо сразу в Венгрии объявлять советскую власть. К сожалению, компартия не развернула своевременную борьбу с левацкими настроениями, причем такие настроения проявлялись и со стороны руководящих коммунистов»[98]. Посольство СССР отмечало большую опасность левого радикализма, выступавшего пока как одна из тенденций общественной жизни. Опасность превращения этой тенденции в определяющее политическое направление виделась в том, что коммунисты «сами себя осуждали на одиночество и изоляцию»[99].

Такое развитие ситуации было тем более реально, что носители указанных тенденций входили в структуры власти и имели гарантированную поддержку со стороны Советского Союза и руководства ВКП(б). Последнее чрезвычайно важно иметь в виду, поскольку все военные годы руководство венгерской компартии состояло из двух центров: подпольного ЦК в Будапеште (лидеры Л. Райк и Д. Каллаи) и Заграничного бюро в Москве (лидеры М. Ракоши, Э. Гёре).

Отмежевываясь от ультралевых элементов в партии, которые считали возможным провозглашение в Венгрии диктатуры пролетариата, в ЦК осенью 1944 г. была разработана серия мер, направленных на сотрудничество различных сил во имя реформирования общества. Речь шла о радикальном преобразовании «капитала и частной собственности с тем, чтобы они не могли путем эксплуатации и спекуляции, восстановления безработицы и подавления кустарной и мелкой промышленности, мелких торговцев и интеллигенции тормозить достижение экономического благосостояния, преуспевания и благополучия рабочего класса, крестьянства и других трудящихся слоев Венгрии»[100]. Но предложенное направление реформ не стало программным.

В ноябре 1944 г. в Сегеде была принята как общепартийная программа Заграничного бюро, а в декабре 1944 г. она же стала программой Венгерского национального фронта независимости. Центральное место в ней занимали требования национализации ряда ведущих отраслей промышленности, конфискации военных прибылей, установления государственного контроля над банками и ликвидации монополий, принципиального изменения положения рабочего класса[101].

Такие подходы и особенно наличие развернутой программы действий по изменению положения рабочего класса в обществе были близки его радикально настроенной части и, в свою очередь, «подпитывали» эти настроения. Но уже весна 1945 г. показала, что подъем разрушенной войной экономики, в чем было заинтересовано абсолютное большинство нации, невозможен без включения частного капитала в производство[102]. Последнее предполагало и широкую коалицию различных политических сил, где ближайшим союзником могла быть только социал-демократия.

Рабочее движение Венгрии имело глубокие социал-демократические традиции, исторически связанные с австро-марксизмом, одним из наиболее влиятельных реформаторских течений в социалистическом движении Западной Европы. СДП Венгрии являлась старейшей легальной политической партией страны, традиционно объединявшей уже в межвоенный период значительную часть рабочего класса. Объявленная вне закона после германской оккупации Венгрии эта партия даже ее лидерам казалась растворившейся в обществе[103]. Но восстановленная в феврале 1945 г. она достаточно быстро перешла к активной деятельности. К марту 1945 г. в ее рядах было уже 60—65 тыс., а в августе — 300 тыс. членов. По официальным данным, до 70% социал-де-

мократов были рабочими. СДП имела сильные позиции как среди металлистов, печатников, железнодорожников, так и среди ремесленников, мелких торговцев, предпринимателей. Непролетарская часть партии стала интенсивно увеличиваться на волне послевоенной социальной радикализации. Усилился приток служащих, демократической интеллигенции и даже крестьянства. По-видимому, этим и можно объяснить уменьшение доли рабочих до 50—55 % [104]. Итак, это была рабочая партия, где сильное правое крыло ориентировалось на реформизм, на эволюционный путь к социализму, видело свой идеал в теории и практике английского лейборизма.

СДП являлась серьезным оппонентом компартии, претендовавшим на политическое выражение интересов рабочего класса, и одновременно конкурентом КПВ в борьбе за влияние на общество. Несмотря на то, что осенью 1944 г. было достигнуто соглашение о единстве действий с коммунистами, внутри социал-демократической партии этот курс не находил безоговорочной поддержки. Разногласия существовали как в руководстве, где против этой линии, поддерживавшейся центром (А. Сакашич) и левыми (Д. Марошан), наиболее активно выступала весьма сильная и влиятельная группировка правых во главе с К. Пейером и А. Кетли *, так и в низовых организациях. Уполномоченные СКК в разных комитатах систематически сообщали «о совместных выступлениях в отдельных комитатах социал-демократов и ПМСХ против коммунистов», что напрямую связывалось ими с деятельностью сторонников Пейера [106]. Именно вопрос: «союз с коммунистами или с ПМСХ?»,— был тем стержнем, вокруг которого разворачивалась борьба в партии.

Сохранение самостоятельного политического курса было тем «невралгическим узлом», который во многом определял политическую линию социал-демократов в правительстве. По наблюдениям советских дипломатов, последние уделяли работе в правительстве «мало внимания» и пытались «в целом ряде случаев занять оппозиционную позицию» в отношении коалиционного демократического правительства. Такая политика СДП вызывала раздражение советской стороны. Советский посланник Г. Пушкин в беседе с Сакашичем указывал: «Пора бросить заниматься голой критикой правительства, необходимо самим помогать правительству в восстановлении страны» [107].

Общее представление о том, каким видело большинство социал-демократов послевоенное развитие Венгрии дает меморандум бывшего Председателя правительства Венгерской советской республики (1919 г.), одного из лидеров СДП Ш. Гарбаи Комиссариату иностранных дел СССР от 19 ноября 1944 г. Исходя из анализа социального состава венгерского общества, где была высока доля мелких собственников, предпринимателей и беззе-

* Эти деятели резко критиковали линию ЦК на сотрудничество с коммунистами и требовали отказа от нее [105].

мельных крестьян, которые имеют «глубокую приверженность к частной собственности», Гарбаи видел одно из центральных направлений политики социал-демократов в сохранении, опеке и поддержке мелких городских производителей и в наделении 2,5 млн безземельных крестьян землей. Решение этой проблемы, по его мнению, «может быть осуществлено революционными путями, но оно обязательно должно быть основано на демократических началах. Социальная революция в Венгрии не может перепрыгнуть через демократический этап». Поэтому Ш. Гарбаи, присоединяясь к идее народного фронта и тезису о сотрудничестве различных социальных сил, категорически возражал против диктатуры пролетариата, базирующейся на диктатуре меньшинства промышленных рабочих.

Неприятие диктатуры пролетариата вытекало прежде всего из критического осмысления опыта Венгерской советской республики с ее политикой тотального огосударствления, с кровопролитной гражданской войной и жесточайшим террором противоборствующих сил. Гарбаи высказал опасения, что установление диктатуры пролетариата вновь втянет многомиллионные мелкобуржуазные и пролетарские массы в гражданскую войну и тем самым будет увековечено «то, что следует избежать любой ценой». Гарбаи напрямую обращался к Советскому правительству с просьбой обеспечить гражданский мир и политическое согласие в Венгрии: «...Если Советское правительство даст нам возможность вновь поднять нашу голову, покрытую кровью и стыдом, мы будем ему за это всегда признательны и мы не допустим никогда, чтобы мы попали в рабство империализма. Наш народ может сдержать это обещание при условии, что мировая война не перерастет в гражданскую войну»[108].

Что касается судьбы крупной капиталистической собственности, то этот вопрос в меморандуме не ставился. Тем не менее он был поставлен послевоенной объективной реальностью. В августе 1945 г. социал-демократы зафиксировали на своем съезде намерения добиваться активного вмешательства государства в управление экономикой и как неотложную задачу рассматривали национализацию шахт, электростанций, нефтеочистительных заводов и отраслей тяжелой промышленности[109]. Таким образом, представления социал-демократов о содержании преобразований в экономической сфере были весьма близки к тому, что фиксировали в то время программные документы ВКП.

По-видимому, можно говорить о сближении и по такому коренному вопросу, как трансформация политической сферы. Но при этом в среде социал-демократов сохранялось недоверие к коммунистам, к провозглашаемой ими политике реализации коалиционной власти. «Выбросы» левого радикализма как со стороны коммунистов, нередко демонстрировавших свое особое положение в системе коалиции[110], так и со стороны левых социал-демократов, в среде которых уже в 1945 г. раздавались призывы поставить на повестку дня задачу строительства социализма,

могли стать источником конфликтных ситуаций в обстановке, когда ПМСХ, численно превосходя обе рабочие партии, выступила как реальный претендент на роль общенационального лидера.

Такое развитие ситуации, обрисовавшееся в первые месяцы 1945 г., не устраивало по меньшей мере три стороны: коммунистов, которые могли потерять свою долю власти; левых и центр социал-демократии, которые могли оказаться оттесненными блоком правых из рядов СДП и ПМСХ на политическую периферию; и, наконец, СССР, который не мог допустить возникновения правительства с преобладанием западной ориентации. Взятые по отдельности и коммунисты, и социал-демократы не имели шансов создать противовес влиянию ПМСХ, и это, по-видимому, понимали наиболее дальновидные деятели рабочих партий. Поэтому взаимопритяжение большей части социал-демократов и коммунистов, опиравшихся на поддержку и авторитет СКК и СССР, становилось во многом объяснимой тенденцией.

Сходная тенденция в действиях двух рабочих партий наблюдалась и в Румынии. Рассматривая положение рабочего класса в послевоенном румынском обществе, следует исходить из того, что облик национальной экономики определяло здесь отсталое сельское хозяйство. Доля промышленности в структуре национального дохода в 1938 г. составляла 22,1 %, а удельный вес рабочих в социальном составе населения не превышал 7 %[111]. В годы войны в результате милитаризации экономики произошло увеличение численности занятых в промышленности почти в два раза. Это пополнение осуществлялось прежде всего за счет сельскохозяйственных рабочих, беднейших слоев крестьянства и части люмпенизированных категорий городского населения[112].

Основу румынской промышленности составляли нефтедобыча и отрасли по переработке продукции сельского хозяйства, где широко использовался ручной труд. Доля металлургии и машиностроения в валовом выпуске промышленной продукции в 1948 г. едва превышала 16 %. Но наличие этих отраслей свидетельствовало о развивавшейся базовой индустриализации. Хотя, как и в предвоенные годы, в промышленности преобладали (82,6 %) мелкие, нередко кустарные предприятия с числом рабочих от 10 до 100, но занято на них было лишь 24 % рабочего класса. Основная масса промышленных рабочих (46,3 %) концентрировалась на крупных заводах и фабриках (свыше 500 занятых), доля которых составляла 3,8 % промышленного потенциала страны[113]. Процессу базовой индустриализации соответствовал и облик рабочего класса, его внутренняя структура, которые в значительной мере определялись маргинальными слоями с неустановившимися новыми социальными связями в городской среде, с низким общеобразовательным и культурным уровнем. В 1945 г. 30 % населения по-прежнему оставалось неграмотным[114].

В структуре рабочего класса Румынии преобладали неквалифицированные и низкоквалифицированные, а значит социально нестабильные и слабо политизированные группы рабочих. Они оказывались наиболее восприимчивы не только к лозунгам социальной уравнительности, но и к силовому способу их реализации на основе принципа противостояния миру собственников. Такие социально-психологические настроения, превалировавшие прежде всего в маргинальных слоях рабочего класса, создавали благоприятную почву для распространения влияния коммунистической идеологии и укрепления позиций румынской компартии, весьма небольшой и не имевшей опыта легальной политической деятельности в условиях парламентской демократии.

Вышедшая из подполья в августе 1944 г. РКП не насчитывала и тысячи членов. Весной 1945 г. она объединяла уже 35 тыс. человек. Несмотря на столь бурный рост рядов, партия оставалась самой малочисленной среди организованных политических сил: Фронт земледельцев объединял уже около 1 млн членов, социал-демократическая партия — 400 тыс., партия, представлявшая трудящихся венгерской национальности,— МАДОС — 225 тыс.[115]. В межвоенное время это была кадровая, нелегальная организация, руководство которой находилось под контролем Коминтерна. Часть высшего партийного актива, проживавшая в годы войны в Москве, была переправлена в Румынию после 23 августа 1944 г. (В. Лука, А. Паукер) и сразу же введена в состав узкого руководства РКП. Это существенно осложнило политическую и психологическую ситуацию в руководстве, где оказались деятели с разными представлениями о политическом курсе, поразному оценивавшие складывающуюся расстановку социально-политических сил и политические возможности партии.

Находившаяся в годы войны в подполье часть румынских коммунистов видела перспективу развития в укреплении коалиции и своем участии в ней на основе общенациональной демократической платформы. Выразителем этих настроений был прежде всего Л. Патрашкану, который сформулировал главные идеи такого курса в работе «Основные проблемы Румынии», опубликованной уже в 1944 г. Патрашкану считал, что основная борьба между пролетариатом и буржуазией пойдет за крестьянство. Он видел реальную возможность объединения не только рабочего класса и крестьянства, но и городской мелкой буржуазии, поскольку она «еще борется против крупного капитала...» Исходя из идеи консолидации трудовых слоев общества, Патрашкану сформулировал ряд мер, направленных на ограничение позиций крупных собственников, которые и легли в основу социально-экономических разделов программы Национально-демократического фронта [116].

Что касается деятелей РКП, прибывших из Москвы, то они выступали за прямую реализацию классовых принципов. Приезд А. Паукер и В. Луки не только повлек за собой активизацию идейно-политических разногласий, но и осложнил морально-пси-

хологический климат в руководстве партии. Последние, считая себя «учителями» генерального секретаря ЦК Г. Георгиу-Деж и других румынских коммунистов, остававшихся в подполье, занимали патерналистские позиции, сковывали инициативу более молодых деятелей партии, стремясь навязать свое понимание общественного развития [117].

Что касается ситуации в низовых партийных организациях, то она складывалась под воздействием ряда факторов. Рубеж 1944—1945 гг. был временем, когда компартия становилась компонентом формирующейся политической системы и получила шанс участия во власти. Но реальность этого участия во многом определялась позицией СКК и присутствием Красной Армии. Решающий голос Советского Союза в СКК активизировал леворадикальные настроения в партии и стремления коммунистов сконцентрировать в своих руках власть на местах. Это находило свое выражение в попытках руководителей местных организаций РКП подчинить уездных префектов и примарей («...ибо секретарь обкома — это главная фигура по примеру Советского Союза и ему должны все подчиняться»[118]), создавать специальную полицию, находившуюся не под руководством органов МВД, а уездных партийных организаций. Наблюдалось явное непонимание рядовыми коммунистами необходимости объединения всех демократических сил, включая социал-демократов, Фронт земледельцев, демократическое крыло царанистов и др., что грозило им изоляцией. Налицо было отсутствие взаимопонимания центра и низовых организаций *. Все это создавало трудности реализации политического курса на укрепление НДФ.

Другой партией, которая претендовала на выражение интересов рабочего класса, была Социал-демократическая партия. В отличие от РКП, она входила в легальные довоенные политические структуры, правда ее политический авторитет в обществе был невысок: на выборах 1937 г. СДП получила менее 1 % голосов [120]. После переворота 23 августа 1944 г. эта партия, легализовав свою деятельность, вошла в формирующуюся новую политическую систему и стала активным фактором общественной жизни. Особенностью социал-демократии, существенно отличавшей ее от коммунистов, была массовость. По сведениям социал-демократической печати, она насчитывала в 1947 г. 500—600 тыс. членов. ЦК РКП считал эту цифру завышенной примерно в два раза и оценивал реальную численность СДП в 200—250 тыс. человек. Что же касается социального состава, то здесь имела место ярко выраженная гетерогенность. На долю рабочих

* Как сообщал в мае 1945 г. политический советник СКК И. Сусайков, «в стране создалась трудная обстановка, ибо очень часто приказания из Бухареста не выполнялись в Яссах, Ботошанах и т. д. ...Думаю, что было бы неплохо иметь специальных советников в ЦК КПР (так в тексте.— *Авт.*), ибо аппарат нашего политического советника в этом вопросе ведет себя осторожно, а кроме того, в составе этих групп нет крепких партийных работников, которые могли бы оказать ЦК КПР нужную помощь»[119].

приходилось в 1946—1947 гг. 20—27 % общего числа членов партии. Преобладающей социальной группой (свыше 45 %) были крестьяне-собственники. Высока была доля служащих и интеллигенции — 12,5 % [121]. Социальный состав во многом определял и политическую ориентацию СДП. Отсутствие идейно-политического единства было наиболее устойчивой чертой румынской социал-демократии. Выделялось крыло, тяготевшее (по-видимому, под воздействием настроений крестьян) к сотрудничеству с той частью руководства НЦП, которую возглавлял Ю. Маниу. Лидер этого крыла К. Тнтель-Петреску рассчитывал, опираясь на поддержку царанистов и национал-либералов, занять ведущие позиции в коалиционном правительстве «широкой демократической концентрации» и предотвратить усиление позиций коммунистов [122].

Значительная часть СДП, ориентировавшаяся на таких лидеров как Ш. Войтек и Л. Рэдэчану, воспринимала как необходимость сотрудничество с РКП и пошла на его оформление в октябре 1944 г. путем создания Единого рабочего фронта [123]. Эта группировка исходила из того, что сильная социал-демократия является гарантией «хорошего управления страной, находящейся на границе Советского Союза», а посему она правомерно рассматривала себя не в качестве придатка РКП, а только как ее равноправного партнера. При этом акцентировалось внимание на возможности сотрудничества с такими руководителями РКП как Л. Патрашкану, а отнюдь не с А. Паукер и В. Лука. Последние рассматривались как инонациональные элементы и «агенты Москвы». Социал-демократы с основанием считали Паукер и Луку связующим звеном между РКП и ВКП(б). Сдержанное, а порой и прямо негативное отношение части социал-демократов к Паукер и Луке объяснялось не только стремлением последних к «революционному управлению страной», но и общей ориентацией СДП Румынии на координацию политического курса с социалистическим движением Западной Европы, прежде всего Франции и Англии [124].

В представлениях социал-демократов о сотрудничестве с коммунистами и о возможных его объемах особое место занимал вопрос о внешнеполитической ориентации и об отношении к СССР. В отличие от ситуации в Албании, Югославии, Чехословакии и Болгарии, настроения значительной части румынского общества вовсе не были просоветскими. Более того, эти настроения в условиях послевоенных экономических трудностей и неотвратимой перспективы выплаты репараций Советскому Союзу * не имели тенденции к изменению. Они подпитывали стремление социал-демократов к ориентации на западные державы и более чем

* Проблема репараций представляла большую политическую сложность и для коммунистов, которые прямо заявляли, что выполнение поставок Советскому Союзу в соответствии с соглашением о перемирии делает их непопулярными в массах [125].

сдержанное (нередко просто враждебное) отношение значительной части членов СДП к Советскому Союзу [126].

Внушительной силой и показателем уровня организованности рабочего класса были профессиональные союзы, насчитывавшие весной 1945 г. более 700 тыс. членов [127]. Но в отличие, например, от положения дел в Чехословакии или Польше, где профсоюзы были политически активной силой, главным направлением деятельности румынских профсоюзов была защита экономических интересов и материального положения рабочих, особенно в 1944—1945 гг.

Таким образом, оценивая политические позиции румынского рабочего класса в первые месяцы после переворота 23 августа 1944 г. и выхода Румынии из войны, можно констатировать, что с точки зрения внутренней структуры и социокультурных параметров рабочий класс Румынии имел много сходного с рабочим классом стран Балканского региона, но политическая ориентированность и организованность румынских рабочих была иной. Компартия здесь не выступала монопольным, как в Югославии или Албании, или почти монопольным, как в Болгарии, претендентом на представительство социальных интересов и политических целей рабочего класса. Наличие достаточно массовой социал-демократической партии делало ситуацию в румынском рабочем движении политически биполярной, как например в Венгрии и Польше. Тем не менее уже на этом этапе имел место некий баланс политических возможностей коммунистов и социал-демократов. Он определялся благоприятным для коммунистов стечением обстоятельств: внешнеполитическая поддержка Советского Союза, присутствие Красной Армии, деятельность СКК * и советского посольства в Румынии и активизация впервые включавшейся в большую политику той части румынского общества, для которой были весьма характерны леворадикальные настроения, и где коммунисты обретали поддержку. Для социал-демократов определяющей была массовая поддержка этой партии в разных слоях румынского общества. Политическую уверенность СДП придавали и ее прямые связи с западноевропейским социалисти-

* Внутриполитическая деятельность союзных контрольных комиссий в странах — бывших сателлитах гитлеровской Германии (Болгарии, Венгрии и Румынии) на сегодняшний день практически не исследована отечественными историками. В научной литературе до недавнего времени преобладал стереотип восприятия деятельности СКК общественным мнением этих стран только со знаком «плюс». Между тем, как показывают доступные материалы, ситуация была гораздо сложнее. С одной стороны, например в Румынии, неоднократно имели место нарушения советскими работниками СКК положений Соглашения о перемирии и превышение их полномочий. Но с другой стороны, налицо был прямой саботаж румынскими властями условий перемирия. Заместитель председателя СКК в Румынии генерал-лейтенант Виноградов в письме к премьер-министру Санатеску от 14 октября 1944 г. констатировал «...явно неудовлетворительный ход выполнения Соглашения, объясняющийся... не столько объективными причинами, сколько отсутствием должного желания точно выполнять Соглашение»[128].

ческим движением, в первую очередь с лейбористами, в особенности в условиях прорыва социалистов к власти практически во всех странах Западной Европы.

Но объективная реальность была такова, что шансы на достижение ключевых позиций в системе власти каждой из рабочих партий в отдельности были невелики. Они существенно возрастали при взаимодействии обеих партий. Стремление к единству действий усиливалось тем, что коммунисты и социал-демократы имели общего сильного противника в лице двух «исторических партий», державших в своих руках контрольный пакет власти вплоть до 6 марта 1945 г. и располагавших своей традиционной социальной нишей.

Итак, проведенный анализ страноведческого материала позволяет сделать вывод о том, что к середине 40-х годов во всех государствах региона рабочий класс претерпел изменения, хотя и различные по масштабам, но сходные по направленности. Ускорившийся под воздействием милитаризации экономики процесс его пополнения выходцами из других слоев заметно увеличил в нем удельный вес маргинальных, в том числе и люмпенизированных групп. Борьба за выживание и обретение места в обществе повлекла радикализацию настроений, рост социально-политической активности этих групп, что и выразилось во взрывообразном расширении рядов рабочих партий. В немалой степени этому способствовало выдвижение социалистами и коммунистами общенациональных задач как приоритетных.

Вместе с тем в обстановке экономической разрухи и хаоса достаточно четкие очертания приобрел рост симпатий к леворадикальным, быстрым и упрощенным решениям важнейших общенациональных проблем. Неудивительно, что одна из центральных идей коммунистической доктрины — идея классового противостояния, воспринималась и получала поддержку прежде всего в среде «новых рабочих». Они и составили значительную часть массовой базы компартий. Возникла возможность выхода на политическую авансцену достаточно мощного леворадикального потока, который мог стать базой авторитарной власти. Тем самым оформлялось новое общественное противоречие между леворадикальными настроениями части рабочего класса и официально провозглашаемым руководством рабочих партий большинства стран региона курсом на решение общенациональных демократических задач компромиссными методами. Негативный потенциал этого противоречия был чреват для общества, стремившегося в своем подавляющем большинстве к демократии, поворотом к авторитарно-тоталитарным режимам левого толка.

Коммунисты, в среде которых наиболее ярко были выражены леворадикальные настроения и которые располагали поддержкой советского «человека с ружьем», а также левый фланг социалистического движения могли стать силой, способной совершить такой поворот во имя реализации доктринерских политических установок и, прежде всего, идей диктатуры пролетариата, опи-

раясь на люмпенское сознание части общества и уже обретенные рычаги власти. Но возможность такого поворота зависела не только от устремлений коммунистов, но и от способности демократически ориентированных слоев противостоять давлению леворадикальных сил.

Глава 3

КРЕСТЬЯНСТВО, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, МЕЛКИЕ ГОРОДСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ

Принадлежность подавляющей части стран региона к государствам «второго эшелона капитализма» во многом определяла специфику облика мелких товаропроизводителей в городе и деревне. Среди них превалировал переходный от добуржуазного к буржуазному социальный тип. Еще не во всех странах Восточной Европы завершился процесс оформления интеллигенции в социальную группу буржуазного общества. Это в первую очередь относится к странам балканского ареала. Только в Чехословакии (прежде всего в Чешских землях) крестьяне, интеллигенция, служащие, мелкие предприниматели как по доле в структуре общества, так и по социокультурным параметрам уже являли собой социальные группы капиталистического общества. Здесь к середине 40-х годов среди занятого населения доля интеллигенции и служащих достигала 21,4 % (в Чешских землях — 23,3 %, в Словакии — 16,5 %). Крестьяне составляли 32,1 %, а мелкие городские предприниматели 6,1 % [1]. В остальных странах региона подавляющую часть населения составляло крестьянство, доля которого колебалась от 53 до 84,6 % [2]. Его социально-политическая роль во многом определялась незаконченностью буржуазных преобразований, прежде всего в аграрной сфере, незавершенностью процесса превращения этого феодального класса-сословия в социальный слой (или слои) капиталистического общества [3].

Главный блок противоречий состоял не только из противостояния безземельной и малоземельной части сельского населения владельцам крупной земельной собственности феодального происхождения, но и из антагонизмов между крупным капиталом и охранявшим его интересы государством, с одной стороны, и крестьянством как наиболее социально ущемленной группой, с другой. Такая структура и субординация противоречий в деревне придавали крестьянскому движению и антипомещичью, и антимонополистическую, и антикапиталистическую направленность, на основе чего формировались как преобладающие центростремительные тенденции в крестьянской среде [4].

Под воздействием проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство в крестьянстве нарастала социальная дифференциация. В деревне создавалась почва для существования широкого спектра политических симпатий крестьянских масс, определявшегося в значительной мере их социокультурными параметрами и этнонациональной структурой общества, как правило, многонациональных государств Восточной Европы. Представителей крестьянства можно было встретить в рядах различных партий и движений — от коммунистов до консервативных и фашистских группировок. Борьбу за право выражать крестьянские интересы непрерывно вели различные по степени общественного радикализма и демократизма партии и группировки. В большинстве стран региона сложились собственные политические организации крестьянства[5]. Возникшие в основном в конце XIX — начале XX в. они довольно быстро выросли в массовые легальные крестьянские партии и приняли активное участие в проведении реформ в странах региона в межвоенное время, были правящими или соправящими, находились в активной оппозиции. Каждая из них пережила значительную идейно-политическую эволюцию. С этой точки зрения можно выделить группу стран (Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия), где партии, зарождавшиеся как крестьянские и в значительной степени сохранявшие свою массовую базу в деревне (Республиканская партия земледельцев и мелких крестьян в Чехословакии, или аграрная партия, Партия мелких сельских хозяев в Венгрии, Национал-царанистская партия, Хорватская крестьянская партия), превратились в опору буржуазно-помещичьих кругов и стали своеобразным «мостом» между правящими режимами и крестьянством.

Особое место в этой группе стран занимала Чехословакия, где аграрная партия, возникшая как представитель интересов крестьян, трансформировалась в 20—30-е годы в выразителя политических и экономических интересов иных социальных сил[6]. Межвоенное двадцатилетие прочно связало аграрную партию с крупным капиталом, и сотрудничество с социал-демократами и крестьянским движением осталось лишь эпизодом из далекого прошлого[7]. Тем не менее аграрная партия, содействуя включению мелкого сельскохозяйственного производства в капиталистические отношения через систему кооперативных союзов и объединений, продолжала вести за собой чехословацкую деревню.

Накануне второй мировой войны руководство аграрной партии, открыто ориентируясь на сотрудничество с Германией, превратило ее в деструктивную силу, объективно способствовавшую расчленению Чехословацкой Республики[8], что и стало основанием для отказа в ее легализации после второй мировой войны. Крестьянство Чешских земель, не имея отдельного политического представительства, оказалось перед проблемой выбора. Национальные социалисты и президент Бенеш рассчитывали,

что крестьянство пополнит ряды «трех демократических партий — народной, национально-демократической и социал-демократической, чтобы в их рамках направлять свою силу на обеспечение порядка и защиты своих специфических интересов»[9].

В Словакии ситуация была иной: здесь аграрии, выступив в период Словацкого национального восстания инициаторами создания новой партии — Демократической[10], сумели сохранить хотя и в трансформированном виде канал для своего политического представительства.

Существенную трансформацию в межвоенной Югославии претерпевала ХКП, завоевавшая в 20-е годы широкое влияние среди крестьян. Однако компромисс с королевским режимом превратил ее «в партию преимущественно буржуазно-националистического профиля»[11]. В годы войны руководство ХКП во главе с В. Мачеком выступало за лояльное сотрудничество с «новым порядком» во имя существования «Независимого государства Хорватия». Опираясь на подъем национальных настроений, лидеры ХКП и накануне освобождения сохраняли свое влияние на значительную часть хорватского крестьянства[12].

Что же касается сербского Союза земледельцев, то в 20—30-е годы он выделялся радикальностью своих программных постулатов, чем был близок БЗНС, но в отличие от последнего не стал массовой организацией. Специфика ситуации в Югославии в преддверии окончания войны состояла в том, что ни одна партия, располагавшая влиянием в крестьянской среде,— ХКП, образованная в 1940 г. Народно-крестьянская партия (НКП), Союз земледельцев, Словенская народная партия — не действовала в общегосударственном масштабе. Они оставались национально-территориальными организациями и не смогли объединить многонациональное крестьянство Югославии во имя восстановления целостности и независимости страны. Характерной внутренней тенденцией ряда вышеуказанных партий была их дезинтеграция и формирование левых течений и группировок, что энергично использовали коммунисты для укрепления своего влияния на крестьянство и внедрения в крестьянское движение. Так, в 1943 г. из бывших членов ХКП был создан исполком новой партии — Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП). Среди руководства этой партии были как противники (Ф. Гажи), так и сторонники (Ф. Фрол) тесного взаимодействия с КПЮ. Немало было в ней и лиц с двойной партийной принадлежностью, людей, не разглашавших свое членство в компартии[13]. Участие коммунистов в деятельности ХРКП стимулировало ее ориентацию на выражение интересов конкретных социальных слоев — крестьянской бедноты, мелких городских слоев и части интеллигенции, остро заинтересованных в немедленном изменении своего общественного статуса.

Во многом сходные процессы происходили и в сербском Союзе земледельцев, деятельность которого активизировалась политиками, связанными с коммунистами (В. Чубрилович,

М. Вуячич)[14]. Созданная одним из деятелей довоенного Союза земледельцев Д. Йовановичем НКП по своим идейно-политическим постулатам была весьма близка к БЗНС и польскому СЛ, отстаивавшим концепции третьего, крестьянского пути к обществу социальной справедливости*. В целом ситуация в крестьянском движении Югославии складывалась таким образом, что оно вряд ли могло выступать как крупный партнер (или конкурент) компартии.

В Венгрии вплоть до падения хортистского режима в 1945 г. самой влиятельной политической силой в деревне являлась ПМСХ, пережившая несколько поворотов партийного курса, существенно менявших ее координаты в политической системе страны[16]. Восстановленная в начале 30-х годов Независимая ПМСХ выступила с традиционными для крестьянства требованиями (аграрная реформа, ограничение власти картелей и банков, регулирование цен и т. п.[17]) и превратилась в самый значительный компонент легальной оппозиции режиму Хорти. В условиях второй мировой войны и подчинения Венгрии германской политике она стала политической нишей для части крупных земельных собственников и буржуазии, ориентированных на Запад[18]. Это не могло не повлечь за собой отклонения политического курса ПМСХ в сторону крупных собственников. После войны, хотя подавляющую часть членской массы ПМСХ продолжало составлять крестьянство, на политическую сцену выходила уже партия «сборного типа», претендовавшая на выражение общенациональных интересов.

В таких условиях обособленным представителем крестьянства выступала Национально-крестьянская партия (НКП), созданная в 1939 г. Ориентация на беднейшую часть деревни роднила НКП Венгрии с коммунистами. Что же касается программных установок НКП, то они могли быть поддержаны гораздо более широкими кругами крестьянства: восстановление демократических свобод, национализация земельных владений свыше 500 хольдов, ускоренная индустриализация, ограничение крупного капитала, социальная защита малоимущего крестьянства. С вступлением Красной Армии на территорию Венгрии в конце 1944 г. последовал быстрый рост рядов НКП: в марте 1945 г.— 65—70 тыс. членов, в июле 1945 — 171 тыс. человек. По численности НКП лишь немного уступала тогда компартии (226 тыс.)[19]. Происходил не только рост ее рядов, но и расширение социальной базы за счет зажиточных крестьян и радикальной интеллигенции, сохранявшей связь с деревней. Характерной чертой политики НКП было настолько тесное взаимодействие с коммунистами, что в общественном мнении, прежде всего среди социал-демократов, эта «партия стала рассматриваться как филиал компартии»[20]. Таким образом, в Венгрии на

* Из сообщений советских дипломатических служб можно сделать вывод, что и в НКП работали люди с двойным партийным членством[15].

рубеже 1944—1945 гг. не было крупного, чисто крестьянского политического представительства.

По-иному ситуация складывалась в Румынии. Здесь царанисты, выступив в начале 20-х годов организаторами политического движения крестьянского класса против всей системы эксплуатации и экономического господства капиталистического общества, организаторами борьбы крестьян за «новый социальный строй» [21], с течением времени отказались от этой борьбы, превратившись в выразителя интересов прежде всего крупных собственников. Если эволюция НЦП позволяет проводить некоторые параллели с ПМСХ, то существование Фронта земледельцев в Румынии как массовой радикальной крестьянской организации делает ситуацию в этих двух странах принципиально различной.

Фронт земледельцев возник на рубеже 20—30-х годов в Трансильвании и был ориентирован на беднейшую часть деревни. После переворота в августе 1944 г. Фронт возрождался в значительной мере по инициативе и при участии коммунистов [22] как противовес влиянию НЦП в деревне. Поддержав основные крестьянские требования, и прежде всего раздел помещичьей земли, эта партия резко расширила свою массовую базу за счет всех слоев крестьянства, ожидавшего изменения своего положения *. К весне 1945 г. в ее рядах было уже около 1 млн человек, а в середине 1946 г.— 1,5 млн [24]. Но перспектива возможного оформления обособленной крестьянской партии как важнейшего элемента политической системы послевоенной Румынии оказывалась «перекрытой» тем обстоятельством, что Фронт земледельцев (как и другие левые крестьянские организации в странах региона) в значительной мере контролировался коммунистами. Это во многом предопределяло их место и роль в политической борьбе.

К названной группе стран примыкала и Албания, где также не было крестьянской (по целям и методам борьбы) партии. На крестьянство как социальную силу рассчитывали все политические группировки: и сторонники бывшего короля Зогу (через родо-племенные и религиозные связи), и «баллисты» (один из лидеров которых М. Фрашери, происходивший из семьи крупных феодалов, «всегда пользовался огромным влиянием среди народа») [25] и коммунисты. Специфика ситуации в Албании состояла в том, что идеи, свойственные политическому крестьянскому движению большинства стран региона и положенные в основу ряда самостоятельных крестьянских партий, а именно идеи кардинального перераспределения земли в поль-

* Весьма характерной была «идеологическая оценка» этой партии советским послом С. Кавтарадзе в 1947 г.: «Стремление лидеров Фронта придать ему характер массовой крестьянской организации, вполне оправданное на первых порах, привело к тому, что в его ряды получили доступ все крестьяне без классового отбора. По этой причине во Фронт проникло немало кулацких и других враждебных трудовому крестьянству и рабочему классу элементов» [23].

зу широких крестьянских масс выдвигались и ставились в практическую плоскость по сути дела только коммунистами. Уже в 1944 г. КПА, среди членов которой самую крупную группу составляли крестьяне, связывала «дальнейшее развитие народной революции в Албании» с аграрной реформой по принципу: «каждой семье столько земли, сколько она в состоянии обработать собственными силами»[26]. Не имея сколь-нибудь серьезных политических конкурентов в осуществлении аграрных преобразований, коммунисты могли своим единоличным проведением реформы обеспечить себе поддержку крестьянства.

Итак, отсутствие в Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии и Албании крупного отдельного крестьянского политического представительства, прочно связанного с деревней, исключало возможность выступления крестьянства в борьбе за власть как самостоятельной политической силы, отстаивавшей свои особые интересы.

Качественно иным было положение дел в Болгарии и Польше, где на выходе из войны крестьянское движение являлось одной из наиболее влиятельных политических сил. Главным представителем интересов крестьянства в Болгарии был БЗНС, массовая партия, костяк которой составляли мелкие и средние крестьяне[27]. Союз имел многолетний опыт организации борьбы крестьянства за представительную демократию и практику осуществления «крестьянской власти» в начале 20-х годов[28]. В годы второй мировой войны БЗНС сохранял свою приверженность демократии, хотя и не имел единой политической линии. Склонность к соглашению с либеральными силами проявляла фракция «Врабча-1», тогда как «Александр Стамболийский» — левое крыло БЗНС — принял участие в создании ОФ и после 9 сентября 1944 г. превратился в доминирующий фактор крестьянского движения. Его руководители — Н. Петков, Б. Бумбаров, А. Павлов и др., сыграли главную роль в возрождении деятельности БЗНС в новых условиях. Уже в ноябре 1944 г. Союз насчитывал 133 тыс. человек, проявляя устойчивую тенденцию к росту (в середине 1945 г. — 350 тыс.[29]). Столь бурный рост партии происходил не только за счет крестьянства. Неизбежным следствием этого становилось нарастание разнородности базы БЗНС, усиление идейно-политической дифференциации и внутренней борьбы в одной из главных партий ОФ.

Как и в Болгарии, в Польше крестьянское (людовское) движение в межвоенное время приобрело свой особый идейно-политический облик. В 30-е годы людовцы стали самой крупной политической силой в крестьянской среде и вплоть до второй мировой войны являлись ключевым звеном демократической оппозиции режиму «санации»[30]. Они в целом негативно относились к коммунистам. Причины этого лежали прежде всего в доктринальной плоскости: людовцы отвергали принципы диктатуры пролетариата и тезис о руководящей роли рабочего класса и коммунистов[31]. Глубоко патриотические позиции привели их уже

в начале 1940 г. в лагерь сопротивления оккупантам, где вплоть до окончания войны они взаимодействовали прежде всего с ППС-ВРН и СП[32] и в условиях «подпольного государства» не утратили радикальности идейных постулатов и сохранили организационно-политическую обособленность (СЛ-Рох насчитывал около 200 тыс. членов, из них в вооруженных батальонах хлопских было более 150 тыс. человек)[33]. Это позволяло им стабильно занимать левое крыло «лондонского» лагеря, но вместе с тем выступать общим фронтом против ППР.

Значительная часть польского крестьянства в годы войны ориентировалась на СЛ-Рох, поддерживала политику эмигрантского правительства и Делегатуры, в том числе в вопросе противостояния коммунистам и непризнания факта присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР[34]. Возникновение КРН и ПКНО рассматривалось людовцами как незаконные акты. СЛ-Рох и после июля 1944 г. оставалось звеном созданной «лондонским» лагерем системы подпольной власти и было готово «солидарно бороться под руководством... правительства в Лондоне... пока не будет завоевана Великая Демократическая Народная Польша»[35].

Лишь немногие людовцы поддержали идею альтернативной эмигрантскому правительству и «подпольному государству» власти и предприняли попытку увлечь за собой радикально настроенную часть деревни. Но создание при активном участии деятелей ППР и довоенной компартии еще одного руководства движением («Воля люду») к середине 1944 г. принесло незначительные результаты[36].

Нерешенность аграрно-крестьянского вопроса породила не только массовое крестьянское политическое движение в регионе, но и обусловила появление его особой идеологии. Практически все партии, зарождавшиеся как крестьянские и вышедшие на политическую арену середины 40-х годов как партии, социальную базу которых составляло крестьянство, в основе своих идейно-политических платформ имели доктрину аграризма. Возникнув на рубеже веков как идейное обоснование интересов крупных земельных собственников и уравнения роли сельского хозяйства с другими отраслями экономики, доктрина аграризма прижилась в странах Восточной Европы в различных по степени радикализма вариантах[37]. Она претерпела существенную трансформацию в одних случаях (как например, в Чехословакии и Румынии) в сторону обслуживания интересов прежде всего крупных земельных собственников (но не только их), в других — все более разворачивалась лицом к интересам крестьянина (как в Болгарии и Польше).

Но при всех национальных акцентах суть аргаризма в Восточной Европе сводилась к утверждениям незыблемости крестьянской собственности на землю, примата сельского хозяйства в национальной экономике и решающей функции кооперации как ее основы, сословного единства деревни. На этих положениях

основывалась модель нового общественного строя, получившая наименование третьего — крестьянского — пути развития общества. Идеальным вариантом этого строя считалась крестьянская кооперативная республика, где будет обеспечена «сословная демократия». Осуществить переход к новому строю предполагалось через комплекс социально-экономических преобразований и завоевание власти крестьянскими партиями парламентским путем[38].

Попытка претворить эти идеи в жизнь в начале 20-х годов в Болгарии закончилась свержением правительства А. Стамболийского. Однако доктрина аграризма в ее радикальном варианте, предлагавшемся тогда БЗНС, не была забыта. Дальше всех в разработке радикального варианта доктрины аграризма в 30-е годы ушли польские людовцы. При наличии разных течений именно в Польше в разработках «молодых» людовцев получила наиболее рельефные очертания концепция отрицания капитализма и создания нового общественного строя[39].

Главное место в комплексе социально-экономических преобразований занимала аграрная реформа. Но этим, по мнению идеологов аграризма, не могли закончиться преобразования в сфере экономики. Ликвидировать эксплуатацию деревни городом и тем самым изменить положение крестьянина в обществе предполагалось путем национализации крупных промышленных предприятий, банков, транспорта, ликвидации власти картелей и спекулятивного капитала, путем осуществления комплекса мер по экономической помощи мелким собственникам со стороны государства, модернизации сельскохозяйственного производства и повышения культурного уровня деревни[40].

Следует подчеркнуть, что идеологи польского аграризма видели опасность этатизации экономики как при капитализме, где государство, срастаясь с монополиями, выступало прямым эксплуататором крестьянства, так и при строе, существовавшем в СССР. Не случайно в их проектах появилось требование передачи части промышленных предприятий в собственность органам самоуправления и кооперации, сформировалось понимание равноправия всех форм собственности и обоснованной необходимости многосекторной экономики, где позиции государства уравновешивались бы кооперативной, муниципальной и мелкой частной собственностью. На этой основе наиболее последовательные идеологи доктрины, например Ст. Милковский, подошли к отрицанию капитализма как строя, не соответствующего интересам крестьянства[41]. Поиск иного пути развития, исключавшего, с одной стороны, модель капитализма 30-х годов, а с другой — социализм, который «...в коммунистической России выглядит как одна большая фабрика, хозяин который — государство, а рабочие должны принудительно работать, что является чем-то вроде барщины»[42], составляет наиболее значимый позитив радикального варианта доктрины аграризма кануна второй мировой войны.

Что касается политической сферы, то представления о ее реконструкции строились на основе тезиса о прямой связи политической и экономической демократии[43]. Отвергая любые формы диктатуры, сторонники аграризма выступали за парламентскую республику как институт наиболее отвечающий принципам демократии. Революция же как средство построения нового общества однозначно отрицалась. Парламент и сильная исполнительная власть выступали гарантами осуществления реформ и недопущения гражданской войны[44].

Особенно важно то, что в середине 30-х годов у польских идеологов аграризма отчетливо зазвучали идея «единства мира труда», свое толкование принципа рабоче-крестьянского союза, в котором ведущая роль отводилась крестьянину. Выражая готовность к сотрудничеству с социалистическим движением, они негативно относились к коммунистам, отрицая их основополагающие идеи: диктатуру пролетариата, всеобщее огосударствление[45].

Основные положения, сформулированные теоретиками польского аграризма, во многом перекликались с идеями сторонников данной доктрины, выдвинутыми в других странах региона к середине 40-х годов. Четко это прослеживается в позиции Д. Йовановича — лидера Народно-крестьянской партии в Югославии. Подчеркивая специфику крестьянства как социального слоя и понимая необходимость союза крестьян и рабочих, Йованович отстаивал принцип равноправия партнеров в этом союзе как условие создания справедливого общества, основанного на принципах демократии[46].

Таким образом, предлагавшаяся концепция переустройства общества строилась на двух принципиально важных основах: на отрицании капитализма как диктатуры крупных собственников и на отрицании социализма как диктатуры пролетариата. Именно эти проблемы в первые послевоенные годы вновь стали предметом наиболее острого политического столкновения крестьянских партий и коммунистов.

Другую группу мелких собственников в странах Восточной Европы представляли городские предприниматели. Их доля среди самодеятельного населения накануне войны и в первые послевоенные годы составляла в Югославии 13,2 %, Польше — 10,8 %, Венгрии — 8,1 %, Болгарии — 5,5 %[47]. Наиболее типичной в этой социальной среде была фигура мелкого предпринимателя-одиночки. Наемный труд не принял сколь-нибудь широких масштабов и чаще всего число наемных рабочих не превышало одного — трех человек. Жизненный уровень мелких собственников нередко оказывался ниже уровня жизни фабричного рабочего, что свидетельствовало о процессе пауперизации этих социальных групп. Социальное напряжение усиливалось национальной и конфессиональной неоднородностью мелких городских предпринимателей. Создавалась почва для антисемитских и националистических настроений, что использовалось как пра-

выми, так и левыми политическими силами в борьбе за влияние в обществе [48].

Разгром Германии и недопущение (в том числе и по международным соглашениям союзников) легализации после войны реакционных и фашистских партий и организаций лишили часть этих социальных слоев их привычной политической ниши. Сложная как по социальному происхождению, образу жизни, национальному составу, так и по социальной дифференциации и месту в иерархической лестнице, эта общественная группа, весьма податливая на философию дележа и радикальные решения (и левые, и правые), могла стать объектом манипуляции различных политических сил. Указанные обостоятельства во многом объясняют отсутствие отдельного самостоятельного и влиятельного политического представительства мелкого городского предпринимательства почти во всех странах региона.

Исключение составляли лишь Румыния, где возникла Национально-народная партия, и Польша, где действовало Стронництво працы. Но в этих партиях, выдвигавших на первый план лозунги опеки мелкой частной собственности, представители мелкого предпринимательства не являлись ведущей социальной группой. Так, например, в конце 1946 г. доля ремесленников в составе СП не превышала 12 % (в середине 1948 г.— 26 %), в то время как доля рабочих составляла 76 % [49].

Большая часть мелких предпринимателей была «рассыпана» по тем политическим партиям, которые в своих программах настойчиво подчеркивали уважение принципа мелкой частной собственности и выступали за ее гарантированное существование. Исключения в данном случае не составляли и коммунисты, поддержавшие основные эти требования. Поэтому неудивительно, что и в коммунистических, и в социалистических партиях (особенно в последних) в середине 40-х годов начал возрастать удельный вес ремесленников, мелких торговцев и предпринимателей. Но если в компартиях их доля была относительно низкой (4—7 % общей численности [50]), то в социалистических и социал-демократических партиях наблюдался стабильный рост членства за счет этих социальных групп и расширения влияния этих партий в указанной среде (есть сведения, что в венгерской социал-демократии их доля достигла 45—50 % [51]).

Но основным направлением политических ориентаций мелких городских собственников оставались иные партии. Венгерские историки считают, что они концентрировались в ПМСХ, Буржуазно-демократической и Радикальной партиях [52]. В Чехословакии главной политической нишей для них стали национально-социалистическая и демократическая партии (13—14 % всех членов) [53]. В Польше же лишь часть их локализовалась в СД, СП, а также в ППС. В условиях нараставшего в 1944—1945 гг.— противостояния в польском обществе мелкие городские слои находили политическое прибежище в рядах Польского стронництва людового, созданного летом 1945 г. [54]. В Болгарии по-

давляющая часть мелких городских предпринимателей, ремесленников, торговцев связывала свои надежды с силой и авторитетом БЗНС[55].

Объединенные в партиях, существенно различавшихся по своим конкретным ориентациям, мелкие городские предприниматели нигде не выступали в качестве главной и определяющей социально-политической силы. Им везде отводилась, как правило, роль своеобразной «группы поддержки». Ведущими же выступали иные социальные силы. Ключевое место среди них занимала интеллигенция, хотя ее доля в структуре общества большинства стран была относительно невелика. Вместе со служащими она составляла в Болгарии 4,5 % (1946 г.), в Венгрии — 7,3 % (1941 г.), Польше — 5 % (1938 г.), Югославии — 7 % (1948 г.), Румынии — менее 1 % (1930 г.) активно занятого населения[56].

По своему происхождению подавляющая часть интеллигенции в этих странах была связана с социальной средой мелких собственников города и деревни. Материалы социологических обследований в Болгарии свидетельствовали, что 61,3 % всех опрошенных лиц интеллектуального труда, начавших трудовую деятельность до 9 сентября 1944 г., были выходцами из крестьян, ремесленников, торговцев и чиновников и только 6,9 % являлись потомственными интеллигентами[57]. Приблизительно такая же картина была характерна для Югославии и Румынии, стран с абсолютным преобладанием сельского населения. Здесь процесс формирования интеллигенции как носителя идей национального самосознания и интеллектуального потенциала, призванного обеспечить общественный прогресс, только разворачивался.

Иной была структура интеллигенции в Венгрии и Польше. Разорявшееся дворянство являлось одним из важнейших резервуаров пополнения рядов интеллигенции, прежде всего ее гуманитарной прослойки, выступавшей носительницей идей борьбы за национальную независимость. Другим источником пополнения рядов квалифицированной интеллигенции в этих двух странах была ассимилированная еврейская буржуазия. Относительно высоким оставался и удельный вес выходцев из крестьянства и мелких городских слоев[58].

Уровень экономического развития стран Восточной Европы определял и спрос общества на интеллектуальный труд. Он же формировал и основные направления приложения этого труда. Среди интеллигенции практически всех стран преобладали административные работники в сфере государственного управления, лица с гуманитарным, в особенности юридическим и педагогическим образованием, а также священнослужители. Численность инженерно-технологических специалистов была невелика[59]. Преобладание гуманитарной интеллигенции определяло и ее весьма заметное участие в общественной жизни. Способность идеологически оформлять политические устремления различных общест-

венных групп делала эту часть интеллигенции активным участником различных движений, партий и идейных течений. Война, попрание национальной независимости, фашизм и отношение к нему стали основными факторами, во многом определявшими послевоенные позиции и политические ориентации различных групп интеллигенции как в оккупированных Польше, Чехословакии, Югославии, Албании, так и в бывших союзниках Германии — Болгарии, Венгрии, Румынии.

В первой группе стран участие представителей интеллигенции в движении Сопротивления и выполнение ими роли носителя идей антифашизма, национального самосознания и национальной независимости дали новый, весьма сильный импульс процессу демократизации общественных настроений и массовому отрицанию в этой среде простого возврата к прошлому. Говоря о возрастании демократических настроений среди интеллигенции оккупированных стран, следует, однако, иметь в виду разные уровни этой демократизации, разное содержание самого понимания демократии: от программ относительной модернизации довоенных порядков и обновления демократического устройства до устранения буржуазного строя и симпатий к коммунистическим вариантам преобразования общества. Особую популярность приобрели тогда поиски путей к новому социальному строю, и в этой связи социалистическая идея среди части интеллигенции переживала своеобразный ренессанс[60]. «Только через новый социальный строй, который разрушит господство тех, чьи интересы выше блага людей и страны, обретет Европа свободу и мир...»,— так, в частности, видели будущее развитие ориентированные на идеи Т. Г. Масарика круги чешской интеллигенции[61].

Левая интеллигенция активно участвовала в социал-демократическом, левокрестьянском и коммунистическом движениях всех стран. Именно она сыграла немаловажную роль в выработке концепций послевоенного развития и расширения сферы влияния левых партий в обществе. Доля интеллигенции в компартиях в первые же послевоенные месяцы стала интенсивно возрастать и стабилизировалась к концу 1945 — началу 1946 г. на уровне 9—11 %[62].

Значительные круги интеллигенции, занимавшей в годы войны национально-патриотические позиции, были рассеяны по буржуазным и мелкобуржуазным партиям, выполняя и в них роль партийных функционеров высшего эшелона, интеллектуальной элиты, «мозгового центра». В Чехословакии основная часть демократически настроенной интеллигенции, видевшей свое призвание в создании государства, «достойного имени Масарика», после освобождения стала концентрироваться в Чешской национально-социалистической партии, провозгласившей себя преемницей и носительницей масариковских идей «социализирующейся демократии». Сюда на волне национально-патриотического подъема устремились не только представители «ду-

ховной элиты»: крупные юристы, издатели, высшая техническая интеллигенция,— но и широкие круги чиновничества, служащих. К 1946 г. доля интеллигенции и служащих составляла в этой партии около 60 %[63].

К Народной партии тяготела та часть чешской интеллигенции, прежде всего из рядов духовенства, которая, выступая за идеи демократии, не принимала идеалов социализма даже в их немарксистской трактовке. Народная партия в Чешских землях была единственной партией, выступавшей с позиций защиты буржуазного строя. Но в 1945 г., когда в настроениях интеллигенции доминировали патриотические идеи славянского национального единства, создания Чехословакии как нового государства двух славянских народов, социальные противоречия и противостояния оказывались как бы заретушированными. На первый план в настроениях и коммунистической, и демократической интеллигенции выходили представления о чешской нации как нации социально нивелированной, где нет крупной буржуазии и капиталистов[64]. Эти социальные группы рассматривались как инонациональные, не характерные для чешской и словацкой наций. Поэтому отношение к ним определялось не социальным моментом, а в первую очередь национально-патриотическим, теснейшим образом связанным с проблемой ликвидации последствий мюнхенской катастрофы, что и выступало в качестве фактора, цементирующего разные политические силы. В связи с этим четко прослеживалось и единое, общенациональное положительное отношение к новой внешнеполитической ориентации страны на союз с СССР. Все круги чешской интеллигенции независимо от их политической принадлежности принимали эту ориентацию.

Что касается Словакии, то настроения интеллигенции, несмотря на их достаточно большую мозаичность, оказались объективно стянутыми к двум центрам: часть интеллигенции, принявшей идеи социализма в их коммунистической интерпретации, активно вступала в КПС. Те же ее группировки, которые, занимая антифашистские демократические позиции, отрицали коммунистические идеалы или просто не хотели оказаться в рядах побежденных, поддерживали программные установки Демократической партии, сформулированные ею в период Словацкого национального восстания. К середине 1946 г. доля интеллигенции среди членов Демократической партии составила 12 %[65].

В среде словацкой интеллигенции вместе с тем сохранилось немало и тех, кто, получив в период независимого Словацкого государства возможность высоких заработков и быстрой карьеры, и после освобождения сохранял (скрыто или открыто) приверженность к клерофашистской идеологии. Постепенное проникновение их в Демократическую партию, выдвижение на активные руководящие позиции в немалой степени способствовало нараставшему смещению этой партии вправо. В основе

его прежде всего лежали разногласия по вопросам содержания экономических и политических преобразований, нерешенности национального вопроса (усиление централистских тенденций), но ни в коей мере не по вопросам внешнеполитических ориентаций. Здесь, как и в Чешских землях, необходимость союза с СССР не подвергалась сомнению ни одной из политических сил.

В Польше ситуация выглядела по-иному. Здесь негативное отношение к союзу с СССР рассматривалось в обществе как важнейший критерий патриотичности и преданности делу борьбы за независимую Польшу. Он и стал водоразделом внутри интеллигенции, в том числе в ее демократических кругах. Немногочисленная часть демократической интеллигенции или поддерживала ППР или, не участвуя в коммунистическом и левосоциалистическом движениях, была в разной мере готова сотрудничать с ними, группируясь на левом крыле двух партий — Стронництва демократычного (СД) и Стронництва працы (группа «Зрыв»), возродившихся в годы войны при активном участии коммунистов[66]. Заметной была и доля демократической интеллигенции в левом крестьянском движении. Эти круги интеллигенции в социалистическом, крестьянском и демократическом движениях поддержали тезис коммунистов о соответствии союза с СССР польским национально-государственным интересам. Но вместе с тем именно этот тезис и отделил от коммунистов подавляющую часть польской демократической интеллигенции, которая тяготела к социалистической и крестьянской партиям «лондонского» лагеря.

Многочисленная, патриотически настроенная, но разнящаяся по своему социальному происхождению и социальному статусу часть интеллигенции (профессора, духовенство, учителя, чиновничество, офицерство, лица свободных профессий) ориентировалась или была напрямую связана с эндецией, «санацией» и правым крылом Стронництва працы[67].

Неприятие подавляющей частью польской интеллигенции (в том числе и демократически настроенной) КРН и ППР, а также активная поддержка «лондонского» лагеря проистекали из-за расхождений с коммунистами как по идеологическим вопросам, так и по вопросам внешнеполитической ориентации. Союз с СССР рассматривался ею как угроза национальной независимости. Такая позиция получила активную поддержку различных слоев польского общества, обеспечивая «обратную связь» с антикоммунистически настроенной значительной частью населения Польши, отторгавшего внешнюю и внутреннюю политику СССР[68]. Все это и позволяло руководству подпольных структур держать под своим контролем умонастроения и души значительной части польского общества, консервируя в нем устойчивые антисоветские и антирусские настроения, «которые, по мнению сотрудников советского посольства, сквозят в неприкрытой форме у многих представителей польской интеллиген-

ции». При этом однозначно формулировалась и причина таких настроений: «Они не могли согласиться с восточной границей»[69]. Столь же негативным было и отношение подавляющей части польской интеллигенции к внутренней политике правительства, руководимого НПР, прежде всего к его репрессивному курсу в отношении членов АК, БХ и других подпольных структур. Значительные круги польской интеллигенции демонстрировали неприязнь к тому социализму, строительство которого они связывали с коммунистами и опытом СССР, включая присутствие армии последнего на польских землях.

Что касается политических позиций югославской интеллигенции, то здесь проблема внешнеполитической ориентации, как и в Чехословакии, не выступала в качестве определяющей ее дифференциацию. Большая часть демократически настроенной интеллигенции, занимая глубоко патриотические позиции, нетолько поддержала действия КПЮ по развертыванию вооруженной борьбы с оккупантами, но и приняла активнейшее участие в этой борьбе. Ориентация на союз с СССР рассматривалась ею как естественная, вытекавшая из прорусских традиций и идей славянской солидарности, из симпатий к СССР и его борьбе против гитлеровской Германии.

Те же круги интеллигенции, которые дистанцировались от КПЮ, реализовывали себя в политической деятельности иных партий и организаций, как действовавших в составе НОФ и поддерживавших союз Югославии с СССР, так и противостоявших Фронту и ориентировавшихся на западные державы. Но в отличие от Польши, расхождения среди югославской интеллигенции объясняются прежде всего внутренними факторами, которые выступали как решающие в выборе политических симпатий различных ее групп. Традиционно связанная с крестьянским движением интеллигенция присутствовала и в мачековской Хорватской крестьянской партии, противостоявшей НОФ, и в Хорватской республиканской крестьянской партии, выделившейся из ХКП, и в Народно-крестьянской партии.

Высшие слои интеллигенции (прежде всего сербской), ориентировавшиеся на короля и правительство в эмиграции, организационно в своей подавляющей части были связаны с Демократической партией М. Грола. Попытки некоторых кругов демократической интеллигенции создать собственное политическое представительство на основе возрождения довоенной Республиканской партии не принесли значительных результатов. Партия оставалась немногочисленной. После войны она насчитывала около 10 тыс. членов, главным образом из разночинной интеллигенции, и не имела серьезного влияния в народных массах[70]. Демократические настроения части членов этой партии привели ее в состав Фронта. Но нередко патерналистская линия компартии и в определенной мере настороженное отношение «республиканцев» к сотрудничеству с коммунистами, вызываемое этой линией и склонностью деятелей КПЮ к диктату, по-

влекли за собой выделение внутри Республиканской партии группы политиков, выступавших против неравноправного сотрудничества с коммунистами [71].

Иной была мозаика политических и национальных позиций интеллигенции в бывших странах-сателлитах Германии — Болгарии, Венгрии и Румынии. Принципиальное отличие состояло в том, что весьма значительная часть интеллигенции этих стран, начиная с ее высших кругов и кончая мелкими государственными служащими, выступала как социальный слой, обслуживавший идейно-пропагандистские потребности и практическое функционирование диктаторских и авторитарных «национальных» режимов. «Встроенность» интеллигенции в существовавшие режимы становилась для нее трудно преодолимым препятствием к участию в борьбе за разрыв с собственным реакционным режимом, за выход из войны и внешнеполитическую переориентацию на антигитлеровскую коалицию. Прежде всего это касается Венгрии и Румынии.

В Болгарии же среди интеллигенции с ее исторически традиционными прорусскими симпатиями были достаточно широко распространены оппозиционные настроения монархическому режиму и в особенности его внешнеполитическому курсу, союзному Германии. Вместе с тем эти настроения оставались политически многослойными, что не было снято и после 9 сентября 1944 г. Болгарские исследователи считают, что среди интеллигенции на тот период можно выделить три группы, различавшиеся по своим политическим ориентирам [72].

Высший ранг интеллигенции, включавший связанных с царским двором политических деятелей, верхнее звено государственных служащих и офицерства, потерпев военное и нравственно-политическое поражение, оказался вне формировавшихся новых государственно-политических структур. Часть представителей этих кругов была судима новой властью *. Те же, кто избежал наказания, искал возможности самореализации чаще всего в Демократической и Радикальной партиях, запрещенных после 9 сентября 1944 г. и вновь восстановленных летом 1945 г. Эти партии развивали деятельность за рамками ОФ, являясь по сути дела оппозицией [74].

Другая часть интеллигенци, тоже связанная с режимом, но по своему социальному статусу стоявшая рангом ниже, пополняла ряды как вышеназванных партий, так и организаций, входивших в ОФ. В эти же партии устремилась и часть интелли-

* По сведениям главного народного обвинителя, к маю 1945 г. за сотрудничество с монархическим (по терминологии тех лет — фашистским) режимом было привлечено к суду 11 667 человек, из них приговорено к смертной казни 2850 человек (2025 приговоров исполнено), к пожизненному заключению — 1366 человек, 1494 человека оправдано. К 25 ноября 1944 г. были распущены 49 «фашистских, прогитлеровских организаций», весной 1945 г.— еще 17 организаций «как несовместимых с принципами творческой и прогрессивной политики ОФ Болгарии» [73].

генции, в свое время находившаяся в оппозиции к монархическому режиму и положительно воспринявшая перемены 9 сентября 1944 г.

Некоторые круги демократической интеллигенции традиционно концентрировались в БРСДП. Это были прежде всего представители массовых профессий — школьные учителя, мелкие чиновники, служащие различных кооперативных организаций, часть представителей свободных профессий,— занимавшие нижние ступени иерархической лестницы этого социального слоя. Лишь очень узкий слой интеллигенции, по мнению болгарских исследователей, политически был близок коммунистам[75].

Таким образом, после 9 сентября 1944 г. болгарская интеллигенция оказалась в состоянии углубившейся политической раздробленности. Ее интеллектуальная элита лишилась возможности воздействовать на общественные процессы. Другая ее часть, хотя и получила доступ к власти через партии ОФ, не располагала такими позициями, которые давали бы ей возможность результативно участвовать в определении содержания общественных преобразований. Между новой властью и достаточно широкими кругами интеллигенции возникал своеобразный зазор, что было чревато негативными последствиями для обеих сторон.

В Румынии внешнеполитическая переориентация и разрыв с Германией не привели к сколь-нибудь заметному усилению демократических тенденций в среде интеллигенции. Ее элитарные круги проводили откровенный саботаж выполнения условий перемирия и очищения общественных и государственных структур от реакционных элементов. Лишь отдельные представители творческой интеллигенции еще в начале 1944 г. четко зафиксировали свое негативное отношение к режиму Антонеску и после 23 августа 1944 г. настаивали на выведении приверженцев Антонеску и сторонников таких организаций, как Железная гвардия из управленческого аппарата. В целом же демократическая прослойка интеллигенции в Румынии была весьма незначительна и малоактивна, хотя в годы войны ею и была предпринята попытка организационно объединиться с частью городских слоев в Союзе патриотов[76]. Союз патриотов, преобразованный в Национально-народную партию, и стал объединять демократически настроенную интеллигенцию. Некоторые круги прозападно ориентированной румынской интеллигенции тяготели к социал-демократии.

Что касается коммунистов, то с ними была связана весьма узкая прослойка лиц интеллектуального труда. Причину этого, по-видимому, следует искать в том, что компартия с момента своего возникновения действовала в глубоком подполье, оставаясь малочисленной кадровой партией с явно выраженными левацкими установками. Следствием этого была прямая недооценка и в послевоенной партии места и роли интеллигенции в обществе, пытавшемся преодолеть социально-экономическую

отсталость. Об этом наглядно свидетельствовала трагическая судьба Л. Патрашкану, одного из теоретиков РКП, пытавшегося осмыслить пути демократизации румынского общества. Однако уже к 1947 г. Патрашкану был отстранен от руководящих позиций в ЦК РКП, где А. Паукер и В. Луку, приехавшие из СССР, демонстрировали открытое неприятие его идеи широкой национальной коалиции. За стремление к политическим компромиссам его называли «примирительным элементом» и «румынским Бухариным». Патрашкану объяснял недоверие к себе других членов ЦК РКП именно своим интеллигентским происхождением[77].

Такие настроения в отношении интеллигенции были свойственны к руководству ВКП, что во многом объясняло восприятие коммунистов в среде интеллигенции Венгрии как левой экстремистской группировки. Отнюдь не случайно в 1945—1946 гг. только 1—2 % работников умственного труда находились в рядах компартии[78]. Слабое влияние коммунистов среди интеллигенции подтверждают и советские дипломатические документы. В них отмечалось, что некоторым влиянием компартия располагала лишь среди части учителей и служащих[79].

Некоторые демократически настроенные круги венгерской интеллигенции, ориентированные на Запад, концентрировались в рядах социал-демократии, а та их часть, которая была связана с деревней, тяготела к Национально-крестьянской партии. Но в обеих партиях они оказывались относительно малочисленной группой. По данным ряда местных организаций НКП, на долю лиц интеллектуального труда приходилась примерно 1/10 часть членов этой партии[80]. Однако, несмотря на невысокий удельный вес интеллигенции, именно она играла наиболее активную роль в разработке и реализации политического курса социал-демократов и НКП. Говоря о политических ориентациях венгерской интеллигенции, нельзя упускать из вида, что ее элита была в значительной своей массе вообще аполитична. Те группы интеллигенции, которые ассоциировали себя с принадлежностью к национальному дворянскому сословию, промышленникам или среднему слою, ориентировались прежде всего на Буржуазно-демократическую и Радикальную партии[81]. Попытки клерикальной интеллигенции создать осенью 1945 г. свое политическое представительство в лице Независимой демократической партии под лозунгами соединения демократии с христианским мировоззрением оказались малорезультативными[82].

Значительно большим было воздействие на внутренние процессы в стране той части интеллигенции, которая симпатизировала ПМСХ до войны[83] и после войны пополнила ряды этой партии. Она привносила в общественную среду восприятие ПМСХ как общенациональной политической силы, способной обеспечить дальнейшее развитие Венгрии посредством демократизации общественного строя по западным образцам. Отсюда вытекало сдержанное или открыто враждебное отношение интел-

лигенции, ориентированной на ПМСХ и другие более мелкие партии, к венгерским коммунистам и Советскому Союзу. Такая политическая позиция значительной части интеллигенции была созвучна достаточно распространенным настроениям и других социальных слоев венгерского общества, настроениям, которые во многом подпитывались сложностями взаимоотношений населения Венгрии с частями Красной Армии[84], находившимися в стране на основе Соглашения о перемирии. Несмотря на то, что правительство не занимало антисоветских позиций и предпринимало немалые усилия, чтобы снять или по крайней мере приглушить антисоветизм, венгерское общество «болело» позором поражения в войне, и антисоветские настроения выступали как одна из постоянных величин (и притом весьма существенных), формирующих политико-психологическую атмосферу в обществе *.

Как видно, большая часть интеллигенции стран Восточной Европы на рубеже войны и мира видела перспективы развития в установлении демократических форм организации общества как в рамках парламентской демократии западного образца, так и на пути движения к социализму. Причем превалировали симпатии не к коммунистической интерпретации социализма, а к социал-демократическим и левоаграристским концепциям реформирования общества.

Вливаясь в разные политические партии, активно участвуя в разработке программ послевоенного развития, интеллигенция (все ее группировки, не связанные с фашизмом) выступала активным субъектом политической жизни. В условиях, когда страны региона становились сферой внешнеполитического влияния СССР, а коммунисты воспринимались общественным сознанием, в первую очередь, как проводники этого влияния, отношения «интеллигенция — коммунисты» и «коммунисты — интеллигенция» завязывались в сложный узел противоречий, которые могли быть разрешены лишь в ходе послевоенной борьбы за альтернативы общественного развития.

* * *

Итак, в странах Восточной Европы на рубеже войны и мира идеи фашизма потерпели крах, и их политические носители среди подавляющей части общества утратили социальную поддержку. В массовом сознании преобладающими стали стремления к демократии, к решению на ее основе общенациональных задач, связанных с необходимостью ликвидации последствий

* Отнюдь не только в Венгрии антисоветские настроения выступали как политический фактор. Выше речь уже шла о Польше. Были они свойственны и финскому обществу. Но в отличие от Венгрии и Польши, здесь усилиями финской демократической интеллигенции (У. Кекконен, Ю. Паасикиви), как утверждают ученые этой страны, антисоветизм был во многом приглушен, что повлияло на складывание советско-финских отношений после войны[85] и во многом снивелировало и ослабило давление леворадикального фланга финского общества.

войны. Именно эти стремления выступили одним из главных факторов, консолидировавших послевоенное общество. Под их воздействием и складывалась новая политико-психологическая атмосфера. Анализ общественных позиций и политических ориентиров конкретных социальных групп и слоев, выступавших в качестве субъектов послевоенного развития, свидетельствует, что представления о демократии и путях движения к ней были различны. С достаточной четкостью обозначились уже к концу войны три центра, к которым тяготели представители разных социальных сил.

Один из них складывался вокруг довоенных партий и группировок, осознававших неизбежность реформирования существующего строя в демократическом направлении. Ориентиром для них выступали западноевропейские образцы демократии, основанной на сочетании элементов либерализма, свободы личности и республиканского парламентаризма. Целью этих сил было стремление обеспечить себе роль политического лидера в антифашистских и антивоенных коалициях.

Другой центр начал постепенно оформляться вокруг социалистических и коммунистических партий, выступавших от имени рабочего класса и тоже претендовавших на роль общественного лидера. Предлагая на рубеже войны и мира пакет демократических преобразований, во многом соответствовавших либеральной представительной демократии, эти силы по-своему интерпретировали такие преобразования и разворачивали их в сторону обеспечения интересов прежде всего социально слабых слоев. Социализм как стратегическая цель рабочего движения, в понимании которого между социалистами и коммунистами были принципиальные расхождения, хотя и оставался генеральным ориентиром, уступил место, особенно в коммунистическом движении, приоритету общенациональных задач.

Особенность ситуации в Восточной Европе состояла в том, что эти два центра притяжения не выступали как единственно определявшие расстановку социальных сил и политические ориентации в обществе. Налицо был и третий центр, представленный организованным крестьянским политическим движением. Он также выступал с позиций либерализации и демократизации общественных порядков, выдвигая на передний план и отстаивая особые интересы мелких производителей. Оформившись в части стран как относительно самостоятельный фактор, он оттягивал на себя часть демократических сил и в рамках борьбы за представительную демократию претендовал на руководящую роль в послевоенной политической жизни.

Анализ политических настроений и ориентаций свидетельствует, что роль, место и степень поддержки каждого из названных центров зависели от внутренних и внешних факторов, что во многом и определяло уникальность ситуации в той или иной стране. Однако при всем различии подходов политических сил к определению перспектив развития существовали объек-

тивные предпосылки для их взаимодействия, ибо общим знаменателем служили такие единые для всей нации задачи, как переход от авторитарно-тоталитарных режимов к демократии, восстановление экономики, решение национально-территориальных проблем и урегулирование международного положения. Эти задачи объективно создавали платформу для взаимодействия разных политических сил во имя общественного прогресса и с наибольшим эффектом могли быть реализованы именно в рамках коалиционной власти.

Вместе с тем конкретно-исторический материал позволяет констатировать, что в странах Восточной Европы в указанный период проявлялась и альтернативная демократии тенденция. Ее носителем выступала часть коммунистического движения, не соотносившая свои доктринальные установки с объективной послевоенной реальностью и выступавшая за немедленный переход к социализму по советскому образцу, что по сути дела стало бы возвратом к тоталитаризму, но иного, левого толка.

Эта тенденция еще не ставшая доминантой политической жизни, уже получала социальную поддержку со стороны обнищавшей, но политически активизировавшейся за годы войны леворадикальной части рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и мелких городских слоев, пополнившейся маргинальными группами.

Вступление в Восточную Европу Красной Армии ассоциировалось в этой среде с понятием «классовый союзник» и усиливало социальные надежды и политические амбиции. Именно здесь формировались настроения классового противостояния во имя насильственного отчуждения («экспроприация экспроприаторов») и уравнительного перераспределения материальных благ. Создавалась опасность появления своеобразной «вилки» между объективной потребностью взаимодействия всех сил, выступавших за демократизацию общества, и настроениями той его части, которая связывала немедленное и принципиальное изменение своего социального статуса с реализацией идеи диктатуры пролетариата.

Политические и социальные амбиции создавали особый идейно-политический климат в этой среде и стали источником систематических проявлений левого радикализма и «революционного нетерпения» прежде всего в коммунистическом движении, хотя они имели место и среди социалистов и левого актива крестьянского движения.

Таким образом, слева возникала реальная опасность нарушения взаимодействия различных политических сил, декларировавших свою приверженность демократии. Превращение такой опасности в реальность во многом зависело не только от соотношения внутриполитических сил в каждой из стран Восточной Европы, но и от развития ситуации на международной арене, от воздействия на внутренние процессы внешних факторов, как «восточного», так и «западного».

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ВЫДВИЖЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА ИХ УТВЕРЖДЕНИЕ (1944—1947 гг.)

Завершение второй мировой войны выдвинуло на первый план жизни стран Восточной Европы интегрирующие общество задачи восстановления экономики, демократического мирного урегулирования и формирования благоприятных международных условий для проведения глубоких внутренних преобразований. Не менее важной была и задача определения принципов организации послевоенного общества в каждой стране.

В решение этих задач неизбежно должны были включиться и внутренние и внешние силы, соотношение и взаимодействие которых и могло определить направление развития стран Восточной Европы. Послевоенные преобразования осуществлялись коалиционными (фактически или формально) правительствами, представлявшими достаточно широкий спектр социально-политических сил, имевших свои, нередко существенно различавшиеся, представления о будущем обществе и разные внешнеполитические ориентации, хотя и находившиеся в рамках антигитлеровской коалиции.

Главным итогом происходивших на заключительном этапе войны геополитических перемен применительно к странам Восточной Европы стал их переход в сферу интересов Советского Союза. Однако западные державы, сведя к минимуму свой интерес в этом регионе и признав в нем доминанту влияния СССР, вовсе не были лишены возможности и намерений осуществлять воздействие на развитие внутренних процессов. Они стремились обеспечить создание здесь режимов, ориентированных на преобразования в рамках демократии и невраждебных Советскому Союзу с тем, чтобы предотвратить выход коммунизма за границы СССР и одновременно снять опасения Москвы насчет безопасности своего послевоенного существования.

Для достижения этой цели они, как и СССР, располагали правовыми основаниями, зафиксированными в документах Ялтинской и Потсдамской конференций. Созданный Ялтой и Потсдамом баланс сил держав «большой тройки» в Европе имел перспективу лишь в случае сохранения сотрудничества великих держав в послевоенном мире. Именно этот принцип был заложен в «Декларации об освобожденной Европе». Она фиксировала ряд договоренностей о сотрудничестве СССР, США и Великобритании. Речь шла о проведении неотложных мероприятий по оказанию помощи нуждающимся народам, создании

временных правительств, представляющих все демократические силы и обязанных путем свободных выборов установить правительства, отвечающие воле народа. Была подтверждена решимость «сохранить и усилить в предстоящий период» достигнутое «единство целей и действий»[1].

Однако уже весной 1945 г. все четче, причем с обеих сторон, стали проявляться нарушения взаимопонимания и достигнутых договоренностей. Это находило свое выражение как в отходе западных союзников, и прежде всего США, от концепции Ф. Д. Рузвельта, усматривавшего возможность долгосрочного послевоенного сотрудничества с СССР при условии эволюции последнего в сторону демократии[2], так и в политике Советского Союза, стремившегося создать условия для преобразований в Восточной Европе в выгодном для себя духе и укрепить там свое влияние[3]. По утверждению английского политолога В. Дин, именно намерение Советского Союза «играть роль мировой державы точно такую же, как два его партнера по „большой тройке", вызывало на Западе сильное внутреннее сопротивление»[4].

В такой обстановке Восточная Европа неизбежно оказывалась ареной расхождений в политике великих держав и их начинавшегося противоборства. Речь шла прежде всего о США, претендовавших на роль гаранта мирового развития по пути западной цивилизации. Новая американская администрация во главе с Г. Трумэном предполагала, что, опираясь на экономический и военно-политический потенциал наиболее мощной в мире державы, она сможет устранить в регионе «предпосылки революции», о которых в беседе с польским премьер-министром В. Сикорским еще в январе 1943 г. говорил Ф. Рузвельт[5]. По сути дела речь шла об ограничении коммунизма рамками СССР. Последнее подтверждалось попытками американской стороны уже в Потсдаме вести переговоры с позиции силы и невозможностью достичь согласованных решений по вопросу о мирных договорах с бывшими союзниками и сателлитами Германии на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) осенью 1945 г. На рубеже 1945—1946 гг. жесткий курс США стал фактической реальностью.

Что касается СССР, который благодаря неимоверным военно-экономическим усилиям в войне с фашистской Германией передвинулся с периферии международных отношений в их центр, то он, реализуя достигнутые в Ялте договоренности об исключении возможности возникновения в сопредельных государствах антисоветских режимов, все более откровенно связывал создание здесь «пояса безопасности» с присутствием во власти коммунистических партий и именно их рассматривал как своих главных внешнеполитических партнеров. Это существенное обстоятельство не могло не нарушать баланса сил в послевоенных коалициях в большинстве стран региона.

Достигнутая в конце войны договоренность великих держав о согласовании политики «в течение периода временной неустой-

чивости в освобожденной Европе»[6] вряд ли теперь могла рассматриваться как нечто исключавшее раз и навсегда попытки расширить свое влияние за счет партнера. Роль внешнего фактора принципиально изменялась: из призванного цементировать общество на платформе антифашизма и демократии он стал превращаться в фактор, способствовавший дестабилизации внутриполитической ситуации.

В разворачивавшемся на международной арене противоборстве западные державы и СССР располагали разными стартовыми возможностями реализации своих интересов в Восточной Европе и разным набором «инструментов» достижения целей. В распоряжении США имелся многократно возросший экономический потенциал. Его основу составляла промышленность, перешедшая в годы войны на новые, прогрессивные технологии, что было результатом развивавшейся научно-технической революции. В связи с этим американские политики обладали таким эффективным рычагом формирования общественных настроений, как реальные возможности оказывать содействие в возрождении разрушенной войной экономики Европы *. Экономический фактор, таким образом, мог выступать как долгосрочно действующий элемент политико-психологической атмосферы, усиливая интерес европейцев к сотрудничеству с США.

В условиях краха фашизма и поисков общественной мыслью стран Европы путей перехода к демократии в пользу авторитета США работал (даже при определенной девальвации довоенных образцов западноевропейского парламентаризма) стандарт американской общественно-политической жизни. В этом плане принципиально важным становилось наличие внутри стран региона политически организованных сил в лице массовых партий, ориентированных на претворение в жизнь принципов и норм парламентской демократии.

Летом 1945 г. США получили еще одну возможность воздействия на мировую ситуацию: атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, проведенные в рамках борьбы с фашистским блоком, демонстрируя неограниченные военно-стратегические ресурсы США, были адресованы в первую очередь Советскому Союзу.

Стартовые возможности влияния СССР на мировой и европейский процесс были принципиально иными. После войны страна лежала в развалинах. Экономика была предельно милитаризована. В этих условиях советские претензии на роль великой державы и задачи обеспечения интересов в Восточной Европе не имели соразмерного экономического подкрепления. Они могли основываться в первую очередь на морально-политическом праве победителя. Но такое право не являлось постоянно действующей величиной и с заключением мирных договоров должно было исчезнуть.

* Еще в начале 1943 г. Рузвельт говорил об американской программе экономической помощи и «подкармливания» Центральной и Восточной Европы[7].

Советская модель организации общества не была способна конкурировать с американской демократией. До войны в сознании значительной части европейцев советский строй был дискредитирован массовыми репрессиями, ликвидацией крестьянства и связанным с этим голодом в начале 30-х годов. Но в конкретной послевоенной ситуации эти проявления тоталитаризма были в определенной мере заретушированы фактом всенародного противостояния фашизму, единством советского общества и системы власти перед лицом внешней угрозы национально-государственному существованию.

В такой обстановке утверждение советского влияния в Восточной Европе осуществлялось через военное присутствие и посредством идеологической экспансии. Инструментами обеспечения советского военного присутствия служили части Красной Армии, ее военные комендатуры, подразделения НКВД, аппарат Союзных контрольных комиссий, постепенно формировавшаяся система военных, политических и экономических советников. Прямыми проводниками идеологического воздействия СССР на общество Восточной Европы были компартии этого региона.

Образ СССР как страны, где якобы решены проблемы политической демократии, экономического прогресса и ликвидировано социальное неравенство, был во многом освящен фактом победы в войне и мифологизирован мощной коммунистической пропагандой. О воздействии коммунистических мифов (осознанных или неосознанных) на выбор частью восточноевропейского населения политических приоритетов и ценностных ориентаций после войны свидетельствуют многие современники событий [8].

Таким образом, воздействие внешнего фактора на страны Восточной Европы, в том числе и на внутреннюю ситуацию в них, оказывалось весьма сложным. Оно усугублялось незавершенностью процессов послевоенного мирного урегулирования (особенно в отношении стран — бывших сателлитов), демонстрируя и столкновение интересов, и элементы сотрудничества великих держав. Это обстоятельство, несомненно, отдаляло перспективу жесткого противостояния на международной арене, хотя такая перспектива становилась все более осязаемой, и направление возможного развития осознавалось в европейских политических кругах. Об этом свидетельствует, в частности, письмо французского радикала Э. Эррио (август 1946 г.) болгарскому политическому деятелю Ст. Мошанову. Возвращаясь к оценке Лондонской сессии СМИД, он писал: «...Борьба за мощь и влияние началась накануне конференции, на которую возлагались надежды, что она предложит некую международную концепцию мира, приемлемую как для малых государств, так и для великих держав... Надо быть большим оптимистом, чтобы считать международное положение благоприятным». Эррио был убежден, что в мире уже сложились «две группировки... Пока еще не хочу сказать: два блока» [9].

Действительно, в 1945—1946 гг. планы объединения «англосаксонского мира» против «восточного коммунизма» во имя защиты «великих принципов свободы и прав человека, которые,— как говорил У. Черчилль, выступая в марте 1946 г. в Фултоне,— являются общим историческим наследием англоязычного мира»[10], и концепции англо-американского и франко-американского союзов были связующим элементом во внешнеполитическом курсе США и крупных западноевропейских стран, опасавшихся неограниченного влияния Америки на континенте.

Что касается советской внешней политики, то СССР заключил двусторонние договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Чехословакией (1943 г.), Югославией и Польшей (1945 г.), предусматривавшие объединение усилий для разгрома фашистской Германии и предотвращения возможности повторения агрессии со стороны этого государства в будущем. После урегулирования в 1947 г. международно-правового положения стран — бывших союзниц Германии, двусторонние, по существу аналогичные договоры были заключены Советским Союзом с Болгарией, Венгрией и Румынией. Подобные документы были подписаны и между всеми странами Восточноевропейского региона.

Хотя вероятность повторения германской агрессии была в то время сведена к нулю, в этих документах сохранялась тем не менее подчеркнуто антигерманская направленность союзов. По-видимому, это была не только дань послевоенным общественным настроениям, особенно в Чехословакии и Польше, но и стремление политиков ограничить возможность трактовки текстов договоров как диссонирующих с принципами послевоенного сотрудничества, определенными на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Тем не менее, взятые все вместе, они по сути дела закладывали международно-правовую основу особой системы межгосударственных отношений в регионе, ядром которой выступал Советский Союз.

Иными словами, отчетливо прорисовывались организационно-политические и правовые контуры рождавшегося длительного противостояния в Европе. Но, несмотря на рост напряженности, тональность оценок международной обстановки как советской, так и американской сторонами менялась отнюдь не сразу. И. В. Сталин в ряде интервью, относящихся ко второй половине 1946 г., категорически отрицал усиление напряжения между СССР и США, подчеркивая отсутствие «реальной опасности» новой войны[11]. Заявления американской администрации в начале 1947 г., по образной оценке английского исследователя Б. Коврига, пока еще были также полны «осторожного оптимизма»[12].

Серьезными обстоятельствами, сдерживавшими нараставшие противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции, являлись сложные внутренние процессы как в Западной, так и в Восточной Европе, основное содержание которых составляла политическая борьба за власть и облик общества.

Внутренний фактор, если рассматривать его шире, чем просто соотношение социально-политических сил в развертывавшейся борьбе, а учитывать такие его составляющие, как социальная структура общества, пережившего лишения войны и существовавшего на грани голода в условиях экономической разрухи, социокультурные параметры наиболее крупных групп населения и их идейно-политические ориентации, а также национальные традиции и стереотипы массового сознания, начинал все более выступать на первый план, в значительной мере определяя масштабы общественных процессов, их направленность и пределы. Под прямым воздействием постоянно изменявшегося соотношения внутреннего и внешнего факторов закладывалась вариативность ситуации в странах Восточной Европы, формировались концепции их дальнейшего развития, очерчивались центры политического противостояния и главные противоборствовавшие силы.

Глава 1

ЮГОСЛАВИЯ, АЛБАНИЯ: УТВЕРЖДЕНИЕ МОНОПОЛИИ КОМПАРТИЙ НА ВЛАСТЬ

Соглашения Тито — Шубашич сняли политико-психологические препятствия для деятельности в Югославии целого ряда некоммунистических партий и группировок. Большинство из них, за исключением Демократической и Радикальной партий, присоединились к НОФ. Наиболее влиятельными среди новых членов Фронта были ХРКП и НКП. Тем самым существенно изменялась официальная политическая сцена Югославии и открывались возможности включения в формирующиеся структуры представителей той части общества, которая в годы войны, занимая антититлеровские позиции, не только не входила в НОФ, но и противостояла ему. Основой компромисса было осознание необходимости решения общенациональных задач: завершение освобождения страны, возрождение Югославии как многонационального государства, восстановление экономики, разрушенной войной. Компромисс делал возможным признание новой Югославии как субъекта международного сообщества.

Для КПЮ, завершавшей оформление всей вертикали своих властных структур, смысл соглашения с Шубашичем виделся именно во внешнеполитическом обеспечении этой власти. Но для партнеров коммунистов превалировали внутриполитические мотивы. Речь шла об их включении в создававшуюся коммунистами систему власти для противодействия политической монополии КПЮ.

Основная аргументация в пользу соглашения с коммунистами вытекала из осознания реальности влияния КПЮ в обществе

и из понимания исключительной важности общенациональных задач. Об этом свидетельствовало письмо М. Грола (ДП) от 25 января 1945 г. в редакцию газеты «Таймс», где будущий лидер антикоммунистической оппозиции писал, объясняя свое решение пойти на компромисс с коммунистами: «Соглашение с Освободительным движением для меня и для всех прогрессивных югославов остается необходимостью... Сейчас политические вопросы и доктрины уступают первое место главному — сохранению жизни...». По мнению Грола, преодоление «беспощадной действительности» не может быть осуществлено через реализацию какой-либо одной доктрины, «которая не опиралась бы на объединенные прогрессивные силы страны». Демократически настроенная довоенная политическая элита видела опасность принимавшего достаточно осязаемые формы нового тоталитаризма, сомневалась «в действенности тоталитарного режима, который не допускает разногласий партии и общественного мнения». И тем не менее Грол и его сторонники считали возможным идти на компромисс, который должен определяться, по их мнению, «не столько противоположной идеологией, сколько основными условиями восстановления жизни» [1].

Такой компромисс политиков, представлявших два направления в движении Сопротивления, хотя и диктуемый разными мотивами, был достигнут. Созданное на базе НКОЮ в марте 1945 г. в соответствии с решениями Крымской конференции объединенное Временное правительство, куда вошли три наиболее влиятельных представителя ДП и ХРКП (М. Грол, И. Шубашич, Ю. Шутей), уже не было, однако, коалиционным кабинетом в классическом смысле [2]. Не располагая ключевыми министерскими постами, представители некоммунистических партий не могли эффективно препятствовать реализации курса КПЮ. Их участие в правительстве не могло опираться на разветвленные партийные структуры на местах.

Но главная причина во многом декоративного характера этой коалиционности, на наш взгляд, состояла в том, что на рубеже 1944—1945 гг. некоммунистические политические силы включались в уже почти сложившиеся новые структуры власти, контролируемые коммунистами *. В силу этого границы политических возможностей партнеров коммунистов по правительству определялись программной декларацией от 7 марта 1945 г., в основе которой была идея восстановления экономики в соответствии с представлениями коммунистов. Воплощение ее мыслилось через

* К этому времени КПЮ располагала практически монопольным положением во всех органах власти: в суде, прокуратуре, армии, органах госбезопасности и МВД. Партийные организации КПЮ хотя и оставались в подполье, действовали во всех низовых административных единицах — срезах. Компартия контролировала НОФ, профсоюзы, женские и молодежные организации. Что касается законодательной власти, то она сохранялась за АВНОЮ, где опять же господствовала КПЮ. Решения II сессии АВНОЮ составляли основу деятельности правительства.

усиление планового вмешательства государства в организацию и осуществление хозяйственного восстановления, через регулирование всей хозяйственной жизни, что рассматривалось «как безусловный закон», который позволит успешно объединить материальные средства и целесообразно использовать их как для возрождения общегосударственных отраслей, так и производства на местах.

Вместе с тем (и это следует особо подчеркнуть) в декларации Временного правительства настойчиво проводилась мысль о необходимости обеспечения полной свободы деятельности и помощи частной инициативе, «без чего нельзя и думать о быстром восстановлении... страны». Принципиально важное значение имел пункт об аграрной реформе и колонизации. Декларация предусматривала замену королевской власти институтом регентства, создание правительств в федеративных республиках *, демократизацию политического устройства путем проведения свободных выборов в Учредительную скупщину. Что касается внешней политики, то Декларация исходила из необходимости союзных отношений с СССР, США и Великобританией [3].

В рамках этой программы и могли получить возможность реализации своих устремлений политические круги, традиционно ориентировавшиеся на западную демократию. Их доступ в структуры власти обеспечивался вхождением ряда либерально-демократических политиков разных политических направлений в правительство, а также трансформацией АВНОЮ во Временную скупщину путем введения в ее состав депутатов довоенного парламента.

Содержание Декларации и шаги, предпринятые во исполнение соглашения Тито—Шубашич, свидетельствовали о том, что стороны понимали суть переломного этапа: происходила замена военно-политического союза разных социальных сил, сгруппировавшихся вокруг КПЮ в борьбе с оккупантами, политико-экономическим взаимодействием НОФ и либерально-демократической части общества во имя решения новых общенациональных задач.

Каждая из сторон пыталась пройти этот этап, обеспечивая свои политические интересы. Для КПЮ стояла задача сохранить широкую социальную основу своей, в основном уже сложившейся однопартийной власти. Для ДП и РП — партий, не вошедших во Фронт, но получивших некоторую долю власти, проблема выглядела гораздо сложнее. Речь прежде всего шла о том, чтобы «отобрать» у коммунистов доверие мелких собственников, сузить тем самым степень их влияния и попытаться изменить расстановку сил в коалиции.

Поскольку коммунисты уже располагали решающими позициями в системе власти, то для них в 1945 г. особую важность имели проблемы овладения экономикой. Стартовые условия для этого были созданы постановлением АВНОЮ от ноября 1944 г.

* Созданы в апреле — мае 1945 г., контролировались КПЮ.

о переходе в государственную собственность имущества врагов народа и о наложении секвестра на имущество, насильственно изъятое оккупационными властями[4]. Принципиально важно отметить, что действие постановления не распространялось на тех собственников, которые «не изолируются от своего народа и готовы предоставить в распоряжение народа свои средства»[5]. Им давались гарантии обеспечения необходимой прибыли. Это и рассматривалось как одна из серьезных мер, которые должны были бы препятствовать возможному отливу мелких собственников от НОФ и переориентации их на неконтролируемые КПЮ группировки.

Еще до законодательного оформления этого постановления (май 1945 г.) значительная часть собственности, подлежавшей секвестру, уже находилась практически под государственным управлением, и формирующийся государственный сектор все явственнее становился определяющим. Уже к концу 1945 г. в руках государства было сосредоточено 53 % всех промышленных предприятий, 19 % находилось под государственным управлением и только 28 % оставалось в частном секторе[6].

Изъятие собственности разворачивалось на фоне систематических заявлений коммунистических лидеров о защите, опеке, поддержке частной инициативы[7]. Думается, что за такими заявлениями скрывалось как понимание экономической необходимости сохранения частного предпринимательства, так и политическая задача затормозить обозначившийся в первой половине 1945 г. поворот от НОФ части мелких собственников города и деревни в сторону возрождавшихся либеральных, в том числе и крестьянских партий.

Ситуация для коммунистов осложнялась и тем, что провозгласив аграрную реформу в марте 1945 г., НОФ до августа 1945 г. не предпринимал реальных шагов по ее осуществлению. И это не могло не сказаться на настроениях крестьянства. Проявилось сильное влияние сторонников Мачека и католической церкви в хорватской деревне; активизировались проалбанские настроения в Косове и Метохии; весной 1945 г. в Сербии конституировалась Народно-крестьянская партия во главе с Д. Йовановичем. Советские дипломаты, анализируя настроение на местах, отмечали, в частности: «Крестьяне уважают новую власть, но говорят, что она пока еще им ничего не дала»[8].

Косвенным доказательством обозначавшейся политической переориентации части общества и проявления ранее скрываемых антикоммунистических симпатий можно считать активизацию деятельности чрезвычайных судов и организацию системы тайной политической полиции (ОЗНА), власть которой противниками НОФ квалифицировалась как «альфа и омега „демократического режима" Югославии».

Имевшие место в первой половине 1945 г. репрессии были направлены в основном против лиц, сотрудничавших с оккупантами, но одновременно стала обозначаться линия на «снятие»

возможного актива зреющей оппозиции КПЮ. Подтверждением этого могут служить данные об острой реакции в обществе на репрессивную деятельность органов госбезопасности, возглавлявшихся А. Ранковичем. Это находило свое выражение в многочисленных листовках, распространявшихся нелегально от имени различных партий, где красной нитью проходила мысль о диктатуре КПЮ и выдвигались требования роспуска милиции как органа одной партии, ликвидации чрезвычайных судов и восстановления демократических свобод [9]. Советское посольство летом 1945 г. в беседах с политическими деятелями некоммунистической ориентации получало сообщения «о массовых расстрелах, о неспокойствии в стране», о том, что из-за боязни быть арестованными «люди бегут в леса», что правительство Тито не пользуется доверием [10].

В феврале 1946 г. советское посольство информировало В. М. Молотова о том, что по данным, «сообщенным... М. Джиласом, органами ОЗНА после освобождения Югославии ликвидировано около 200 тыс. человек, сотрудничавших с оккупантами и являвшихся активнейшими врагами нового режима. За осень — зиму этого (1945.— *Авт.*) года сделано много для ликвидации усташских и четнических банд, скрывающихся в лесах Сербии, Боснии и Герцоговины и Хорватии. По словам Ранковича, было уничтожено до 11 тыс. участников банд, арестованы и расстреляны все главные коменданты Д. Михайловича» [11].

Таким образом, происходившие в первой половине 1945 г. подвижки в настроениях части югославского общества, в том числе и шедшей ранее за КПЮ, создавали определенные возможности для деятельности оппозиции как внутри Фронта, так и вне его. Главной силой развивавшейся оппозиции выступили не вошедшие во Фронт Демократическая и Радикальная партии.

Поводом для обострения внутриполитической борьбы летом — осенью 1945 г. были не только усиливавшиеся этатистские тенденции в сфере экономики, но и превращение НОФ в своеобразную «государственную партию», зарождение всевластия ОЗНА, функционирование прежде всего низовых органов власти на однопартийной основе [12].

Стремление противостоять этим тенденциям вылилось летом 1945 г. в попытки создать объединенную оппозицию компартии, чтобы добиться реорганизации правительства на более широкой политической основе, а также реализовать один из важнейших политических пунктов соглашения Тито—Шубашич, чему упорно сопротивлялись коммунисты. Речь шла о преобразовании АВНОЮ во Временную народную скупщину путем введения в ее депутатский корпус представителей довоенного парламента [13].

В начале июля 1945 г. имело место совещание лидеров ДП и РП — М. Грола и М. Трифуновича, с профессором М. Милосавлевичем, по-видимому, представлявшим некоторые круги либеральной интеллигенции, связанной с некоммунистическими партиями внутри НОФ. Обсуждалась проблема изменения состава

правительства во главе с И. Б. Тито. Предлагалось создать новое правительство «всех партий, включая компартию», провести свободные выборы «в присутствии представителей союзных и дружественных стран, но во главе с представителями Союза». На основании этих выборов и предполагалось сформировать парламент, который «будет действительно способен дать народу власть и свободу». Был разработан план легального устранения правительства Тито, а его реализация была рассчитана на поддержку СССР. Обратившись 8 июля 1945 г. с письмом к советскому послу, М. Милосавлевич не только излагал план, согласованный с М. Гролом и М. Трифуновичем но и предлагал способы его реализации: «...По желанию Вашему можем начать действовать и имеем возможность постоянного контакта с многими представителями нынешнего правительства и по Вашему желанию, если Вы скажете, кризис правительства мог бы наступить в любой момент». Посол И. В. Садчиков, охарактеризовав автора письма как «великосербского шовиниста, ведущего свою подрывную работу в контакте с Англией», от связей с Милосавлевичем отказался, а копию письма передал Тито [14].

По-видимому, информация советского посла не прошла бесследно. Она могла послужить одним из серьезных импульсов для решения вопроса о реорганизации АВНОЮ, что, безусловно, было для компартии меньшим злом, чем реализация вышеуказанного плана. 10 августа АВНОЮ было преобразовано, и около четверти депутатских мест получили члены довоенной скупщины. От ДП вошли 13 человек, от Союза земледельцев — 12, от ХРКП — 9, от ХКП — 4, от НКП — 8, от прочих — 12 человек [15].

На заседаниях Временной скупщины борьба сосредоточилась отнюдь не на содержании программной декларации с ее общедемократическими принципами и признанием многоукладности экономики, а на определении характера (временного или постоянного) существующей власти и на разработке проекта избирательного закона. Это свидетельствовало о стремлении лидеров ДП и РП скорректировать развитие страны в направлении западной демократии. Однако это стремление не было подкреплено ни организационно (не удалось вокруг ДП и ее лидера Грола создать реальной объединенной оппозиции), ни политически (оппозиционеров поддерживала лишь часть политиков в некоммунистических партиях — 17 депутатов парламента) [16].

Что касается меры социальной поддержки оппозиции, то наблюдавшийся отход от НОФ некоторой части общества порождал надежду на обретение такой поддержки. Но реальную силу ее могли продемонстрировать только демократические выборы. Поэтому не случайно политическая борьба в скупщине развернулась именно вокруг избирательного закона. Коммунисты, опираясь на закон о наказании коллаборационистов, стремились лишить права голоса всех, кто был обвинен в сотрудничестве с оккупантами. Грол и его сторонники напротив выступали за максимальное расширение электората. Они считали, что по законо-

проекту коммунистов лишаются права голоса «сотни и тысячи граждан», и поэтому добивались общей амнистии всем политзаключенным, кроме тех, кто прямо сотрудничал с оккупантами и совершил преступления против нации.

Особое внимание оппозиция уделяла выполнению требования о международном контроле за выборами и об отсрочке последних. Имея за собой во Временной скупщине весьма скромный актив, М. Грол как лидер оппозиции не мог рассчитывать на перевес в будущем парламенте и вышел 18 августа в отставку с поста заместителя премьера, мотивируя это нарушениями международных договоренностей и демократических прав («нет демократии, есть террор, большая часть населения лишена избирательных прав») и надеясь на создание тем самым повода для вмешательства западных держав [17]. Демарш Грола был поддержан: 20 сентября о бойкоте выборов, назначенных на 11 ноября 1945 г., объявили демократы, радикалы, часть Земледельческого союза и (что особо важно подчеркнуть) католическая церковь [18], влияние которой было особенно сильным в Хорватии.

Размышляя над смыслом этих шагов Грола, вряд ли можно ограничиваться только констатацией его стремления привести в действие международный фактор в лице западных держав *. Расчет был, по-видимому, на то, чтобы стимулировать процесс «расставания» части общества с Народным фронтом, ускорить организационное оформление оппозиции коммунистам внутри Фронта (прежде всего силами крестьянских партий) и тем самым приобрести опору в деревне. С мотивировкой, по смыслу совпадающей с позицией Грола, в октябре 1945 г. из правительства вышли лидеры ХКП И. Шубашич, Ю. Шутей и некоторые другие деятели.

Выход из правительства М. Грола, И. Шубашича и Ю. Шутея означал отказ наиболее влиятельных носителей либерально-демократической альтернативы от компромисса с коммунистами. Обществу предлагалось сделать свой выбор, голосуя или не голосуя за депутатов в Учредительную скупщину. Такой выбор был сделан: по официальным данным, к урнам пришло более 88 % имевших право голоса, из них за список НФ проголосовало 90,5%. Это было расценено в КПЮ как широкая поддержка Народного фронта. Распределение мест в скупщине закрепило победу коммунистов. 78,6 % депутатских мест было у КПЮ. Поскольку часть коммунистов работала в некоммунистических партиях и прошла по спискам этих партий, советский посол констатировал: «По своему партийному составу парламент может быть назван коммунистическим» [20].

Итоги выборов были признаны западными державами как отражающие волю народа, а Учредительная скупщина рассматривалась как орган с суверенными правами. Международное при-

* Как известно, на лондонской сессии СМИД США и Англия добивались отсрочки выборов в Югославии, но жесткая позиция СССР помешала этому [19].

знание итогов выборов было закреплено дипломатическим признанием Югославии Англией и США в декабре 1945 г. Между тем выборы показали, что доля лиц, не воспринимавших политику Фронта и выразивших это бойкотом или голосованием «против», была достаточно заметной: 1/5 по стране и 1/3 в Сербии[21]. Однако оппозиция, по-видимому, рассчитывала на более массовую поддержку и была, по свидетельству очевидцев, «просто убита». Грол находился «в подавленном состоянии» и верил «в неизбежность в скором времени войны между Великобританией, США и СССР»[22].

Представление о деятельности оппозиции после выборов М. Грол изложил в ряде документов, датированных 31 января 1946 г. и являвшихся реакцией как на выборы, так и на факт принятия в январе 1946 г. новой конституции Югославии. Это были письменное заявление иностранным корреспондентам и советскому посольству, письмо И. Б. Тито и секретное письмо членам и активным сторонникам ДП. Исходная посылка этих документов состояла в признании конституции и законности нового режима, констатации того, что «учреждение нового режима исходит из свободных выборов народа» и что «ни одна передовая группа оппозиции не оспаривает революционно поставленные основы нового порядка». Из этой посылки вытекало и заверение в письме к Тито «в лояльности к установившемуся новому порядку», а также полное отмежевание от вооруженной борьбы с режимом, которая квалифицировалась как «авантюристические действия».

Обращаясь к своим единомышленникам, Грол объяснял: «...Решить вопрос из леса нельзя и... мир на авантюрах не строится. Всякое решение кровью является для нашего народа катастрофой». Он предлагал выход из создавшегося после выборов положения: «...Остается пойти на дорогостоящий компромисс... что в настоящее время будет дешевле гражданской войны». Была определена и цель компромисса — постановка режима «на широкую основу». Специально подчеркивая оппозиционность ДП, Грол рассматривал свою партию в качестве «собирательного органа для концентрации всех праведных людей»[23]. Измерить объем влияния ДП предполагалось в ходе запланированных на весну 1946 г. выборов в скупщины федеральных республик Югославии.

Письма и заявления М. Грола показывают стремление одного из самых крупных лидеров оппозиции не только сохранить ДП как оппозиционный компонент политической системы Югославии, действовавший в рамках закона, но и создать правительство с участием представителей оппозиционных партий. Тем самым, по мысли Грола, было бы обеспечено «сотрудничество всех прогрессивных групп»[24]. Следствием этого могло быть нарушение политической монополии КПЮ. Коммунистическое руководство Народного фронта естественно не приняло предложений Грола. События развивались в прямо противоположном направлении. Вы-

боры в Учредительные скупщины республик были назначены на осень, и вопрос об использовании итогов волеизъявления как аргумента в политической борьбе был отложен.

Победа на выборах в ноябре 1945 г. сняла для лидеров КПЮ проблему сохранения компромисса с оппозицией. Был избран вариант подавления инакомыслия. Факт существования вооруженных группировок, не признавших НФ (отряды четников, усташей и крижарей, о чем речь шла выше), и распространявшиеся сведения о готовившемся восстании против власти, якобы назначенном на весну 1946 г.*, были использованы органами безопасности для достаточно широких арестов членов ДП, судебных процессов над ними и закрытия газет оппозиционного направления. Тем самым коммунисты, опираясь на результаты выборов, по сути дела перекрыли возможности существования той либерально-демократической альтернативы, которую представляли Демократическая и Радикальная партии. Во второй половине 1946 г. Грол из сторонника вынужденного компромисса с коммунистами вновь превратился в откровенного антикоммуниста, о чем свидетельствует следующее его заявление: «Через конфликт или под давлением действительности коммунизм, то есть большевизм как нездоровый продукт Востока и русской революции, будет уничтожен»[26].

Наряду с либерально-демократической альтернативой планам КПЮ вырисовывался и вариант развития, в основу которого были положены интересы крестьянина — мелкого собственника. Аграрно-крестьянская концепция формировалась внутри НФ, и ее носителем было отнюдь не правое крыло крестьянского политического движения, а его центристская часть, принявшая сотрудничество с КПЮ.

Политическим лидером этого направления был руководитель НКП Д. Йованович. Участие НКП во главе с Д. Йовановичем в деятельности НФ усиливало многопартийную окрашенность Фронта, расширяло его социальные рамки. Элементы оппозиционности Д. Йовановича и его сторонников в НКП по отношению к КПЮ были отмечены уже осенью 1945 г.[27] Однако вплоть до конца этого года центральным было противостояние Фронта и оппозиции вне его (Демократическая и Радикальная партии), а фигура Д. Йовановича оказывалась объективно на втором плане. Не случайно М. Грол признавал, что коммунисты «и ранее были им (Йовановичем.— *Авт.*) недовольны, но его терпят, так как это имя является вывеской для Фронта»[28].

Ситуация резко изменилась после выборов и поражения оппозиции, возглавлявшейся М. Гролом. На рубеже 1945—1946 гг.

* В этой связи посол И. В. Садчиков, оценивая ситуацию, писал 19 февраля 1946 г.: «По данным югославов, в настоящее время скрывается в лесах приблизительно 3 тыс. вооруженных людей. Если эти данные даже преуменьшены, то все же нет оснований ожидать широкого и организованного вооруженного восстания против правительства Тито внутри Югославии...»[25].

началось обсуждение проекта новой конституции, подготовленного в руководстве КПЮ * и призванного легитимировать происходившие перемены в общественном устройстве страны. В проекте уже с большой четкостью проявились важнейшие элементы, которые должны были обеспечить организацию общества на принципах тоталитаризма. Поскольку в нем не были обозначены место и роль некоммунистических партий, то будущая политическая система вырисовывалась как однопартийная. Хотя и провозглашался принцип трехсекторной экономики (государственная, кооперативная и частная) и даже гарантировалось существование частной собственности при контроле над ней, но все эти положения по сути дела перечеркивались констатацией руководящей роли государства в отношении всех основных форм собственности, признанием примата государственной собственности и «общих интересов», а также идей управления экономикой на основе «общего хозяйственного плана»[30].

Подтверждением антидемократических основ проекта конституции были отсутствие положения, предусматривавшего права отдельных республик на выход из федеративного государства **, и однозначность внешнеполитической ориентации на СССР.

Очевидная аналогия проекта конституции, разработанного КПЮ, со «сталинской конституцией» давала аргументы для политической борьбы оппозиции. Советское посольство сообщало в Москву о трех направлениях в критике документа. Видимо, имея в виду Демократическую партию, советский посол писал Молотову, что «представители сербских буржуазных кругов, враждебно настроенных к НФ, заявляют, что проект списан с советской конституции, продиктован Москвой и даже составлен в советском посольстве в Белграде. Принятие этого проекта превратит, по их мнению, Югославию в простого вассала СССР, вроде Монголии».

Советским послом было выделено и другое критическое неперсонифицированное направление в восприятии предложенного коммунистами законопроекта. Речь шла, по всей вероятности, о критике слева, изнутри коммунистического движения («...проект мало чем отличается от обычных буржуазных конституций и в случае его принятия не может явиться переходной (так в тексте.— *Авт.*) от буржуазного строя к социализму»). Скорее всего эта критика звучала со стороны представителей отдельных республик («проект ущемляет суверенитет отдельных республик,

* Первоначальный проект был составлен юристами под руководством *Э. Карделя и М. Пияде. Однако* член ЦК КПЮ А. Хебранг отмечал, что это был просто перевод *советской конституции на сербо-хорватский* язык[29].

** В беседе с советским послом И. В. Садчиковым Кардель и Тито мотивировали свои позиции по данному вопросу «отсутствием таких глубоких национальных различий как в СССР, ибо все югославские народы — славянские, и они столь малочисленны, что не имеют условий для действительно независимого государственного существования»[31].

поскольку не признает за ними права выхода из югославской федерации»)[32].

Однако наибольшее беспокойство руководства КПЮ вызвали не критики справа (политическое подавление которых уже в основном произошло) и слева (здесь лишь обозначились разногласия и предстояло «выяснение отношений»), а еще одна группа оппонентов из лагеря крестьянских политических представителей. Речь шла о реакции на указанный документ присоединившейся в феврале 1945 г. к Фронту НКП. Глава этой партии Д. Йованович, экономист, получивший образование в Сорбонне, профессор Белградского университета, еще до публикации проекта конституции дал его развернутый анализ на заседании конституционной комиссии и сформулировал свое видение дальнейшего общественного развития.

Высказав принципиальное согласие с проектом и отметив, что статьи этого документа гарантируют внутренний мир в стране и «убивают надежду у всех реакционеров», он выделил его основные позитивные и негативные качества. По мнению Д. Йовановича, конституция, безусловно, «закрепляет новые общественные силы, которые до этого времени не были господствующими, ...она ограничивает отжившие силы, не желающие с этим мириться и стремящиеся и дальше к господству». Определяя принципиальные изменения в характере власти, Йованович зафиксировал новые, вызревавшие направления в ее эволюции: в предложенном коммунистами документе он увидел главные элементы будущей тоталитарной модели Югославии.

Авторы проекта исходили из основополагающего тезиса коммунистической доктрины о недопущении разделения законодательной, судебной и исполнительной властей и сосредоточения их в руках государства. Именно этот узел в законопроекте был поставлен в критике Йовановича на первое место как прямое нарушение норм демократии и как огосударствление (этатизация) всех форм общественной жизни. Он возражал против конституционного закрепления политической монополии одной «государственной партии»: «Я не хочу критиковать государственное устройство СССР, но считаю, что мы не должны иметь государственную партию... или не вводить ее и тем самым ликвидировать всякое подобие нового порядка фашизму».

Особое беспокойство Йовановича вызвало фактически заложенное в проект исключение из политической жизни некоммунистических партий. Именно о таких настроениях, просматривающихся в низовых партийных организациях КПЮ, говорил Йованович на заседании конституционной комиссии. Категорическое отрицание однопартийной системы в выступлении Йовановича аргументировалось также тем, что на это не будет согласно крестьянство, прежде всего крестьянство Сербии.

Мотивация сохранения многопартийной системы в Югославии была органически связана Йовановичем с проблемой национально-политической организации многонациональной страны.

Понимая, что в условиях Югославии компартия является единственной общегосударственной и многонациональной силой и что установление ее монополии будет сопровождаться отрицанием права на существование всех иных политических сил *, действовавших только в масштабах отдельных национальных республик, Йованович увидел выраставшую угрозу единству федеративного государства. В подтверждение своих опасений он приводил факт отсутствия в проекте конституции пункта, дававшего республикам право выхода из федерации. Возможность сопряжения политических и национальных интересов лидер НКП видел в институте Народного фронта: «Мы пытались найти и я думаю и нашли здоровую, не скажу единственную, спасительную формулу... создав параллельно с культурно-национальной федерацией политико-партийную федерацию — Народный фронт. Он должен быть примирением единства и свободы, свободы и единства наших народов, как федерация является примирением равноправия народов и единства государства...»[34].

Рассматривая перспективы социально-политического развития страны, Йованович на одно из центральных мест ставил судьбу крестьянства как особого социального слоя, который «имеет свою динамику, вернее свой особый темп, свои традиции, навыки, манеры...». Высказывая опасения, что происходит отрицание тех сторон жизни крестьянства, которые являются для него врожденными, он ставил проблему политического обеспечения социальных интересов и сохранения независимого политического, экономического и культурного крестьянского движения. Понимая необходимость союза крестьянства с «городскими рабочими», Йованович изложил свое видение этого союза: «Союз не означает подчинение, а означает если не полное равенство, то равноправие... они (крестьяне.— *Авт.*) найдут другие способы и пути для того, чтобы обеспечить свою социальную и политическую индивидуальность»[35].

Прямой реакцией на югославскую политическую действительность было присутствие в речи Йовановича мотива о нарушении демократических свобод и прав личности в стране до и после выборов. Это была тревога о последствиях примитивного, силового насаждения политического единства, а точнее единомыслия, о людях, судьбы которых определялись, исходя из принципа: «Кто не с нами, тот против нас». «Не создано ли,— ставил закономерный вопрос Йованович,— большое число врагов именно тем, что слишком обеспечиваем единство? Не толкаем ли мы в лагерь противников людей, которые по своему убеждению... могли бы быть на стороне нового порядка?.. Не умертвляем ли мы многие силы, которые бы участвовали в работе, если бы в работе с ними больше учитывались психологические моменты?»[36]

Йованович сформулировал свое во многом критическое, хотя

* Йованович говорил об искусственном удушении, раскалывании и разрушении центральных руководящих органов некоммунистических партий [33].

и конструктивное отношение к проекту конституции. Доказательством конструктивности позиции было его голосование за принятие проекта. Однако советское посольство, информируя МИД СССР о ситуации, сообщало, что Д. Йованович «в иезуитской форме выступил против основ нового экономического и государственного устройства Югославии»[37].

Выводы Йовановича не были обусловлены эмоциональным восприятием действительности, а базировались на анализе социальных процессов, протекавших в стране. Уже на рубеже 1945—1946 гг. он констатировал начавшийся процесс образования нового «чиновничьего государства» и зарождение нового социального слоя — государственной бюрократии, выходившей из среды классов-победителей[38].

Таким образом, критика Йовановичем важнейших положений проекта конституции практически являлась критикой непреложных основ коммунистической доктрины тех лет. Именно это и дало повод советскому посольству оценить выступление Йовановича как «идейное возникновение новой оппозиции среди партий НФ»[39].

Действительно, весной 1946 г. произошла активизация деятельности Д. Йовановича и его сторонников. Шли переговоры с представителями сербского Земледельческого союза и ХРКП об объединении в блок крестьянских партий, который мог бы составить оппозицию КПЮ. План действий «крестьянского блока», по замыслу Йовановича, сводился к созданию отдельного клуба депутатов от крестьянских партий в скупщине с целью защиты «интересов крестьянства и остального трудового народа», выработки крестьянской идеологии и системы мер, направленных на создание «единой крестьянской партии». Летом 1946 г. Йованович выступил на сессии скупщины с изложением своей экономической и политической программы. Развивая идеи, высказанные в ходе дискуссии по проекту конституции, он выдвинул требования политического равноправия всех партий и групп, обеспечения многопартийной политической системы и права на оппозиционную деятельность крестьянского блока. Что касается экономической сферы, то Йованович настаивал на представлении «бо́льших возможностей в развитии частного сектора в деревне и частного капитала в городе в ущерб, по определению советского посольства, развитию государственного экономического сектора»[40].

Советское посольство информировало Москву о том, что Йованович требует изменения внешнеполитического курса Югославии, как известно, ориентированного на СССР. В действительности же тот выступал за уравновешивание этой ориентации связями с Западом[41].

1 августа 1946 г. он предпринял еще одну попытку донести до югославского крестьянства свой план действий, обратившись с письмом к членам НКП, где объявил о стремлении объединить в рамках НФ всех «морально сохранившихся людей из

НКП, Земледельческого союза, ХКП, Словенской народной партии и крестьянской партии Словении, равно как и крестьянских борцов из Македонии», и решительно отмежевался от М. Грола. Мы не располагаем данными об отклике членов НКП на предложения их лидера, но известна реакция Мачека — руководителя ХКП, находившегося в эмиграции. Он рекомендовал одному из лидеров своей партии — А. Кошутичу «поддержать создание блока крестьянских партий и воздержаться от какого-либо компромисса с компартией». Но замысел создания крестьянской оппозиции был блокирован в скупщине. После голосования Йовановича против ряда предложенных законопроектов в скупщине Сербии он был лишен депутатского мандата и исключен из НФ Сербии. Не удались планы и на межпартийном уровне. Во второй половине 1946 г., после освобождения из тюрьмы, Кошутич отнюдь не спешил выполнять рекомендации Мачека, более того, выдвинул перед руководством ХКП новые задачи: пересмотреть старую программу, начать переговоры с Тито о вступлении ХКП в НФ и договориться с руководством ХРКП об образовании единой партии. В октябре 1946 г. «по инициативе КПЮ в целях, как считало советское посольство, осуществления наибольшего влияния КПЮ на крестьянство и в целях укрепления НФ» было проведено объединение Земледельческого союза и НКП, из которой предварительно был исключен Д. Йованович. Объединенную крестьянскую партию возглавил член КПЮ П. Петрович. Так, осенью 1946 г. коммунистами была завершена реализация серии мер, разработанных еще в конце 1945 г. и направленных на то, чтобы «помешать объединению Земледельческого Союза с Народно-крестьянской партией, расколоть последнюю и исключить Д. Йовановича»[42].

Итак, вопрос о создании крестьянской оппозиции, которая бы объединила два наиболее крупных крестьянских политических отряда Сербии и Хорватии *, был коммунистами снят с повестки дня. Тем самым исчезла и крестьянская альтернатива власти КПЮ. Еще в середине сентября 1946 г. Э. Кардель, беседуя с А. А. Лаврищевым — заведующим отделом Балканских стран НКИД СССР, выразил уверенность в прочности внутриполитического положения в стране, где «оппозиционные группы не пользуются поддержкой в народе. За руководством этих групп установлено тщательное наблюдение, на них подобран компромат, и,— по словам Карделя,— в подходящий момент югославское правительство примет по отношению к ним радикальные меры»[43].

Размышляя над развитием событий в Югославии в 1945—1946 гг., можно констатировать, что здесь влияние КПЮ на раз-

* Что касается крестьянского движения в Хорватии, то оно было расколото, ХРКП полностью контролировалась коммунистами, а за лидерами ХКП (Шубашич и Шутей) тянулся «хвост» сотрудничества с оппозицией Грола, с католическим клиром, враждебно настроенным к правительству.

личные социальные слои было весьма значительным и наращивалось с помощью государственных и партийных структур. Поэтому, хотя обществу и были представлены варианты альтернативного развития, они тем не менее остались на уровне политической борьбы прежде всего в верхних эшелонах власти, не обретя сколько-нибудь устойчивой социальной поддержки. Без разрушения сложившихся еще на этапе национально-освободительной борьбы влияния и авторитета КПЮ, а также системы новых государственных органов, формировавшихся под прямым руководством этой партии, была практически невозможной реализация какой-либо иной, некоммунистической концепции. В силу этого можно говорить лишь об элементах вариативности в послевоенном развитии Югославии.

Элементы вариативности, но с принципиально иным наполнением просматривались и в политическом развитии Албании. Временное правительство, где преобладали представители КПА, в конце 1944 — начале 1945 г. приняло решение о проведении мер, призванных усилить регулирующую роль государства в процессе восстановления страны [44]. Среди них важнейшими были: постановление об организации государственного контроля на всех предприятиях, принадлежавших как иностранным, так и крупным (по экономическим параметрам страны) албанским собственникам; законы о чрезвычайном прогрессивном налоге на доходы, полученные в годы войны, о конфискации государственной собственности Италии и Германии, акционерных обществ граждан этих государств; об общих положениях конфискации частной собственности; о национализации итальянских банков и создании албанского государственного банка. Все эти законы не отрицали принципа частной собственности, но при одном существенном условии: если экономическая деятельность владельцев предприятий не будет направлена против интересов государства.

Это был курс на укрепление роли государства в экономике, а следовательно, и роли КПА в стране. Однако вплоть до весны 1946 г. принятые законы реализовывались в весьма ограниченных размерах. Лишь со второй половины 1946 г. процесс ускорился, и к концу этого года государственный сектор стал производить 84,1 % всей промышленной продукции страны [45].

Такой «размытый» курс компартии был во многом следствием внутренней ситуации в стране, где, как свидетельствуют документальные материалы, новая власть вовсе не имела всеобщей поддержки и абсолютного доверия всех слоев населения. Правда, в отличие от других стран, здесь не существовала организационно-оформленная в масштабах всей Албании легальная или нелегальная политическая оппозиция. Это было следствием прежде всего крайней отсталости политического развития общества и того, что противостоявшие компартии наиболее крупные политические группировки были скомпрометированы сотрудничеством с оккупантами. Они не смогли создать в послевоенный

период какого-либо легального представительства, а их отдельные деятели, входившие в НОФ и руководящие органы новой власти, «не выражали интересов какой-либо оформившейся социально-политической группировки, противостоящей КПА»[46].

Но сопротивление новому режиму существовало и имело вооруженный характер, о чем свидетельствовало в частности восстание на севере страны в январе 1945 г. и перманентное существование в горах вооруженных отрядов противников нового режима, поддерживавшихся католическим духовенством. По признанию К. Дзодзе (в 1946 г.) и Э. Ходжи (в начале 1947 г.), в горах регулярно действовали 500—600 вооруженных повстанцев[47]. Действия их опирались на поддержку деревни и в немалой степени провоцировались проявлениями родоплеменного сепаратизма. Советское же посольство, исходя из доктринальных представлений, усматривало причины участия крестьян в вооруженных отрядах в их недовольстве малой результативностью объявленной 6 августа 1945 г. аграрной реформы, которая не предусматривала коренного перераспределения земли. Более того, она допускала существование крупных крестьянских хозяйств (до 40 га) и использование наемного труда[48].

Таким образом, ситуация в Албании не была однозначно благоприятной для власти КПА и, как уже указывалось, курс С. Малешова на реорганизацию Демократического фронта отражал осознание частью руководства КПА необходимости найти формы консолидации общества в рамках «демократического порядка».

Попытки объединения большинства нации и расширения социальной базы новой власти получили поддержку в разных, в том числе и имущих феодально-торговых кругах. Это нашло свое отражение в составе (но не в руководстве!) Генсовета ДФ. Косвенным доказательством этого являются оценки советского посольства, которое констатировало, что в результате политики С. Малешова в составе Генсовета «большинство принадлежало реакционным политикам». Разгоревшуюся борьбу в связи с предстоящими 2 декабря 1945 г. выборами в Учредительное собрание советские дипломаты определили как начало враждебной правительству работы правого крыла ДФ[49].

В действительности же, продолжая курс на сплочение основных сил нации вокруг ДФ, С. Малешова и его сторонники в Политбюро ЦК КПА сделали попытку привлечь к участию в выборах католическое духовенство Севера, наиболее непримиримо настроенное по отношению к новой власти. По сведениям советского посольства, имели место переговоры представителей ДФ и духовенства об участии в выборах католического населения по особому списку. В случае договоренности открывалась возможность снизить противостояние на Севере, поднять представительность Учредительного собрания и нового правительства. Соглашение (в случае его успеха) весьма способствовало бы признанию новой Албании как международного субъекта западными держа-

вами *. Последние ставили условием признания широкое участие в выборах всех социальных и политических сил. Такое участие и предусматривал принятый в сентябре 1945 г. закон о выборах в Учредительное собрание. В соответствии с ним, избирательное право предоставлялось всем гражданам, достигшим 18 лет, за исключением лиц, находившихся ранее на службе у оккупантов [50]. Но католическое духовенство, не желая поддерживать внутреннюю политику правительства (а по сути дела, действия КПА) и своим авторитетом способствовать укреплению внешнеполитических позиций этого правительства, от соглашения отказалось, ослабив тем самым сторонников общенационального соглашения в рамках ДФ. Тем не менее политика «фронта без ограничений», за которую выступал С. Малешова, обеспечила, по официальным данным, внушительную победу ДФ — 93 % голосов. Не принимавшая новой власти часть общества тоже получила свое представительство в парламенте **, что объективно открывало возможность выработки политической линии на основе компромисса и в рамках ДФ.

Таким образом, курс КПА, оформленный в Берате на пленуме компартии (ноябрь 1944 г.) и II конгрессе Антифашистского национально-освободительного комитета (октябрь 1944 г.), получил свое логическое завершение. Выборы подтвердили его результативность. Вместе с тем итоги выборов в парламент усилили разногласия в руководстве главной политической силы — КПА — между двумя группировками. Резко активизировалась, судя по контактам с советским посольством, левая, экстремистски настроенная группа во главе с Э. Ходжей. Победа на выборах трактовалась Э. Ходжей и его сторонниками как аргумент для пересмотра политического курса партии и интенсификации «классовой» политики во имя построения социализма.

Состоявшийся в феврале — марте 1946 г. пленум ЦК КПА совершил пересмотр политической линии, который вписывался в более широкий международный контекст. Он совпадал не только хронологически с известной речью Черчилля в Фултоне, но и с четко проявившимся рубежом во внутреннем развитии Югославии, где 31 января 1946 г. была принята новая конституция, оформившая юридические нормы будущего «социалистического» развития страны. Эти обстоятельства не могли не оказать прямого воздействия на ситуацию в КПА и на определение ее курса. Известно, что КПЮ через систему своих советников осуществляла прочную опеку руководства компартии Албании. Поэтому неудивительно, что в решениях февральско-мартовского (1946 г.) пленума ЦК КПА была выдвинута задача трансформации эко-

* К осени 1945 г. Албания была признана Югославией, Польшей и Советским Союзом.

** Авторы не располагают статистикой о распределении мест в парламенте. Косвенно об удельном весе оппозиции можно судить по тому, что в начале 1947 г. около 20 % депутатов были арестованы как противники линии КПА [51].

номики на основе создания государственного сектора как социалистического и «самой жесточайшей борьбы против крупных торговцев в городе и кулаков-беев в деревне, против спекуляции и черной биржи». При таком обороте дел становился логичным вывод о развертывании борьбы против частного капитала, что означало принципиальный поворот в экономической политике к реализации социально-экономических преобразований на «классовых принципах». Подтверждением этого явилась констатация на пленуме того, что «после Берата... цель построения новой Албании на социалистических началах не была поставлена в качестве основной линии партии». Главным носителем этих «оппортунистических тенденций» был назван С. Малешова, который выслушал резкую критику на пленуме, был выведен из состава Политбюро и ЦК КПА, а позднее исключен из партии[52].

В вину С. Малешове ставились не только «ошибки» во внутренней политике (стремление создать в Албании какой-то особый «демократический порядок», при котором, по оценкам советского посольства, «могли бы свободно уживаться друг с другом все классовые группировки»), но и то, что Малешова «стал идеологом западноевропейской ориентации КПА»[53].

Принятый на пленуме ЦК КПА новый курс на создание «централизованного управления» промышленностью по «заранее разработанному плану», на развитие кооперации с целью борьбы «против эксплуатации потребителей и мелких производителей», на введение государственной монополии на внешнюю и внутреннюю оптовую торговлю означал создание «несущих конструкций» принципиально другой экономической модели. Она основывалась на все более расширявшейся государственной собственности при интенсивном свертывании частного сектора.

В соответствии с формирующейся моделью централизованной экономики была очерчена и перспектива «политических изменений». В 1946 г. специальные комиссии во главе с К. Дзодзе провели чистку партии, в результате которой было исключено более 11 % состава КПА. Анализ советскими дипломатическими службами социального состава исключенных показывает, что основной удар в гражданских парторганизациях пришелся на крестьянство (был исключен каждый третий) и интеллигенцию (соответственно — каждый пятый). Доля исключенных представителей интеллигенции в армейских партийных организациях составляла около 38 % от общей их численности. Итогом чистки стало резкое усиление характера партии как организации, объединявшей леворадикальные слои общества: рабочих, ремесленников, бедное крестьянство, учащихся. Именно они и демонстрировали готовность воспринять новый курс КПА.

В качестве важнейшей задачи февральско-мартовский пленум ЦК КПА назвал полное подчинение армии, которая «должна жить и работать в соответствии с указаниями партии». Во исполнение этого решения в середине 1946 г. был взят курс на очищение армии «от старых офицеров... которые служили в ар-

мии Зогу». Предполагалось, что в армии останутся только те офицеры, которые участвовали в партизанском движении, возглавляемом КПА. В результате произошло резкое снижение и так невысокого образовательного уровня офицерского корпуса. Последствия этого понимало руководство партии и предполагало выправить ситуацию с помощью прибывших в конце 1945 г. советских военных советников и «8 часов в неделю на политзанятиях с бойцами»[54].

Уже весной 1946 г. была проведена чистка органов ДФ от «реакционных элементов» посредством перевыборов местных организаций. В итоге к руководству Фронтом по всей вертикали пришли люди заранее намеченные, «проверенные на практической работе и показавшие,— как отмечал К. Дзодзе,— свою способность быть настоящими руководителями»[55].

На 1946 г. пришелся и разгром (аресты, судебные процессы *) оппозиционных элементов внутри и вне ДФ. Была предотвращена попытка оппозиции создать общую партию и выступить с единой программой борьбы за изменение политического режима. Тем самым политическая система оказалась освобожденной от структур, которые не принимали установления монопольной власти КПА. «Жизненное пространство» было оставлено только для организаций, находившихся под контролем группировки Э. Ходжи в КПА (ДФ, профсоюзы — 30 тыс. членов, Союз народной молодежи — 40 тыс., Союз коммунистической молодежи — 21 тыс. и Союз албанских женщин — 213 тыс. человек)[57]. Массовый характер этих организаций позволил КПА держать в сфере своего воздействия подавляющую часть общества.

В самой компартии была позитивно воспринята авторитарная идея «пирамиды власти партии» во главе с вождем, сформулированная И. Б. Тито в его беседе с Э. Ходжей летом 1946 г. Излагая послу СССР Т. С. Чувахину смысл беседы, Ходжа настойчиво подчеркивал, что по словам Тито, «сейчас албанской партии необходимо добиться единства и сплоченности, что политику партии и правительства должно направлять одно лицо и что таким лицом должен быть генеральный секретарь партии»[58].

Авторитарные принципы политической системы получили и экономическое обоснование. За 1946 г. были реализованы законодательные акты начала 1945 г. об экспроприации промышленных предприятий, ремесленных мастерских, нефтепромыслов. Хотя эти акции и вызывали недовольство имущих слоев, но оно не вылилось в открытое сопротивление властям. Советское по-

* По одной политической мотивации, но в разном оформлении (от обвинения в шпионаже и вредительстве до участия в массовых антиправительственных выступлениях) прошла серия судебных процессов, в том числе суд над группой Албанский союз, над участниками и организаторами восстания в Шкодре, над «греческой агентурой», «над 37 преступниками из группы С. Тэрибаши, Д. Кокоши», разоблаченными как «иностранная агентура»[56].

сольство с удовлетворением констатировало: «Национализация прошла без единого инцидента»[59].

В конце мая 1946 г. парламент Албании принял новый закон об аграрной реформе, имевшей четкую ориентацию на наделение землей тех, кто ее обрабатывал. Это был прямой отказ от прежнего курса на сотрудничество с состоятельными слоями деревни. Политические последствия такого направления аграрной политики оказались, естественно, неоднозначными. Неимущая часть деревни, получившая землю, восприняла этот акт и меры по оказанию государственной денежной помощи на приобретение семян и сельскохозяйственного инвентаря позитивно. Косвенным доказательством этого стала массовая сдача крестьянством «без особого нажима со стороны властей» холодного и огнестрельного оружия, а также, по информации советского посольства, изменение отношения крестьян к вооруженным повстанцам, которым они ранее «активно помогали», а теперь было «отмечено много случаев, когда крестьяне по своей инициативе заявляли властям о местонахождении бандитских групп»[60].

Но позитивное отношение к изменению характера аграрной реформы и общего политического курса весной — летом 1946 г. вовсе не было всеобщим ни в деревне, ни в городе. Нараставшее недовольство имущей части общества тем, что ее лишили возможности оказывать воздействие на внутреннюю политику, курс на сужение социальной базы власти на «классовой основе» вылились в восстание на севере страны, в Шкодре (9 сентября 1946 г.). Хотя непосредственным поводом к выступлению послужила проводимая частичная мобилизация в армию, восстание имело более глубокую политическую подоплеку. Оно вспыхнуло на севере, где было традиционно сильным влияние католических кругов. Его организаторами стали руководители местных органов ДФ и члены деревенских советов, теснейшим образом связанные с католической церковью и ее главой — епископом Франьо Дани. Лидеры восстания видели его смысл в противостоянии «коммунистическому террору» и «диктатуре коммунистов». По данным МВД Албании, в восстании приняли участие 320—350 человек, и при его подавлении были использованы части регулярной армии[61].

В правительственных кругах восстание в Шкодре рассматривалось отнюдь не как стихийный, единичный протест, а как широко задуманная акция «против существующего в стране режима». «Цель восстания,— говорил министр экономики Н. Спиру в беседе с Т. С. Чувахиным в конце сентября 1946 г.,— свержение демократического народного правительства, восстановление власти буржуазии. Восстание готовилось давно и в нем принимали участие широкие круги католиков, мусульман и коммерсантов»[62].

Представляется, что восстание в Шкодре, хотя и не представляло угрозы режиму КПА, было одним из выражений негативной реакции части общества на смену ее политического курса.

Причины недовольства лежали и во внутренней политике («нынешнее правительство Албании хочет полностью уничтожить частную собственность») и в односторонней внешней ориентации («албанское правительство сдало всю экономику страны на откуп Югославии...»[63]). Среди населения Албании, особенно среди его грамотной и образованной части, все более открыто проявлялось недовольство проюгославским курсом правительства. Отношения между Югославией и Албанией нередко преступали ту грань, за которой лежали уже диктат и ущемление национальной независимости *. Это вызывало протест среди отдельных деятелей КПА, делало проблемы национальной самостоятельности предметом острых разногласий в партии и обществе **. Создавалась почва не только для антиюгославских, но и для оппозиционных власти настроений.

Иными словами, неприятие правительственного курса оппозиционными группировками имело принципиальный характер. Но в конце 1946 г., когда уже были осуществлены законы о национализации и аграрной реформе, когда методами принуждения и террора *** в стране были ликвидированы условия для существования организованной оппозиции, исчезли возможности для

* Югославская сторона давала примеры такого диктата: «Вы,— говорил представитель Югославии албанскому представителю в координационной комиссии Кичо Нгеля,— не рассматривайте себя как самостоятельную единицу, а как некоторую часть Югославии». Весьма критически характеризовали отношение югославов к албанцам и советские дипломаты: «Их (югославов.— *Авт.*) гонор, заносчивость, нетактичность и грубость, их стремление рассматривать албанцев как людей второго сорта, как дикарей, которые ни на что не способны, что идет вразрез с действительностью наших дней — все это лишь усиливает недоверчивое отношение к ним албанцев, включая и отдельных членов правительства»[64].

** Особым раздражителем национальных чувств албанцев была проблема Косова и Метохии, населенных преимущественно албанцами, в годы войны входивших в состав «Великой Албании». Отражением национально-политической важности проблемы Косово и Метохии для стабилизации ситуации в Албании является постановка этой проблемы Э. Ходжей на переговорах с И. Б. Тито в июне 1946 г. Э. Ходжа настаивал на том, чтобы эту проблему как-то упомянуть в договоре о дружбе и взаимопомощи, так как «албанская реакция ее использует, утверждая, что этот район продан Тито». Советские дипломаты следующим образом излагали ответ Тито и реакцию Ходжи: «...По мнению югославского правительства, Косово и Метохия рано или поздно должны стать составной частью Албании. Однако, учитывая нынешнее международное положение и внутриполитическое положение в Югославии и Албании, передача этих областей Албании в настоящее время не была бы в интересах и Албании и Югославии... По словам Э. Ходжи, он остался доволен этим ответом»[65].

*** Того факта, что террор носил целенаправленный характер, не скрывал министр внутренних дел К. Дзодзе. В беседах с Т. С. Чувахиным весной 1947 г. он прямо указывал, что в ближайшее время в стране будет арестовано 100—120 человек. «В это число входят доктора и преподаватели — 7 — 9 чел.; торговцы и промышленники — 13—15 чел.; адвокаты и судьи — 5—7 чел.; выходцы из семей членов бывших реакционных правительств — 15—20 чел.; бекташи — до 5 чел.; офицеры армии Зогу — до 12 чел.; католики — 5—7 чел.»[66].

какой-либо альтернативы, кроме той, за которую весной 1946 г. выступило большинство в руководстве КПА во главе с Э. Ходжей.

Таким образом, в 1946 г. в Албании были практически сформированы основные политические и экономические конструкции государства авторитарно-тоталитарного типа: этатизация экономики и ограничение частной собственности мелким производством, унификация политической жизни на основе монополии КПА, превращавшейся в государственную структуру, в руках которой уже были сконцентрированы органы контроля за обществом. Советские представители весной 1947 г. так оценили происшедшие в Албании перемены: «Не будет преувеличением заявить, что... народно-демократический режим в Албании поднялся на новую ступень на пути создания необходимых предпосылок для строительства социализма»[67].

Глава 2

ЧЕХОСЛОВАКИЯ: «НЕКЛАССОВЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ» ИЛИ СОЦИАЛИЗМ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ?

Чехословацкое общество по своим общественно-политическим ориентациям существенно отличалось от обществ остальной части региона: в массовом сознании, особенно в Чешских землях, в 1945 г. на первый план все более выходили социалистические идеи. Но в отличие от Югославии и Албании, где превалировала фетишизация советской модели общественного устройства, в Чехословакии была достаточно широкая палитра различных трактовок социалистических идей и методов их реализации: некласcовый, демократический национальный социализм, базирующийся на гуманистическом наследии Т. Г. Масарика и принципе равенства независимо от классовой принадлежности; социал-демократическое видение разрешения основных противоречий общества «с помощью бескровной революции»; специфический путь к социализму через решение общенациональных задач и объединение большинства нации вокруг КПЧ (реформаторское крыло этой партии); наконец, чисто доктринальная коммунистическая идея диктатуры пролетариата.

Носители этих взглядов были в различных слоях общества. Их активное включение в политику после освобождения страны во многом обусловило то, что в Чешских землях Народная партия, не выступавшая под социалистическими лозунгами, оказалась в значительной мере оттесненной на периферию общественной жизни. Получали же общественную поддержку концепции, имевшие формально одну общую исходную,— они должны были обеспечивать движение к социализму.

В Словакии Национальный фронт опирался на соглашение двух партий — компартии Словакии и Демократической. Последняя, традиционно державшая под своим контролем словацкую деревню, отвергала социализм во всех его модификациях. Она провозглашала себя сторонницей такой реформированной общественной системы, которая «превращает земледельцев, ремесленников, торговцев в самостоятельных независимых предпринимателей», и при которой «частные поместья и крупные предприятия уступают место средним и малым предприятиям»[1].

Отсутствие прямой защиты прежнего строя в программах всех политических партий в определенной мере снижало социальный накал, и борьба политических сил, участвовавших во власти, приняла в Чехословакии, по сравнению с другими странами региона, более «сдержанные», затушеванные формы. Во взаимоотношениях партий Национального фронта сравнительно длительное время преобладало стремление к поискам и достижению компромиссов.

Несмотря на то, что уже в летние месяцы 1945 г. в ходе реализации основных положений Кошицкой программы вновь стали отчетливо проявляться, казалось бы, уже снятые в ходе московских переговоров разногласия (например, об отношении к экономической коллаборации *), тем не менее в этот период партнерами по коалиции выдерживался курс на взаимодействие и сохранение единства Фронта.

Необходимость достижения политических компромиссов между партиями Национального фронта, представлявшими в нем интересы широкого круга социальных сил, во многом обуславливалась не только атмосферой общего национально-патриотического подъема и энтузиазма, не только осознанием политиками общенациональной значимости задач, стоявших перед освобожденной страной **, но и соотношением позиций каждой из партий в формировавшихся новых органах власти. Несмотря на провозглашенный принцип паритета, складывалась весьма сложная ситуация. Если в правительстве, официально утвержденном президентом Э. Бенешем 4 апреля 1945 г., каждая из партий была представлена тремя министрами и четыре министра входили в правительство как беспартийные специалисты[4], то в местных органах власти — краевых и районных национальных комитетах — паритет явно не выдерживался. Соотношение сил здесь совершенно очевидно было в пользу коммунистов, причем в обеих

* Коммунисты считали вопрос о наказании коллаборационистов одним из первостепенных. На его чрезвычайную значимость указывал К. Готвальд как в беседе с послом СССР в Чехословакии В. А. Зориным в апреле 1945 г., так и в публичных выступлениях перед функционерами КПЧ[2].

** Р. Сланский — член руководства КПЧ, вспоминая атмосферу первых послевоенных месяцев, рассказывал: «Ситуация была такова, что к нам приходили и национальные социалисты и социал-демократы... К нам пришла Земинова (одна из правых деятелей национально-социалистической партии.— *Авт.*), которая нас обнимала и говорила, что у нас будет одна партия в республике»[3].

частях республики. Среди членов районных национальных комитетов именно коммунисты составляли самую большую группу — 37 %. Национальные социалисты располагали 16 % мест, члены Народной партии — 15, социал-демократы — 14, а беспартийные — 15 %. Доля коммунистов среди председателей национальных комитетов была еще выше — 46 %[5]. В Словакии также большинство в национальных комитетах принадлежало КПС *, что вызвало трения с представителями Демократической партии. Как комментировал сложившуюся ситуацию член ЦК КПС Э. Фриш в беседе с консулом СССР в Словакии Демьяновым, компартии придется проводить линию на обновление состава национальных комитетов путем избрания демократов[7].

Что же касается центрального аппарата, то в подавляющем большинстве министерств сохранялся старый контингент чиновников[8]. Среди них было немало и бывших сторонников запрещенных аграрной и живностенской партий. Это в свою очередь вызывало у коммунистов опасения саботажа со стороны управленческого аппарата и порождало стремление к его скорейшей реорганизации, по крайней мере в тех министерствах, которые возглавлялись ими.

Реорганизация же МВД и госбезопасности, срочно проведенная министрами-коммунистами в 1945 г., свидетельствовала об использовании «в некоторой степени опыта СССР»[9]. В результате все референты госбезопасности сначала в краевых, а затем и районных национальных комитетах Чешских земель оказались членами КПЧ. Монополией коммунистов служба безопасности была и в Словакии[10]. Это не могло не вызывать беспокойства их партнеров по Фронту и стимулировало резко критическое отношение последних к деятельности коммунистов.

Что касается армии, то степень политического влияния КПЧ не была здесь такой однозначной, как в органах внутренних дел. Генерал Л. Свобода, входивший в правительство как беспартийный, ближе всего стоял к коммунистам, но большинство офицерского корпуса были беспартийными или ориентировались на некоммунистические партии Фронта. Органы же просвещения и информации в армии целиком были в руках коммунистов, что усиливало их позиции.

Реально складывавшееся соотношение сил в системе формировавшихся органов власти, весьма далекое от провозглашенного принципа паритета, объективно повышало роль Национального фронта как органа, призванного обеспечить каждой из сторон контроль за действиями партнеров по коалиции. Отсюда вытекало и стремление всех партий НФ создать достаточно жесткую его структуру, положив в ее основу принцип согласия всех

* Однако советские дипломатические представители отмечали, что руководимые КПС национальные комитеты не смогли объединить вокруг себя «большинство народа» и работали «оторванно от масс», занимая зачастую крайне левые позиции, «которые причиняли им больше вреда, чем пользы»[6].

составляющих коалицию, с тем чтобы исключить возможность какой-либо легальной оппозиции правительству. Такое положение неизбежно превращало отношения политических сил, делившихся власть в стране, в форму движения через компромиссы, достижение и результативность которых для каждой из сил напрямую были связаны со степенью ее влияния и поддержки в обществе. Это проявилось уже в летне-осенние месяцы 1945 г., когда под прямым воздействием общественных настроений, и в первую очередь рабочего класса, две партии, входившие в социалистический блок,— коммунисты и социал-демократы, координируя свои действия с Революционным профсоюзным движением, в качестве важнейшей общенациональной задачи поставили вопрос о необходимости национализации ключевых отраслей промышленности и банков. Сформулированное ими требование трактовалось как необходимая предпосылка «обновления хозяйственной мощи как можно быстрее и с наименьшими экономическими издержками»[11]. При этом оговаривалось, что интересы мелких и средних собственников данная акция не затронет.

Общенациональный характер выдвигавшихся требований ставил национальных социалистов с их скорее негативным, чем просто сдержанным подходом в рамках Национального блока трудящихся города и деревни к этим предложениям, как и политиков из рядов Народной и Демократической партий, выступавших за передачу государству собственности инонациональной буржуазии, в весьма сложное положение. Они оказывались под прямым давлением не только рабочего класса *, но и значительной части своей членской массы[13]. В таких условиях суть дискуссий при обсуждении декретов о национализации концентрировалась не вокруг проблемы «проводить или не проводить эту акцию», а на вопросах масштабов и темпов ее проведения, статуса будущих национализированных предприятий и формах управления национализированным сектором.

Подписанная 24 октября 1945 г. Э. Бенешем серия декретов о национализации была результатом сложного компромисса социальных сил различной ориентации. В определении масштабов и темпов проведения этой акции инициатива принадлежала «тандему» коммунистов и социал-демократов, который выступал от имени рабочего класса и опирался в первую очередь на его поддержку. Возглавляемое социал-демократом Б. Лаушманом министерство промышленности стало своеобразным «мотором» продвижения основы декретов в правительстве, ибо в его руках оказались сосредоточенными все организационные функции. Советское посольство именно в этот период весьма высоко оценивало деятельность Б. Лаушмана, отмечая его «высокие интеллек-

* «Правительство работает под плетками рабочих»,— так охарактеризовал обстановку в стране в дни обсуждения правительством проекта декретов один из активных политиков Национально-социалистической партии Г. Рипка[12].

туальные способности, политическое развитие, умение объединить вокруг себя нужных специалистов»[14].

Представители Народной партии и национальные социалисты, оценивая складывавшуюся ситуацию, вынуждены были признать, что «победил принцип национализации в весьма широком масштабе... акция по передаче государству прошла не так, как требовал исполнительный комитет партии...»[15] Действительно, уже к середине 1946 г. национализированный сектор охватывал 17 % промышленных предприятий. Он сосредоточил в своих рамках более 60 % рабочих и служащих и 56 % произведенной продукции[16]. Однако что касается юридического статуса предприятий, то попытка коммунистов закрепить однозначно положение о том, что национализированные предприятия являются собственностью государства, не удалась. Декрет фиксировал, что предприятия, став государственными, остаются самостоятельными юридическими лицами и должны руководствоваться принципами коммерческого предпринимательства.

Таким образом, декреты о национализации закладывали в новую структуру экономики два взаимоисключающие друг друга «гена». С одной стороны, на основе смешанной экономики, которая становилась реальностью в случае реализации декретов, могли развиваться «экономическая демократия» с ее многоплановой сложной социальной структурой и вытекающий отсюда политический плюрализм. С другой стороны, в условиях фаворизации общественного сектора в виде одной из его форм — государственной собственности — неизбежным становился «экономический этатизм» как база для государства тоталитарного типа. Дальнейшая эволюция экономических структур зависела от того, какие концепции будущего развития получат поддержку в чехословацком обществе в условиях, когда цементирующее воздействие Кошицкой программы на общественные настроения стало резко сужаться. Перед всеми политическими партиями объективно вставали задачи разработки концепций дальнейшего общественного развития. В январе 1946 г. Национальный фронт принял решение о проведении выборов в Учредительное Национальное собрание. При этом четко оговаривалось, что партии пойдут на выборы, сохраняя единство Национального фронта.

Весна 1946 г., несмотря на это соглашение, стала временем острой политической и идеологической борьбы. Сравнение предвыборных программ партий Национального фронта показывает, что общими, сближавшими интересы всех сил, оставались два принципа. Первый — формулируемая по-разному каждой из партий идея необходимости обеспечения существования Чехословакии как государства двух славянских народов *. Советский фак-

* Например, национальные социалисты облекли эту идею даже в требование ликвидации прав национальных меньшинств (речь шла о венграх и немцах), словацкие демократы — в требование обеспечения национального существования; социал-демократы — в требование укрепления

тор всеми рассматривался как гарант реализации этой идеи. Второй — складывавшаяся многосекторная экономика рассматривалась всеми политическими силами как долговременная объективная реальность.

Но при этом каждая из сил по-своему оценивала ситуацию после принятия всей серии декретов, направленных на реализацию Кошицкой программы. Словацкие демократы и Народная партия главную свою цель видели в консервации достигнутого положения, прекращении реформаторской деятельности, обеспечении частному предпринимательству «чувства правовой уверенности для полного использования и развития производственных мощностей мелких и средних предприятий». Они выдвигали и отстаивали принцип равноправия всех секторов народного хозяйства. «На нашу крупную промышленность мы должны смотреть как на экономический объект, который в будущем не будет требовать чрезвычайной опеки... Для мелких и средних предприятий речь пойдет о том... чтобы здесь была найдена здоровая основа, на которой будет базироваться наше предпринимательство»[18].

В программе Демократической партии существенное место занимали проблемы деревни. Здесь акцент делался на удовлетворение требований крестьян как социальной категории в целом. Национальные социалисты, исходя из своей концепции социализирующейся демократии, национализацию на базе декретов 1945 г. оценивали как акцию социалистическую * и выдвигали в своей предвыборной программе идею гармонического сотрудничества всех слоев общества на основе защиты частной собственности, инициативы и предпринимательства «во всех областях, где они экономичнее и более социально выгодны, чем общественное производство»[20]. Необходимость развития частного предпринимательства и кооперативов рассматривалась ими как «ключ к благосостоянию». Отсюда вытекало и требование определения границ национализированного сектора, официального признания правительством акции по национализации завершенной и обязательности принципа равноправия секторов.

Коммунисты на этом этапе свою программу строили исходя из того, что многосекторная экономика останется объективной реальностью на длительный срок, и будущая конституция, которую предстояло принять Учредительному Национальному собра-

единства нации и отказа от каких-либо гарантий прав оставшимся после выселения немцам и венграм; коммунисты выступали за сохранение славянского — чешского и словацкого — характера республики[17].

* «Национализацией ключевых отраслей промышленности, акционерных банков и страхования осуществляется акт экономической демократии, без которой нет политической свободы. Наша партия выступает полностью за эту социалистическую акцию... Мы убеждены, что капитализм является пройденным этапом. Мы закладываем основы для создания социализма»,— эти слова принадлежали одному из лидеров национальных социалистов П. Зенклу[19].

нию, одновременно с закреплением «великого дела национализации должна обеспечить охрану мелкого и среднего частного предпринимательства». Но при этом делалось уточнение, что речь идет о поддержке и охране «честно нажитой собственности... сельского населения и средних городских слоев»[21]. Вопрос же об отношении национализированного сектора с остальными звеньями экономики рассматривался в контексте решения общенациональной задачи восстановления страны, которой и отводилось центральное место в предвыборной программе КПЧ. Необходимость введения элементов планирования и усиления регулирующей роли государства выступала как условие, обеспечивавшее общенациональные интересы. Здесь наблюдалась определенная общность позиций коммунистов и социал-демократов. Идея «регулируемой, социалистически планируемой экономики» составляла основу экономической программы последних.

Итак, при двух для всех партий общих позициях (Чехословакия — государство двух славянских народов; многосекторный характер экономики) программы демонстрировали и весьма существенные различия в видении перспектив. Достаточно четко определились основные линии противостояний. В Чешских землях, несмотря на наличие четырех партий, главное соперничество развертывалось между коммунистами, стремившимися сохранить приобретенный в годы войны авторитет политической силы, которая отстаивает общенациональные интересы и принципы демократии, и национальными социалистами, провозглашавшими себя наследниками гуманистических идей Т. Г. Масарика. Именно в обращении «к программе и духу Масарика» доктринерски настроенная часть руководства КПЧ увидела попытку национальных социалистов создать платформу, которую можно было бы противопоставить идее Национального фронта и, доказав несовместимость коммунистической идеологии с демократическими идеями Масарика, оттеснить коммунистов на периферию политической жизни. Это противостояние вылилось в весьма острую дискуссию на страницах прессы об отношении к гуманистическому наследию Масарика, в которой принял участие и Э. Бенеш. И хотя на пленуме в феврале 1946 г. коммунисты устами В. Копецкого заявили о том, «что масарикизм преодолен, он не может быть идеологией новой Чехословакии...», в предвыборном заявлении КПЧ формулировала свою позицию в принципиально иной тональности: «Мы принимаем от Масарика его живые ценности, его демократические и гуманистические идеалы, которые мы осуществляем в новой форме...»[22]

В Словакии, где подавляющая часть населения была католического вероисповедания и составляла массовую базу клерофашистского режима Тисо, послевоенная политическая организация отличалась от Чешских земель весьма существенной спецификой. В рамках Национального фронта Словакии действовали лишь две партии: КПС и Демократическая, объединявшая в своих рядах лиц евангелической конфессии,— католики же оставались

исключенными из политической жизни. В ходе предвыборной кампании напряженные отношения между партиями Словацкого национального фронта приобрели особую остроту после того, как демократы, заключив соглашение с католическим клиром, открыли двери своей партии для лиц католического вероисповедания[23]. Демократическая партия стала рассматриваться коммунистами как откровенное прибежище и рупор крайне правой реакции. Таким образом, здесь противостояние приобретало иной, чем в Чешских землях, характер.

Состоявшиеся 26 мая 1946 г. выборы в Учредительное Национальное собрание, в которых приняло участие абсолютное большинство электората, показали рост влияния коммунистов, получивших около 38 % голосов. На долю национальных социалистов приходилось 18,3 %. Социал-демократы собрали лишь 12 % голосов, Народная партия — 15,6 %. В Словакии Демократическая партия повела за собой основную массу населения (в первую очередь крестьянство) и обеспечила себе 62 % голосов (в общегосударственном масштабе это составляло 14 %). Коммунисты же в Словакии получили около 30,4 % голосов (в общегосударственном масштабе — 6,8 %)[24].

Такие итоги были неожиданными для большинства чешских и словацких некоммунистических политиков. «Результаты выборов в Учредительное Национальное собрание были хуже, чем все наши пессимистические ожидания... Даже скромные (для коммунистов.— *Авт.*) результаты выборов в Словакии не могли скрыть того факта, что большинство народа было настроено революционно-марксистски и ориентировалось на Советский Союз, на Восток»,— писал в своих мемуарах Л. Фейерабенд. Президент тоже был подавлен результатами выборов: «Он откровенно сказал мне,— вспоминал Фейерабенд,— что ничего подобного не ожидал и верил, что национальные социалисты будут первой партий»[25]. При анализе причин поражения этой партии на выборах в ее краевых организациях раздавались голоса о том, что партия не располагала конструктивной программой: «Под лозунгом „национальный чехословацкий социализм“ никто не сумел дать продуманный ответ на конкретную ситуацию, отличавшийся в лучшую сторону от решения коммунистов»[26]. В центральном же руководстве национально-социалистической партии главную причину поражения на выборах связывали прежде всего с нарастанием послевоенной левой радикализации в мире. П. Дртина на заседании Исполнительного комитета партии 6 июня 1946 г. отмечал: «Мир идет влево и идет сильно влево. Мы никакой большей левизной не могли бы догнать коммунистов»[27]. Руководство партии сходилось на том, что коммунисты достигли зенита своего влияния и далее возможно ожидать лишь его постепенного спада. Этот вывод был положен в основу разработки новой политической линии национальных социалистов: укреплять позиции партии в системе государственной власти, сохранять Национальный фронт как институт, способный обеспечить демокра-

тическое развитие страны, строить свои отношения с КПЧ внутри Национального фронта, признавая за последней лишь право «первой среди равных».

Суть новых взаимоотношений с КПЧ раскрывал все тот же П. Дртина: «Мы должны быть твердыми и во многих случаях несговорчивыми партнерами, но при этом нельзя допустить, чтобы к нам применялось понятие „враждебность“... Мы хотим, чтобы они действительно были нашим партнером в демократическом Национальном фронте»[28]. Зенкл как руководитель партии подчеркивал, что нельзя и думать о том, чтобы покинуть Фронт и что «придется идти на неприятные компромиссы»[29].

Что касается коммунистов, то для них ситуация отнюдь не была везде в одинаковой степени позитивна. Результаты выборов в Словакии оказались в значительной степени неожиданными, хотя симптомы сокращения влияния коммунистов там были налицо еще задолго до выборов[30]. К. Готвальд на пленуме ЦК 30 мая 1946 г. вынужден был признать: «Мы не ждали ничего особенно замечательного, но то, что все так рухнет,— этого мы не предполагали»[31].

Выборы по сути дела продемонстрировали, что общественные настроения в двух частях республики разошлись. В Чешских землях совершенно явно превалировали настроения в поддержку коммунистов. За них отдала голоса подавляющая часть промышленных центров, за исключением Брно, где на первое место вышли национальные социалисты. Коммунистов поддержала чешская и моравская деревня[32]. Более сдержанно их программа была принята чиновничеством, частными и государственными служащими[33].

В Словакии расклад сил оказался иным. Здесь Демократическая партия повела за собой не только словацкую деревню, но и городскую интеллигенцию, мелких предпринимателей, служащих торговых, банковских и других учреждений. Через созданную накануне выборов Партию труда демократы пытались укрепить свое влияние и среди рабочего класса[34]. Победа Демократической партии в этой части республики свидетельствовала о наличии достаточно широких социальных слоев, поддерживавших концепцию аграризма в ее словацком варианте. Так же как в Польше и Болгарии, массовую поддержку эта концепция получила в деревне, хотя вокруг нее сгруппировались различные по социальному статусу и политическим интересам силы, воспринимавшие аграризм как альтернативу социализму.

Выявленные выборами противоположные тенденции в развитии общественных настроений в обеих частях республики, в том числе и проявление сепаратистских тенденций в Словакии, заставляли все политические партии искать возможности соглашений и компромиссов в рамках Национального фронта. Об этом наглядно свидетельствовало отношение к программе, которую предложил К. Готвальд как глава нового правительства. Ее проект, полностью разработанный коммунистами, предусматривал

в политической сфере конституционное оформление новой системы управления через национальные комитеты. В экономической же сфере речь шла о закреплении результатов национализации промышленности и банков, а также аграрной реформы 1945 г. Центральное место в программе занимал вопрос о двухлетнем плане восстановления и развития страны. В качестве средства, призванного обеспечить его реализацию, предлагалась серия мер по изменению системы управления экономикой с целью усиления регулирующей роли государства путем введения элементов директивного планирования, централизации банковской системы, установления через банки контроля за деятельностью всех секторов формирующейся многосекторной экономики и обеспечения в ней ведущей роли обобществленного сектора.

Эта тенденция к этатизации экономики, совершенно отчетливо проявившаяся в предложенном проекте, и вызвала крайне негативную реакцию ряда партнеров по Национальному фронту. В ходе обсуждения во Фронте и Национальном собрании под давлением как национальных социалистов, так и Народной партии, поддержанных словацкими демократами, коммунисты вынуждены были пойти на ряд немаловажных уступок и внести в текст «Созидательной программы правительства К. Готвальда» коррективы.

Прежде всего некоммунистическим партиям удалось добиться официального признания наличия многосекторной экономики констатацией в программе того факта, что правительство считает дело национализации законченным. Была зафиксирована также и конституционная защита частной собственности, которая распространялась не только на мелкую и среднюю, но и на всех частных юридических лиц. Были существенно сужены и контрольные функции банков: они распространялись только на национализированные предприятия [35].

Именно с такими коррективами и была 11 июля 1946 г. принята Национальным собранием новая программа правительства. Ее реализация должна была начаться с конкретной совместной разработки двухлетнего плана экономического развития. Здесь-то весьма четко вновь обозначились разные подходы как к идее плана, так и видению в нем роли и места различных секторов народного хозяйства. Коммунисты как инициаторы проекта в его основу положили принцип приоритетного развития отраслей тяжелой промышленности, составлявших подавляющую часть национализированного сектора, и искали возможности сформировать систему централизованного управления хозяйством через установление экономического контроля над частнокапиталистическим сектором. Их партнеры по Фронту исходили из иных предпосылок: они считали, что основу материального благосостояния составляет средняя и мелкая промышленность, ремесленное и сельскохозяйственное производство. Именно этим отраслям в проекте коммунистов отводилась, по их мнению, роль Золушки. Дискуссии вокруг приоритетов инвестиционной политики носили

весьма сложный и затяжной характер, но коммунистам при поддержке такой массовой общенациональной организации, как Революционное профсоюзное движение, удалось отстоять свою линию. Однако компромисс был достигнут за счет ряда уступок авторов проекта. В частности, они вынуждены были согласиться на создание специального комитета по контролю за выполнением двухлетки, который ограничивал права министров. Под нажимом министров — национальных социалистов, членов Народной партии и демократов, в законе появилось и положение о том, что всем видам предпринимательства «обеспечивается полное равноправие при осуществлении двухлетнего плана путем создания одинаковых предпосылок и условий их экономической деятельности»[36].

Для руководства КПЧ ситуация осложнялась еще и тем, что в социал-демократической партии, ранее достаточно последовательно шедшей в фарватере коммунистов, после поражения на выборах усилилось стремление к проведению самостоятельного политического курса. Линия на сотрудничество с КПЧ стала подвергаться постоянным нападкам со стороны правого крыла этой партии, и ряд левоориентированных политиков (например, Б. Лаушман) стали все более склоняться к центру, отстаивая самостоятельный курс социал-демократической партии[37]. В таких условиях неустойчивое равновесие, сложившееся в парламенте (151 мандат коммунистов и социал-демократов и 149 мандатов национальных социалистов, Народной партии и демократов) и в правительстве (12 министров коммунистов и социал-демократов и 12 министров, представлявших другие партии), заставляло руководство КПЧ идти на уступки своим партнерам. За это оно и подвергалось неоднократно критике со стороны советских дипломатических представителей[38].

Насколько соответствовала такая политика настроениям масс и, в первую очередь, рабочего класса, составлявшего основу членов коммунистической партии? Анализ сообщений с мест, поступивших к сентябрьскому пленуму ЦК КПЧ 1946 г., показывает, что в низовых парторганизациях, среди части партактива налицо было явное непонимание и неудовлетворенность курсом руководства партии в рамках Национального фронта. К концу сентября накопилось достаточно информации о том, что рядовые коммунисты выражают недоверие политике руководства. Превалировали требования «более решительно проводить свои предложения в правительстве». Особенно настойчиво звучала идея о бесперспективности сотрудничества во Фронте. «Среди политически мыслящих людей (а сейчас и среди крестьян),— сообщалось, например, окружным секретариатом КПЧ в Пелгржимове,— все большее распространение получают взгляды, что „этим братанием“ со всеми „власть далеко не уйдет“, что „необходимо взять кнут“, „мы без диктатуры ничего не докажем“. Старые товарищи опасаются, чтобы мы не свернули на путь социал-демократии времен после первой мировой войны». Весьма четко обозначалось на местах и негативное отношение к средним слоям. «Членам партии

неясно, почему при определении политической линии нашей партии принимаются во внимание средние слои, когда большая часть их выступила (имеется в виду на выборах.— *Авт.*) как против народной демократии, так и против партии». В январе 1947 г. к пленуму ЦК КПЧ с мест поступала информация о том, что «в партии наступает кризис... налицо определенный упадок... что мирным путем мы ничего не добьемся... что большинство товарищей убеждено — нужно идти путем диктатуры пролетариата»[39].

Такие сообщения отражали усиление леворадикальных тенденций. Последние в значительной мере базировались на общественных ориентациях рабочего класса, прежде всего его низкооплачиваемых категорий, а также части деревни, неудовлетворенной результатами аграрной реформы 1945 г. В этой среде победа коммунистов на выборах и приход к власти правительства К. Готвальда ассоциировались с дальнейшим углублением социально-экономических реформ, из радикальности которых напрямую выводилась перспектива улучшения условий существования.

В этот же период наблюдался отход от КПЧ части студенчества и творческой интеллигенции, среди которых к концу войны коммунисты располагали довольно значительным влиянием. Одной из причин поворота в политической ориентации этих весьма активных общественных групп, являвшихся носителями национальных демократических традиций, стали печально известные постановления ЦК ВКП(б) осенью 1946 г. по идеологическим вопросам, особенно постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», получившее резко негативную оценку в широких кругах чешской интеллигенции. Реакция была столь острой, что советское посольство, оценивая ситуацию, констатировало, что в этой среде «коммунисты оказались почти изолированными»[40].

Опасность нарастания левого радикализма, как показывают материалы пленумов второй половины 1946 — начала 1947 г., отчетливо осознавалась в руководстве КПЧ. Попыткой сбить эту нараставшую волну и было выступление К. Готвальда на сентябрьском пленуме ЦК с информацией о беседе со Сталиным о различных путях к социализму. К. Готвальд особый акцент делал на том, что Сталин в перечне стран, где возможен специфический путь к социализму, который не должен обязательно вести через «советскую систему» и «диктатуру пролетариата», назвал и Чехословакию. «Мы идем своим собственным путем к социализму. Мы имеем образец в лице Советского Союза, но ни Сталин, ни мы не скрываем, что это путь наш, собственный, специфический, более длительный, сложный, извилистый. Сталин дословно сказал: „Наш путь был краткий, быстрый и стоил много крови и жертв. Если вы можете это обойти — обойдите. Ту цену крови и жертв, которую нужно было принести, уже принесла Красная Армия“»[41].

Выдвинутый на этом пленуме тезис о мирном, специфическом пути Чехословакии к социализму был воспринят в партии неоднозначно. Информация с мест в начале 1947 г. свидетельство-

вала, что одна часть ее членов расценивала такую постановку вопроса «как временный маневр», другая — как «отступление от марксизма», третьи воспринимали ее чисто механически и будучи разочарованными результатами политики Национального фронта считали, «что на пути к социализму диктатура пролетариата была бы более правильной». «Члены КПЧ согласны с нашим специфическим путем к социализму,— сообщалось в январе 1947 г. из Пардубиц,— но они были бы рады, если бы главные идеи социализма как можно быстрее были осуществлены на практике. Постоянно раздаются многочисленные голоса, требующие ускорения темпов»[42].

Ситуация на местах делала все более очевидным тот факт, что курс на обеспечение общественного развития через сопряжение интересов различных социальных слоев в рамках Национального фронта, взятый антифашистскими силами страны весной 1945 г., оказывался все более трудно совместимым с устремлениями именно той части чехословацкого общества, которая являлась «социальной нишей» коммунистов.

Корни интенсивно нараставших леворадикальных настроений находились, без сомнения, в экономической сфере; функционирование смешанной экономики, как показывала практика 1946 г., было отнюдь не столь гладким и эффективным, особенно на национализированных предприятиях. Именно они оказывались в большинстве случаев убыточными, что не могло не иметь своим следствием снижения жизненного уровня работников обобществленного сектора, которые составляли 61 % всех занятых в промышленности. К этому следует добавить неудовлетворенность чешской и словацкой деревни итогами аграрной реформы 1945 г., в результате которой среди малоимущих слоев деревни была распределена земля только немецких и венгерских собственников[43]. В сознании представителей этих социальных групп, ожидавших, но не получивших от происходивших перемен немедленного позитивного социального эффекта, выход из складывавшейся ситуации связывался с новым витком социально-экономических преобразований, направленных на ограничение «власти капитала» путем расширения масштабов национализации и проведения радикальной аграрной реформы. Особые надежды связывались с новым государством как гарантом их социальной защищенности. А отсюда вытекала и их активная поддержка предложений КПЧ по усилению регулирующей роли государства в системе экономики. Идея этатизации экономики имела, безусловно, своих конкретных социальных сторонников.

Компартия, действовавшая в этой среде, выступала политическим носителем этой альтернативы, о чем наглядно свидетельствовала деятельность коммунистов в правительстве (предложения о ревизии аграрной реформы 1919 г. и наделении землей малоимущих слоев деревни, о передаче в общественный сектор мелких и средних предприятий, конфискованных в 1945 г. у лиц немецкой и венгерской национальности и остававшихся под национальным

управлением, о реорганизации банковской системы с целью централизации управления финансами)[44].

Одновременно в обществе все более четко оформлялось и другое видение перспектив развития страны на базе уже реально имевшей место смешанной экономики. Именно такую перспективу отстаивали национальные социалисты, взявшие на себя в Национальном фронте роль лидера сил, противостоявших коммунистам. Они и в прессе, и в программных партийных документах резко выступали против этатизации экономики как тенденции, все более открыто обозначавшейся в политике КПЧ. Причина негативного отношения к концентрации производства в «крупных производственных единицах» (речь шла о национальных предприятиях), которые «подчиняют интересы потребителя интересам производства»[45], не скрывалась. Всеобщую этатизацию национальные социалисты справедливо рассматривали как важнейший фактор, ведущий к «тоталитарному режиму, режиму политической диктатуры одной партии»[46]. Исходя из этой основной посылки, они поддерживали согласованный в рамках Национального фронта и закрепленный в программе правительства К. Готвальда курс на укрепление смешанной экономики. Но ведущее место ими отводилось не обобществленному сектору (на чем собственно базировалась позиция КПЧ), а частнокапиталистическому. Национальные же предприятия, испытавшие большую нужду в дополнительных капиталах, предполагалось превратить в смешанные акционерные общества с привлечением иностранного капитала *, но с сохранением контрольного пакета акций в руках государства[48].

Такая постановка вопроса была связана с ориентацией некоммунистических партий на принятие плана Маршалла и расчетами провести послевоенную реконструкцию народного хозяйства через включение его в систему мировых экономических связей с помощью западного капитала. Что касается аграрной политики, то она была ориентирована на поддержку зажиточных слоев деревни, и предлагаемая ревизия аграрной реформы преследовала прежде всего цель создать в деревне экономически рентабельные крестьянские хозяйства. Именно этим диктовались предложения национальных социалистов ограничить максимум допустимого землевладения 50 га пахотной земли и увеличить размеры участков, передаваемых крестьянам, с 10—13 га как минимум до 20 га[49].

Итак, в рамках реализации программы правительства К. Готвальда и двухлетнего плана восстановления страны (документов, безусловно, компромиссных) обрисовались по существу две диаметрально противоположные перспективы развития. За каждой из них стояли конкретные политические силы, интересы которых все более расходились и тем самым объективно сужалась почва

* Сообщения о таких предложениях, опубликованные в прессе национальных социалистов, вызвали негативную реакцию депутатов от КПЧ и рабочих, особенно тех, кто был занят в национализированных отраслях[47].

для функционирования Фронта как коалиции, в сохранении которой были бы заинтересованы все ее составляющие *.

В КПЧ еще в 1946 г., в ходе избирательной кампании, стали обрисовываться попытки сузить понимание сути Национального фронта, свести его с общедемократической на более узкую классовую основу. Национальный фронт понимался теперь только как союз рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции, основные интересы которых общие, а единство их естественно[50]. Однако после выборов 26 мая 1946 г. эти новые тенденции были приглушены (по-видимому, не без влияния результатов выборов в Словакии). На январском пленуме ЦК 1947 г., когда был провозглашен «курс на завоевание большинства нации» на предстоящих в 1948 г. выборах, они были вновь реанимированы. Был прямо поставлен вопрос «кто — кого».

«Вопрос „кто — кого" мы еще внутри страны не решили. Его решение на том пути, который мы выбрали (имеется в виду чехословацкий путь к социализму.— *Авт.*),— это демократизация, это постепенное завоевание большинства нации на сторону нашей партии»,— говорил К. Готвальд на январском пленуме ЦК КПЧ[51]. В современной чешской исторической литературе такая постановка вопроса и расценивается как ориентация партии на установление монопольной власти[52]. Методы же достижения этой цели были подсказаны результатами выборов 1946 г. в Чешских землях.

Попытки руководства КПЧ идти в русле коалиционной политики с партнерами по Национальному фронту к 1947 г. наглядно показали, что курс на реализацию антикапиталистических аспектов их программы наталкивался на «единый фронт» остальных партий в парламенте и правительстве. Уступки же партнерам по Фронту не только ставили под угрозу влияние партии в массах, но и увеличивали ее зависимость при реализации намеченного политического курса от советской помощи **. Это могло быть использовано партнерами по НФ для трактовки КПЧ как несамостоятельной, зависимой от внешней помощи силы, что было весьма опасно для коммунистов. Выход из возникавшего замкнутого круга виделся ими в повороте к леворадикальным настроениям части общества, чтобы добиться монополии политической власти.

Движение к цели было форсировано кардинальными переменами в международной обстановке, которые проявились в распаде

* К концу 1946 г. КПЧ, социал-демократов, национальных социалистов и Народную партию в рамках Фронта объединял лишь один вопрос — отношение с государственными органами Словакии. Идея усиления подчиненности словацких государственных органов центру принадлежала КПЧ и была продиктована стремлением ослабить результативность победы Демократической партии на выборах 1946 г.

** Советские дипломатические службы в этот период сообщали в Москву: «Боязнь остаться изолированными приводит комунистов к тому, что по принципиально-политическим вопросам внешнего порядка им приходится прибегать за помощью к Советскому Союзу» (так в тексте)[53].

антигитлеровской коалиции, во все более набиравшей обороты холодной войне и в стремлении советского руководства интенсифицировать создание в Восточной Европе единого лагеря, руководимого из одного центра.

Путь к установлению политической монополии виделся руководству КПЧ в организации давления снизу на партнеров по Фронту. Сделать это можно было с помощью вовлечения в борьбу тех социально слабых слоев общества, которые страдали от неустойчивости экономической ситуации, от разгула спекуляции, черного рынка и могли поддержать требования коммунистов, заведомо неприемлемые для других партий Фронта. Ориентируясь на это, представители КПЧ развернули в парламенте и правительстве кампанию под лозунгом защиты интересов трудового большинства нации. Именно в этот период в правительстве происходят острые дебаты по поводу предложений коммунистов о налоге на миллионеров для оказания помощи деревне, пострадавшей от засухи, вокруг программы мер по улучшению торговли и снабжения, наведению порядка и государственного контроля за распределением продукции текстильных предприятий, по поводу закона о поддержке малого предпринимательства и т. п. Блокирование подавляющей части этих предложений в правительстве представителями национальных социалистов, членов Народной партии и демократов, к которым нередко примыкали и представители социал-демократической партии, давало возможность коммунистам апеллировать «к народу». «Мы рассчитывали,— вспоминал позже министр сельского хозяйства коммунист Ю. Дюриш,— провести эти демонстрации таким образом, чтобы уже до выборов 1948 г. они означали поражение реакции и решение вопроса о результатах выборов еще до выборов»[54].

В Чешских землях к осени 1947 г. коммунистам, используя ситуацию нараставшего социально-экономического напряжения, удалось организовать мощное движение снизу в поддержку своих предложений. В их среде (как в руководстве, так и на местах) превалировали наступательные настроения. С. А. Шмераль, побывавшая в Чехословакии в конце 1947 г. как представитель Славянского комитета в Москве, писала: «Подавляющее число членов партии и симпатизирующих нам беспартийных считают, что партия недостаточно борется против реакции... Даже некоторые руководящие товарищи — Неедлы, Носек, Дюриш, говорили мне: „Довольно уступок“. Можно услышать и такие настроения: „Весной придется браться за оружие, иначе возьмутся они“»[55].

В Словакии же ситуация была иной. В отчете посольства СССР за 1947 г. с беспокойством сообщалось, что здесь «демократическая партия по существу руководит всеми вопросами внутренней жизни». Это наблюдение подтверждалось и информацией С. А. Шмераль: «Коммунистическая партия Словакии очень слаба и не пользуется авторитетом. Политически деревня находится целиком в руках священников — что говорит священник, то и является для крестьян истиной»[56]. Попытки КПЧ и КПС ослабить

влияние демократов в общественной жизни Словакии, используя «синдром словацкого сепаратизма», летом 1947 г. по сути дела не увенчались успехом. Национальные социалисты и Э. Бенеш как президент страны дали лидерам Демократической партии гарантии, что не допустят их ухода в оппозицию [57].

Тогда коммунистами, державшими в своих руках как общегосударственные, так и словацкие органы безопасности, было задействовано средство, уже давшее «положительный эффект» в других странах Восточной Европы: в сентябре—октябре 1947 г. они «раскрыли» «антигосударственный заговор» и «установили» причастность к заговору первых лиц Демократической партии — Я. Урсини, Я. Кемпного, М. Бугара и др. В обстановке «охоты за заговорщиками» удалось добиться частичной реорганизации словацких органов власти — Корпуса уполномоченных, и было установлено формальное равновесие сил в структурах власти.

Политический же эффект этой акции в общегосударственном масштабе был обратный. Произошло то, чего больше всего должны были опасаться коммунисты,— фронт чешских партий, созданный их усилиями в 1946 г. против словацких демократов, распался. Вместо этого стало интенсивно оформляться единство действий национальных социалистов, Народной партии и демократов, направленное против КПЧ [58].

К концу 1947 г. политическое противостояние достигло апогея. Именно к этому времени относится письмо Ю. Дюриша в ЦК ВКП(б) с выражением опасений, что чехословацкие коммунисты могут оказаться в положении французских и итальянских, то есть вне правительства [59]. В такой социально и политически напряженной обстановке коммунистами был выдвинут на первый план постулат: «существование частнокапиталистического сектора не отвечает политической структуре народной демократии, которая является демократией трудящихся» [60]. Они предложили серию новых социально-экономических реформ: национализацию внешней и внутренней торговли и всех промышленных предприятий, имевших более 50 занятых, в области сельского хозяйства — новую аграрную реформу с тем, чтобы изъять из частной собственности все угодья превышавшие 50 га и разделить их среди малоземельных крестьян. В интересах мелких предпринимателей предполагалось трехкратное снижение налогов, а некоторые группы ремесленников должны были быть освобождены от налогов вообще [61].

Вся эта программа была рассчитана на настроения и интересы социально неудовлетворенных групп населения. Их настроения стали той реальной внутренней преградой для восприятия и массовой поддержки в конкретной обстановке рубежа 1947—1948 гг. концепции «неклассового чешского демократического социализма», которую национальные социалисты пытались противопоставить планам установления политической монополии КПЧ. Основные положения этой концепции — смешанная экономика, равенство всех секторов народного хозяйства, реорганизация национальных

предприятий в акционерные общества с участием иностранного капитала, политический плюрализм и парламентская демократия — расценивались значительной частью общества, и прежде всего рабочим классом, как защита экономических и политических позиций частного предпринимательства, ослабление в системе управления экономикой роли нового государства, которое социально слабыми слоями общества рассматривалось в качестве основного гаранта их чаяний и идеалов. Они поддерживали КПЧ не потому, что принимали принципы марксизма-ленинизма (их знала весьма ограниченная часть даже партактива КПЧ), а прежде всего потому, что имели в своем историческом сознании опыт кризиса начала 30-х годов и верили, что планируемая экономика станет гарантией от кризисов и безработицы.

Вместе с тем нельзя не видеть, что восприятие чехословацким обществом концепции национальных социалистов существенно ослаблялось и воздействием внешнего фактора. Отказ Чехословакии летом 1947 г. под прямым нажимом советской стороны от плана Маршалла[62] по существу перечеркивал один из основных принципов предлагаемых национальными социалистами реформ — опоры на поддержку и активное участие иностранного капитала в послевоенной реконструкции экономики. Лишенная этого стержня их программа уже не могла восприниматься как нечто имеющее реальную основу для воплощения в жизнь.

Программа же коммунистов с их основным принципом защиты общественного сектора при конституционных гарантиях неприкосновенности трудовой части частного сектора, при постоянно возрастающем контроле государства за деятельностью частного капитала, казалось, открывала возможность сопряжения социальных интересов различных слоев общества. В ней они увидели перспективу мирного продвижения к социально справедливому обществу и в дни февральского кризиса 1948 г. активно поддержали КПЧ, открыв себе путь к социализму в интерпретации коммунистов.

Глава 3

БОЛГАРИЯ, ПОЛЬША: ЧЕРЕЗ НАРОДНУЮ ДЕМОКРАТИЮ К СОЦИАЛИЗМУ ИЛИ К КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ?

В Польше и Болгарии центральной линией общественного развития в 1945—1947 гг. была борьба за гегемонию в обществе между рабочими партиями (прежде всего коммунистами) и крестьянским политическим движением. Именно крестьянские партии предприняли попытку встать на пути утверждения политической монополии компартий в обеих странах, хотя борьба развернулась в существенно различавшихся условиях.

На рубеже 1944—1945 гг. внутриполитическая ситуация в Болгарии во многом была окрашена революционным энтузиазмом различных слоев населения. Это и создало политико-психологический импульс к леворадикальному повороту курса БРП(к), к нарушению этой партией принципа коалиционности управления страной и изменению характера экономических преобразований. Оно находило свое отражение в нараставшей монополизации коммунистами органов ОФ и системы принуждения как стержневых структур власти в стране[1]. Овладев органами безопасности и милицией, коммунисты, однако, не контролировали положение дел в армии, куда по болгарским законам не имели доступа ни представители службы безопасности, ни представители милиции.

Такой курс БРП(к) был правомерно расценен ее партнерами как отступление от согласованной 17 сентября 1944 г. совместной программы действий. Наиболее остро отреагировали «звенари». Уже в январе 1945 г. И. Харизанов, один из руководителей «Звена», в беседе с советским представителем в СКК констатировал, что БРП(к), прикрываясь ОФ, «осуществляет свою диктатуру», что рабочая милиция, «которая состоит большей частью из членов Рабочей партии и партизан, производит аресты членов партии „Звено“ без ведома и согласия руководства этой партии». Он требовал «пропорционального распределения мест в органах власти между всеми политическими партиями, входящими в Отечественный фронт»[2].

Как и лидеры «Звена», многие руководители БЗНС связывали нараставшие противоречия в ОФ с «перегибами» и «левыми тенденциями», носителем, которых они называли рабочую партию. «Земледельцы» однозначно утверждали, что в настоящее время «социальная природа государственной власти не соответствует социально-экономическим условиям страны... Поскольку Болгария является крестьянской страной... Земледельческая партия (так в тексте.— *Авт.*) должна занять ведущую роль среди других политических партий в руководстве экономической, политической, культурной жизнью страны». Поэтому настойчиво звучали их обращения в СКК «как можно скорее вмешаться и как можно скорее урегулировать конфликт между рабочей партией и земледельцами»[3].

Если «Звено» демонстрировало готовность к сотрудничеству на принципах пропорционального представительства, то БЗНС, исходя из факта своего массового влияния как в деревне, так и среди мелких предпринимателей города, явно претендовал на роль политического лидера[4]. В силу этого вырисовывалась перспектива долговременного противостояния БРП(к) и БЗНС. Неприятие курса коммунистов на установление своей политической монополии и на постановку на повестку дня задач трансформации экономики «из капиталистической в социалистическую»[5] заставило некоммунистические партии ОФ по-своему толковать программу 17 сентября 1944 г.

Один из лидеров БЗНС, Н. Петков, основываясь на постулатах Д. Драгиева и А. Стамболийского, в этот период сформулировал свои представления о послевоенном развитии Европы следующим образом: «Развитые промышленные страны станут социалистическими республиками, а такие страны, как наша, будут развиваться как крестьянские кооперативные республики»[6]. Эта идея и составила стержень программных установок БЗНС, альтернативных намерениям БРП(к). Ключевыми для БЗНС были кооперативные принципы организации экономики и крестьянской политической гегемонии в обществе. Они и нашли свое выражение в выдвинутых Н. Петковым на I съезде комитетов ОФ экономических требованиях (установление твердых цен на продукцию сельского хозяйства в соответствии с ее себестоимостью; справедливое распределение и оплата обязательных поставок; ликвидация «ножниц» цен и др.), в предложении к ОФ разработать хозяйственный план, стержнем которого была бы кооперация.

Демократический потенциал идеи «крестьянской кооперативной республики» (парламент, политические и гражданские свободы, социальное равноправие, трудовая собственность и кооперация как средство ее защиты, уничтожение экономических позиций спекулятивных групп буржуазии) соответствовал задачам прогрессивного развития болгарского общества. Общий демократизм и очерченный интересами мелкого производителя антимонополизм составляли именно тот позитивный багаж, с помощью которого болгарское крестьянское политическое движение могло претендовать на лидерство в обществе, поскольку идеи «крестьянской кооперативной республики» были исключительно популярны не только в широких слоях деревни, но и среди генетически связанных с крестьянством групп городского населения.

Народный союз «Звено» в своей трактовке будущего развития страны опирался, как и БЗНС, на положения программы 17 сентября 1944 г., но, реагируя на изменение курса коммунистов, расставлял совсем другие акценты. Упор был сделан на защиту частной собственности и инициативы, на развитие демократических политических институтов, на усиление регулирующей роли государства в системе производства. Как писал один из видных политиков «Звена» Т. Трифонов, «государство может создавать свои предприятия, монополизировать отдельные отрасли, кооперация тоже». Но при этом делалась принципиально важная оговорка: «...Эти два сектора (государственный и кооперативный.— *Авт.*) не должны затенять частный сектор или тормозить его развитие»[7]. Таким образом, разворачивалась программа реформирования болгарского общества в демократическом направлении на базе многосекторной экономики. Нетрудно заметить то особое место, которое отводили «звенари» государству как регулятору экономических процессов, и это могло стать почвой для диалога и сотрудничества с коммунистами, в экономической концепции которых государству отводилась ключевая роль.

Наделение государства функцией главного регулятора экономического развития резко «разводило» устремления БЗНС и «Звена», которое не воспринимало планов создания в стране кооперативных монополий.

Что касается БРСДП, то на этом этапе социал-демократы, как и коммунисты, были настроены весьма радикально, но в отличие от коммунистов предлагали начать движение к социализму на основе социализации частных шахт, банков, фабрик по производству предметов первой необходимости и оптовой торговли, а также через введение высокого подоходного налога на буржуазию и создание плановой социалистической экономики[8]. Таким образом, к весне 1945 г. в Болгарии были сформулированы три варианта дальнейшего общественного развития.

Акцентация собственно партийных программ не могла не означать шаг в сторону от коалиционной правительственной программы 17 сентября 1944 г. Обозначился кризис межпартийных отношений в ОФ, нашедшей свое выражение в блокировании БЗНС и «Звеном» ряда предлагавшихся коммунистами осенью 1944 — весной 1945 г. законопроектов (о конфискации имущества, нажитого спекулятивным путем; об аграрной реформе; о национализации горнорудной промышленности; о прогрессивном подоходном налоге). Это жесткое противостояние и появление альтернативных программ заставило руководство БРП(к) начиная с марта 1945 г. приступить к корректировке курса, что и было закреплено в сентябре 1945 г. Декларацией по экономической политике БРП(к)[9]. Сняв идеи прямого обобществления, коммунисты положили в основу своей политики тезис о расширении регулирующей роли государства в экономике и привлечении к хозяйственной деятельности частного капитала. Такой разворот экономической политики БРП(к) открывал возможность диалога с Народным союзом «Звено»*. Развитие этой линии могло быть использовано БРП(к) для нейтрализации претензий БЗНС на политическое лидерство. В этом же направлении строились расчеты коммунистов углубить правительственный кризис, добиться удаления из правительства наиболее влиятельных «земледельцев» и скомпрометировать руководство БЗНС как неспособное к проведению политики компромиссов.

Основания для таких расчетов давала внутренняя ситуация в БЗНС, где на рубеже 1944—1945 гг. появились сильные антикоммунистические настроения и стремление отстоять его независимый курс в рамках ОФ. Олицетворением этого стремления был лидер партии Г. М. Димитров (Гемето). В развернувшейся внутрипартийной борьбе к весне 1945 г. (не без участия и нажима коммунистов) Гемето был отстранен от руководства БЗНС и выехал в эмиграцию. Однако сторонники независимого от БРП(к)

* Как уступку коммунистов «Звену» можно понимать передачу этой партии руководства специально созданным министерством промышленности и ремесел в новом правительстве, сформированном в сентябре 1945 г.

курса БЗНС продолжали определять настроения в этой партии, о чем по сути дела и свидетельствовала твердая позиция Н. Петкова, как нового главы партии, сформулировавшего от имени «земледельцев» альтернативную программу общественных реформ. Вместе с тем в БЗНС обозначилась группа политиков (М. Геновский, С. Тончев, Г. Трайков), готовых к сотрудничеству с БРП(к) на платформе коммунистов. Опираясь на эту группу, руководители БРП(к) (Т. Костов, Т. Павлов и еще находившийся в Москве Г. Димитров) пытались заставить Петкова и других влиятельных политиков БЗНС, размежевавшись со сторонниками Гемето, повернуть партию к сотрудничеству с коммунистами на условиях последних. Н. Петков, Б. Бумбаров и А. Павлов не приняли условий БРП(к), заняли позицию жесткого противостояния, учитывая превалирующие настроения «земледельцев»[10].

По-видимому, позиция руководства БЗНС породила у части лидеров БРП(к) стремление форсировать правительственный кризис. Именно такой выход из сложившейся тупиковой ситуации предложил в СКК член Регентского совета и секретарь ЦК БРП(к) Т. Павлов. В начале июня 1945 г. он выдвинул план удаления из правительства «непокорных» министров: «Реорганизацию правительства провести по этапам, сначала выгнать Бумбарова, [А.] Павлова и Н. Петкова (если он не изменит своих позиций), а потом Велчева, Стайнова и Чешмеджиева»[11]. В плане Т. Павлова на первое место было выведено изгнание из правительства «земледельцев» как представителей наиболее конкурентной для коммунистов партии и привлечение более «управляемых» политиков из левых группировок БЗНС. Исходя из доступных советских архивных документов, можно сделать вывод, что такой план получил поддержку представителей СССР в СКК[12].

Начало реализации плана Т. Павлова относится, видимо, к сентябрю 1945 г., когда, с одной стороны, окончательно оформились оппозиционные группировки в БЗНС (Н. Петков) и в БРСДП (Г. Чешмеджиев, К. Лулчев), а с другой — произошло восстановление легальной деятельности двух ранее запрещенных партий — Демократической, объединявшей представителей различных предпринимательских кругов, и Радикальной, опиравшейся на поддержку мелких производителей города. В таких условиях БРП(к) и провела реорганизацию правительства, из которого вышли министры-оппозиционеры и одновременно были расширены позиции «Звена». Радикалы также получили пост в правительстве. Налицо было явное расширение политического взаимодействия БРП(к) с группировками, опасавшимися политических последствий тотальной кооперации, предлагавшейся БЗНС.

Развитие событий вокруг правительственного кризиса стало одним из импульсов отказа Н. Петкова и его сторонников от участия в парламентских выборах осенью 1945 г. единым списком с партиями ОФ. Это решение Н. Петкова и его единомышленников являлось также протестом против репрессий и фактических попыток БРП(к) установить диктат одной партии. В связи с этим

Н. Петков выдвинул перед СКК и Регентским советом требование об отсрочке выборов и международном контроле за их проведением. Поскольку позитивной реакции со стороны советского руководства СКК и регентов не последовало, сформировался оппозиционный блок, куда вошли БЗНС (Н. Петков), часть социал-демократов во главе с Г. Чешмеджиевым и «независимые» политики[13]. В августе 1945 г. была обнародована избирательная платформа этого блока, в главном повторявшая альтернативную программу БЗНС, выдвинутую в марте 1945 г.

Изменившаяся расстановка политических сил и попытка коммунистов, используя репрессивный аппарат МВД и юстиции, продвинуться по пути к контролю политической жизни повлекли за собой переакцентировку требований БЗНС (Н. Петков). Были выдвинуты требования реорганизации судов и милиции, прекращения арестов и практики замены членами БРП(к) сторонников некоммунистических партий в аппарате управления, демократизации института политических комиссаров в армии[14]. Оппозиция получила поддержку со стороны английских и американских представителей в СКК, о чем свидетельствует, в частности, беседа маршала С. С. Бирюзова с американским эмиссаром М. Этериджем в октябре 1945 г. М. Этеридж констатировал, что состав правительства Болгарии не отвечает договоренностям в Ялте, пользуется значительно меньшей поддержкой населения, чем осенью 1944 г., что это связано с «эксцессами со стороны милиции и неразборчивостью (БРП(к).— *Авт.*) средств в завоевании власти». Американская сторона предлагала для достижения согласия провести изъятие МВД из рук коммунистов и вхождение оппозиции в правительство, что позволит увеличить представительность правительства и снимет препятствия к заключению мирного договора, одновременно открыв «возможность примирения различных элементов, в том числе и оппозиции в рамках ОФ, без уничтожения ОФ»[15].

К моменту выборов ни та ни другая сторона не пошла на компромисс: коммунисты держали в своих руках пост министра внутренних дел, а оппозиция объявила о бойкоте выборов. Между тем состоявшиеся 18 ноября 1945 г. парламентские выборы не отразили сколь-нибудь существенного сокращения влияния ОФ. Высока была и доля участвовавших в выборах (85,6 %) и процент голосов, поданных за кандидатов ОФ (88,2 %)[16]. Тактика бойкота, рассчитанная на дискредитацию ОФ, себя не оправдала, итоги выборов показали, что каждый пятый, имевший право голоса, воздержался от поддержки ОФ и его главной силы — компартии. Но это не оказало сколь-нибудь заметного влияния на расстановку сил в парламенте и формирование высших органов власти. В соответствии с межпартийной договоренностью мандаты были распределены по партийному «ключу».

Несмотря на то, что БРП(к) и БЗНС имели по 94 мандата и тем самым демонстрировался паритет двух главных политических сил ОФ, в действительности же в коалиции был представлен уже

другой БЗНС, которому была уготована роль второстепенной партии, идущей в фарватере политики БРП(к). За рамками правящей коалиции осталась значительная по численности и степени влияния в деревне часть БЗНС, для которой Н. Петков являлся символом самостоятельной крестьянской политики.

Однако, оценивая итоги выборов и возможность их максимального использования коммунистами, следует иметь в виду по меньшей мере два обстоятельства: наличие оппозиции внутри страны, открыто поддерживавшейся западными державами через их миссии в Софии, и неурегулированность международного статуса Болгарии. Оба они существенно затрудняли легитимацию ключевых позиций БРП(к) в системе властй. Направленность подвижек во властных структурах Болгарии была признана западными державами несоответствующей потсдамским решениям, по которым «ключ» к признанию Болгарии равноправным международным субъектом был в руках и СССР, и западных союзников. Последние еще в августе 1945 г. проявили открытое беспокойство ситуацией в стране в связи с уходом Н. Петкова в оппозицию и нарушениями со стороны БРП(к) норм демократии, арестами сторонников Гемето во время подготовки к выборам [17].

Реорганизация болгарского правительства в сентябре 1945 г. вызвала негативную реакцию Англии и США, представители которых на Лондонской сессии СМИД потребовали отставки этого правительства, пригрозив отказом участвовать в обсуждении мирных договоров с бывшими сателлитами Германии. Конфликтная ситуация была урегулирована на очередной сессии СМИД (декабрь 1945 г.), когда Советский Союз был вынужден удовлетворить выдвинутые как условие дальнейшей разработки мирного договора с Болгарией требования союзников о новых, свободных выборах и пополнении правительства представителями оппозиции. Это решение сессии СМИД было реализовано лишь в части проведения в 1946 г. новых выборов [18]. Пополнение же правительства представителями оппозиции не состоялось, что послужило причиной отказа западных держав в дипломатическом признании Болгарии до заключения мирного договора.

Неудача бойкота выборов исключила возможность участия представителей БЗНС (Н. Петков) во властных и управленческих структурах. Тем самым оказались подорваны шансы создания «кооперативной республики». На первый план выдвинулась возможность реализации коалиционной предвыборной платформы ОФ от 30 июня 1945 г. Это была программа развития страны на основе многосекторной экономики и политического взаимодействия представителей разных социальных сил. Между тем уже первые месяцы 1946 г. показали, что соглашение о взаимодействии партий ОФ, составивших правительственную коалицию на выборах, оказалось неустойчивым. Партийный «ключ», по которому были распределены места в парламенте, правительстве и госаппарате, после выборов уже не удовлетворял ни одну из политических сил коалиции. Начал разворачиваться новый раунд борьбы внутри

правящей коалиции и вариант развития на основе коалиционной предвыборной платформы становился маловероятным. Каждая из партий достигнутый компромисс толковала, исходя из приоритета социальных интересов своих сторонников. Из общей предвыборной платформы вырастали три возможных варианта: демократическая, представленная «Звеном» (свыше 31 тыс. членов), социалистическая — в интерпретации БРП(к) (413 тыс. чел.) и «земледельческая» (крестьянская), в правящей коалиции представленная БЗНС, входившим в ОФ и возглавлявшимся А. Оббовым (152,7 тыс. чел.)[19].

Соотношение сил, сложившееся после выборов, предполагало высокую степень вероятности изменения формы разрешения разногласий — от компромисса к диктату. Уже в начале 1946 г. «земледельцы» Оббова поставили вопрос о расширении их доли участия во власти на приоритетной основе, традиционно мотивируя это несоответствием количества мандатов «земледельцев» и их мест в правительстве численности крестьянского населения Болгарии. Такие претензии соответствовали настроениям значительной части рядовых «земледельцев», обеспокоенных тем, что БЗНС, входивший в правительственную коалицию, потерял самостоятельность, превратившись в филиал БРП(к) в деревне. А. Оббов признавал, что до 60 % членов БЗНС колеблется между его партией и БЗНС (Н. Петков)[20].

Колебания были характерны не только для рядовых членов БЗНС, но и для его руководства, где отсутствовало единство и к маю 1946 г. налицо был ряд противоборствовавших группировок, «различавшихся степенью готовности к сотрудничеству с БРП(к) и степенью дистанцирования от оппозиционного БЗНС». Противоречия были столь острыми, что лидеры разных группировок, в том числе и откровенные сторонники Петкова, систематически обращались к советским представителям с просьбой «выступить в роли арбитра... и дать общую линию поведения»[21].

Отсутствие единства и балансирование на грани раскола резко снижали политические возможности этой партии и делали несостоятельными ее претензии на лидерство в осуществлении своей альтернативы. Главным представителем этой альтернативы все более и более становился БЗНС (Н. Петков). Это понимали в руководстве БЗНС-ОФ, где систематически возникала проблема союза с Петковым и угроза раскола той части «земледельцев», которые фактически оказывались под патронатом коммунистов.

Что касается «Звена», то оно выступало «за демократию, против тоталитарного режима в какой бы форме он ни был, против коллективной или партийной диктатуры»[22]. Эта партия после выборов 1945 г. заметно укрепила свое влияние в обществе. Наблюдался достаточно интенсивный приток в ее ряды новых политически опытных членов из других партий, прежде всего из разных группировок БЗНС. Лидеры «Звена» в феврале 1946 г. констатировали факты перехода в свою партию целых организаций БЗНС. Причины этого они видели, с одной стороны, в противоречии

между прозападной (англо-американской) ориентацией Н. Петкова и настроениями крестьянских масс, а с другой — в слабости организационной и политической работы БЗНС-ОФ. Немалую роль в переходе членов БЗНС в «Звено» играли «неуважительное отношение коммунистов» к местным «земледельческим» организациям и «незаконные действия» милиции в отношении сельского населения. Приток «земледельцев» в ряды «Звена» создавал почву для усиления политических контактов с оппозиционным БЗНС. Об этом свидетельствует зондаж И. Харизанова в советской миссии относительно намерений «Звена» выступить с предложением о включении представителей оппозиции (и в частности, Н. Петкова) в состав формировавшегося в марте 1946 г. нового правительства страны[23].

Таким образом, весной 1946 г. «Звено» все более превращалось в центр притяжения различных политических сил, которые рассматривали политику БРП(к) как явное продвижение к диктатуре пролетариата. Оставаясь немногочисленной партией по сравнению с БРП(к) и БЗНС, «Звено» тем не менее имело весьма серьезные политические позиции в обществе. Крупнейшие деятели «Звена» занимали посты главы правительства, министров обороны, промышленности, иностранных дел, были среди высшего командного состава болгарской армии, пользовались поддержкой офицерства. Это позволяло «Звену» контролировать ситуацию в армии и в среде финансово-промышленных предпринимателей, во многом формируя их отношение к ОФ.

На укрепление позиций этой партии «работала» и ее внешнеполитическая ориентация. «Мы считаем,— говорил в феврале 1946 г. политический секретарь „Звена“ П. Попзлатев,— что Болгария может быть суверенной державой только в том случае, если она будет находиться в дружбе с СССР и ориентироваться на СССР»[24]. Это лишало коммунистов монополии на использование «советского фактора» при формировании общественного мнения и партийно-политических симпатий. В такой ситуации «Звено» все больше рассматривалось коммунистами не как партнер по правящей коалиции, а как серьезный (если не главный весной 1946 г.) политический соперник БРП(к) в коалиции. Поэтому неудивительно, что после выборов в парламент в 1945 г. в политике коммунистов по отношению к «Звену» происходило смещение акцентов от компромисса к силовому давлению. Основными точками противостояния становились экономика и армия.

Что касается экономики, то здесь, вопреки Декларации БРП(к) от 28 сентября 1945 г., провозглашавшей свободу частной инициативы и союз с патриотически настроенными предпринимателями, эта партия, максимально выигрывавшая от недопущения оппозиции в правительство и от реализации принципа партийного «ключа», уже в декабре 1945 г. устами Г. Димитрова сформулировала традиционно ставившуюся разными политическими силами задачу устранить «из экономической и общественной жизни спекулятивный и паразитический капитал»[25]. Данная

задача была в рамках программы 17 сентября 1944 г., но получив конкретизацию в ряде законов и постановлений 1946 г., обретала новое политическое звучание. Оно было симптомом обозначавшегося нового витка левого экстремизма в БРП(к).

Происшедшая в результате выборов легитимация власти, ядром которой после перехода БЗНС (Н. Петков) в оппозицию оказались коммунисты*, позволила им развернуть настоящее наступление на позиции частного капитала. Этому весьма благоприятствовала атмосфера не спадавших леворадикальных настроений рабочего класса, городской и деревенской бедноты. Уже осенью 1946 г. советские дипломатические представители в Софии констатировали наличие у БРП(к) «...значительных искривлений... в области экономической и административной политики» и определяли их как «левацкие заскоки»[27].

Наиболее серьезные последствия имели левацкие действия при реализации закона о конфискации незаконно нажитого имущества, когда он в массовом порядке стал распространяться на всех собственников предприятий, вплоть до владельцев обыкновенных водяных мельниц. Экономические результаты этого наступления на частную собственность не замедлили сказаться. Еще в феврале 1946 г. один из лидеров «Звена» информировал советскую миссию о том, что «в стране растет недовольство промышленников и других крупных собственников экономической политикой ОФ. До сих пор Болгария не имеет законов, регулирующих имущественные отношения в стране... отсутствие таких законов и перегибы Рабочей партии и органов милиции на местах создают у собственников неуверенность и чувство страха... Промышленники и торговцы не видят перспективы. Они похожи на животных на бойне. Они живут и ожидают, когда их заколют, то есть отберут их капитал, а самих арестуют. Абсолютно никто из них сейчас не заботится о расширении предприятий или постройке новых, не запасается сырьем»[28].

Вторым направлением в экономической политике коммунистов стал комплекс мероприятий, который позволил сосредоточить в их руках важные рычаги управления — административный и финансовый контроль**. Это давало им возможность не только контролировать частнокапиталистическое производство, но и изымать значительную часть прибыли на нужды государства. Все большую отчетливость приобретали контуры новой организации экономики, основанной на усилении регулирующих функций государства. Налицо была и тенденция расширения сферы государственной собственности, хотя по сравнению с Польшей, Чехословакией и Югославией эта тенденция не стала преобладающей.

* Весной 1946 г. БРП(к) насчитывала более 400 тыс. членов и превышала все партии коалиции вместе взятые[26].

** В марте 1946 г. при создании нового правительства ОФ в руки коммунистов перешел портфель министра финансов, ранее принадлежавший представителю «Звена»[29].

Те либеральные политики, которые не были склонны взрывать правящую коалицию изнутри, считали ситуацию конца 1946 г. переломной. Выход они видели или в немедленной национализации, к чему страна, по их мнению, абсолютно не подготовлена, или в принятии таких мер, которые успокоили бы предпринимателей, «дали бы им какую-то перспективу. Иначе... могут появиться силы более опасные, чем оппозиция»[30]. Таким образом, в вопросе о будущей модели экономики Болгарии все еще сохранялись элементы вариативности решения.

Что касается армии, то для ликвидации в ней политического влияния «Звена» коммунистами были использованы сведения о якобы существовавших в армии подпольных организациях. «Сюжет» с офицерским подпольем был отнюдь не случаен, ибо в общественном мнении Болгарии «Звено» традиционно связывалось с использованием заговора как метода политической борьбы. Возможно поэтому летом 1946 г. коммунисты сравнительно легко добились согласия союзников по ОФ на проведение новой чистки в армии. В результате ее было уволено более 23 % офицерского состава, устранен с министерского поста Д. Велчев*. Парламент принял два чрезвычайно важных для ослабления позиций «Звена» закона: об изъятии из ведения военного министерства функций охраны государственных границ и передаче их в МВД, которое находилось под контролем коммунистов, и о руководстве армией. В соответствии с последним законом в жизни армии резко возрастало влияние помощников командиров по политической части. Одновременно устанавливались ограничения по политическим мотивам службы в армии. На основании этих законов, а также закона о защите народной власти были произведены аресты ряда видных деятелей «Звена». Советские дипломатические представители расценили принятие этих законов как передачу в руки коммунистов ключевых позиций в армии, как «самую крупную победу болгарской демократии после антифашистского переворота 9 сентября 1944 г.»[32]. При оценке акций по чистке армии (1946 г.) важно иметь в виду то обстоятельство, что СКК еще в апреле 1945 г. констатировала выполнение болгарским правительством его обязательств перед антигитлеровской коалицией по очищению страны от фашистских организаций. К суду были привлечены тогда более 11,6 тыс. человек и вынесено 2850 смертных приговоров[33]. Таким образом, чистка 1946 г. носила политический, «антизвенарский» характер.

Осень 1946 г. была переломным временем в послевоенном развитии Болгарии. Предстояли выборы в Великое Народное собрание и подписание мирных договоров. Перспективу развития должны были определить итоги избирательной кампании, в которую как активная сила (и более влиятельная, чем «Звено») включалась оппозиция, возглавлявшаяся Н. Петковым. Ее уча-

* Как считали на Западе, в этот период в концлагерях Болгарии находилось свыше 40 тыс. противников нового режима, и прежде всего из числа офицеров[31].

стие в выборах могло сделать парламент представительным органом большинства нации и являлось условием признания Болгарии западными державами. В канун заключения мирных договоров последнее было чрезвычайно важным обстоятельством.

На состоявшейся в августе 1946 г. беседе премьера К. Георгиева с государственным секретарем США Дж. Бирнсом последний открыто связал факт участия оппозиции в выборах с заключением мирного договора и признанием выборов свободными. Не отвергая условий США и, более того, делая неоднократные попытки договориться с оппозицией о ее участии в правительстве еще до выборов, К. Георгиев исходил из глубокого отличия болгарской ситуации от положения дел в других странах, не имевших мирных договоров,— Румынии и Венгрии. Для Георгиева было очевидным, что «никакая правительственная комбинация» в Болгарии невозможна без коммунистов, пользовавшихся поддержкой значительной части общества, что в Болгарии «не может удержаться ни одно правительство, враждебное Советскому Союзу»[34].

Есть все основания говорить о том, что баланс «западного» и «восточного» факторов открывал возможность продвижения правящей коалиции и оппозиции к взаимодействию и поиску компромиссов. Внешняя политика не могла стать камнем преткновения в отношениях между ОФ и оппозицией. Главные разногласия лежали в сфере внутренней политики и шли прежде всего по линии экономических преобразований и действий контролируемых БРП(к) органов подавления. Эти действия вызывали серьезное напряжение в обществе и квалифицировались оппозицией как установление диктатуры рабочей партии[35].

Именно данные направления политики БРП(к) оказали прямое воздействие на итоги выборов в Великое Народное собрание в октябре 1946 г. Они обусловили концентрацию голосов избирателей на двух политических полюсах: БРП(к) — 53,6 %, оппозиция — 28,35 % голосов,— что свидетельствовало о серьезной поддержке той и другой стороны и о сужении социальной базы союзников БРП(к) по ОФ. Такие результаты выборов были скорее всего неожиданными для руководства партий ОФ, ибо они ориентировались на то, что силы распределятся следующим образом: БРП(к) — 55—60 %, БЗНС-ОФ — 30—35 %, оппозиция — 5—15 %[36]. Малая поддержка голосовавшими партии «Звено» (1,65 %) свидетельствовала о практическом отсутствии в болгарском обществе сколько-нибудь значительной социальной базы этой элитарной организации и интереса к концепции, предлагавшейся «звенарями»[37].

Поражение «Звена» и немногим более 13 % голосов, собранные БЗНС, входившими в ОФ, означали принципиальное изменение расстановки сил внутри ОФ: располагая абсолютным большинством в парламенте, БРП(к) становилась по сути дела независимой от своих партнеров по Фронту. Вместе с тем выборы показали, что на роль политического лидера претендовали две

партии — БРП(к), за которую проголосовали 2200 тыс. человек, и БЗНС Н. Петкова, ставшего во главе оппозиции, которая собрала 1200 тыс. голосов[38].

Каждая из сторон планировала максимально использовать результаты выборов. Что касается БРП(к), то она ставила перед собой следующие задачи. Во-первых, изменить соотношение сил в правительстве и госаппарате, что было реализовано при формировании нового кабинета, который возглавил Г. М. Димитров и в котором из 20 мест 10 ключевых принадлежали коммунистам. При этом три министерства (военное, финансы, торговля и продовольствие) были изъяты у «Звена» и БРСДП. Во-вторых, успокоить союзников, которые были обескуражены поражением на выборах. С этой целью партнерам, чтобы подтвердить сохранение курса на коалиционность, были отданы остальные министерские портфели, хотя это не соответствовало итогам выборов[39]. Партнеры, видимо, приняли такие условия взаимодействия. Уже в конце ноября 1946 г. заместитель председателя «Звена» П. Стайнов весьма четко выразил свое отношение к происшедшим переменам: «Я в последнее время убеждаюсь, что Г. М. Димитров не такой уж узкий сектант... Он значительно дальновиднее своих сотрудников из ЦК. Персональный состав нового правительства (исключая Д. Нейчева и Д. Казасова) я считаю очень удачным. Сохранение К. Георгиева в правительстве — очень важный и умный шаг Димитрова»[40].

От решения первых двух задач зависело во многом и решение третьей задачи — «обуздать болгарскую оппозицию, окрыленную своими успехами, ...лишить ее влияния в массах»[41]. Особую роль в ее реализации должна была сыграть экономическая политика правительства, суть которой была изложена в его декларации от 29 ноября 1946 г. В качестве ориентира обществу предлагалась идея многосекторной экономики, которая, правда, дополнялась требованием о внесении элементов плановости в хозяйственную жизнь страны. Особый акцент был сделан на необходимости ускорения индустриализации силами всех секторов. Такая экономическая программа вполне могла удовлетворить партнеров БРП(к) по ОФ, что и прозвучало при обсуждении документа в парламенте. В рамках этой программы намечались элементы сотрудничества и с оппозицией, хотя последняя была весьма обеспокоена зарождавшейся тенденцией расширения роли государства в сфере производства и обмена. В итоге экономика могла стать сферой взаимодействия правящих и оппозиционных партий, что признавали представители оппозиции и подчеркнуто декларировали коммунисты[42].

Присутствие в декларации правительства положения о его намерении окончательно утвердить строгий порядок и законность, обеспечить полную безопасность и спокойствие для хозяйственной деятельности, казалось бы, снимало весьма острое противоречие между БРП(к) и оппозицией, вызывавшееся репрессивными мерами МВД. Однако в руководстве БРП(к) были силь-

ны стремления не столько к поиску компромиссных вариантов отношений с оппозицией, сколько к политическому подавлению последней. Так, министр внутренних дел А. Югов уже в декабре 1946 г. в беседе с советским дипломатом, констатировав, что «оппозиция пока что сплочена», развернул план организационно-политической ликвидации оппозиции через три — пять месяцев путем дробления ее на части и проведения ряда других мероприятий. «Разложение оппозиции,— полагал А. Югов,— надо ожидать после подписания мирных договоров»[43].

Развитие ситуации в Болгарии в первые месяцы 1947 г. показало, что в практической политике меры по ограничению частнокапиталистической собственности продолжали нарастать. Широкие масштабы приобрел выкуп государством акций отдельных предприятий и банков. Весной 1947 г. Высший экономический совет (орган, осуществлявший контрольные функции государства и руководимый коммунистами) поставил вопрос о необходимости национализации 360 промышленных предприятий, где было сосредоточено 50 % производственных мощностей[44].

В политической жизни на первый план все более выступала тенденция к углублению разногласий, в первую очередь между коммунистами и БЗНС (Н. Петков), относительно концепции дальнейшего развития страны. Кульминации борьба достигла в ходе обсуждения закона о введении государственной табачной монополии. Выдвигая проект закона, правительство Г. Димитрова преследовало цель юридически завершить вытеснение торгового капитала — главного посредника между крестьянином и предпринимателем, а также изъять из рук частников одну из наиболее доходных отраслей экономики.

Это не могло не вызвать противодействия оппозиции, и прежде всего БЗНС (Н. Петков), отстаивавшего принцип кооперативной формы организации производства. Особый акцент делался на том, что кооперативная собственность исключает отношение к ней как к ничьей, чужой. Достаточно убедительные доводы оппозиции (в современных условиях полностью подтвердившие ее самые худшие опасения относительно последствий этатизации) в 1947 г. не получили поддержки большинства в парламенте. Главное, что увидели оппоненты в проекте кооперативной монополии на табак — это его ориентацию на сохранение за владельцами капитала ключевой позиции во всей производственной цепочке, а значит и консервацию системы существующих производственных отношений. Государственная же монополия, по их мнению, давала социальную защищенность непосредственным производителям табака — крестьянам и рабочим[45]. Представляется, что голосование в апреле 1947 г. по вопросу о форме табачной монополии по сути дела предрешило судьбу экономической концепции развития послевоенной Болгарии на основе доктрины аграризма.

Что же касается концепции ОФ, то на протяжении 1947 г. каких-либо принципиальных изменений не декларировалось. Од-

нако после принятия закона о табачной монополии происходило интенсивное включение частного сектора в систему государственного руководства. Это во многом определило будущую, основанную на жестко централизованном управлении и государственной собственности хозяйственную модель Болгарии.

В политической сфере весной 1947 г. проявились новые тенденции, порожденные итогами выборов 1946 г. Руководство БРП(к), партии, собравшей абсолютное большинство голосов, получило возможность проводить курс независимо от позиции своих союзников по ОФ. Главную угрозу своему оформляющемуся фактическому господству коммунисты увидели в том, что в ходе внутренней дифференциации в обеих крестьянских партиях четко обозначилась как превалирующая линия на создание единого, сильного Союза земледельцев для реализации идеи «земледельческого управления страной, как это было во времена Стамболийского»[46].

Олицетворением такого курса БЗНС была фигура Н. Петкова. 28 % голосов, полученных оппозицией на выборах, и открытое признание Г. Драгиевым (одним из активных деятелей БЗНС-ОФ), что болгарская деревня находится под влиянием Николы Петкова, красноречиво свидетельствовали о популярности идеи независимого и единого БЗНС. Активизировавшиеся после выборов в БЗНС-ОФ сторонники тесного сотрудничества БЗНС и БРП(к), выдвинувшие идею организационного слияния этих партий «в рамках единой трудовой партии, борющейся за социалистические преобразования страны», а также появившееся после выборов в БЗНС (Н. Петков) течение, сторонники которого были готовы идти «при известных условиях на временный компромисс с Рабочей партией», не могли уравновесить влияния среди крестьянства сторонников самостоятельного курса БЗНС. Именно в этой тенденции к консолидации «земледельцев» на основе их традиционных принципов коммунисты увидели серьезную опасность и сделали ставку, с одной стороны, на расщепление БЗНС (Н. Петков) и обострение борьбы между его отдельными группировками. «Димитров полагает,— констатировал советский дипломат К. Левычкин 23 февраля 1947 г.,— образовать из лиц, настроенных против Петкова в Великом Народном собрании, независимую от Петкова группу при условии, если эта группа выступит со своей декларацией и открыто заявит, что она порывает свои организационные и политические связи с Петковым и его сторонниками, лояльно будет сотрудничать с партиями ОФ...» С другой стороны, в отношении БЗНС-ОФ коммунисты «сделали ставку на оттеснение центристов» во главе с Оббовым от руководства партией и прямую поддержку малочисленной и непопулярной группы Тончева — Трайкова[47], ведшей дело к отказу от идейных принципов и отдельного организационного существования БЗНС.

Руководство БРП(к), видимо, понимало, что поставленные задачи находятся в противоречии с настроениями значительной

части болгарского крестьянства и вряд ли получат его поддержку. В таких условиях был избран вариант дискредитации оппозиции и силового устранения ее лидера — Н. Петкова. Решение этой задачи актуализировалось и тем, что предстояло обсуждение в парламенте проекта конституции, которая должна была подвести юридические основы под утверждавшуюся политическую монополию коммунистов.

Начавшееся в мае 1947 г. обсуждение, на котором прозвучало остро критическое выступление Н. Петкова, отстаивавшего основные демократические принципы организации общества (разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, гарантии прав и свобод человека, подчиненность народных депутатов воле избирателей) и показавшего главный порок проекта: передачу всей власти в руки партии, располагавшей парламентским большинством[48],— стало толчком к реализации намерений руководства БРП(к).

Против Н. Петкова было возбуждено судебное дело по обвинению якобы в руководстве конспиративными военными организациями и в создании «в стране организованной базы англо-американских империалистов»[49]. Между известными обществу ориентациями БЗНС (Н. Петков) на западные державы и антисоветизмом был сознательно поставлен знак равенства с тем, чтобы, сыграв на всплеске прорусских настроений значительной части общества, смягчить, а возможно и предотвратить негативный резонанс противозаконной расправы над оппозицией, что и было достигнуто.

Судебный процесс над Петковым и группой его сторонников, казнь Петкова * и политический разгром всей оппозиции — закрытие оппозиционной прессы, лишение депутатских мандатов, роспуск БЗНС (Н. Петков) — означали исчезновение политических возможностей для борьбы за реализацию «земледельческой» альтернативы.

Тем самым были перечеркнуты последние возможности развития болгарского общества на базе политического плюрализма и движения к демократии на основе сопряжения интересов различных социальных сил. Был взят курс на сужение социальной базы власти и изменение ее характера путем консолидации леворадикальных сил во всех партиях ОФ, но при политической монополии БРП(к).

* Казнь Н. Петкова не вызвала сколь-нибудь открыто выраженного недовольства той большой части болгарского общества, которая была ориентирована на ОФ. Но имеются данные о том, что 12 сентября 1947 г. к В. Коларову обратилась с письмом группа старых членов БРП(к). Выражая настроения рабочих, крестьян и интеллигенции, они писали: «В большинстве своем эти круги не одобряют приговор и характеризуют его как чрезвычайно тяжелый. Они говорят так: да, действительно Н. Петков виновен... но говорить о какой-либо серьезной опасности, когда коммунисты занимают командные посты в управлении (МВД и МНО) и вооружены, когда у нас еще находятся русские войска и мы в соседстве с мощным Советским Союзом и Республикой Югославией, несостоятельно...»[50].

В Польше, как и в Болгарии, главным выступало противостояние между коммунистами (ППР) и крестьянской партией — ПСЛ, вокруг которой группировались разные социальные силы, отвергавшие политический курс ППР. Но борьба за определение модели дальнейшего развития в Польше протекала в существенно отличавшихся от болгарских внутренних и внешних условиях.

В середине 1944 г. ПКНО, будучи властью меньшинства, не имел сколь-нибудь широкой социальной опоры в стране. Его создание было встречено большей частью общества как нежелательная реальность. Позиции и настроения многих поляков по отношению к власти колебались от настороженности и недоверия к враждебности и активному ее отторжению. Поэтому как главная для ПКНО выступала задача расширения массовой базы новой власти. На ее решение и был направлен Манифест ПКНО от 22 июля 1944 г.

Ни с точки зрения будущего государственно-политического устройства (по сути дела предлагался возврат к парламентской республике и нормам конституции 1921 г.), ни с точки зрения предусматривавшегося достаточно ограниченного вмешательства государства в систему и право собственности (временное государственное управление крупными промышленными, финансовыми и торговыми объектами, возврат конфискованной оккупантами средней и мелкой собственности ее владельцам, изъятие в пользу крестьян помещичьих землевладений с частичным вознаграждением) Манифест ПКНО не должен был встретить и не встретил негативной реакции широких масс польского общества. Выдвигая демократическую альтернативу развития, Манифест ПКНО не вступал в принципиальное противоречие с представлениями рядовых членов ППС-ВРН и СЛ-Рох, составлявших массовую базу «лондонского» лагеря. Он учитывал настроения и либеральных группировок предпринимателей, и демократической интеллигенции. Принципиальное отличие этой альтернативы от концепции противостоявшего ПКНО «лондонского» лагеря состояло в подходе к вопросу о восточной границе. Манифест не соотносился здесь с настроениями большинства поляков, для которых довоенная восточная граница выступала символом национального достоинства и мерилом государственной независимости *, во многом определяя устойчивость ориентаций на эмигрантское правительство. Более того, в общественном сознании находило отклик и мнение руководителей «подпольного государства» о центральной политической силе новой власти — ППР как о партии несамостоятельной, предающей национальные интересы. Тем не менее, как считают польские специалисты, недоверие и предубеждение в

* Острота проблемы возросла в связи с вступлением на польские земли не столько частей Красной Армии, которая, как правило, не рассматривалась рядовыми поляками в качестве новой оккупационной армии, сколько по причине появления войск НКВД, присутствия в 1-й Польской армии советских офицеров и зарождения института советских советников.

отношении ППР не перерастало в массовое восприятие новой власти как инонационального режима[51].

Несмотря на то, что коммунисты по вопросам границ и внешней политики разошлись с мнением большинства нации, они тем не менее имели за собой и весьма важное преимущество: в отличие от администрации «подпольного государства» они могли немедленно приступить к реализации программы ПКНО, восстановлению экономики и государственных структур. Попытки же аппарата Делегатуры на территории Люблинского, Жешувского, Белостокского воеводств легализоваться, отказываясь сотрудничать с представителями ПКНО, подавлялись действиями частей Красной Армии, НКВД и органов формирующейся польской службы безопасности[52]. Советский фактор играл в процессе становления новой власти своеобразную «охранную» роль, создавая условия, необходимые для учреждения таких основ ее легитимности, как организация низовых ступеней власти, звеньев госаппарата, судов, новой милиции, формирование армейских частей и службы безопасности.

Усилия ПКНО по налаживанию работы фабрик, заводов, финансовой системы, возрождению кооперации, восстановлению многопартийности, профсоюзов создавали условия для вступления в контакт и взаимодействие с новой властью представителей различных социальных групп, сторонников разных политических ориентаций. Причины устанавливавшихся отношений с властью были различны. Лишь незначительная и социально разнообразная часть общества, рассматривая эту власть и ее программу преобразований как строительство нового справедливого строя, делала сознательный выбор. Неизмеримо большей была другая часть населения, которая, не принимая власть по идейно-политическим соображениям или по крайней мере оставаясь политически индифферентной, тем не менее приступила к взаимодействию с ней. Движимая элементарной потребностью к налаживанию нормальной жизни, и эта часть общества объективно создавала социальную базу власти, укрепляя тем самым политические позиции ПКНО. Представляется, что права польская исследовательница К. Керстен, которая делает вывод: «Позиция общества в значительной мере определяла меру влияния внешнего фактора, систему действий власти, формировала эту власть и, наконец, воздействовала на реализацию основных задач, которые стояли перед государством»[53].

Без определенной социальной поддержки ПКНО было невозможно реализовать ключевые социально-экономические преобразования, провести аграрную реформу и создать новую систему управления экономикой. Уже осенью — зимой 1944 г. были заложены основы многосекторной экономики, хотя одновременно обозначалось возрастание регулирующей роли государства в народном хозяйстве.

Политическая роль государства была оформлена декретами о создании органов власти и госаппарата, характерной чертой

которого было развертывание в нем системы охраны формировавшегося строя — армии, рабочей милиции, внутренних войск, службы безопасности. Эти органы контролировались коммунистами, создавались «по советской политической модели», с помощью советских советников и консультантов, постоянно и тесно взаимодействовали с соответствующими подразделениями Красной Армии и НКВД. В условиях, когда соответствующие польские структуры только складывались, части Красной Армии и НКВД по сути дела подменяли их деятельность[54].

Осенью 1944 г. состоявшие в основном из членов ППР подразделения польских органов принуждения уже приняли участие (совместно с частями НКВД) в подавлении военно-политических противников нового режима. По данным командования АК, с июля по декабрь 1944 г. были репрессированы 30 тыс. солдат АК, половина которых была вывезена в СССР[55]. Репрессии осени 1944 г. не соотносились с заявленными в Манифесте ПКНО демократическими принципами и гражданскими свободами и свидетельствовали о том, что армия и службы безопасности становились орудием политической борьбы. Террор выступал как один из важных методов утверждения новой власти и разрушения системы уже распадавшегося «подпольного государства»*. Не в пользу его развивалась и международная ситуация. В январе 1945 г. ПКНО был преобразован во Временное правительство, признанное СССР и рядом других государств. В феврале 1945 г. состоялась конференция глав великих держав в Крыму, предопределившая лишение эмигрантского правительства прав международного субъекта и создание новой правящей коалиции на основе расширения Временного правительства за счет демократических деятелей «лондонского» лагеря.

Под прямым влиянием решений в Ялте в руководстве политического подполья победило (февраль — март 1945 г.) мнение о необходимости использовать новые условия: оставив конспирацию и порвав с эмигрантским правительством, пойти на компромисс с СССР и новой властью, включиться в будущее правительство национального единства. В случае успеха этих планов расчет был на легальное изменение характера исполнительной и законодательной власти. Широкая политическая коалиция при массовой общественной поддержке населением именно «лондонцев» могла бы создать стартовые условия для наступления на гегемонию коммунистов в госаппарате и органах принуждения и продолжить по сути дела те же социальные преобразования, но от имени иных политических сил. Вероятный после близкого окончания войны уход Красной Армии и НКВД из Польши мог

* В январе 1945 г. руководством «подпольного государства» было принято решение о роспуске и трансформации АК, тысячи рядовых членов и актива ВРН и СЛ-Рох переходили в легальные ППС и СЛ, сотрудничавшие с коммунистами в рамках ПКНО. Поначалу немногочисленные (осенью — 5—10 тыс. чел.), весной 1945 г. эти партии стали массовыми (ППС — свыше 120 тыс., СЛ — свыше 200 тыс. чел.)[56].

сделать альтернативу, предлагавшуюся демократической частью «лондонского» лагеря, не теоретической, а практической. Но такое развитие событий было неприемлемо как для СССР (из-за устойчивых антисоветских позиций «лондонских» сил), так и для ППР, ибо угрожало последней реальной опасностью оттеснения на политическую периферию. Возможность подключения к новой власти структур «подпольного государства» и Армии Краевой была «снята» советской стороной силовыми методами: в конце марта 1945 г. были арестованы политические и военные лидеры «подпольного государства», прибывшие на переговоры с советскими представителями по приглашению последних[57].

Весной 1945 г. завершилось освобождение Польши от фашистской оккупации и администрация Временного правительства распространилась на все польские территории, включая (по решению СССР) и те западные и северо-западные районы, которые принадлежали ранее Германии и должны были отойти к Польше по международным соглашениям[58]. Немедленное включение власти в освоение и заселение новых земель* работало в пользу ее авторитета и стабильности, укрепляя тот позитивный капитал, который накапливал новый режим, осуществляя социально-экономические преобразования, организуя восстановление экономики. Рост ППР, ППС, СЛ, профсоюзов, молодежных организаций свидетельствовал о том, что новая власть начала обрастать социальной базой. Среди членов большинства названных партий, организаций и государственных структур (армия, милиция, служба безопасности, госаппарат) были те, кто взаимодействовал с властью по убеждению, но также и те, кто шел с нею на компромисс под давлением различных обстоятельств. Были и такие, кто вел двойную жизнь. На заседании Секретариата ЦК ППР в начале октября 1945 г. была доложена информация, что в одном из районов Варшавского воеводства вышедшие из подполья солдаты АК сообщили, что аковцы составляют 60 % состава милиции, что «свои» люди есть у АК и в службе безопасности[60].

Оценка положения нового режима только с позитивным знаком была бы слишком упрощенной и не адекватной действительности. Власть Временного правительства оставалась все еще властью меньшинства, т. е. властью авторитарной. Она не обладала одним из важнейших принципов легитимности — поддержкой большинства общества. Весной 1945 г. отчетливо нарастали негативные для коммунистов настроения: от остро критических высказываний до открытого отрицания и сопротивления. Причины этого имели

* В подтверждение и для иллюстрации можно привести шифрограмму от 29 января 1945 г. уполномоченного Временного правительства по Силезии А. Завадского генералу С. Шатилову: «28.I.1945 г. прибыл в Катовицы... В Катовицах... большие пожары, нет воды и электричества. Принимаем экстренные меры по ликвидации пожаров и грабежа... Организуем охрану всех предприятий и домов... Из службы безопасности еще никто не прибыл. Надо срочно исправить это упущение...»[59].

экономическую, общеполитическую и социально-психологическую почву. Послевоенная разруха в промышленности, торговле, финансах, сельском хозяйстве, на транспорте, катастрофическое продовольственное положение усугублялись массовыми миграционными процессами. Нарастало негативное отношение к власти в деревне. Но события весны — лета 1945 г. свидетельствовали, что не экономическая причина была определяющей. Недовольство в обществе вызывалось такими «родовыми» чертами нового режима, как решающие позиции коммунистов в системе власти, органах управления и принуждения и осуществлявшиеся политические репрессии. Именно репрессии как средство воздействия на общественно-политические позиции населения, одна из волн которых пришлась на весну — начало лета 1945 г., во многом выступали как фактор, дискредитирующий сформулированный на пленуме ЦК ППР (май 1945 г.) политический курс ППР на объединение всех демократических сил на общей платформе. Весной 1945 г. проводилась пацификация четырех районов Люблинского воеводства, было создано 17 лагерей для солдат и офицеров подпольных подразделений, три лагеря — для арестованных бывших польских заключенных из гитлеровских «офлагов»[61].

Политика репрессий вызвала противодействие не только со стороны политических противников, но и партнеров коммунистов по коалиции — ППС и СЛ, а также части руководства ППР. В. Гомулка требовал от партийных организаций применения мер против тех членов партии, которые превышали свои служебные компетенции, нарушали правопорядок. Выступая на пленуме ЦК ППР в мае 1945 г., он признал, что органы безопасности начинают «вырастать во второе государство», что они «сами делают определенную политику, в которую никто не может вмешиваться...»[62]. Эти институты находились уже вне общественного контроля. На заседании Секретариата ЦК ППР 21 марта 1946 г. член узкого руководства ППР З. Клишко констатировал существование в ППР двух партий — партии гражданской и партии безопасности. Последняя действует как «самостоятельная единица», не связанная с гражданской партией[63].

Деятельность и положение органов безопасности вытекали из доктринальных настроений, которыми была охвачена часть руководства и членов ППР. Призывы к установлению диктатуры пролетариата, к вступлению в СССР в качестве 17-й республики, к немедленной организации колхозов[64], имевшие хождения внутри партии, отвергались не только большинством общества, но и партиями — партнерами ППР по коалиции *. ППР получала

* Летом 1945 г. на XXVI конгрессе ППС резко осуждались те поляки, «которые представляют себе новую Польшу... чем-то вроде 17 республики Советского Союза...» Один из старейших членов ППС Б. Дробнер говорил на этом конгрессе: «Суверенитет государства заключается между прочим в том... чтобы приказы польской армии издавались на польском языке». Но были и иные суждения (Г. Вахович: «...В моем ухе приятнее звучит русский язык, чем английский»)[65].

в глазах общественности репутацию несамостоятельной, агентурной партии. Этому в немалой степени способствовало и то направление в советской политике *, которое проявлялось в создании разветвленной системы военных, политических, дипломатических и экономических советников и представителей. Эта система, функционировавшая на местах с нарушениями двусторонних и международных соглашений, воспринималась значительной частью населения как ограничение суверенитета страны и вызывала закономерный протест [66]. Наиболее негативный резонанс получали в обществе демонтаж промышленных предприятий, вывоз оборудования, сырья, продовольствия, элементарное мародерство [67].

Падение доверия к ППР весной — летом 1945 г. нашло свое отражение в быстром сокращении ее рядов, в нарастании стремлений к политической суверенизации в ППС и СЛ [68], массовость которых могла превратить последние в политические противовесы коммунистам. Осознавая опасность изоляции ППР в коалиции **, руководство партии компенсировало это комплексом мер, укреплявших ее позиции. Происходило прямое расширение тех властных структур, в которых ППР сохранила свое ключевое место (в том числе и через распространение аппарата управления на всю территорию Польши). Развивался процесс продвижения в руководящие звенья экономики, политической сферы, в госаппарат новых людей, принимавших общественный аванс от власти. Прежде всего это были рабочие и крестьяне, молодежь из разных социальных слоев, некоторые представители интеллигенции. Составляя наименее имущую часть общества, придерживаясь леворадикальной ориентации, они были заинтересованы в быстром и решительном проведении социально-экономических и политических преобразований. Тем самым власть обретала реальное средство самосохранения.

К середине 1945 г. в политике ППР с достаточной отчетливостью обозначились две несовместимые тенденции. С одной стороны, провозглашался курс, ориентированный на широкий национальный фронт демократических сил, коалиционность властных структур, на демократические социально-экономические преобразования, на организацию многосекторной экономики и укрепление экономических позиций малоимущих слоев. Именно с ним ассоциировалась народно-демократическая альтернатива послевоенного развития. С другой стороны, с большой отчетливостью в области надстроечных институтов, в методах реализации политического курса проступали черты авторитарно-тоталитарного ре-

* Политика Советского Союза отличалась противоречиями: диктат и неуважение к национальным традициям и самосознанию нации соседствовали с экономической помощью, с шагами навстречу в таких вопросах, как воссоединение западных и северо-западных территорий, с возвращением культурных ценностей.

** Статистика показывает, что в октябре 1945 г. среди 302 старост в поветах 113 были членами ППР; из 24 президентов городов соответственно — 16; из 12 воевод — 4 [69].

жима. Политическое взаимодействие представителей разных социальных интересов и коалиционность в управлении страной нередко подменялись давлением и диктатом коммунистов (особенно в низших эшелонах власти и управления); гражданские свободы нарушались «узаконенным» или произвольным образом. Это противоречие вытекало из доктринальных установок коммунистов, затруднявших поиски руководством ППР решений, адекватных ситуации. Подтверждения сказанному можно найти в партийных документах тех лет, где отражены попытки совместить основные принципы коммунистической доктрины о руководящей роли партии и диктатуре пролетариата с общенациональными демократическими задачами, стоящими перед Польшей на рубеже войны и мира и требовавшими объединения всех сил нации. Так, в октябре 1944 г. на совещании актива ППР новый режим был назван руководством ППР народной демократией, демократией нового типа, руководящей силой которой выступает рабочий класс. В феврале 1945 г. на пленуме ЦК ППР речь шла о народной демократии как новом экономическом и политическом строе, опирающемся на национально-демократический фронт, на соглашение демократических партий, на определяющую развитие страны роль ППР, на социально-экономические преобразования в интересах рабочих и крестьян. На I съезде ППР (декабрь 1945 г.) народная демократия рассматривалась как новая форма власти, переходная к социализму, как революционно-демократическая диктатура рабочих и крестьян[70].

В силу этого заявленный в Манифесте ПКНО и документах ППР демократизм государственно-политической организации общества оставался во многом формальным. Широкий контроль коммунистов за государственным аппаратом, политическое преобладание в армии, милиции, абсолютное господство в службах безопасности были не только факторами их реальной власти, но и демонстрировали развитие процесса сращивания ППР с государственными институтами. Политическая практика коммунистов формировала в массовом сознании оценки происходящих перемен как советизацию Польши. Именно так воспринималась ситуация в стране и кругами, близкими к «лондонскому» правительству: «...Элементы — полуфабрикаты товара, известного под названием „русского коммунизма"... просто-напросто пересаживаются в Польшу»[71].

Итак, к середине 1945 г. предлагавшаяся коммунистами народно-демократическая альтернатива «повисла в воздухе» в немалой степени из-за того, что ППР оказалась неспособной реализовать свою собственную программу в соответствии с духом и буквой последней. Майский пленум ЦК ППР продемонстрировал осознание этого частью руководства партии во главе с В. Гомулкой. Последовали предложения снять давление коммунистов на общество, ослабив репрессии, установив контроль политического руководства ППР за деятельностью служб безопасности. Предполагались существенная корректировка отношений с партнерами

по коалиции («В отношениях между коалиционными партиями следует реализовать принципы равноправия, дискуссионности и согласования важных решений...»)[72] и смягчение политики в отношении лагеря, противостоявшего новой власти, который зачастую, особенно в низовых организациях ППР, рассматривался как единый и реакционный.

Создание правительства национального единства в июне 1945 г. повышало уровень коалиционности власти: в правительство и парламент были допущены представители партий «подпольного государства» — ППС-ВРН и СЛ-Рох, а также отдельные либеральные деятели. Решающее значение имел факт вступления в коалицию СЛ-Рох (затем ПСЛ). Компромисс между коммунистами и политической репрезентацией той части общества, которая зачастую выжидала исхода политических процессов, был позитивным разрешением ситуации для сотен тысяч демократически настроенных людей. Отношение в обществе к факту возникновения правительства национального единства было как правило позитивным. На прошедших в стране митингах и демонстрациях преобладала поддержка Миколайчика. Но были и открытые антимиколайчиковские манифестации, например в Лодзи, где среди рабочих господствовало убеждение, что политический курс в стране не изменится[73]. Власть наконец получила шанс обрести поддержку большинства. Практически же ход политических процессов летом — осенью 1945 г. показал, что консолидации в обществе не произошло, что развивается острое противостояние коммунистов и сил, объединявшихся вокруг Ст. Миколайчика, что начался новый этап политической борьбы за власть и облик послевоенной Польши.

Руководство ППР рассматривало создание правительства национального единства как долгосрочную перспективу, поскольку оно получило «серьезную поддержку общества». Спокойно, хотя и без энтузиазма было встречено коммунистами возникновение ПСЛ. Уступать свои позиции в структурах власти и корректировать социально-экономические преобразования руководство ППР не собиралось (в первую очередь, это относилось к аграрной реформе)[74]. ПСЛ получило в КРН 55 мест из 447. Осенью 1945 г. эта партия почти не располагала местами в государственной администрации всех уровней. Со временем ПСЛ укрепило свое влияние в радах народовых (прежде всего нижних ступеней), где была значительной доля беспартийных депутатов, часто поддерживавших именно эту партию[75].

Ст. Миколайчик сразу по возвращении в страну взял курс на образование оппозиционной ППР партии — ПСЛ. Он легко и быстро овладел ситуацией в крестьянском движении. На рубеже 1945—1946 гг. ПСЛ стало наиболее крупной по численности и влиянию в обществе партией. Она насчитывала 540 тыс. чел. (ППР — 235 тыс., ППС — 200 тыс. чел.)[76]. Политический вес ПСЛ серьезно увеличивался за счет поддержки различными слоями городского населения, включая не только людей выжидавших,

но и социально разнородных противников новой власти, «откликнувшихся» на оппозиционность ПСЛ.

Уже в июле 1945 г. формирующееся руководство ПСЛ заявило о своих политических целях и ориентирах. По сути дела была сформулирована программа политической конфронтации с коммунистами. Во главу угла ставились выборы как главный рычаг для решительного оттеснения коммунистов от власти. 75 % мест в будущем парламенте и право определять внешнеполитический курс, что потребовало руководство ПСЛ на переговорах с представителями рабочих партий в начале 1946 г., подтверждали претензии этой партии на гегемонию в политической жизни[77]. Отсюда центральная задача — заставить ППР дать согласие на скорейшее проведение выборов в невыгодной для себя ситуации.

Второй вопрос, по которому ПСЛ сразу же противопоставило себя ППР, был связан с проблемой суверенитета Польши и касался советско-польских отношений. Выступая за добрососедские межгосударственные отношения двух стран, ПСЛ «уравновешивало» их связями с Западом и отвергало все проявления советского вмешательства во внутреннюю жизнь Польши. В обстановке нараставшего протеста в польском обществе против присутствия советских войск и частей НКВД, против арестов и депортаций в СССР сторонников «лондонского» лагеря проблема «советизации» и «коммунизации» Польши * была поставлена Ст. Миколайчиком в трех меморандумах, а также в его беседах с представителями западных держав в Потсдаме[78]. Позиция ПСЛ получила серьезную общественную поддержку. Но говорить о негативном отношении к СССР всего польского общества было бы неверным. Представляется заслуживающим внимания мнение К. Керстен о том, что отношение польского населения к СССР, к коммунистам и новой власти не было единым[79]. Часть его (коммунисты, леворадикально настроенные социалисты и крестьянские деятели) активно поддерживала ориентацию на СССР как главного внешнеполитического партнера Польши и классового союзника новой власти.

Непримиримую позицию заняло ПСЛ и по вопросам нарушения органами власти гражданских свобод, деятельности госбезопасности, судеб участников подполья, польских военнослужащих, остававшихся за пределами Польши в добровольной или вынужденной эмиграции. Все это было созвучно распространенным общественным настроениям.

Что касается отношения ПСЛ к социально-экономической политике власти, то прямая конфронтация с ППР здесь была невозможна. Руководством ПСЛ был взят курс не на отрицание реформ, за которые ратовало общество, а на их корректировку.

* Эта проблема была особенно тяжела для ППР, ибо идеологическая «единокровность» польских коммунистов с ВКП(б) делала для них естественным принятие и советской модели общества, и «братской помощи» СССР.

Состоявшийся в январе 1946 г. конгресс партии разработал развернутую идейно-политическую платформу. Основу ее составили главные положения доктрины аграризма в их демократической интерпретации. Будущая Польша виделась как аграрно-индустриальное государство[80]. Здесь мы видим принципиальные расхождения проектов ПСЛ с долгосрочной концепцией коммунистов, ориентированной на последующую индустриализацию страны и уже с проявлявшимся приоритетным развитием промышленной сферы. Существенно различались точки зрения ППР и ПСЛ на проблему собственности. ППР (как и ПСЛ) выступала за многообразие форм собственности с сохранением мелкой частной и кооперативной, но (в отличие от ПСЛ) коммунисты стремились сделать государство владельцем ряда ключевых отраслей и крупных предприятий в промышленности. ПСЛ, не распространяя принцип частной собственности на крупное производство, энергетику, транспорт, связь, добычу природных ископаемых, оборонный комплекс, рассматривало частную инициативу как «высшую форму хозяйствования», а кооперативную — как важнейший элемент обобществленного производства[81]. Руководство ПСЛ было против далеко идущей этатизации экономики, элементы чего уже прослеживались в деятельности новой власти. В этой связи в начале 1946 г. на заседаниях КРН разгорелась острая полемика между ППР и ПСЛ вокруг декрета о национализации промышленности. ПСЛ отстаивало снижение масштабов национализации более чем в 10 раз и серьезное увеличение кооперативной собственности[82]. Что касается аграрной сферы, то и здесь существовали разногласия по принципиальным вопросам. Если ППР выступала за наделение землей как можно большего числа нуждавшихся крестьян (а значит и за сокращение размера надела), за создание государственного земельного фонда, то ПСЛ предлагало укрупнение и создание экономически рентабельных крестьянских владений и раздела почти всего государственного фонда, ликвидацию мелких наделов, комасацию земли. Принципиальными были расхождения между коммунистами и ПСЛ во взглядах на кооперацию. Коммунисты видели в ней подконтрольный государству инструмент связи и воздействия на крестьянское и городское мелкое производство, людовцы — многообразную форму обобществленного обмена и производства, независимую от государства, «смягчающую» экономические недостатки мелкого производства (малую товарность, слабую техническую оснащенность и т. п.) и во многом организующую производственный процесс в деревне.

Хотя экономические модели, предлагавшиеся коммунистами, с одной стороны, и ПСЛ — с другой, существенно отличались, не они, а представления о политическом строе выступали основой острой конфронтации. Различными были ответы на решающий вопрос — кто, какая социально-политическая сила будет лидером в обществе. Теоретически коалиционность власти признавалась и той и другой стороной, как и основное место в этой коалиции представителей двух сил — рабочих и крестьян. Но ес-

ли коммунисты вкладывали в идею рабоче-крестьянского союза руководящую роль своей партии, выступавшей от имени рабочего класса, то людовцы отвергали такую формулу, как нарушавшую принцип равноправия двух социальных сил. Не отказываясь от идеи крестьянской власти, ПСЛ зафиксировало необходимость «оставаться в тесном союзе с рабочими партиями и другими группами трудящихся», но условием крестьянско-рабочего союза провозглашался принцип «свободный — со свободными, равный — с равными». Представляется, что на такие подвижки в концепции ПСЛ оказал воздействие ряд факторов, в том числе и четко выраженное стремление руководства этой партии превратить ее в общенациональную, надклассовую, противостоящую стремлениям коммунистов навязать «сверху организацию общества на тоталитарных принципах»[83]. Но эти подвижки вовсе не изменяли принципиального мнения руководства ПСЛ о праве крестьянства быть политическим лидером общества, организованного на принципах парламентской демократии, разделения исполнительной, законодательной и независимой судебной властей, большой роли территориального и экономического самоуправления как противовеса центральной власти, которое должно «принять на себя все функции, выполнявшиеся до сих пор государственной администрацией»[84].

В разделах программы, посвященных политическому устройству, отрицалась диктатура как форма власти и управления страной. Поскольку в тех условиях опасность правой диктатуры была маловероятной, главным адресатом в этом смысле были левые силы, и конкретно коммунисты. Иными словами, предлагался вариант развития, ориентированный на приоритет интересов мелкого собственника-крестьянина. Но под влиянием объективных общественных процессов аграристская концепция была приспособлена к выражению интересов значительно более широких слоев общества.

Что касается внешнеполитических концепций, то на первый взгляд здесь расхождений с коммунистами не было. К такому выводу подводила общая тональность соответствующих разделов программы: мир и дружба с соседями, в первую очередь с СССР, и с западными державами[85]. Но людовцы отстаивали вариант, принципиально отличавшийся от концепции ППР. Руководство ПСЛ видело место суверенной Польши в системе союзов западноевропейских государств. Для него главным смыслом нормальных межгосударственных польско-советских отношений было обеспечение безопасности Польши в случае повторения германской агрессии. Дружба с СССР рассматривалась как вынужденная и осознанная необходимость.

Таким образом, программа ПСЛ, хотя во многом перекликалась с документами ППР и Манифестом ПКНО, принципиально расходилась с политикой коммунистов, где уже в рамках провозглашавшейся ими народно-демократической альтернативы просматривались важнейшие элементы авторитарно-тоталитарной

модели общества. Негативного отношения к стратегической ориентации коммунистов в ПСЛ не скрывали: «Из-за соседства с Советским Союзом вы,— заявил один из деятелей ПСЛ, обращаясь к депутатам ППР,— слишком интенсивно перенимаете его опыт... По нашему мнению, это не тот строй, который соответствует психике польского народа... На нашем меридиане это грозит потерей независимости». В одном из своих интервью Ст. Миколайчик говорил, что разница между программами ПСЛ и ППР «состоит в том, что мы стоим за гражданские свободы, за право личности больше, чем за право государства»[86]. Из вышесказанного следует: политическое столкновение сторонников двух столь разнящихся взглядов на дальнейшее развитие Польши было неизбежным.

Открытое противостояние ППР и ПСЛ как осевая линия политического развития стало реальностью уже к осени 1945 г. Тогда ППР расценила позицию ПСЛ как легальную оппозицию внутри правящей коалиции[87]. На пленуме ЦК ППР в феврале 1946 г. речь шла уже не об оппозиционности, а о враждебности ПСЛ, о политической борьбе «противоположных сил, представляющих разную идеологию»[88].

Что касается ПСЛ, то ставка была сделана на легальный (единственно тогда возможный) способ завоевания власти — на выборы как инструмент измерения общественных настроений. Шанс выигрыша выборов виделся в ПСЛ достаточно высоким при условии их проведения с соблюдением демократических норм. Расчет был на поддержку значительной частью общества концепции ПСЛ и тех политических действий, которые предпринимались его руководством вплоть до выборов в январе 1947 г.[89] В ПСЛ понимали позитивную для власти социально-политическую результативность двух главных экономических преобразований — аграрной реформы и национализации крупной и части средней промышленности. Поэтому была сделана попытка пересмотреть только принципы их осуществления, используя неудовлетворенность части крестьян малыми размерами наделов и тем, что земля передавалась беднейшим. Не удалась и попытка пересмотреть принципы национализации, срезавшей пласт средних (по польским условиям) предприятий в городе.

Но политического капитала от этих акций ПСЛ почти не приобретало: его действия угрожали зарождавшейся социальной стабильности сотен тысяч людей, только что переживших время оккупации и абсолютной социальной неуверенности. С приобретением земли, рабочего места на государственном предприятии или в учреждении ассоциировалось благополучие в будущем. Пришедшиеся на 1946 г. массовые миграции, заселение воссоединенных земель, резкие перемены в социальной структуре населения, переходы в более престижные социальные группы, преобладание процессов общественного аванса над общественной деградацией — все это делало сферу социальных отношений неблагоприятной для формирования настроений активного противодействия власти.

Успех ПСЛ на выборах мог быть обеспечен национально-политическими симпатиями подавляющей части населения, не смирившегося с национальной трагедией в виде новой восточной границы, с присутствием СССР в жизни Польши[90].

Однако позиция руководства ПСЛ была в данном случае осмотрительной и гибкой: смириться с восточной границей, отказаться от антисоветизма как исходной посылки польской внешней политики и тем самым создать благоприятные внешнеполитические условия для победы на выборах. В поддержке западных держав руководство ПСЛ вряд ли могло сомневаться, хотя пределы этой поддержки были неясны. Что касается СССР, то здесь была сделана попытка предложить себя, т. е. ПСЛ, в качестве главного польского партнера, который (в отличие от коммунистов) может обеспечить реальный мир в стране и устойчивое мирное сосуществование на международной арене[91]. Такая формула внешней политики Польши, по-видимому, могла быть принята определенной частью общества как плата за независимость и суверенитет. Консолидирующими значительную часть общества вокруг ПСЛ были и антикоммунистические настроения[92].

Руководство ПСЛ, готовясь к генеральному политическому столкновению с коммунистами, получило поддержку и католической церкви. Обладавший огромным влиянием на общество костел, конечно, был враждебен коммунистам. Часть иерархии поддерживала подполье. Но до состояния открытого конфликта стороны дело не доводили. Имели место элементы сотрудничества костела с властью, которая не затронула его экономических позиций и не покушалась на свободу совести населения[93]. Противостояние ПСЛ коммунистам было поддержано остаточными подпольными структурами. ПСЛ тоже было заинтересовано в их поддержке. Руководители подполья понимали это: «ПСЛ безразлично, кто мы... главное, чтобы нас было много»[94]. Однако открытое появление этого союзника было для ПСЛ нежелательным, поскольку конспиративные методы политической борьбы не поддерживались обществом, а факты контактов членов ПСЛ с подпольем позволяли госбезопасности расширять поле репрессий на организации ПСЛ.

К середине 1946 г. ПСЛ достигло апогея своей численности: около 800 тыс. членов. На территории страны действовали несколько тысяч кружков этой партии. В низовых органах власти ПСЛ располагало 30—40 % мест (в некоторых воеводствах — около 60—70 %). На ПСЛ ориентировался ряд общественных, кооперативных, молодежных организаций[95]. Иными словами, ПСЛ имело реальные шансы победить на выборах и создать наиболее крупную фракцию в сейме. Но широкая поддержка этой партии социальными слоями, никогда ранее не примыкавшими к крестьянскому движению и не разделявшими его идеологию, оставляла открытым вопрос, удастся ли лидерам ПСЛ удержаться в дальнейшем на позициях крестьянской альтернативы общественного развития.

Что касается ППР, то отношение этой партии к проблемам выборов было принципиально иным. Совещания, проведенные в ЦК накануне выборов, показали, что последние не рассматривались как инструмент решения вопроса о власти («...не может быть речи, чтобы реакция могла с помощью избирательного бюллетеня вырвать у нас власть: у демократии достаточно средств, рабочие и крестьяне вооружены не только избирательным бюллетенем и так вопрос на выборах не стоит... для большинства нашего общества выборы должны высветить, санкционировать то, что произошло в Польше за два года»)[96].

Для создания соответствующего политико-психологического климата накануне выборов коммунистами был предпринят ряд политических и экономических мер, а также целенаправленное силовое и психологическое воздействие на различные социальные слои *. Центральное место в этом комплексе мер занимала идея избирательного блока. В руководстве ППР понимали, что успешное проведение выборов позволит легитимировать существующую власть, создать, по словам члена политбюро этой партии Р. Замбровского, «расстановку сил, опирающуюся не только на госбезопасность и не только на наши возможности в армии, но на определенную парламентскую конфигурацию, при которой наши контрагенты должны будут считать это соглашение прочным»[98]. «Конфигурацию», а именно договоренность об избирательном блоке шести демократических партий, включая ПСЛ, и о партийном «ключе» распределения мандатов в сейме (равном для рабочих — ППР, ППС — и крестьянских — ПСЛ, СЛ — партий) и пытались обеспечить заблаговременно.

В ходе реализации этой идеи коммунисты столкнулись с двумя серьезными политическими трудностями. Одну из них — неустойчивость позиции ППС, которая расходилась с коммунистами по ряду стратегических и тактических проблем, преодолевать удавалось зачастую не без вмешательства советской стороны **. Накануне выборов сотрудничество ППС и ППР было закреплено соглашением о единстве действий, что стало основой избирательного блока. Преодоление другой трудности — привлечение ПСЛ к блоку — оказалось невозможным: сделав ставку на свое

* В подтверждение приведем выдержки из выступлений участников одного из совещаний в ЦК ППР: «...не может быть речи, настроения, что наши выборы могут быть нормальными выборами... Нужно создать такую атмосферу, чтобы колеблющийся, трусливый человек боялся нас, а не их, каждый член ППР должен знать, что он завтра выиграет. Завтра, после выборов, у власти будем мы. И эта власть будет еще крепче. Эта власть будет использовать еще более мощные средства и будет помнить о тех, кто поддержал ее на выборах... Надо убедить всех, что вопрос стоит именно так, а не иначе...»[97].

** По сообщению советского посла в Польше В. Лебедева, «в течение второй половины 1945 и весь 1946 г. отношения между ППР и ППС хронически находились в кризисном состоянии... В среднем каждые три месяца дело доходило до конфликта... Всякий раз... положение выравнивалось лишь благодаря авторитету т. Сталина, личные советы которого принимались к руководству обеими партиями»[99].

реальное влияние в обществе, лидеры ПСЛ поставили коммунистов перед заранее неприемлемой дилеммой: или 75 % мандатов для ПСЛ в обмен на допуск ППР и ППС в парламент и участие ПСЛ в блоке, или ПСЛ самостоятельно выходит на выборы. Нетрудно заметить, что руководство ПСЛ видело свою власть после выборов практически монопольной. Понятно, что ни один из таких вариантов не мог устроить рабочие партии, и переговоры были прерваны[100]. Это произошло на фоне резкого ухудшения экономического положения в стране, когда тысячи людей, особенно рабочих и интеллигенции, существовали на грани голода, когда по всей стране прокатывались забастовки. Поднялись антисоветские и антиправительственные настроения. Активизировались как подполье, так и органы безопасности.

В этой ситуации проведение выборов было для ППР крайне нежелательным. Появилась идея выяснения мнения народа о социально-экономических преобразованиях, новой западной границе и устройстве будущего парламента. Речь шла не столько об измерении политической температуры в обществе, сколько об отсрочке выборов. Именно как «наиболее удачную форму затяжки выборов» расценивали референдум и советские дипломаты, работавшие в Польше[101]. Согласно официальным данным, итоги референдума были благоприятны для правительства*, хотя и признавалось значительным (до 30 % голосов) влияние объединенных противостоявших власти сил[104]. ПСЛ пыталось опротестовать итоги референдума**, но натолкнулось на твердую позицию ППР и слабую, похожую на акт вежливости поддержку западных держав[106]. Представляется, что значительно более серьезным и для ППР, и для ПСЛ следствием референдума была пассивная реакция тех, кто шел за ПСЛ, на итоги этого мероприятия. По сути дела сторонники ПСЛ приняли референдум как поражение этой партии. Однако руководство ППР ощутило масштаб влияния Миколайчика и ПСЛ в обществе. Поэтому главный удар во второй половине 1946 г. был нанесен по ПСЛ. Применялись разные (политические, административные, репрессивные) меры для нейтрализации этой партии. Были поддержаны коммунистами центробежные группировки внутри ПСЛ. Начавшийся осенью отлив рядовых членов партии (вышло 300 тыс. человек) и их переход в ячейки СЛ привел к усилению союзника ППР в деревне. Нараставшие идейно-политическая нестабильность и организа-

* Современные польские исследователи убеждены в том, что итоги референдума были фальсифицированы[102]. Правомерность такой позиции в определенной мере подтверждается теми сообщениями, которые направляло советское посольство в Москву. Так, в отчете за 1947 г. говорилось, что итоги референдума «в силу недостаточной работы польских демократических партий по его подготовке были далеко не в пользу этих партий». И далее: «Референдум дал отрицательные результаты. И в этом его положительное значение. ...Итоги референдума убаюкали Миколайчика и его партию»[103].

** Руководство ПСЛ считало, что на его призыв проголосовать «нет» на первый вопрос референдума откликнулось в каждом пятом округе свыше 80 % участвовавших в голосовании[105].

ционное разрушение ПСЛ стимулировались и репрессиями в отношении тех, кого подозревали в связях с подпольем или в антиправительственных настроениях. 3 октября 1946 г. Ст. Миколайчик обратился с письмом к Сталину, где констатировал ограничение деятельности ПСЛ и преследование членов этой партии: «...Собрания ПСЛ разгоняются подосланными боевыми отрядами... состоящими из членов ППР... Имеются случаи ареста не только отдельных лиц, но и целых сельских ячеек». Обращаясь с письмом к послу СССР 18 декабря 1946 г., Миколайчик привел данные об арестах 25 человек из руководства партии и 900 человек из ее низшего звена. Польские исследователи считают аресты более массовыми: 162 кандидата в депутаты от ПСЛ, 1962 местных деятеля [107]. Аресты серьезно затруднили предвыборную кампанию ПСЛ. За 1945—1946 гг. в Польше по политическим мотивам в рамках борьбы за власть были арестованы около 100 тыс. человек [108].

Неожиданный ущерб ПСЛ был нанесен развитием международной ситуации: на Западе прозвучали (март 1946 г. У. Черчилль, сентябрь 1946 г.— госсекретарь США Дж. Бирнс) голоса, ставившие под сомнение новую западную границу Польши. Это было резко негативно встречено в польском обществе. Из-за запоздалой и недостаточно внятной реакции ПСЛ на речи Черчилля и Бирнса пострадал ее авторитет. Этот раунд борьбы за общество коммунисты не проиграли. Таким образом, накануне выборов они, хотя и не добились изменения отношения значительной части общества к власти, все же решили проблему создания политической конфигурации после выборов. Оформился избирательный блок четырех партий (ППР, ППС, СЛ, СД), который, уступая ПСЛ по степени поддержки широких кругов общества, располагал своей социальной базой среди рабочих (особенно молодежи), крестьян (прежде всего на западных землях), части интеллигенции (в том числе и творческой), служащих госаппарата, в том числе армии, милиции, службы безопасности. Активная часть этих сил проявила себя в массовой агитационно-пропагандистской и силовой борьбе с ПСЛ перед выборами, в формировании атмосферы неизбежной победы избирательного блока на выборах. Их официальные итоги по стране (от 64,9 до 95,2 % голосов за блок) соответствовали этому климату и были подтверждены 150-тысячным митингом в Варшаве 23 января 1947 г.[109]

В лагере же ПСЛ, находившемся под сильным политико-психологическим давлением со стороны властей и внешнеполитических обстоятельств, четко прорисовавшихся после речи Дж. Бирнса, складывалась атмосфера не победы, а грядущего поражения. Реакции отторжения сторонниками ПСЛ опубликованных результатов выборов * не последовало, хотя руководство партии

* В настоящее время факт фальсификации выборов признается исследователями, появляются документы, свидетельствующие об этом, хотя дан-

предприняло ряд шагов, призванных вызвать кампанию борьбы за объявление итогов недействительными. Ст. Миколайчик публично констатировал факт фальсификации выборов. Он обращался с протестами к западным державам, но безрезультатно, ибо международный контроль за выборами в Польше не был предусмотрен соглашениями великих держав в Ялте и Потсдаме. Не последовало и обострения противостояния в обществе. 1947 год прошел под знаком стабилизации власти, где ПСЛ заняла периферийное место скромной оппозиции. Есть сведения, что это место было ППР согласовано с Москвой еще летом 1946 г.[111] Тем самым отпала альтернатива общественного развития, которую предлагала эта крестьянская партия.

Пытаясь ответить на вопрос, почему ПСЛ потерпело поражение, а неприятие власти значительной частью общества не переросло в кампанию гражданского неповиновения, следует сфокусировать внимание не только на констатации политико-психологического надлома этой части общества, но иметь в виду и другие процессы. Под воздействием социально-экономических преобразований, под влиянием государственного строительства изменялся социальный облик самого общества. Все более значительные массы людей (особенно социально разнообразная по происхождению люмпенизированная их доля) в новой действительности начинали обретать социальную уверенность, получая общественный аванс, наблюдая периодическое некоторое улучшение экономической ситуации и постепенное рассасывание безработицы. Это создавало специфическую ситуацию в стране, когда не одобряя власть коммунистов, сотни тысяч рабочих, крестьян, интеллигенции, служащих принимали участие в реализации перемен в общественном строе. Они, не желая ни новой мировой, ни гражданской войны, чем было чревато активное сопротивление власти, опасались новой нестабильности. Но это отнюдь не означало всеобщего принятия той недемократической альтернативы, которая просматривалась в политике ППР в 1944—1947 гг. Борьба за облик будущей Польши не была закончена. На рубеже 1947—1948 гг. центр ее переместился в рабочее движение.

ных о достоверных итогах выборов не опубликовано. Косвенным доказательством фальсификации является упоминание в Отчете советского посольства в Варшаве за 1947 г. об отрицательных для правительства результатах голосования[110].

Глава 4

РУМЫНИЯ, ВЕНГРИЯ: ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ЗАПАДНОГО ОБРАЗЦА ИЛИ НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ПРОЛОГ СОЦИАЛИЗМА?

Приход в декабре 1944 г. к власти в Румынии правительства Радеску отразил поворот вправо в общественных настроениях. Но попытка лидеров «исторических партий» закрепиться в системе власти путем создания «беспартийного правительства специалистов военных» породила устойчивую тенденцию к консолидации политических сил, заявлявших о стремлении к демократическому развитию общества. Это были социал-демократы, Фронт земледельцев, коммунисты, уже объединившиеся в Национально-демократический фронт, и некоторые группировки НЛП и НЦП, оппозиционные официальному руководству «исторических партий».

Особой активностью отличался известный деятель НЛП Г. Татареску, который уже в конце декабря 1944 г. имел контакты и с Л. Патрашкану и с молодым королем. Он публично сформулировал свою позицию следующим образом: «...политик, который думает сейчас обойтись в Румынии без демократии, превратится в соломинку...». На таком фоне могла получить поддержку выдвигаемая Татареску идея достижения «полного сотрудничества» с коммунистами и социал-демократами посредством создания «правительства радикальной концентрации», которое, по его мнению, останется у власти примерно четыре года при условии доверия и поддержки со стороны СССР [1].

Предлагаемая реконструкция правительства аргументировалась Татареску необходимостью сбалансировать односторонне прозападный курс Маниу и Братиану. Не исключено, что при этом Татареску рассчитывал переключить на себя основные контакты с СССР и тем самым разрушить монополию РКП в этом направлении. По-видимому, не случайно в беседе 12 января 1945 г. с сотрудником СКК С. Дангуловым Татареску настойчиво подчеркивал, что ориентация на Советский Союз является основой его политики [2].

Но главная задача утверждения власти складывавшейся широкой коалиции заключалась в решении внутренних проблем, связанных, как они считали, с демократизацией общества. Во имя их решения Татареску признавал необходимым объединить усилия всех мелких и средних предпринимателей, значительной части крестьянства и рабочего класса, который, по его мнению, поддержит новое правительство, потому что «в него будет входить НДФ». Свое участие, как и участие левых царанистов, он считал гарантией того, что «демократизация страны будет протекать без нежелательных эксцессов»[3]. Такой политический состав блока был приемлем для радикальной части НЛП и НЦП

и обусловливал их позитивное отношение к январской (1945 г.) программе НДФ.

Группировка Александреску, не разделявшая позиций руководства НЦП, выступала в защиту индивидуального крестьянского хозяйства и частной собственности на землю. Она предлагала обществу программу борьбы против засилия монополий, выдвигая лозунги экспроприации земли у крупных собственников, ликвидации картелей и введения специального налога на сверхприбыль [4].

Несмотря на то, что в позициях группировок Татареску и Александреску имелись определенные расхождения (национал-либералы, в частности, выступали лишь за ограничение размеров землевладения, выдвигали принцип вознаграждения за отчуждаемую землю), общим было стремление превратить аграрную реформу и частичные антимонополистические меры в средство социального умиротворения румынского общества.

Группировка Татареску признавала необходимость усиления регулирующей роли государства в экономике, но категорически возражала против всяких попыток национализации и конфискации. «...В любой области национализация,— писал Татареску.— приведет к падению производства. Всякая передача собственности государству является вредной»[5].

К марту 1945 г. оформилось взаимодействие двух политических центров (НДФ и оппозиции в «исторических партиях»), заинтересованных в устранении правительства Радеску. В этом же был чрезвычайно заинтересован и Советский Союз, поскольку правительство Радеску откровенно продолжало саботаж условий перемирия [6]. Только при поддержке и давлении СССР и оказалось возможным «убедить» короля, выражавшего «свое желание сохранить в полной мере наилучшие отношения с Советским правительством», не пытаться добиваться участия сторонников Маниу и Братиану в новом правительстве [7]. В подтверждение можно привести сообщение А. Я. Вышинского В. М. Молотову от 2 марта 1945 г.: «Переговоры во дворце продолжаются. Утром были во дворце Лупу и Татареску. Король настаивает на участии в правительстве представителей партий Маниу и Братиану. Татареску заявил, что Фронт, а также он, на такую комбинацию не пойдут. Сейчас во дворец вызван Петр Гроза»[8].

Приход к власти 6 марта 1945 г. правительства П. Грозы открывал новый этап в развитии Румынии. Он характеризовался прежде всего изменениями социальной базы власти. В ходе решения под лозунгами демократии общенациональных задач дефашизации (по терминологии тех лет), восстановления страны, преодоления послевоенной разрухи и хаоса объединялись различные социальные силы: часть буржуазных группировок, интересы которых состояли в развитии тяжелой промышленности и, следовательно, в углублении базовой индустриализации; подавляющая часть рабочего класса, заинтересованная в пуске производства, мелкие и средние предприниматели города, а также те слои

деревни, которые связывали свое будущее не только с аграрной реформой, но и с работой в городе. Социальная поддержка правительства расширялась по мере прихода новых людей в госаппарат, армию, МВД и службу безопасности, в ходе очищения этих институтов от адептов старого режима. Идея демократии и национального возрождения привлекала к правительству П. Грозы и часть национальной интеллигенции[9]. Произошли изменения и на политической сцене: ушли в оппозицию «исторические партии».

Положенная в основу деятельности правительства программа НДФ по восстановлению экономики страны (аграрная реформа, «ограничение излишеств и злоупотреблений капитала», государственная поддержка промышленности при активном участии частного капитала в восстановление страны) «обеспечивала всем социальным категориям возможность осуществить свои интересы»[10].

Вызывавшие возражения со стороны Татареску и его сторонников положения о национализации банков и основных промышленных предприятий были сняты еще в январе 1945 г. Отказ компартии от конфискационных мер закреплялся передачей всех экономических министерств в руки НЛП (Татареску)[11]. Достижение компромисса открывало возможность реализации наиболее назревших реформ: аграрной и демократизации общественных структур. В первые послевоенные годы идеи демократизации широко декларировались всеми политическими силами и вытекали из стремления освободиться от наследия военного времени. Однако понимание принципов демократии существенно различалось. Методы же достижения демократических идеалов, которые предлагались или использовались политическими силами, нередко находились в прямом противоречии с принципами демократии и зависели прежде всего от принятых идеологических установок, от уровня политической культуры общества в целом и от менталитета политиков. Поэтому неудивительно, что Татареску, выступая за демократизацию страны, предлагал использовать сугубо экстремистские методы: по его мнению, проблему демократизации «можно разрешить в течение двух часов, часть из них (противников правительства П. Грозы.— *Авт.*) мы посадим в тюрьму, кое-кого ликвидируем, кое-кого вышлем»[12].

Правительству П. Грозы удалось провести перераспределение земли крупных собственников в пользу бедняцкой части деревни, очистить государственный аппарат, административные структуры, частные предприятия от сторонников Антонеску и профашистских элементов; из армии были уволены (и частично арестованы) офицеры, связанные со старым режимом. Была восстановлена румынская администрация в Трансильвании, ранее входившей в состав Венгрии, что особенно укрепило авторитет правительства. Провозглашенный курс на нормализацию национальных отношений в Трансильвании в соответствии с принципом равноправия венгерского и румынского населения был направлен на создание атмосферы доверия венгров к румынскому правительству, а отмена расового законодательства уравнивала в правах и еврей-

ское население[13]. Взаимодействие различных политических сил в рамках коалиции обеспечивалось не только общим для них стремлением к реализации совместной программы социально-экономических преобразований, не только «патронатом» СКК (а точнее, СССР), но и «своеобразным распределением ролей» в системе власти. Если либеральные политики в правящей коалиции сконцентрировали в своих руках управление экономикой, предполагая тем самым обезопасить ее от коммунистических экспериментов, а Фронт землевладельцев контролировал реализацию аграрной реформы, то коммунисты (прежде всего) и социал-демократы получили ключевые политические посты (МВД, юстиция, пропаганда, народное образование, культура, социальное обеспечение и др.)[14]. Это открывало им возможность держать под контролем кадровый состав госаппарата, армии и органов внутренних дел.

В ходе проведения акций по очищению стали проявляться откровенные стремления коммунистов к овладению аппаратом принуждения и средствами массовой информации и использованию государственных структур в интересах только одной партии. Советские представители в СКК весьма критически относились к жесткости курса коммунистов в отношениях с партнерами по коалиции. Советник СКК И. З. Сусайков сообщал, что коммунисты, вместо того чтобы «оказывать помощь отколовшимся царанистам и предпринимать все усилия, чтобы увеличить эту группу» не давали им возможности работать. «...Если бы не мое вмешательство, единственные царанисты из правительства ушли бы»[15]. Такие тенденции в РКП в то время особой настороженности внутри правящей коалиции не вызывали, но были отмечены лидерами «исторических партий» и стали одним из поводов для активизации антиправительственных действий последних уже с лета 1945 г.[16]

Нажим сторонников Маниу и Братиану, добивавшихся международного вмешательства в дела Румынии и отставки правительства П. Грозы, с одной стороны *, и массовые выступления трудящихся осенью 1945 г., являвшиеся во многом ответом на этот нажим — с другой, усилили тенденции к консолидации правящей коалиции. Хотя Татареску и начал проявлять заметные колебания, его группировкой сохранялся курс на солидарность с программой и деятельностью правительства.

Ключевой проблемой политической жизни Румынии в 1946 г. стали предстоящие выборы, с результатами которых и оппозиция,

* Однако состоявшаяся в декабре 1945 г. конференция СМИД, ставка на которую делалась обеими противоборствующими сторонами, внесла некоторую разрядку во внутриполитическую ситуацию Румынии. Выигрыш в главном оказался на стороне правящей коалиции: согласие ввести в состав правительства П. Грозы двух представителей «исторических партий», а также ряд уступок оппозиции во внутренней политике (возобновление выпуска 14 газет, ослабление цензуры, создание клубов оппозиционных партий) открывали путь к международному признанию Румынии и ее правительства[17].

и правящая коалиция связывали перспективу развития страны. Это был политически решающий момент. Для противостояния оппозиции «исторических партий», располагавших влиянием среди подавляющей части сельского населения, необходим был некий «обруч», который бы мог сдержать возможные центробежные тенденции внутри коалиции и воспрепятствовать ее расколу в ходе предвыборной борьбы. Такие тенденции были налицо и в СДП (группировка К. Титель-Петреску, выступавшая против сотрудничества с РКП), и в НЛП (Татареску), где ряд политиков — Татарану, Сибичану и др., выступил в начале 1946 г. с требованием отказа от сотрудничества с коммунистами в рамках правительства [18].

В конце февраля 1946 г. ЦК РКП для того, чтобы удержать коалицию и не допустить сужения собственных позиций во властных структурах, выдвинул идею создания Блока демократических партий (БДП), которая в течение марта «без каких-либо внутренних осложнений» была принята Фронтом земледельцев, ПЦП (Александреску), Национально-народной партией [19], а к концу мая — социал-демократами и национал-либералами (Татареску). В опубликованном 21 мая 1946 г. коммюнике о создании БДП говорилось, что партии, находившиеся у власти, сохраняя каждая свою идеологию и программу, пришли к полному соглашению об общей платформе и пропорциональном представительстве партий в списке БДП [20]. Что касается программы Блока, то в основу ее были положены предложения компартии, сформулированные на общенациональной конференции в октябре 1945 г. Суть их сводилась к созданию такой системы народного хозяйства, которая объединяла бы под контролем государства без прямого его вторжения в сферу частного предпринимательства все сектора экономики. В качестве магистральной идеи, способной объединить большинство нации, выдвигалась идея индустриализации страны. Особый акцент делался на необходимости «поощрять и заинтересовывать частное предпринимательство» в налаживании и расширении производства [21]. Инструментами осуществления этой программы должны были стать установление государственного контроля над Национальным банком и реорганизация кредитной системы.

В случае реализации программы БДП, являвшейся по сути дела «равнодействующей» основных социальных интересов большинства румынского общества, могла возникнуть модель экономики, отличавшаяся от предшествующей своим более широким социальным охватом и новой контролирующе-регулирующей ролью государства. Весьма симптоматично, что вся независимая печать Румынии позитивно реагировала на программу БДП. Газета «Семналул» писала: «...программа БДП является умеренной... На Западе, в странах со старым демократическим строем, осуществлены реформы гораздо более широкие и радикальные. Честным выполнением взятых на себя обязательств БДП может открыть чрезвычайно важный этап в нашей истории» [22].

Тенденция к усилению регулирующей роли государства в то время не выступала как нечто искусственно навязываемое коммунистами и свойственное только странам Восточной Европы. В различных модификациях она имела место в послевоенные годы в ведущих капиталистических государствах (например, в Англии, Франции, Австрии) и воспринималась как наиболее эффективное средство перевода экономики на мирные рельсы. Что касается политического оформления коалиции, то создание БДП на принципе партийного «ключа» означало принятие более жестких форм организационного взаимодействия партий и группировок, вошедших в Блок. Партийный «ключ» ограничивал возможности плюрализма внутри коалиции и создавал опасность использования жесткости конструкции БДП в узкопартийных интересах. В конкретных условиях Румынии, где основные рычаги политического воздействия (средства массовой информации и аппарат принуждения) находились под контролем РКП, возникала реальная опасность монопольной власти компартии.

Вместе с тем создание БДП резко сужало поле для маневров оппозиционных «исторических партий». Отсюда, видимо, проистекали их попытки создать свой блок, которые к сентябрю 1946 г. закончились неудачей[23]. В силу идейно-политических разногласий лидерам НЛП и НЦП не удалось выработать общей программы предвыборной борьбы, которая была бы приемлема для основной массы членов обеих партий. Анализируя ситуацию, советские дипломатические представители отмечали в сентябре 1946 г.: «...на пути создания избирательного блока двух „исторических партий“ встают весьма серьезные трудности. Основная трудность заключается в том, что рядовые члены национал-царанистской партии, выросшие отнюдь не на традициях сотрудничества с либералами — эта традиция была привилегией руководства этой партии,— а на традициях борьбы с ними, и сегодня смотрят на либералов как на своих политических противников»[24]. Фактически программе БДП противостояли манифест НЦП 1944 г., основанный на радикальных принципах доктрины аграризма, и предвыборное обращение этой партии в мае 1946 г.[25] Сравнение этих документов и программы БДП показывает большое сходство их экономических разделов, а в ряде мест программа НЦП звучала более радикально. В предвыборном документе НЦП в частности говорилось: «Право государства национализировать в нужный момент некоторые отрасли промышленности, национальный банк и некоторые кредитные учреждения является одним из главных пунктов программы национал-царанистской партии»[26]. Близость ряда важнейших программных постулатов БДП и НЦП создавала трудности для благоприятного для БДП политического выбора деревни, где влияние НЦП было традиционным. Засуха и экономический хаос в промышленности оборачивались для крестьян принудительным изъятием урожая государственными органами и острой нехваткой промышленных товаров. Ответственность за это ложилась на правительство

П. Грозы и правящую коалицию. Изменения в настроениях крестьян в пользу правительства П. Грозы, отмечавшиеся в начале 1946 г. как следствие аграрной реформы, были накануне выборов существенно ослаблены резким ухудшением общего экономического положения вплоть до голода в ряде районов страны и эффективной пропагандой НЦП возможности создания колхозов по образцу СССР *.

Правящая коалиция, и в первую очередь коммунисты и Фронт земледельцев, как наиболее устойчивые составляющие БДП, могла рассчитывать на поддержку только той части деревни, которая получила землю по аграрной реформе и в условиях катастрофической засухи надеялась лишь на помощь государства. БДП была обеспечена поддержка рабочего класса, но он составлял всего 7—8 % населения. Что касается мелких предпринимателей города и интеллигенции, то их голоса в силу низкой доли этих слоев в общей структуре населения не могли изменить итогов выборов. Большое влияние могла оказать позиция армии и нового госаппарата. В такой обстановке крестьянские голоса становились решающими. На снижение давления крестьянского фактора и был, по-видимому, направлен принятый в июле 1946 г. закон о расширении избирательных прав, которые впервые в истории Румынии предоставлялись женщинам, военнослужащим и тем категориям чиновников, которые ранее не имели избирательных прав. В результате количество избирателей увеличивалось в два раза[28], и БДП мог рассчитывать на существенную часть голосов новых избирателей.

Накануне выборов в ЦК РКП считали, что БДП может иметь 55—65 % «реальных голосов»[29]. Этого, как представлялось, хватило бы для проведения в жизнь программы БДП объединенными в нем силами. Но при наличии центробежных тенденций в БДП ** такие результаты рассматривались руководством РКП как явно недостаточные. «...Имея в блоке,— говорила в беседе с советскими дипломатами А. Паукер,— такие партии, как социал-демократов, либералов, компартия может оказаться в меньшинстве». Оказаться в меньшинстве означало для коммунистов возврат компартии на прежние периферийные позиции. Как считал один из секретарей ЦК Э. Боднараш, «нужно взять 90 %, и это будет сделано при помощи тех возможностей, которые дает избирательный закон, и некоторой „техники“». Под «техникой»

* А. Паукер рассказывала советским дипломатам 6 ноября 1946 г.: «...Нас спрашивают, будут ли колхозы? Мы отвечаем, что правительство раздало землю... выдало документы на право пользования землей и не ставит вопроса о создании колхозов. Крестьяне нам отвечают, что в России также сначала раздали землю, а потом ее отобрали, организовав колхозы. У нас нет убедительных аргументов против такого возражения крестьян»[27].

** Накануне выборов были зафиксированы контакты сторонников Татареску с представителями оппозиционных партий, которые, не исключая возможности успеха «исторических партий» на выборах, «прокладывали мосты для возможного сотрудничества»[30].

понимались специальные организационные и политические меры, направленные на снижение участия в голосовании сторонников оппозиции[31].

Предвыборная кампания продемонстрировала чрезвычайно высокий уровень противостояния и готовность сторон к использованию отнюдь не демократических методов. К выборам НЦП создавала специальные ударные бригады под командованием офицеров с целью охраны избирательных пунктов и их блокирования, вплоть до ликвидации средств связи. Коммунисты в свою очередь проводили мобилизацию всех сил. Согласно директиве генерального секретаря ЦК РКП Г. Дежа, «...до объявления результатов... все сторонники Блока останутся компактными массами вокруг избирательных участков... создадут настоящую политическую цепь для поддержания боевого духа всей концентрированной массы»[32].

Состоявшиеся 19 ноября 1946 г. выборы в парламент, по официальным данным, принесли успех БДП (71,8 % голосов). Оппозиция получила лишь 17,1 % голосов, 11 % были «оттянуты» мелкими политическими группировками[33]. Уже тогда эти данные подвергались сомнению. Так, 21 ноября 1946 г. советское посольство информировало МИД СССР о том, что американская миссия располагает списком 60 тыс. человек, не допущенных к голосованию, и более 10 тыс. протестов, а 9 декабря 1946 г.— о том, что МИД Румынии получило ноту Великобритании с отказом признать официальные результаты как «действительно представляющие волю румынского народа»[34]. Политический итог выборов заключался в том, что расчеты оппозиции на приход к власти не оправдались. Абсолютное большинство мест в парламенте было у БДП (348 из 414). Внутри БДП в соответствии с «ключом» самой крупной фракцией стали социал-демократы (77 мест), далее располагалась партия Татареску (73 места). Фронт земледельцев (71), коммунисты (68). 59 мест приходилось на более мелкие партии и группировки, входящие в Блок[35].

Но это была лишь внешняя картина. «Сильнейшей партией в парламенте,— писал советский посол С. И. Кавтарадзе,— является компартия, так как в действительности ей принадлежит абсолютное большинство голосов (204 из 379...)*. Это объясняется тем, что по спискам Фронта Плугарей (земледельцев.— *Авт.*), национально-народной партии, национально-царанистской партии (Александреску), а также и социал-демократов прошли коммунисты, формально состоящие в рядах этих партий. Это обеспечивает компартии возможность играть руководящую роль в парламенте даже вопреки голосованию депутатов других партий...»[36]

Если учитывать обстоятельство, указанное Кавтарадзе (а в его достоверности вряд ли можно сомневаться), то следует принципиально изменить оценку политических итогов выборов. Они

* Цифра 379 голосов включает мандаты и Союза венгерских трудящихся — МАДОС,— не входившего, а лишь поддерживавшего БДП.

привели к фактическому преобладанию коммунистов в высшем представительном органе власти — парламенте. Осознание этой победы повлекло за собой и переоценку ценностей и нужности Блока и сыграло в пользу экстремистских настроений внутри ЦК РКП. Идея Блока, основывающегося на политических соглашениях и социальных компромиссах, как долговременная ценностная ориентация стала считаться исчерпавшей свой потенциал. В политике коммунистов начала очерчиваться тенденция лишь тактического использования Блока, придания ему атрибутивного характера. Не располагая материалами, которые позволили бы ответить на вопрос, какие внутренние и внешние силы активизировали эту тенденцию, мы можем лишь достоверно говорить о ее наличии уже в конце 1946 г. Так, советский посол, подводя итоги развитию политической ситуации в 1946 г., писал: «...БДП носит в конце концов временный характер, и распад его под влиянием дальнейших социально-экономических сдвигов в Румынии является неизбежным. Обладая абсолютным большинством в парламенте, компартия имеет все возможности для того, чтобы сохранить за собой решающие позиции в момент перегруппировки политических сил»[37].

Возникает вопрос, почему после, казалось бы, убедительной победы Блока на выборах, после реорганизации правительства в пользу компартии*, вместо курса на политическую стабилизацию как необходимую предпосылку для осуществления программы БДП в РКП появляется ориентация на скорейшую перегруппировку сил внутри Блока? По-видимому, одной из важнейших причин этого стало несоответствие официальных итогов выборов, их политических последствий фактической расстановке социально-политических сил в обществе и уровню общественной поддержки РКП.

Анализ влияния каждой из партий, сделанный советскими дипломатами, раскрывает картину, отнюдь не идентичную официально объявленным результатам выборов. Признается, что «значительная часть крестьян, в том числе средних и бедных, голосовали за Манну». В пользу оппозиции были также отданы голоса «почти всего чиновничества, городской буржуазии и части интеллигенции»[39].

Таким образом, после выборов, в начале 1947 г. на первый план вышла неадекватность фактически монопольных позиций коммунистов в системе власти (парламент, правительство) степени их реального влияния в обществе. Понимание этого несоответствия участниками БДП не могло не порождать нестабильности Блока. В первые же месяцы после выборов обозначились подвижки внутри всех его крупных партий.

* Сохранив за собой министерства внутренних дел и юстиции, коммунисты получили министерство национальной экономики. Кроме того, как сообщал в Москву советский посол, под их фактическим, хотя и не формальным руководством, оказались военное министерство, министерства информации, земледелия, транспорта и связи[38].

Что касается РКП, то итоги выборов усилили разногласия внутри ее руководства именно по вопросу о том, как разрешить противоречие между внушительными итогами выборов конкретно для коммунистов, достигнутыми в немалой мере с помощью аппарата принуждения и пропаганды, и значительно более скромной степенью их действительного влияния в обществе. Разрешение этого противоречия упиралось в проблему преодоления экономического хаоса и голода, поразившего страну. Политически здесь возможны были два пути. Можно было идти к консолидации общества через социальные и политические компромиссы, через укрепление коалиционности власти. Но возможен был и другой вариант развития: через объединение наиболее страдавшей от экономических трудностей неимущей и малоимущей части общества, используя распространенные в этой среде требования немедленного изменения экономической ситуации путем перераспределения материальных благ и противопоставление ее держателям собственности. За первый вариант выступали практически все политические партнеры по Блоку, включая и часть руководства РКП. Носителем идеи сохранения политической коалиции в рамках Блока и проведения экономической политики, учитывающей интересы и производственный потенциал буржуазии и крестьянства в целом как класса, являлся прежде всего Л. Патрашкану. По-видимому, близкие позиции занимали тогда Г. Деж и И. Маурер [40].

Но позиция Л. Патрашкану, а также Г. Дежа и Г. Маурера в первой половине 1947 г. в атмосфере, накаленной фактом подписания мирных договоров и прояснения перспективы сохранения пребывания советских вооруженных сил в Румынии, встречала нарастающее сопротивление внутри руководства РКП *.

Уже в начале 1947 г. в руководстве компартии складывалась ситуация близкая к кризисной. Обозначилось резкое противостояние по вопросам будущего политического курса между Г. Дежем, которого поддерживал ряд высших партийных функционеров (Э. Боднараш, И. Маурер, В. Вайда, К. Стойка и др.), и группой членов Политбюро и ЦК (А. Паукер, В. Лука и др.), приехавших из Москвы и опиравшихся на поддержку советской стороны. Суть разногласий сводилась к различному пониманию экономической политики. Г. Деж и И. Маурер считали возможным, не прибегая к прямому и радикальному вмешательству государства в сферу частного предпринимательства, вести в рамках БДП курс на усиление контрольных функций государства в сфере промышленности и финансов, использовать для выхода из послевоенного экономического хаоса помощь извне, прежде всего со стороны США. Подтверждением такого курса и была предложенная Г. Дежем весной 1947 г. серия мер по реорганизации

* Позиция Л. Патрашкану была интерпретирована в руководстве РКП как неверие «в силы и возможности рабочего класса управлять экономикой и политической жизнью страны», как «отрицание руководящей роли рабочего класса»[41].

министерства промышленности и торговли. Группа А. Паукер пыталась политическими средствами блокировать предлагавшиеся мероприятия, недостаточные, по ее мнению, для концентрации экономической власти в руках коммунистов. При этом А. Паукер активно использовала благоприятный для нее в данной ситуации «советский фактор»[42].

Думается, что активизация группы А. Паукер, В. Луки и др. отражала нарастание внутри РКП устремлений немедленно реализовать доктринальные представления коммунистов о развитии революции и кардинальных преобразованиях общества. Источник этой активизации (не сбрасывая со счета побудительных импульсов из СССР) следует видеть прежде всего в той ситуации в стране, когда предпринимавшиеся новым правительством шаги не давали немедленного ощутимого результата и авторитет правительства резко падал. В апреле 1947 г. редактор независимой газеты «Тимпул» Г. Дину, характеризуя работникам советского посольства экономическое положение в стране, прямо заявил, что «оно никогда еще не было столь тяжелым, а непопулярность правительства не была так велика...»[43].

В такой обстановке среди части руководства РКП причины надвигающейся катастрофы и безрезультатность усилий предотвратить нарастание экономического хаоса все больше выводились из неэффективности курса на взаимодействие с партнерами по Блоку. Уже принятие закона о реорганизации министерства промышленности в апреле 1947 г. свидетельствовало об использовании коммунистами методов силового давления: проект был принят 155 голосами из 414 при 249 воздержавшихся[44]. Смещение акцентов в действиях коммунистов после выборов было подмечено социал-демократами, которые взаимодействовали с РКП в Едином рабочем фронте. В марте 1947 г. они стояли на грани отказа от сотрудничества[45]. Такие настроения в социал-демократии были весьма опасны для коммунистов, поскольку СДП была крупнейшей политической силой в стране. Отношения между двумя выступавшими от имени рабочего класса партиями весной 1947 г. были осложнены и стремлением группировки А. Паукер, в руках которой находилась связь с социал-демократией, к установлению монополии коммунистов в рабочем движении.

Другим важнейшим звеном, скреплявшим БДП, был представлявший все слои крестьянства Фронт земледельцев, который в 1946 г. насчитывал около 1,5 млн членов. Он мог стать реальным противовесом политическому влиянию НЦП (Маниу) не только в румынской деревне, но и в обществе в целом. Становившаяся после выборов все более четкой линия коммунистов на отказ от принципов партнерства в Блоке и использование методов силового разрешения противоречий вызывала обеспокоенность руководства Фронта земледельцев *, где нарастали разно-

* В апреле 1947 г. в советском посольстве П. Гроза говорил о прямом вмешательстве коммунистов в деятельность судебных органов, об арестах, которые проводило МВД, находившееся в руках РКП[46].

гласия по вопросу о характере партии и сомнения в самостоятельности ее политического курса. Действительно среди членов этой партии было немало лиц с двойной партийной принадлежностью, особенно в руководящих структурах. Причем это явление непрерывно нарастало, и в январе 1948 г. из 43 членов Исполкома Фронта 30 были членами компартии [47].

Активизация коммунистов и их сторонников внутри Фронта, выступавших за превращение его в политическую организацию только «трудовой части крестьянства» *, с одной стороны, и попытки актива Фронта сохранить общекрестьянский характер партии и проводить равноправную, самостоятельную политику в Блоке — с другой, вылились в острый внутрипартийный кризис. Он был разрешен уже не методами политических дискуссий и компромиссов, а административными мерами, направленными на пресечение политической деятельности представителей крестьянства. Против главных товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции последовали экономические санкции: сельская кооперация была ориентирована на обслуживание «только батраков и тех крестьян, которые обрабатывают землю самостоятельно» [49].

В итоге акции по «очищению» Фронта земледельцев эта партия не только сократилась на 400 тыс. человек [50], но и (что было принципиально важно для коммунистов) изменилась качественно, утратив характер организации, представлявшей интересы крестьянства как особого социального субъекта. Фактически Фронт земледельцев трансформировался в аналог компартии, который был к ней политически привязан и призван действовать в деревне. Это был принципиальный момент в процессе трансформации послевоенной плюралистической партийно-политической системы Румынии при продвижении коммунистов к монополии власти.

Уже с весны 1947 г. реальной силой в Блоке, которая могла оспаривать претензии РКП на полноту власти, оставались только национал-либералы Татареску. Они имели прямые выходы на королевский двор и на оппозиционные «исторические партии», все еще сохранявшие влияние в тех кругах общества, которые рассчитывали с уходом Советской Армии добиться принципиального поворота во внутренней и внешней политике страны и переориентации Румынии на союз с Западом.

Выборы в парламент (74 мандата из 414), важные позиции НЛП (Татареску) в правительстве (посты заместителя премьера, министров иностранных дел, финансов, общественных работ и культов) [51] свидетельствовали о том, что эта партия представляла собой серьезную политическую силу. Документальные материа-

* Советское посольство сообщало: «Это был новый курс, курс на раскол деревни с целью установления прочного союза с трудовым крестьянством при изоляции кулака и при руководящей роли рабочего класса в этом союзе...» [48].

лы показывают, что НЛП и ее лидер Татареску в апреле 1947 г. не имели намерений выходить из правительства и Блока[52]. Но вместе с тем отчетливо прослеживалась обеспокоенность Татареску развитием внутренней ситуации в Румынии после выборов 1946 г. и особенно после заключения мирных договоров (февраль 1947 г.). Его внимание сосредоточивалось прежде всего на экономических проблемах. Жестко критиковались конкретные мероприятия Г. Дежа в качестве министра национальной экономики и особенно введение отраслевых промышленных управлений. Эта акция ограничивала самостоятельность каждого предприятия и вела к централизации управления экономикой. В «Памятной записке» (май 1947 г.) Татареску оценил ее как «медленный, но непрерывный процесс национализации» и отстаивал ранее согласованную в рамках Блока политику выхода из экономического хаоса, «расковывая частную инициативу». Особое беспокойство Татареску в новых условиях вызывала нараставшая односторонняя ориентация на экономические связи с СССР и малая компетентность экономических ведомств нового правительства[53].

Записка Татареску была воспринята и в Блоке и в РКП неоднозначно. Л. Патрашкану, сторонник взаимодействия с партнерами по БДП, опираясь на свои впечатления от беседы с автором, увидел в ней лишь желание либералов «взять в свои руки руководство экономическими министерствами» и не более[54]. Эти выводы Л. Патрашкану в главном перекликались с заключениями западной печати. Корреспондент агентства Рейтер в Румынии Н. Петрашку заявил в советском посольстве, что «...все слухи, распространяемые прессой по поводу возможного выхода Татареску из Блока демократических партий, безусловно, инспирированы самим Татареску, который пытается таким образом запугать коммунистов и русских возможностью своей отставки из правительства. В действительности же Татареску менее всего помышляет сейчас о выходе из правительства и прилагает все усилия к тому, чтобы как можно сильнее укрепить свои позиции в нем»[55].

По-иному была истолкована «Памятная записка» Татареску П. Грозой, который увидел в его действиях стремление «свергнуть нас»[56]. Можно предположить, что записка Татареску вызвала негативную реакцию и части руководства РКП. Болгарский посланник в Румынии, бывший деятель Коминтерна Д. Ганев, близкий идейно-политически к группе А. Паукер и В. Луки, считал, что этот документ составлен в расчете на активизацию «королевского фактора» в политической борьбе, которая развернется после ухода советских войск. В условиях ослабления советской поддержки коммунистов появится перспектива переориентации страны, и король сможет использовать свое конституционное право отставки правительства П. Грозы. Как считал Ганев, для Татареску такой документ мог быть в нужный момент доказательством его несогласия с политикой правительства[57].

Столь разные подходы к оценке «Памятной записки», по-видимому, являлись свидетельством того, что объективные возможности для продолжения взаимодействия различных социально-политических сил, представленных в Блоке, еще не были исчерпаны. Это подтверждается и разработкой руководством РКП (скорее всего группой, ориентировавшейся на Г. Дежа) «Предложений коммунистической партии по улучшению экономического и финансового положения страны», которые были представлены Совету министров 14 июня 1947 г. Суть их сводилась к стабилизации финансов через денежную реформу, усилению госконтроля за расходованием средств и новой налоговой политике, стимулирующей развитие производства. Этот документ был принят в Совете министров всеми партнерами по Блоку, в том числе и либералами Татареску, печать которых отмечала, что основные положения документа полностью соответствуют принципам платформы БДП [58].

Попытка Г. Дежа вернуться к реализации предвыборной программы БДП летом 1947 г. была весьма критично воспринята частью руководства РКП как не затрагивавшая основных позиций буржуазии. «...Принятие этой программы не является успехом или победой РКП, а скорее наоборот... Программа, предложенная Дежем, является выражением неуверенности, робости и боязни взяться за главные вопросы и отражает колебания и отсутствие ясной перспективы и плана на будущее»[59],— так, информируя советское посольство о ситуации в стране, характеризовал инициативу Г. Дежа уже упоминавшийся Д. Ганев. Можно предположить, что в его высказываниях находила отражение позиция левых радикалов в ЦК РКП.

Вместо ориентации на взаимодействие социально-политических сил в Блоке и привлечение иностранной помощи как с Востока, так и с Запада Ганев «дружески» рекомендовал Дежу изменить курс и приступить к реализации программы, которая должна быть направлена «под каким-либо благовидным предлогом» на национализацию капиталов буржуазии, чтобы «взять в свои руки командные высоты в экономике». В области политики прямо предлагалось «ударить по оппозиции в целях ликвидации ее головки... использовать несомненно существующую связь между скрытыми террористическими и заговорщическими организациями и руководством оппозиции... После разгрома оппозиции решить вопрос о Татареску, так как сейчас его уход из правительства значил бы усиление реакции»[60]. Случайными ли были эти предложения Г. Дежу? Представляется, что нет. Тональность беседы Д. Ганева в советском посольстве 1 июля 1947 г. напоминает скорее отчет, чем обмен мнениями.

К тому времени международно-правовое положение Румынии принципиально изменилось. С подписанием мирных договоров восстанавливалось ее право быть субъектом в международных отношениях. В условиях уже набравшего к лету 1947 г. заметную силу противостояния СССР и США для СССР и румынских

коммунистов прорисовывалась как весьма возможная перспектива использования оппонентами коммунистов предложений США об экономической помощи по плану Маршалла для перехвата политической инициативы. Предотвратить это коммунисты могли только противопоставив иной вариант возрождения Румынии и скомпрометировав политически возможных сторонников плана Маршалла.

В начале лета 1947 г. в руководстве РКП (можно предположить, что не без импульса извне) обрисовался замысел упреждающего действия. Он был рассчитан как на ликвидацию политической оппозиции «исторических партий», так и на дискредитацию партнеров по БДП, которых нельзя было трансформировать «на классовой основе», подобно Фронту земледельцев. Руководство РКП, особенно его леворадикальное крыло, рассчитывало на поддержку той части общества, которая сильно страдала от экономического хаоса и находилась на грани голода. На иссякавшее терпение масс и был рассчитан план, обещавший быстрое изменение ситуации к лучшему.

Отнюдь не случайным в нем был и акцент на существование в стране террористических и заговорщических сил. К середине 1947 г. стало заметно усиление политического влияния «исторических партий» за счет все большего притока в них ранее служивших режиму Антонеску офицерства и нижних армейских чинов, уволенных в ходе антифашистских чисток 1946 г. в «неиспользуемый резерв». Чистки во многом усилили негативное отношение офицерства к правительству П. Грозы. Складывание ориентированного на НЦП военного «заплечья» нашло свое выражение в существовании, по сведениям СКК, в середине 1947 г. четырех подпольных офицерских организаций («Общество бывших воинов», «Партия военных, переведенных в неиспользуемые кадры», группа контр-адмирала Романа и группа генерала Алдя). К сожалению, мы не располагаем данными, подтверждающими эти сведения. Но СКК в Румынии в мае 1947 г. сообщала Вышинскому, что руководство НЦП стремится сконцентрировать в партии силы, которые бы «взяли на себя руководство восставшим народом против существующего режима». Органы госбезопасности Румынии констатировали реальность угрозы «для государства и настоящего режима» и отсутствие успехов в борьбе с офицерским подпольем[61].

Даже если принять на веру эти утверждения, то можно усомниться в возможности свержения правительства П. Грозы силами военного подполья: по условиям мирного договора с Румынией и с согласия западных держав СССР сохранил право на свое военное присутствие (для поддержания коммуникаций с советской зоной оккупации Австрии) и войска были выведены лишь в 1958 г.[62] В таких условиях силы сторон были несопоставимы, и любая попытка военного переворота была обречена на провал. Но версия о существовании военного подполья, даже минимального, дала в руки коммунистам политический козырь, ис-

пользованный ими для создания представления об интенсивно идущем складывании противостоящей БДП коалиции, включавшей в себя «исторические партии», различного рода военные организации и правых социал-демократов (К. Титель-Петреску). Увязывание в один узел разных политических сил, в том числе и тех, кто являлся прямой опорой режима Антонеску, было направлено на дискредитацию отнюдь не «исторических партий»[63]. Основной мишенью должна была стать НЛП и ее лидер Татареску. Поэтому не случайно на судебном процессе по поводу так называемого заговора Маниу (29 октября — 10 ноября 1947 г.) из 19 обвиняемых семь были сотрудниками МИД, который возглавлял Татареску, и, следовательно, на нем лежала морально-политическая ответственность за деятельность последних[64]. Именно это и было использовано как повод для удаления 6 ноября 1947 г. министров от НЛП (Татареску) из состава правительства. Ведущие из освободившихся в нем мест заняли коммунисты — А. Паукер (МИД) и В. Лука (министр финансов). А. Вишоли, член ЦК РКП, возглавил Национальный банк.

В результате устранения «исторических партий» и НЛП (Татареску) из активной политической жизни силовыми методами доля коммунистов в системе власти стремительно поднялась. Отречение короля в таких условиях становилось предрешенным и состоялось в декабре 1947 г. На пути к политической монополии коммунистов были устранены наиболее трудно преодолимые препятствия. Возникает вопрос, почему румынским коммунистам, не имевшим глубоких корней в обществе, удалось в 1947 г., через три года после легализации партии, «опрокинуть» главные политические силы, имевшие многолетние традиции в румынском обществе? Почему в стране, как свидетельствуют документы, не последовало «абсолютно никакой антиправительственной реакции»[65] на их удаление из политических структур?

Отвечая на этот вопрос, нельзя недооценивать воздействие такого мощного международного фактора, как перемещение Румынии в сферу советского влияния (что в полной мере использовалось советской стороной) и сохранение на основе международных соглашений присутствия в Румынии советских войск, являвшихся «классовым союзником» коммунистов. Но было бы неправильным видеть причины только в этом. При всей значимости для страны воздействия внешнего фактора нельзя игнорировать расширения социальной опоры РКП и политико-психологического состояния румынского общества. В нем не исчезли внутренние социально-политические и иные различия, но общим знаменателем все больше становилась общественная усталость, накапливавшаяся под воздействием достигших апогея к весне 1947 г. экономического хаоса, голода и инфляции, а также перманентного политического противостояния. Все это оказывало воздействие на усиление индифферентности части населения

к политике, что и было замечено современниками. Так, западные наблюдатели констатировали, что решение о роспуске НЦП — партии традиционно влиятельной в Румынии — не вызвало сколько-нибудь серьезного отклика в обществе. Главную причину этого они усматривали в том, что население «слишком поглощено своими материальными нуждами, вследствие чего его интерес к политическим событиям значительно понижен»[66].

В таких условиях конкретные предложения коммунистов по скорому выходу из экономического тупика посредством усиления роли государства, с которым в массовом сознании ассоциировались пресечение экономического саботажа и выполнение социально справедливых программ, получали резонанс в обнищавших низах общества, которые как правило шли за лидером или за небольшой группой активных политиков. Именно таковым являлось руководство РКП.

К началу лета 1947 г. в пользу правительства П. Грозы (и коммунистов) уже стал работать и тот факт, что страна прошла критическую точку продовольственного кризиса, голод начал отступать (в том числе и благодаря поставкам зерна из СССР), а виды на новый урожай представлялись весьма неплохими. При этом следует отметить, что коммунисты, односторонне интерпретируя план Маршалла прежде всего как покушение на национальный суверенитет Румынии и сыграв на факте советских поставок в этот период (было поставлено 0,5 млн т. зерна), сумели повлиять на умонастроения в обществе. Негативное отношение правительства к плану Маршалла вызвало в стране волну «приветствий и сочувствия правительству за сделанный им решительный шаг»[67]. Сторонники принятия плана Маршалла были деморализованы крушением расчетов на помощь и на сохранение устойчивых экономических и политических связей Румынии с Западом, а также распадом НЦП и позднее НЛП.

Таким образом, в послевоенной истории Румынии вторая половина 1947 г. стала тем качественным рубежом, который свидетельствовал об утрате обществом декларированной в 1945 г. альтернативы развития на основе широкого блока социально-политических сил: от либералов до леворадикального крыла рабочего движения — коммунистов. Обществу теперь коммунистами предлагалась программа развития на базе не общенациональных, а классовых приоритетов, которая все еще трактовалась как дальнейшее строительство новой демократии[68].

В Венгрии, как и в Румынии, основная линия противостояния проходила между сторонниками западной демократии и рабочими партиями, предлагавшими разные пути движения к организации общества на социалистических принципах. К лету 1945 г. на политическую авансцену в качестве сильнейшей выдвинулась ПМСХ, претендовавшая на роль ведущей общенациональной силы. Ориентация на нее значительной части общества: от крестьянства (что было традиционно) до различных группи-

ровок буржуазии* и средних городских слоев,— подтверждала реальность таких претензий. Второй активной силой были рабочие партии, где в середине 1945 г. достаточно четко обозначились консолидационные тенденции**, о чем свидетельствовали решения конференции ВКП (май) и съезда СДП (август)[71].

Сотрудничество или противостояние ПМСХ и рабочих партий во многом и должно было определять направление общественного развития. К лету 1945 г., когда в Венгрии полным ходом шла аграрная реформа как одна из важнейших основ демократизации общественного переустройства, а перед страной в качестве первостепенной общенациональной задачи выдвинулись проблемы преодоления нараставшей экономической разрухи, принцип паритета, положенный в основу антифашистской коалиции и Временного правительства, становился источником напряженности. Паритет не отражал степени реальной поддержки ПМСХ и рабочих партий в обществе и вызывал неустойчивость власти. Назначенные на осень 1945 г. выборы в парламент могли или устранить эту неустойчивость через преобладание одной из двух вышеназванных политических сил, или придать легитимные формы и наполнить реальным содержанием паритет представительства.

Своеобразным ограничителем все больше проявлявшейся неустойчивости власти при решении экономических задач выступал внешнеполитический фактор — Союзная контрольная комиссия. Именно она сыграла решающую роль в принятии 15 марта 1945 г. декрета о земельной реформе и его оперативном проведении в жизнь. Имела место «предварительная обработка руководством СКК представителей каждой партии и отдельных министров прежде, чем декрет был принят...» и потребовалось «самое активное вмешательство СКК в дело практического осуществления декрета о земельной реформе с тем, чтобы обеспечить ее проведение в полтора месяца с момента принятия декрета»,— сообщали советские представители в СКК[72]. Эта — третья — взаимодействующая была призвана «регулировать и следить за выполнением условий перемирия»[73]. Поскольку в соответствии с соглашением великих держав решающие позиции в СКК занимали советские представители, то и влияние СССР на конкретные внутренние процессы превышало возможности западных партнеров. Наличие такого мощного фактора, обращенного лицом к рабочим партиям (прежде всего к ВКП) и лишь в профиль к ПМСХ, ограничивало пределы возможных конфронтаций как со

* Консервативно-клерикальные круги предпринимателей, помещиков и высшей католической олигархии, добивавшиеся сохранения монархии и отрицавшие необходимость общественных реформ, организационно-политически не были оформлены. Они влияли на ситуацию в стране через крайне правый флаг ПМСХ[69].

** Однако эти тенденции были неустойчивыми. Осенью 1945 г. при подготовке к муниципальным выборам актив социал-демократической партии открыто высказался против избирательного блока с коммунистами. Только позднее ЦК партии вопреки этому решению большинством голосов принял предложение коммунистов о блоке[70].

стороны ПМСХ и особенно ее правого крыла, так и со стороны ВКП.

Как свидетельствуют документы, деятельность СКК и советских дипломатов в Венгрии уменьшали вероятность чрезвычайно опасных леворадикальных «выбросов» в ВКП[74]. Это наглядно проявилось в столь решающий момент, как подготовка к муниципальным и парламентским выборам осенью 1945 г. Правильно определив, что «необходимой предпосылкой восстановления хозяйственной жизни является включение капитала в производство»[75], ВКП разработала «План восстановления народного хозяйства Венгрии». Подтвердив положения Дебреценской программы и сделав акцент на необходимости введения государственного управления хозяйством, на установлении государственного контроля за деятельностью предпринимателей, на осуществлении национализации нерентабельных отраслей, коммунисты придали этим требованиям иную, по сравнению с Дебреценской программой, мотивировку, рассматривая их как важнейшие шаги по спасению страны от разрухи и экономического кризиса объединенными усилиями всей нации.

Но в политической сфере руководство ВКП взяло прямо противоположный курс. Стремясь «обеспечить бо́льшую роль рабочему классу и коммунистической партии в национальной жизни через активное участие в восстановлении экономики»[76], ЦК ВКП отказался от политического взаимодействия с ПМСХ, сделав ставку на блок только с СДП, программа которой во многом перекликалась с экономическими постулатами коммунистов[77].

Нежелание рабочих партий взаимодействовать с ПМСХ во многом основывалось на настроениях рабочего класса, установившего через фабзавкомы свой контроль на предприятиях и не скрывавшего намерений добиваться экспроприации заводов и фабрик. Столь радикальные настроения рабочих вызывали критическую реакцию руководства ВКП, но тем не менее они влияли на позиции и ВКП, и СДП[78].

Эти настроения оказывали прямое воздействие и на политические симпатии непролетарской части города, направляя их к ПМСХ. Муниципальные выборы в Будапеште (октябрь 1945 г.), где ПМСХ получила 51 % голосов, а рабочие партии чуть более 42 %, свидетельствовали, что обособление рабочего класса грозит оттеснением его представителей на периферию политической жизни. Советские дипломаты расценили проигрыш рабочими партиями муниципальных выборов в Будапеште как свидетельство разочарования коммунистами и социал-демократами и констатировали: после будапештских выборов «руководители других партий игнорировали коммунистов»[79].

Таким образом, уже осенью 1945 г. руководство ВКП во главе с М. Ракоши попыталось сделать превалирующими в своем политическом курсе классовые подходы, и на их основе возглавить решение общенациональных экономических задач. Но результаты муниципальных выборов показали, что общество этого не приняло.

Советский посланник Г. М. Пушкин дал резко критическую оценку действиям ВКП осенью 1945 г.: «Компартия Венгрии отошла от общей линии, принятой в Югославии, Болгарии, Румынии и Финляндии, где были созданы избирательные блоки демократических партий. Такой блок, полностью соответствовавший нашей политике, формально существовал до муниципальных выборов в Венгрии. Однако в период избирательной кампании коммунисты широкому блоку демократических сил предпочли избирательный блок только с социал-демократами... Компартия могла добиться укрепления своих позиций в правительстве и своего влияния в политической жизни только путем блока с массовыми демократическими партиями. К этому ее обязывали весьма серьезные задачи, стоявшие перед Венгрией по дальнейшей демократизации страны, по восстановлению экономики и расстроенных финансов. С такими задачами мог справиться только блок демократических партий, организованный на мирной основе, то есть блок коммунистов не только с социал-демократией, но и с национально-крестьянской партией и обязательно с независимой ПМСХ как самой влиятельной партией в стране»[80].

Классовые акценты в политическом курсе ВКП были замечены лидерами ПМСХ. Не случайно выдвинутая СДП после муниципальных выборов и после провала попыток создать избирательный блок сначала четырех, а затем семи партий идея отложить выборы в парламент до мая 1946 г. получила сильную поддержку со стороны ПМСХ, а также английских и американских представителей в СКК[81]. За этим крылся прагматический расчет: ставка делалась на то, что правительство не справится с экономической ситуацией, ответственность же за катастрофу разделят две силы: СССР как держава, возглавлявшая СКК, и ВКП как один из авторов программы этого правительства.

Советская сторона, уловив смысл и политическую опасность отсрочки выборов, использовала свои полномочия как лидер СКК и предотвратила перенос выборов на май 1946 г., добилась соглашения четырех партий, входивших в Венгерский национальный фронт независимости (ВНФН) относительно сотрудничества на основе общей программы действий. Договоренность состояла в том, что, хотя партии и будут выступать на выборах с самостоятельными списками, но независимо от исхода голосования будет создано коалиционное правительство.

Предварительное решение проблемы расстановки политических сил после выборов блокировало возможность ПМСХ использовать свою вероятную победу для того, чтобы влиять на направление общественных процессов. Вопрос об альтернативе дальнейшего развития оставался, таким образом, открытым. Поэтому победа ПМСХ в ноябре 1945 г., когда она получила 243 мандата из 420 (ВКП — 70 мандатов, социал-демократы — 69, национально-крестьянская партия — 23, прочие — 15 мандатов[82]), лишь на первый взгляд открывала путь к реализации либеральной альтернативы. В действительности же эта партия

объективно оказалась перед невозможностью реализовать свой успех в полной мере. Газета «Мадьяр немзет» весьма язвительно подвела итог выборов: «Партия мелких сельских хозяев выиграла в лотерею слона, но не решается ввести его в свой дом»[83].

Лидерам ПМСХ приходилось считаться с рядом принципиально важных внутри- и внешнеполитических факторов. Предпринимательские и помещичьи круги, группировавшиеся вокруг правого фланга ПМСХ и отдавшие этой партии голоса на выборах, начали весьма интенсивно добиваться разрушения существовавшей коалиции и оттеснения рабочих партий на политическую периферию. Они надеялись прервать демократические преобразования, ревизовать проведенную аграрную реформу, не допустить ликвидации крупной собственности и сохранить монархию. Такие устремления правого фланга ПМСХ, действовавшего (в отличие от ситуации в Румынии) внутри партии, представляли угрозу даже для сторонников либеральной альтернативы, поскольку противопоставляли их основной части массовой базы ПМСХ — крестьянству, а также политическим партнерам по правительственной коалиции.

Немаловажную роль в снижении значения победы ПМСХ сыграло и то, что за выборами не последовало изменения расстановки сил в национальных комитетах в соответствии с их результатами. Национальные комитеты, создание которых было выражением инициативы снизу, и после формирования административного аппарата продолжали быть органами прямой демократии[84].

Не позволял политически развивать успех, достигнутый ПМСХ на выборах, и международный фактор, отсутствие мирного договора, а значит и ограничение государственного суверенитета контролем СКК. В этом отдавали себе отчет лидеры ПМСХ. В интервью газете «Дейли Телеграф энд Морнинг пост» генеральный секретарь ПМСХ И. Балог в ответ на вопрос корреспондента, почему ПМСХ, располагая абсолютным большинством в парламенте, продолжает сохранять коалицию с коммунистами, пояснил: «Если Вы играете в покер с другим человеком и знаете, что он мошенничает, я все же посоветую вам играть с ним, если в дверях стоит внушительная фигура человека с ружьем»[85]. Не снижая роли «человека с ружьем», думается, что Балог в своей оценке ситуации в значительной мере абстрагировался как от активного функционирования именно в это время органов прямой демократии на местах, так и от радикальных настроений рабочего класса. О невозможности перечеркивать внутренний фактор говорили итоги выборов. Недавно вышедшая из подполья ВКП получила 17 % голосов, причем более трети — в деревне, которая традиционно являлась оплотом ПМСХ. Показательно и то, что в стране не оказалось ни одного избирательного округа, где бы компартия не получила хотя бы одного мандата. Что касается социал-демократии, то выборы показали значительное усиление ее влияния. Так же, как и ВКП, СДП набрала 17 %

голосов. Выборы вместе с тем свидетельствовали о весьма скромном месте НКП, которая собрала немногим более 6 % голосов[86]. Что касается ПМСХ, то стало совершенно очевидно, что эта ведущая партия располагала влиянием как в городе, так и в деревне.

Таким образом, выборы отразили объективную расстановку политических сил в обществе и свидетельствовали, что именно либерально-демократическая ориентация была тогда превалирующей. В этих условиях лидеры ПМСХ сочли достаточной концентрацию в своих руках 50 % мест в правительстве, получив ключевые, прежде всего экономические министерства, а также МИД и информацию. За коммунистами же, и то только под давлением СКК, был сохранен пост министра внутренних дел, а представители рабочих партий М. Ракоши (ВКП) и А. Сакашич (СДП) стали вице-премьерами вопреки намерениям руководства ПМСХ отвести им роль министров без портфелей[87]. Расстановка сил в правительстве показывала, что ПМСХ брала на себя ответственность за определение путей развития венгерской демократии, и прежде всего за решение общенациональных задач. В таком распределении ролей просматривалась тенденция к оттеснению рабочих партий (в первую очередь ВКП) от воздействия на экономическую политику государства.

Эта неблагоприятная для коммунистов тенденция была немедленно «уловлена» советским руководством СКК. Для ее нейтрализации по совету СКК был создан наделенный особыми правами Высший экономический совет (ВЭС), призванный оперативно решать самые неотложные экономические задачи. В его состав были введены представители всех партий ВНФН, но в принципиально ином соотношении, чем в правительстве. Хотя ВЭС и возглавлял премьер-министр З. Тильди, но ему могли противостоять три коммуниста (М. Ракоши, Э. Гере, З. Ваш) и два социал-демократа (А. Сакашич, А. Бан). Как считали советские дипломаты, «ВЭС заменил собой венгерское правительство и обеспечил оперативное решение всех основных вопросов, связанных с восстановлением страны...»[88]. Представляется, что такая оценка роли ВЭС не соответствовала реальной ситуации. Попытка через ВЭС сузить пространство для действий частной инициативы вызвала сопротивление руководства ПМСХ, добивавшегося роспуска ВЭС. Поэтому не случайно весной 1946 г. в состав ВЭС были введены еще два министра от ПМСХ (снабжения и финансов). Нарушенное вмешательством СКК равновесие сил в пользу ВКП было таким образом восстановлено.

Маневры вокруг ВЭС разворачивались на фоне весьма неоднозначной реакции рабочего класса на результаты выборов осенью 1945 г. Уже 21 ноября 1945 г. правительство получило меморандум делегации, представлявшей Совет профсоюзов, с требованиями национализации шахт, электростанций, банков и крупных промышленных предприятий. Предложения Совета профсоюзов были поддержаны СДП и НКП, полностью солида-

ризировавшимися со всеми требованиями рабочего класса[89]. Часть рабочих требовала, чтобы партии, выступавшие от их имени, и в первую очередь ВКП перешли в оппозицию. Политика сотрудничества различных политических сил в рамках ВНФН отвергалась и частью партийного актива ВКП. Среди кадровых коммунистов, прошедших «школу» Венгерской советской республики и Коминтерна, весьма распространенным было стремление к немедленному установлению диктатуры пролетариата по образцу 1919 г.[90]

Возникала угроза, что «левое ребячество в коммунизме» может получить весомую поддержку снизу. В Венгрии (как и в Балканских странах) не было прочных традиций парламентской демократии и широко распространенным был тип социальной психологии, сложившейся при авторитарном режиме. В условиях хозяйственной разрухи и обострявшейся социальной напряженности распространение леворадикальных настроений становилось весьма реальным. Именно об этом свидетельствовало превращение ВКП, где левый радикализм имел свою политическую нишу, в массовую легальную организацию.

Что касается правого радикализма, то хотя результаты выборов и привели к активизации правых сил вплоть до проведения профашистских манифестаций и целенаправленного наступления бывших помещиков на аграрную реформу, путь его носителям к власти был прочно перекрыт соглашениями «большой тройки», деятельностью СКК и массовым протестом в деревне против масштабно развернутой ревизии аграрной реформы. Борьба за сохранение полученной по аграрной реформе земли, поддерживавшаяся рабочим классом, вызвала усиление центра и консолидацию внутренней поддержки правых сил.

Итак, зимой — весной 1946 г. в Венгрии с достаточной четкостью проявились весьма неоднозначные общественные процессы. Видимо, именно как реакцию на активизацию оппозиционных коалиции сил следует рассматривать введение 1 февраля 1946 г. республиканской формы государственного устройства, утверждение на пост премьера лидера центра ПМСХ Ф. Надя и сохранение паритета между ПМСХ и левым крылом правительственной коалиции. Оживление на правом политическом фланге после выборов 1945 г. повлекло за собой консолидацию левых сил и организационное закрепление этой консолидации путем создания в марте 1946 г. Левого блока трех партий ВНФН — коммунистов, социал-демократов и НКП — и Совета профсоюзов[91]. Блок выступил со своей программой. Основные ее требования сводились к сохранению коалиции при условии вытеснения из ПМСХ, как ее наиболее крупной силы, оппозиционных коалиции элементов, очищения от них органов управления при непременном участии профсоюзов. Предлагалось передать государству наряду с угольными шахтами бокситовые рудники и нефтяные скважины, часть предприятий тяжелой промышленности, а также установить контроль над банками. С особой остротой был

поставлен вопрос о недопустимости ревизии аграрной реформы и доведении ее до конца [92]. Таким образом, представленная программа, не выходя за рамки традиционных демократических преобразований, была сориентирована в основном на защиту интересов социально уязвимой части общества. Ее выдвижение от имени Левого блока было реальным предложением обществу иной, народно-демократической альтернативы.

Руководство ПМСХ и глава правительства Ф. Надь вынуждены были под давлением массовых выступлений рабочих и крестьян и под воздействием левого крыла в ПМСХ (лидеры — Д. Ортутаи и И. Доби) принять предложения Левого блока [93]. Ф. Надь признал наличие в рядах своей партии оппозиционной группы политиков и выразил готовность удалить их из руководства ПМСХ и муниципального совета Будапешта. Он дал согласие на чистку и сокращение государственного аппарата на 50 %. Особо следует отметить принятие всего пакета экономических требований Левого блока.

В документе, направленном Ф. Надем Левому блоку, категорически заявлялось о том, что ПМСХ «не допустит ревизии земельной реформы и примет меры к укреплению вновь созданных крестьянских хозяйств». Принципиально важным было следующее признание Ф. Надя: «...Моя партия полностью принимает программу ВНФН и естественно согласна немедленно осуществлять ее вместе с другими партиями коалиции» [94].

Осознание необходимости взаимодействия с ПМСХ продемонстрировали и партии Левого блока, обратившись с открытым письмом к ПМСХ, где говорилось, что «экономическое восстановление невозможно без крестьянских масс ПМСХ, без рабочих и крестьянских масс Левого блока» [95].

Таким образом, весной 1946 г. обозначилась тенденция преодоления партиями Левого блока состояния депрессии, возникшего после выборов 1945 г., и проявлений левого радикализма в политическом курсе коммунистов. Налицо было стремление привести в некое равновесие соотношение политических сил на основе ориентированной на интересы широких социально разнородных слоев демократической альтернативы развития. В рамках этой альтернативы правительством была проведена серия мер по стабилизации экономики и оздоровлению финансов [96].

Между тем в ПМСХ наметилось явное изменение политического курса. Лидеры ПМСХ — З. Тильди, Ф. Надь, В. Ковач, представлявшие центр, предприняли попытку, оставаясь в рамках коалиции, «замкнуть на себя» выполнение программы правительства. Они поставили задачу консолидировать общество на основе аграристского варианта демократии, скорректировав партийную программу в духе положений основного документа ПМСХ, принятого в 1936 г. и сориентированного на решение общедемократических задач и удовлетворение интересов прежде всего крестьянина-собственника.

Суть их предложений сводилась к сохранению парламентской демократии, принципа свободной конкуренции при ограничении крупной частной собственности рамками, предусмотренными программой ВНФН. Не отрицая необходимости сохранить коалиционную власть, лидеры ПМСХ выступали за различные ее варианты. Тильди считал, что у власти может находиться коалиция крестьянских и рабочих партий, но руководящая роль должна, безусловно, принадлежать крестьянству. Надь допускал возможность включения в коалицию представителей городских собственников, но при гегемонии имущего крестьянства. Ковач тоже выступал за демократию аграрного типа, но в тактике занимал более сдержанные позиции[97]. В ПМСХ были и те, кто принимал коалицию лишь как переходный этап, за которым последует ее ликвидация и ответственность за судьбу страны возьмет на себя одна партия. «Мы, члены ПМСХ,— говорил статс-секретарь канцелярии премьер-министра И. Балог,— часто чувствуем, что, не преуменьшая значения какой-либо другой партии, мы являемся целой нацией, целой страной»[98]. Корректировка программы означала, что центристское руководство ПМСХ шло на явное размежевание с теми кругами в партии, которые выступали против уступок Левому блоку. Тем самым становилось вероятным оформление справа оппозиционных правящей коалиции сил как самостоятельного политического фактора.

Таким образом, ко второй половине 1946 г. венгерскому обществу были предложены две наиболее четко просматривавшиеся концепции дальнейшего развития: народно-демократическая, фактически сформулированная в программе Левого блока, и вариативная аграристская, предлагавшаяся центром ПМСХ. С этого времени развитие общественных процессов в Венгрии стало сопоставимым с ситуацией в Польше и Болгарии, где главное сопротивление продвижению коммунистов к монопольной власти оказало политически организованное крестьянское движение. Здесь обозначилось и принципиальное отличие от ситуации в Румынии, где не выкристаллизовался и не оформился политически крестьянский вариант борьбы за демократию.

В середине 1946 г. центристские лидеры ПМСХ предприняли попытку реализовать свою концепцию, добиваясь перераспределения представительства в правительстве * и органах власти на местах в соответствии с результатами выборов 1945 г. Не исключалась как метод воздействия на Левый блок и организация правительственного кризиса. Предотвращение такого развития событий взяло на себя советское руководство СКК: «На межпартийном совещании, состоявшемся у президента Тильди, партии не без нашего влияния пришли к соглашению. ПМСХ снимает свои требования, Ф. Надь в отставку не подает, а все четыре партии

* Как сообщали советские дипломаты, лидеров ПМСХ на такие действия вдохновляли западные партнеры СССР, и прежде всего англичане, которые «подбивали руководителей ПМСХ к разрыву с коммунистами и советовали даже создать однопартийное правительство»[99].

публикуют совместное заявление, где подчеркивают, что никакого кризиса в коалиции нет»[100]. Вместо своего однопартийного правительства ПМСХ получила некоторое усиление позиций в местных органах власти. Но тем не менее при внешне спокойном разрешении ситуации этот кризис в коалиции имел далеко идущие последствия: в советских дипломатических кругах угроза кризиса коалиции резко усилила настороженность в отношении ПМСХ, которую напрямую стали отождествлять с реакцией, недооценивая шедшего в ней политического размежевания. Акцентирование руководством ПМСХ аграристских основ ее программы было истолковано лишь как стремление «активизировать работу по объединению под своим руководством всего крестьянства, по ликвидации Национально-крестьянской партии, по созданию единой мощной крестьянской организации, которую впоследствии можно было бы противопоставить городу и рабочим партиям»[101].

Между тем программа Левого блока, итоги мартовского политического противостояния, летний правительственный кризис и результаты проведенных к осени 1946 г. экономических преобразований * вызвали у части рабочего класса определенное разочарование: все чаще ставился вопрос о том, что венгерский рабочий класс в своей борьбе за революцию отстает от соседних стран региона. Оживились экстремистские настроения и в ВКП, что проявлялось в предложениях об объединении с социал-демократией, в ограничении роли социал-демократов в органах милиции, безопасности, в профсоюзах[103]. Это, естественно, вело к ослаблению сотрудничества рабочих партий. Социал-демократы обоснованно увидели в подобных предложениях угрозу поглощения своей партии коммунистами.

В такой опасной для сохранения коалиции ситуации руководство ВКП сформулировало программу действий, которая гарантировала устойчивое место мелкого собственника в реформированных структурах и одновременно сдерживала возможность превращения левого радикализма в тенденцию, определяющую общественное развитие.

III съезд ВКП, состоявшийся 28 сентября — 1 октября 1946 г., показал, что часть руководства этой партии осознала опасность для коммунистов противопоставления леворадикальных решений программе ПМСХ, предложившей реконструкцию общества на демократических принципах доктрины аграризма. Даже наибо-

* К этому времени удалось провести денежную реформу, стабилизировать валюту, упорядочить снабжение населения, что создавало предпосылки для регламентации частного капитала через систему налогов и кредита. Но вместе с тем развернулась затяжная борьба по вопросу о национализации бокситовых рудников и залежей нефти, а также об установлении государственного управления на трех крупнейших металлургических предприятиях. Только к концу 1946 г. Левому блоку удалось добиться принятия законов, позволявших национализировать нерентабельные отрасли промышленности[102].

лее склонные к экстремизму лидеры ВКП (Э. Гере, М. Ракоши), учитывая, что программа ПМСХ поддерживается значительной частью общества, заговорили на съезде о том, что компартия не будет препятствовать частной инициативе, а хочет ограничить лишь власть крупного капитала.

В качестве альтернативы программе ПМСХ на съезде была вновь предложена концепция народной демократии, фактически уже сформулированная в программе Левого блока. Политические элементы народной демократии связывались в ней с созданием такого правительства, где «решающее слово принадлежит рабочим и крестьянам или наоборот крестьянам и рабочим»[104]. Вряд ли случайной была такая перестановка действующих социально-политических сил. По-видимому, это можно рассматривать как признание политического паритета рабочих и крестьян, как опосредованное предложение ПМСХ сопрячь программы. При определении экономической сути народной демократии акценты делались на восстановлении страны, удовлетворении общенациональных интересов, но при непременной постановке под государственный контроль банков, внешней торговли и национализации крупных предприятий. Выдвигались требования роспуска всех картелей, обслуживающих частные интересы, ставился вопрос о защите интересов «трудовой части деревни»[105].

Принятый съездом «Манифест к венгерскому народу» являлся документом сложным и противоречивым. С одной стороны, в нем находили свое отражение реакция руководства ВКП на нараставшую радикализацию рабочего класса, выступавшего за форсирование экономических преобразований, и стремление ответить ПМСХ. С другой стороны, он содержал конкретные предложения по выходу из чрезвычайной экономической ситуации через усиление роли государства, введение плановых начал в экономике и централизацию управления, т. е. с помощью инструментов, широко используемых в мировой практике. Но в то же время в предложенных мерах можно видеть и элементы реализации доктринальных представлений коммунистов о социалистической экономике. Поэтому народная демократия толковалась ортодоксальной частью лидеров ВКП как особый этап, как путь, который обеспечит «более медленное и более безболезненное движение к социализму и тем самым будет отличаться от пути, по которому... шли в 1919 г.»[106]

ПМСХ, имевшая наибольшую популярность в венгерском обществе, располагавшая абсолютным большинством в парламенте и самыми высокими постами в государстве (президент, премьер-министр, председатель Национального собрания), отреагировала на съезд ВКП прекращением всех разговоров о правительственном кризисе, снятием требований создания «гражданского блока» и однопартийного правительства. Лидеры ПМСХ «в своих выступлениях стали подчеркивать,— как сообщали советские дипломаты,— необходимость сохранения и укрепления правительственной коалиции»[107].

Итак, осенью 1946 г. курс ПМСХ на раскол правящей коалиции был признан руководством этой партии нереалистическим. Этому в немалой степени способствовала расстановка сил на международной арене и позиции великих держав накануне заключения мирных договоров. Руководство ПМСХ убедилось, что решение «венгерского вопроса» на Парижской мирной конференции во многом будет зависеть от позиции СССР и стран — соседей Венгрии *.

Ставка теперь делалась не на укрепление позиций ПМСХ в коалиции путем откола правых социал-демократов, разрыва СДП с коммунистами и привлечения части НКП к союзу с ПМСХ, а на сохранение того, что уже есть. Наблюдательный и реалистичный политик Ф. Надь отмечал на заседании руководства ПМСХ, что «буржуазный характер демократии в Венгрии проявляется больше, чем в соседних странах, например, в Югославии и Чехословакии»; и в связи с этим он делал вывод, что ПМСХ «не надо добиваться большего, а надо позаботиться о том, чтобы сохранить завоеванные позиции»[109]. Руководство ПМСХ было склонно считать процесс демократизации законченным, тогда как III съезд ВКП поставил на повестку дня программу формирования народной демократии. Завязывался новый узел разногласий. Они проявились уже в середине октября 1946 г., когда Левый блок принял обращение к руководству ПМСХ, изложив в нем свои представления о дальнейшем развитии страны.

Речь шла о расширении масштабов национализации (в нее включались обслуживающие сельское хозяйство крупные химические и машиностроительные предприятия), установлении все еще откладывавшегося государственного контроля над банками, изменении избирательного закона с целью лишения избирательных прав «реакционных и профашистских элементов» и, наконец, введении «единого государственного учебника» для всех школ[110]. Членам ПМСХ было предложено «идти совместно с Левым блоком против реакции», не допускать «антидемократических и антисоветских выступлений, исключать из парламента тех депутатов, которые не будут подчиняться этому требованию»[111].

Анализ обращения к ПМСХ позволяет сделать вывод, что коммунисты как ядро Левого блока в своих подходах к решению общенациональных задач уже смещали акценты в соответствии с «классовыми принципами». Речь шла не об обеспечении интересов крестьянства в целом, а о протекционистской политике в отношении части крестьянства[112]. В политическом плане просматривалось стремление Левого блока нажать на ПМСХ, чтобы стимулировать в ней центробежные тенденции накануне реше-

* Именно этот инструмент — давление на Венгрию с помощью Югославии, Чехословакии и Румынии, предполагали использовать советские дипломаты для усиления позиций СССР в Венгрии, для понуждения Венгрии обращаться «за советом и помощью»[108].

ния ключевых внутренних (трехлетний план *) и внешних (мирный договор) проблем и тем самым ослабить главную политическую силу, стоявшую на пути реализации существенно скорректированной программы первоочередных экономических мер. Однако все усилия Левого блока, а точнее ВКП, оказывались малорезультативными, поскольку ПМСХ не только пользовалась популярностью в обществе, но и «имела,— как утверждало советское посольство,— открытых и тайных сторонников среди Левого блока»[114]. В условиях, когда приближалось подписание мирного договора и становился вероятным вывод советских войск из страны, могла возникнуть опасность оттеснения Левого блока на политическую периферию. С целью предотвращения такого развития событий был использован как средство политической дискредитации ПМСХ «сам по себе незначительный — по мнению венгерского историка И. Виды — заговор хортистских элементов против республики»[115].

Нельзя отрицать существования в тот период в Венгрии подпольных прохортистских организаций, хотя среди них были и мифические. Летом 1946 г. по предложению СКК и по решению министра внутренних дел Л. Райка были распущены 632 такие группы. В начале января 1947 г. МВД Венгрии сообщило еще об одной из них, которая, как утверждалось, нашла легальное убежище в самой большой партии правительственной коалиции. Прямо указывалось на причастность к заговору генерального секретаря ПМСХ Б. Ковача. 21 января 1947 г. парламент вынес решение о лишении неприкосновенности восьми депутатов от ПМСХ, близких к премьер-министру Ф. Надю, который публично (на заседании парламентской фракции) признал не только наличие заговора, но и проникновение «заговорщиков в демократические партии и организации, в первую очередь и главным образом в ПМСХ»[116].

Руководство ПМСХ поняло еще в январе 1947 г., что за всем этим стоит далеко идущий политический расчет. Ф. Надь заявлял советской стороне, что «коммунисты всячески раздувают заговор и пытаются использовать свое преимущество в следственных органах, чтобы опорочить руководство ПМСХ и вызвать раскол в рядах этой партии... занимаются травлей отдельных членов этой партии». Ответной реакцией ПМСХ было стремление «лишить коммунистов возможности обвинять ПМСХ в реакционности» посредством избавления партии от наиболее одиозных фигур, чтобы создать «здоровую основу для коалиции». При этом звучало откровенное требование допустить ПМСХ в полицию и органы власти на местах. Но идея взаимных уступок не вызвала положительного отклика в советском посольстве. Что же касается ВКП, то она продолжала жесткий курс в отношении ПМСХ[117].

* На III съезде ВКП была выдвинута идея разработки трехлетнего государственного экономического плана развития национальной экономики[113].

Противостояние, вызванное «антиреспубликанским заговором», продолжалось до середины марта 1947 г., получив разрешение на международном уровне. Еще 5 марта американский посланник в Венгрии Шенфельд рекомендовал Ф. Надю держаться твердо, всячески затягивать межпартийные переговоры, не идти на уступки Левому блоку и поставил его в известность о намерении правительства США послать СССР ноту протеста в связи с арестом Б. Ковача [118].

Вопреки отказу парламентской комиссии лишить Б. Ковача депутатской неприкосновенности, 25 февраля 1947 г. он был арестован советскими военными властями за «шпионскую деятельность против Советской Армии и Советского Союза»*. Позже советское посольство признало, что «вопрос о Коваче перерос венгерские рамки. Отступление в этом вопросе ставило под угрозу престиж Советского Союза в Венгрии, не говоря уже о том, что могло означать серьезное поражение ВКП и явиться началом контрнаступления реакции»[120]. Отрицательный ответ СССР на ноту США заставил Ф. Надя пойти на уступки Левому блоку и принять два условия: заменить ряд связанных с «заговором» министров от ПМСХ другими членами этой партии и участвовать в разработке трехлетнего плана. Кроме того, руководство ПМСХ давало обязательство провести чистку своей партии и согласилось на подготовку проекта «демократизации народного образования»[121]. Последнее было чрезвычайно важным решением, так как отражало стремление ограничить влияние католической церкви, контролировавшей систему школьного образования.

Но ключевой проблемой отношений ПМСХ и Левого блока в первые месяцы 1947 г. была проблема трехлетнего плана (его проект был опубликован в январе 1947 г.). Как предполагали инициаторы плана венгерские коммунисты, итогом его должно было стать не только завершение восстановления экономики, но и превращение государства в решающий фактор управления хозяйством. Упор на расширение государственного вмешательства в экономическую сферу, который делался коммунистами, вызвал внутреннюю борьбу и в других партиях Левого блока. НКП и СДП были обеспокоены нарастанием в политике компартии стремления стать по сути определяющей силой в Блоке. Это стало одной из причин ослабления межпартийного взаимодействия весной — в начале лета 1947 г., хотя НКП и СДП дали согласие на поддержку проекта трехлетнего плана [122].

Что касается ПМСХ, то ее руководство, не принимая одну из главных идей «трехлетки» (о внутреннем финансировании путем введения прогрессивного налога с предпринимателей и крупных собственников), предложило свой проект плана. В нем, в отличие от проекта коммунистов, восстановление экономики предполагалось базировать на развитии не тяжелой промышленности,

* Позднее, после пересмотра дела, Б. Ковач был полностью реабилитирован, возвратился к политической деятельности в 1956 г. Умер в 1959 г.[119]

а сельского хозяйства и отраслей, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья. Предусматривался и иной источник финансирования плана — иностранные, прежде всего западные кредиты. Отсюда вытекало и резко отрицательное отношение ПМСХ к предложению коммунистов о национализации крупнейших банков, которые контролировали бо́льшую часть венгерской промышленности и торговли [123]. Я. Дьендьеши, один из активных деятелей ПМСХ, объяснял упорное нежелание лидеров этой партии поддержать идею национализации банков опасением, что в таком случае «США не дадут Венгрии займа»[124]. Еще более откровенно высказывался И. Балог: «Мы выступаем против национализации трех крупных банков именно потому, что страна нуждается в экономических связях крупных банков с заграницей»[125]. Такая жесткая позиция в преддверии обсуждения плана Маршалла была связана со стремлением ПМСХ сохранить «венгерские двери» на Запад открытыми.

Таким образом, и в первой половине 1947 г. продолжали существовать две концепции дальнейшего развития страны: демократический вариант сторонников аграризма и народно-демократическая, внутри которой все явственнее стала просматриваться тенденция поворота к централизованной государственной экономике * и к концентрации основных рычагов власти в руках коммунистов, что свидетельствовало о нацеленности концепции народной демократии на социалистическую перспективу. В этом состояло ее принципиальное отличие от всех иных выдвигавшихся тогда концепций.

Политическое противостояние в связи с трехлетним планом было ни чем иным, как борьбой этих двух альтернатив, и «заговор» оказался нужен для дискредитации и ослабления общественно-политической роли ПМСХ. Летом 1947 г. с большой отчетливостью проявилась зависимость шансов на реализацию той или иной концепции не только от взаимодействия или конфронтации политических носителей этих концепций, перевеса сторонников одной из них, но и от ситуации на международной арене. Качественно новое состояние международных отношений после отказа от присоединения к плану Маршалла проецировалось на внутреннее развитие Венгрии (как и других стран региона). Перечеркивалась возможность осуществления концепции, рассчитанной в значительной мере на сотрудничество с Западом и на его прямую финансовую и политическую поддержку. Что же касается народно-демократической альтернативы, которая могла объединить Левый блок и значительную часть ПМСХ, то представляется, что крутой поворот в международных отношениях

* Подтверждением этого стал новый, проявившийся уже к лету 1947 г. политический курс части руководства ВКП по отношению к таким органам прямой демократии, как фабрично-заводские комитеты. Компартия не только не поддержала расширения прав этих рабочих организаций, но и выступала за ограничение их исключительно охранными функциями [126].

все же оставлял шанс для ее реализации. Реальная угроза все больше нависала со стороны левого радикализма, стимулированного обострением отношений между СССР и западными державами. Летом 1947 г. отчетливо проявились стремления компартии ускорить течение общественных процессов, чтобы изменить структуру экономики и характер коалиционной власти. В это же время ПМСХ переживала нараставшую внутреннюю нестабильность. Получил ускорение процесс перехода рядовых членов этой партии в партии Левого блока, и прежде всего в НКП и СДП *. Здесь скорее всего следует видеть побочный эффект разоблачения «заговора» и отказа Венгрии от плана Маршалла.

Нарастание конфронтации на международной арене активизировало процесс оформления целого ряда партий и группировок, включая и отделившихся от ПМСХ, оппозиционных всей правящей коалиции. Это существенно меняло политическую сцену Венгрии накануне выборов 1947 г.: создалась оппозиция справа. Будучи носителями различных вариантов либеральной демократии, Буржуазно-демократическая партия, Венгерская независимая демократическая партия, Венгерская партия независимости, партия народных демократов и Женская христианская лига противостояли не только Левому блоку, но и левым в ПМСХ во главе с И. Доби, который сменил оставшегося за границей Ф. Надя.

Таким образом, накануне выборов 1947 г. стремительно изменившаяся расстановка политических сил свидетельствовала о том, что ПМСХ перестала быть «своей» для сторонников либеральной альтернативы в разных ее модификациях. Теперь в ПМСХ были сосредоточены силы, выступавшие за народную демократию (левое крыло ПМСХ) или за демократию аграристского типа. При такой новой расстановке сил повторение в 1947 г. итогов выборов 1945 г. становилось весьма проблематичным. Сохранение взаимодействия партий коалиции позволяло не допустить прорыва к власти оппозиции справа. Инструментом, который мог воспрепятствовать этому прорыву, стал предложенный коммунистами вариант выхода на выборы единым списком. Он поначалу встретил негативное отношение со стороны крупнейшей партии коалиции — СДП. Только после вмешательства советского посланника Пушкина социал-демократы дали свое согласие на избирательный блок четырех коалиционных партий (СДП, ВКП, НКП, ПМСХ)[128].

Выступая с инициативой единого списка, руководство ВКП, по-видимому, довольно объективно оценивало опасность распыления сил коалиции и недостаточную степень своего влияния в обществе для того, чтобы на этом этапе играть роль первой скрипки вне коалиции. При этом важно отметить, что идея новых парламентских выборов, зародившаяся в руководстве рабочих пар-

* Член руководства Д. Марошан весной 1947 г. отмечал, что 90 % новых членов СДП ранее шли за ПМСХ[127].

тий еще в начале 1947 г., была обращена в первую очередь против ПМСХ. Уже тогда во избежание победы последней предполагалось использование так называемых технических средств, которые позволяли бы манипулировать общественным мнением. В признании необходимости и возможности использования «техники» не было расхождений между коммунистами и некоторыми социал-демократами. Передавая содержание состоявшейся в первой половине февраля беседы с венгерскими социал-демократическими деятелями Сакашичем и Марошаном, Г. Пушкин писал: «Сакашич заявил, что дело идет к тому, чтобы в Венгрии осенью состоялись общепарламентские выборы. Сакашич заметил, что они с коммунистами уже договорились по этому вопросу. По словам Сакашича, они проведут изменение парламентского закона с целью лишения 300 тыс. реакционеров права голоса, затем коекого пропустят при составлении списков избирателей. Таким образом, можно поправить дела, сказал Сакашич. Я (Пушкин.— *Авт.*) заметил, что это не совсем честный путь. Марошан, стоявший тут же, улыбаясь сказал, что дали бы организовать выборы ему или министру внутренних дел Райку, они бы так их провели, что получили бы большинство и никто бы не упрекнул их в фальсификации. Затем я заметил, что они разговаривают о предстоящих выборах и в то же время не интересуются мнением по этому вопросу самой крупной партии в Венгрии — НПМСХ. Сакашич отметил, что, мы, социал-демократы и коммунисты, понемногу приучаем эту партию к этой мысли и надеюсь приучим настолько, что она согласится на новые выборы»[129].

Однако к лету 1947 г., когда облик ПМСХ изменился и появилась перспектива, что И. Доби не допустит использования голосов крестьян «реакцией», а отношения между ВКП и СДП испортились настолько, что рабочие партии ставили своей целью добиться поражения друг друга на выборах, «техника» стала обращаться коммунистами и против социал-демократов. По мнению руководства СДП, права голоса были лишены около 200 тыс. социал-демократов, и тем не менее, как считал югославский посланник в Будапеште, ВКП не достигла сколь-нибудь «заметных успехов среди рабочих по сравнению с выборами 1945 г. Успехи компартии идут за счет крестьянских голосов. Оппозиция в Венгрии... представляет внушительную силу»[130]. Этот вывод подтверждают официальные итоги голосования: за коалицию было подано немногим более 60 % голосов. Они распределились следующим образом: ВКП — 22,3 %, СДП — 14,9 %, НКП — 8,3 %, ПМСХ — 15,4 %. За оппозицию проголосовали около 40 % населения[131]. Весьма значительные (если принять во внимание «технику» на выборах) круги венгерского общества отвергли народно-демократическую альтернативу, не доверяя прежде всего компартии.

Но победа коалиции, как показало дальнейшее развитие событий, стала для нее пирровой. Самое большое количество голосов собрала ВКП, внутри которой леворадикальные настроения

проявлялись со все большей отчетливостью. Наличие сильной оппозиции справа, что продемонстрировали выборы в парламент, и присутствие ее представителей в высшем органе власти становились еще одним катализатором левой революционности коммунистов, контролировавших к этому времени аппарат насилия. В компартии Венгрии на фоне разворачивавшейся холодной войны стали нарастать стремления к свертыванию народно-демократической альтернативы.

Современники событий очень точно определили смысл надвигавшегося переворота. Так, священник сельской церкви в одной из своих проповедей середины 1947 г. сделал следующее замечание: «Венгерская демократия — это новорожденный ребенок, которого несут крестить, снимают с него покрывало, любуются им и только через два года узнают, что он туберкулезный и скоро умрет»[132].

* * *

Таким образом, анализ общественных процессов в странах Восточной Европы в 1944—1947 гг. позволяет утверждать, что этот период выделяется четко выраженным внутренним содержанием. Он предстает как сложное переплетение двух основных общественных тенденций. С одной стороны, налицо очевидное стремление социально-политических носителей всех предложенных обществу концепций послевоенного развития к взаимодействию на платформе решения общенациональных задач, связанных с восстановлением национальной независимости и международной субъектности стран Восточной Европы, с возрождением разрушенной войной экономики и демократизацией (понимаемой прежде всего как дефашизация) послевоенного государства, со спасением страны от экономической катастрофы и голода. Эти общенациональные задачи служили внутренней основой для взаимодействия сторонников либеральной демократии, приверженцев доктрины аграризма и ориентированных на реализацию в будущем социалистических идей коммунистов и социалистов. Их взаимодействие реализовывалось в политической жизни через соглашения, коалиции, договоренности, блоки и компромиссы, что в целом можно определить как согласительную демократию, являющуюся ограниченным вариантом представительной демократии. При этом компромиссы и соглашения являлись результатом как добровольных, так и вынужденных действий партнеров. Степень же сочетания этих двух элементов в разных странах была различной. Подвижки политических партнеров и соперников к договоренностям и компромиссам происходили как под влиянием внутренней ситуации, так и в немалой степени под воздействием международной обстановки, характер которой в тот период поначалу во многом все еще определялся взаимодействием держав антигитлеровской коалиции, что цементировало общество на платформе антифашизма и демократии, хотя и по-разному понимаемой.

С другой стороны, в эти годы развернулась острая борьба за политическое лидерство и за характер социально-экономических и политических преобразований, а значит и за реализацию той или иной концепции дальнейшего развития. Главные противостояния проходили, как показывает фактический материал, между сторонниками социализма в его марксистском толковании, с одной стороны, и носителями идей либеральной демократии западного образца (Венгрия, Румыния), радикальных вариантов доктрины аграризма (Болгария, Польша, Венгрия) и «неклассового», «национального социализма» (Чехословакия) — с другой. Параллельно с кристаллизацией позиций внутренних сил в регионе шел процесс расчленения внешнего фактора на «западный» и «восточный». СССР и западные державы внутри каждой из правящих коалиций выделяли своих главных политических партнеров, обуславливая тем самым изменение роли внешнего фактора от стабилизирующей (на начальном этапе) до стимулирующей конфронтационные процессы в политической жизни стран Восточной Европы.

Идейно-политическое противоборство в 1944—1947 гг. все больше набирало обороты. К середине 1947 г. практически завершилось вытеснение из политической жизни носителей либеральной альтернативы (Венгрия и Румыния) и партий, выступавших за третий — крестьянский — путь развития общества (Болгария, Польша, Венгрия). Судьба национальных социалистов в Чехословакии была тоже во много предрешена, хотя окончательный политический «расчет» коммунистов с ними пришелся на февраль 1948 г.

При этом различными политическими силами были задействованы разные рычаги воздействия на общество: от идейно-пропагандистских до активного использования органов принуждения в чисто партийных интересах. Факты свидетельствуют, что в процессе развернувшейся борьбы сил, взявших на вооружение принципы и лозунги демократии (прежде всего в коммунистическом движении), с большой четкостью определились направления, несовместимые с курсом на демократию: фальсификация выборов, сфабрикованные с целью компрометации противников «заговоры» и политические репрессии. По мере развертывания борьбы все более отчетливым становился отказ руководства компартий от таких основополагающих принципов их концепции народной демократии, как многосекторная экономика и политический плюрализм в сочетании с демократическими правами личности, что неоднократно фиксировалось в документах компартий и Национальных и Народных фронтов. Такая направленность в курсе коммунистов находила выражение в шагах по интенсивной этатизации экономики, жесткой централизации управления обществом, в сращивании компартий с государственными структурами и начавшемся процессе формирования особого социального слоя — партийно-государственной номенклатуры. Тем самым закладывались экономические и государственно-политические пред-

посылки обеспечения политической монополии коммунистов, опиравшихся на поддержку радикально настроенной части общества.

Конкретный материал показывает, что указанные антидемократические тенденции в политике компартий имели место во всех странах региона, хотя мера и время их проявления были различны. В Югославии и Албании уже в этот период практически сложилась политическая монополия коммунистов; и общество развивалось в сторону левототалитарной модели, близкой к советскому образцу. В остальных же странах, даже там, где коммунисты были близки к установлению своей монопольной власти, все же продолжали сохраняться многопартийность, политический и идейный плюрализм, многосекторная экономика. Но центр борьбы за будущий облик общества сместился в рабочее движение, организованное на основе марксизма.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

1947—1948 гг.— УСТРАНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Рубеж 1946—1947 гг. характеризовался, как показано выше, серьезными изменениями в общественно-политической ситуации стран Восточной Европы. Дальнейшее их развитие протекало в условиях обострения международной обстановки, сущность которого можно определить как усиление противостояния между великими державами и углубление идеологизации конфронтационных процессов. Конфронтационная идеология, несомненно, формировалась в результате усилий обеих сторон, явившись прямым отражением сложившейся биполярной структуры мира [1]. У истоков этой идеологии с американской стороны, как свидетельствуют новейшие исследования, стояли «наиболее агрессивные, наиболее экспансионистские круги западного истэблишмента», умело использовавшие негативы сталинизма, которые отягощали советскую внешнюю политику грузом догматизма [2]. Это позволяло Западу как правило достаточно точно прогнозировать возможную реакцию Москвы.

В 1947 г. внешнеполитический курс США на европейской арене приобрел вполне законченные черты, воплотившись в «доктрине Трумэна» и плане Маршалла. Основной тезис «доктрины Трумэна» — об оказании помощи тем странам, где возникла «угроза для свободных народов со стороны тоталитарных режимов» — получал экономическое обоснование в плане Маршалла, предусматривавшем, помимо задач хозяйственного восстановления Европы, и сугубо политические цели, в частности, ослабление влияния компартий *, блокирование процессов либерализации политической жизни. Еще до появления плана Маршалла (июнь 1947 г.) США были готовы предоставить кредит Франции при условии удаления из правительства министров-коммунистов. Общую линию американской администрации по отношению к Восточной Европе характеризовала готовность оказать экономическую помощь остро нуждавшимся в ней странам в обмен на политическую поддержку последними позиций США. Так, в 1946 г. государственный секретарь США Д. Бирнс выражал желание «получить гораздо более существенные доказательства чехословацкой независимости и дружественного отношения к США *до того*, как будет восстановлена какая-либо из форм экономической помощи» этой стране (курсив мой.— *Т. В.*) [3].

* В послевоенный период представители рабочих партий широко участвовали во властных структурах: коммунисты, например, входили в состав девяти правительств Западной Европы.

Советский Союз как известно отказался участвовать в «плане Маршалла». Этот факт в отечественной литературе оценивается нередко критически[4], прежде всего с точки зрения упущенных возможностей. Однако вряд ли американские эксперты в тех условиях всерьез могли рассчитывать на согласие советской стороны, как впрочем и на эффективное экономическое сотрудничество с СССР. «Два столпа советского режима — тоталитаризм и автаркия — делали участие Советского Союза в „плане Маршалла" заведомо нереальным»,— считает экономист Г. Анулова[5]. Не случайно некоторые западные исследователи констатируют сугубо политические причины приглашения СССР: прежде всего, чтобы «избежать ответственности за раскол Европы», а также из-за опасения, что «фронтальная атака на советский коммунизм осложнит участие тех европейских стран, где действовали крупные коммунистические партии»[6]. Не исключено, что возможная реакция Москвы оказалась успешно просчитанной. Ведь согласно одному из секретных документов Комитета начальников штабов от 27 апреля 1947 г., СССР и любая страна, находящаяся в сфере его внимания, должны быть исключены из числа получателей американской помощи[7].

Советская сторона, отказавшись от участия в «плане» и повлияв на принятие аналогичных решений некоторыми странами народной демократии, выдвинула собственную альтернативную программу восстановления европейской экономики, хотя и скромно сформулированную. Речь шла о «мобилизации внутренних ресурсов и возможностей каждой европейской страны» при «самом энергичном расширении международных экономических связей», в первую очередь в масштабах Европы[8]. Именно в противовес плану Маршалла были срочно заключены двусторонние торговые соглашения между СССР и Чехословакией, Польшей, Венгрией, Югославией, Болгарией и другими странами. Альтернативная американской программа начала воплощаться в жизнь, хотя вряд ли можно считать ее конкурентоспособной плану Маршалла. Советские люди были обречены не только на то, чтобы восстанавливать свою экономику за счет сверхэксплуатации и бесконечных лишений[9], но и на то, чтобы способствовать восстановлению хозяйства Восточной Европы. Цена же этих жертв оказывалась неизмеримо выше экономического результата. Американская инициатива стала объектом острейшей критики со стороны Москвы и прежде всего за стремление «унифицировать Европу» под эгидой США[10].

Позиция СССР, безусловно, стимулировала усилия американской стороны по оформлению стратегической доктрины «сдерживания». Сформулированная в июле 1947 г. она, согласно официальному заявлению Вашингтона, заключалась в необходимости западных держав «обороняться от коммунистической агрессии, ограничить и ослабить влияние СССР на ход мировых событий и остановить проникновение социализма в Европу»[11]. Советская сторона в свою очередь все настойчивее начала обвинять бывших

союзников в усвоении гитлеровских лозунгов мирового господства, в манипуляции «англосаксонской расовой теорией», проводя прямые параллели между «англо-американскими монополистами» и немецкими и итальянскими фашистами. Осенью 1947 г., после совещания представителей ряда коммунистических и рабочих партий в Польше и создания Информбюро, в политический лексикон был введен новый термин — «демократический лагерь», противостоящий международной реакции, «поджигателям новой войны». Лагерь демократии составляли «десятки миллионов людей во всем мире» — опора Советского Союза в его борьбе за мир [12]. В это время в советской пропаганде усилился акцент на решающий вклад СССР в разгром германского фашизма при одновременном настойчивом разоблачении «козней и коварной политики» США и Великобритании в годы войны.

Выдвинутая советской стороной концепция двух лагерей, ориентированная на их жесткое противостояние, на формирование образа «империалистического врага», способствовала созданию определенного политического и идеологического климата в мире и, что важно, складыванию представления об СССР как об источнике угрозы. Характерно, что проведенные в конце 1940-х годов в США опросы Гэллапа показали, что большинство американцев были уверены в неизбежности войны с СССР [13].

Проблема угрозы третьей мировой войны, встававшая в то время, в отечественной историографии серьезно не изучена. В рамках резкой критики сталинизма в последние годы доминирует как правило односторонне эмоциональный подход. Подчеркивается, что «холодная война» вовсе не была чревата новым глобальным конфликтом, что жупел третьей мировой сознательно использовался советским руководством для оправдания политики «закручивания гаек» в Восточной Европе. Думается, что при этом проявляется явная недооценка как реальной опасности «атомной дипломатии» США, так и исключительной трудности для советского руководства дать адекватную оценку степени угрозы со стороны Запада. Напомним, что уже с ноября 1945 г. у американского военного руководства существовали планы превентивных ударов по СССР («Пинчер», «Бройлер» и др.). В условиях американской атомной монополии воинственность советской стороны носила скорее оборонительный характер, последняя играла, выражаясь шахматным языком, черными [14]. И это следует учитывать, констатируя, что, разумеется, ответственность за возникновение и эскалацию «холодной войны» несут и Запад, и Восток, что в ее «идеологический фундамент» легли как «доктрина Трумэна», так и «доктрина Жданова» (концепция двух лагерей) [15].

Таким образом, начиная с весны 1947 г. ситуация на международной арене претерпела существенные изменения. Постепенно накапливавшиеся после 1945 г. негативные тенденции в отношениях между великими державами (прежде всего США и СССР) переросли в состояние глубокой конфронтации. Доктрина «сдерживания» и концепция двух лагерей были возведены в

ранг официального внешнеполитического курса. Это означает, что процесс идеологизации советско-американских отношений завершился. Более того, к осени 1947 г. именно эта идеологизированная конфронтация стала доминантой развития всего мирового сообщества, обозначив качественный рубеж в международных отношениях, оказывая определяющее влияние и на становление стран народной демократии. Последние все ощутимее испытывали давление с обеих сторон, оказавшись по существу «между молотом и наковальней»: и США, и СССР требовали политической поддержки, категорического выбора — коммунизм или антикоммунизм. Поскольку эти позиции не совмещались друг с другом, постольку эскалация конфронтации становилась неизбежной. Ни Трумэн, ни Черчилль, ни Сталин не смогли в тот момент подняться до понимания тщетности попыток построить «новый порядок», основанный на страхе взаимного уничтожения [16].

На рассматриваемые временные рубежи страны Восточной Европы вышли с несколько упростившейся расстановкой внутриполитических сил. Фактически оказались свернутыми (в некоторых странах этот процесс подходил к завершению) все несоциалистические альтернативы, выдвигавшиеся в обществе. Политическая система народной демократии в целом стабилизировалась. В это время либо ясно определилось, либо начало намечаться магистральное направление дальнейшего развития Восточной Европы — к социализму. С этой точки зрения конец 40-х годов очертил ситуацию, когда по большому счету можно было, по-видимому, говорить о некой безальтернативности общественно-политического развития. Естественно, вариативность его сохранялась, но получала в новых условиях иное звучание: различия все определеннее фокусировались ныне в плоскости определения конкретных путей к социализму, что теоретически не исключало создания в будущем его новой модели, отличной от советской. При этом центр тяжести при определении перспектив дальнейшего развития был перенесен в большинстве стран Восточной Европы внутрь рабочего движения. Именно в процессе столкновения идейно-теоретических концепций коммунистов и социалистов (социал-демократии) решался вопрос о том, каким путем и к какому социализму предстоит идти странам региона.

Ситуация с этой точки зрения здесь была далеко не одинаковой. Если в Югославии и Албании к 1947 г. уже сложилась и функционировала однопартийная система власти, в рамках которой коммунисты брали на себя роль выразителей интересов всех трудовых слоев общества, то в Польше и Венгрии мощные и влиятельные социалистические (социал-демократические) партии имели все возможности активно противостоять стремлению компартий к монополии во властных структурах, опираясь на собственные концепции перехода к социализму. В то же время относительная слабость позиций социал-демократии в Болгарии и Румынии значительно увеличивала свободу маневра для компартий этих стран, в то время как перспектива серьезной борьбы

внутри рабочего движения просматривалась слабо. И, наконец, как особый случай предстает ситуация в Чехословакии, где, как показано выше, с концепцией «национального социализма» выступила ведущая партия либерально-демократического лагеря — национально-социалистическая, выражавшая интересы «маленького человека», труженика и основывавшая свои позиции на идеях гуманизма Т. Г. Масарика. Именно эта партия выступала как социальный антипод организованного рабочего движения, платформой которого был марксизм. Таким образом, в Чехословакии вопрос о конкретном облике будущего социалистического строя решался не только в рамках рабочего движения, а социал-демократическая партия оказалась фактически на периферии общественно-политической жизни.

Глава 1

КАКОЙ БЫТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЕ: «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ», «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ» ИЛИ «ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА»?

В 1946—1948 гг. международное рабочее движение вышло на исключительно важный рубеж, определявший его дальнейшие перспективы. Это в равной мере относилось как к социалистической, так и к коммунистической «ветвям» движения.

Наиболее характерной чертой процессов, развивавшихся в первые послевоенные годы среди социалистов, было стремление к единству рабочего класса. Оно отчетливо выявилось, к примеру, в создании в сентябре 1945 г. Всемирной федерации профсоюзов, объединившей в своих рядах профсоюзы коммунистической, социал-демократической и прочих ориентаций. После войны активно начал набирать силу процесс консолидации европейских социалистических партий под лозунгом восстановления Рабочего социалистического интернационала (РСИ). Инициатором выступала Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ).

В это время перспективы социализма казались ясными. Как вспоминал позднее видный английский лейборист Д. Хили, многие социалисты считали, что «социализм сможет оказывать непосредственное и сильное влияние на мировую политику при том лишь условии, что различные социалистические партии будут эффективно сотрудничать между собой. В действительности же, однако, помехи на пути к такому сотрудничеству оказались еще более значительными, чем в предвоенное время. Между различными партиями существовали глубокие расхождения в доктрине, структуре, способах действия, не говоря уже о различиях политических ситуаций в их странах»[1]. По проблеме восстановления

Социнтерна определились уже на раннем этапе отличные друг от друга точки зрения. Весьма отчетливо они проявились на первой после войны официальной международной социалистической конференции, созванной по инициативе ЛПВ в Клактон-он-Си (май 1946 г.). Представители 16 партий, в том числе Польши, Венгрии и Чехословакии, съехались в этот небольшой английский городок, чтобы обменяться информацией и выработать общую политику по проблемам, «представлявшим взаимный интерес»[2]. К числу таких проблем было отнесено, в частности, образование в апреле 1946 г. Социалистической единой партии Германии. Представители ЛПВ и социал-демократы стран Северной Европы резко осудили этот акт, отметив, что объединение прошло под нажимом и угрозами.

Рассматривался в Клактоне и вопрос о восстановлении Социнтерна. После того, как представители восточноевропейских стран предложили создать единый (всемирный) Интернационал, в который вошли бы и коммунисты, вспыхнула острая дискуссия. Позиция эта была поддержана лидером Итальянской социалистической партии П. Ненни, а также некоторыми членами французской и бельгийской делегаций. Более того, в первый проект Устава Социнтерна был включен специальный пункт о сотрудничестве социал-демократов и коммунистов. Реакцию руководства ЛПВ на этот шаг нетрудно было предугадать. Как отмечают английские исследователи В. Патерсон и Й. Кэмпбелл, после 1945 г. связи ЛПВ с европейской социал-демократией преследовали главным образом одну цель — «предотвратить слишком тесное сотрудничество с коммунистами»[3]. Понятно, что руководство ЛПВ, поддержанное скандинавами, выступило против немедленного восстановления Интернационала. Было решено проводить регулярные встречи представителей социалистических партий для обсуждения наиболее животрепещущих вопросов. В связи с этим американская пресса любопытным образом охарактеризовала итоги конференции, заявив, что «большинство делегатов, имевших различные отношения с коммунистическими партиями собственных стран, были рады... избежать практических решений»[4], и что конференция завершилась безрезультатно. И это при том, что помимо важного обмена мнениями, в Клактоне был учрежден постоянный орган — Социалистическое бюро связей и информации при ЦК ЛПВ,— издававший свой бюллетень. Представляется, что более дальновидными оказались английские обозреватели, оценившие итоги конференции как толчок к возможному расколу между социалистами Западной и Восточной Европы[5].

В ноябре 1946 г. делегаты 19 европейских социалистических партий вновь встретились в Англии, в Борнтмуте. На этой встрече вместо Социалистического бюро связей и информации был учрежден Международный социалистический совещательный комитет (КОМИСКО). Так же, как и встреча в Клактон-он-Си, новая конференция была созвана по инициативе лейбористской партии. И она также не решила проблему Социнтерна, заявив, что «официальное создание его в данный момент невозможно». Ока-

залось, что борнтмутская встреча не способна сгладить противоречия, нараставшие в рядах социал-демократии, и выработка в этих условиях единой позиции в вопросах теории, тактики, характера, функций Социнтерна становилась весьма проблематичной. Не удалось согласовать мнения и по организационному вопросу: лейбористы высказались за принятие в КОМИСКО германской социал-демократической партии во главе с К. Шумахером, но представители Чехословакии и Польши выступили против, усмотрев в этом оскорбительную для СССР акцию. Позиции уравновесились, и в итоге было решено вернуться к вопросу об установлении организационных связей с германской социал-демократией на следующей конференции, хотя была все же воспринята принципиальная линия на сотрудничество с ней. В Борнтмуте произошло укрепление контактов лейбористов с социалистами ряда стран, в частности, с венгерскими. Однако всем стало ясно, что конференция зашла в тупик. В этих условиях венгерские делегаты А. Сакашич и А. Кетли заявили о готовности провести месяцем позже встречу социалистов стран Дунайского бассейна. Венгерская сторона вела определенную подготовку к этой встрече, в частности, разослала приглашения на нее, но чешские и польские социал-демократы ответили отказом. Скудость источников не позволяет полностью определить его причины. Нам известно лишь, что английская «Обсервер», комментируя сообщение о неудаче венгерской инициативы, подчеркнула непреклонность желания ППС укреплять сотрудничество с компартией[6]. По-видимому, и на сей раз проблема отношений коммунистов и социалистов явилась камнем преткновения. Однако, по некоторым данным, могли сыграть определенную деструктивную роль и претензии руководства отдельных социалистических партий на политическое лидерство в социалистическом движении региона или какой-то его части. Так, например, известно, что чехословацкая сторона не хотела допустить усиления влияния венгерских социал-демократов в Европе[7].

Уже первые встречи выявили довольно ясную тенденцию со стороны ведущих европейских социал-демократических партий к оттеснению и определенной изоляции той части социал-демократии, которая позитивно оценивала идею сотрудничества с коммунистами или реализовала ее на практике. Примером могут служить факты строгого отбора приглашенных на социалистические конференции. В частности, в Клактон-он-Си оказался закрытым путь для болгарских социал-демократов. Несмотря на настойчивые попытки БРСДП добиться приглашения, международный отдел ЛПВ 30 апреля 1946 г. сообщил Исполкому партии, что конференция «фактически является информационной встречей, имеющей цель изучить состояние дел, и присутствие представителей всех социалистических партий не предусматривается»[8]. Есть основания согласиться с заключением английской газеты «Эдинбург Ивнинг Ньюс», которая в мае 1946 г. констатировала, что социал-демократические партии Болгарии и Румынии «счи-

тались слишком левыми» и именно по этой причине отсутствовали в Клактоне[9]. Заметим в дополнение, что уже в августе 1946 г. на Парижскую конференцию социалистических партий приглашение получила вышедшая из Отечественного фронта оппозиционная БРСДП (объединенная), но теперь уже болгарские официальные органы воспрепятствовали выезду ее представителей в Париж, отказав в выдаче виз[10].

Очевидно, что участие БРСДП в ОФ и тесное сотрудничество в рамках последнего с компартией объясняют слабый интерес лидеров ЛПВ к «официальной» социал-демократической партии Болгарии. Не случайно ЦК БРСДП любыми путями стремился расширить объем информации о ситуации в стране и партии, передававшейся руководству ЛПВ и не раз выражал серьезное беспокойство из-за отсутствия «оживленных связей» с лейбористской партией, причину которого видел отнюдь не в бездеятельности болгарской стороны[11]. С этим, на наш взгляд, можно согласиться: имелись более существенные факторы, влиявшие на состояние контактов между социалистическими партиями Европы. Примечательно, что в декабре 1946 г. на встрече социал-демократов Чехословакии, Румынии, Польши, Венгрии и Австрии в Праге ее участники рассматривали ситуацию в европейском социалистическом движении через призму создававшихся восточного и западного социалистических блоков. Все делегаты резко негативно отнеслись к такой перспективе. Лидер чешской социал-демократии З. Фирлингер, в частности, заявил, что «возражает против формирования блоков географического или идеологического характера». «Мы даже не хотим,— подчеркнул он,— создания нового социалистического блока, который напоминал бы II Интернационал, или возобновления III Интернационала»[12]. Пражская конференция рассмотрела также перспективы экономического и политического сотрудничества европейских стран, не был обойден на ней и вопрос о сотрудничестве с компартиями и единстве социал-демократов и коммунистов. Примечательно, что если сотрудничество одобрили все участники, то проблема единства не была столь бесспорной: против решительно выступили представители Австрии.

Расхождение позиций в лагере социал-демократии, четко выразившееся в итогах конференций в Борнтмуте и Праге, обеспокоило руководство КОМИСКО. Возникла идея проведения своего рода компромиссной встречи с участием представителей ЛПВ. 17 мая 1947 г. она началась в Будапеште. В ней участвовали делегаты от социал-демократических и социалистических партий Австрии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Польши и Болгарии. В качестве наблюдателей присутствовали английские лейбористы и голландские социалисты. Настойчивая инициатива по созыву конференции, проявленная венгерскими социал-демократами, свидетельствовала о том, что они стремились доминировать среди социалистов стран Дунайского бассейна. Такая перспектива не могла не вызвать настороженности как в некоторых социал-демо-

кратических кругах, так и у советского руководства, поскольку в активности лейбористов оно усматривало расчеты на объединение социал-демократии под собственным контролем с целью блокирования влияния компартий и подрыва авторитета СССР в этом регионе. Надо сказать, что почва для подобных опасений, безусловно, имелась: в начале 1947 г. Венгрия рассматривалась на Западе как наиболее слабое звено стран народной демократии[13], а ее социал-демократическая партия — как сила, готовая в большинстве своем к сотрудничеству с Западом. Идейная близость венгерских социал-демократов и английских лейбористов была излюбленной темой выступлений секретаря Исполкома ЛПВ М. Филлипса. Еще в ноябре 1946 г., говоря о двух путях к социализму — советском и английском,— он заявил: Англия предпочитает идти к новому общественному строю путем «демократического развития», «без кровавых жертв», и этот путь является также желательным и для Венгрии. О совместном движении лейбористов и венгерских социал-демократов «плечом к плечу» к общей цели говорил Филлипс и позднее, в 1947 г.[14]

Будапештская конференция была нацелена на рассмотрение политического положения в странах-участницах и ситуации в их социал-демократических партиях, а также политического, экономического и культурного сотрудничества придунайских стран.

Проблема экономического сотрудничества в основе своей предполагала определение четких позиций в вопросе об ориентации народного хозяйства стран-участниц. Встреча продемонстрировала относительное единство мнений делегатов: страны Дунайского бассейна должны быть в известной мере включены в систему внешнеэкономической политики СССР. В этом случае появится возможность для превращения буржуазно-капиталистической экономической структуры этих стран в социалистическую. В резолюции будапештской конференции по экономическим вопросам отразилось стремление стран-участниц к совместному решению назревших экономических задач, хозяйственному «срабатыванию», взаимному «дополнению национальных экономик» стран Дунайского бассейна. При этом они пытались учесть и «тенденцию к планированию», которая реализовывалась в отдельных странах Средней и Восточной Европы. Конференция подчеркнула, что в странах указанного региона полным ходом идет процесс естественного развития — «от сельскохозяйственного государства к промышленному», и приветствовала такую направленность движения как перспективу. Принципиально важно, что в резолюции был отражен в качестве основополагающего принципа поиск и последующее развитие в каждой стране «той хозяйственной сферы, где существует возможность для производства лучшей по качеству продукции и в максимальном количестве». Иными словами, автаркическая модель развития национальных экономик заранее отклонялась. Определенные же хозяйственные задачи, затрагивающие большинство стран, предполагалось решать совместными усилиями, мобилизуя возможности каждой страны.

В экономической стратегии важное место уделялось заключению долгосрочных торговых договоров, установлению системы клиринговых расчетов, введению института кредитования с учетом возможностей отдельных стран. Учитывая, что финансовые нагрузки создадут дополнительную трудность для населения, конференция рекомендовала социал-демократическим партиям разработать адекватную социальную политику, активно заимствуя опыт Международного рабочего бюро и координируя как социальное законодательство, так и конкретную деятельность по его реализации между странами Дунайского бассейна.

Участники конференции подтвердили свою приверженность социалистическому развитию через национализацию важнейших средств производства, аграрную реформу и организацию планового хозяйства и констатировали, что страны Центральной и Восточной Европы после поражения антинародных режимов сильно прогрессировали в этом отношении [15]. Возникшие на конференции расхождения касались тактики реализации намеченного. В частности, делегация Чехословакии придерживалась точки зрения, что в период восстановления придунайским странам было бы крайне выгодно привлечь англо-американские капиталы, что советское монопольное влияние в этом регионе Европы намного замедлит восстановительные процессы и, как следствие, приведет к оживлению реакционных элементов, готовых использовать экономические трудности в политических целях. В итоге было решено, что вопрос о включении придунайских стран в политико-экономическую структуру СССР будет более детально и всесторонне обсужден руководствами социал-демократических партий, которые назначат своих экспертов по политическим, экономическим и культурным вопросам *. Это объяснялось тем, что предстояло выработать согласованное решение и представить его предстоящей международной социалистической конференции в Цюрихе.

В Будапеште также не обошлось без рассмотрения вопроса о сотрудничестве с компартиями. Он, по оценке румынского социал-демократа Л. Рэдэчану, был наиболее дебатировавшимся [17], хотя ставился несколько в иной плоскости, нежели раньше. В резолюции конференции по политическим вопросам выдвигался тезис о «политическом срабатывании» участников рабочего движения в отдельных странах, возможном при отказе от противопоставления различных партий друг другу. Основой взаимодействия рабочих партий, согласно резолюции, должны были стать уничтожение остатков фашизма, борьба с международной реакцией, обеспечение взаимопонимания между народами и всеобщий мир. Ориентиром становилось создание «новой организации» в Центральной и Восточной Европе [18], включавшей и социал-демократов, и коммунистов. Примечательно, что Л. Рэдэчану видел в создании

* В середине июля 1947 г., как явствует из переписки ИК БРСДП и ЦК ППС, все страны-участницы встречи в Будапеште, кроме Чехословакии, назвали своих экспертов [16].

такой международной организации первый шаг к «планированию европейского социализма»[19]. Поскольку будущей конференции в Цюрихе предстояло рассмотреть вопрос о трансформации Социалистического интернационала (речь шла о КОМИСКО) в Рабочий социалистический интернационал с участием всех рабочих партий, в том числе и коммунистических, то делегаты будапештской конференции, учитывая позиции социал-демократии Франции, Бельгии, Голландии, Англии, признали, что решить этот вопрос будет исключительно трудно *. Забегая вперед, отметим, что в Цюрихе в июне 1947 г. попытка оказалась неудачной.

Симптоматично, что позиция румынского социал-демократа на будапештской конференции немедленно вызвала острую критику со стороны французской социалистической печати. Руководство СДП Румынии было представлено как полностью подчинившееся коммунистической идеологии. Этот выпад весьма встревожил румынских лидеров. Было принято решение направить в «Оргбюро II Интернационала» подробное письмо с изложением позиции партии. Одновременно были предприняты шаги, направленные на усиление связей с миссией Великобритании в Бухаресте[21].

Конфронтация великих держав, приобретшая к осени 1947 г. законченный вид противостояния двух блоков, опускавшийся «железный занавес» непосредственно отразились на состоянии дел в рабочих партиях. «Холодная война» поставила их перед необходимостью более четко определить свои позиции и, несомненно, углубила имевшиеся трещины в международном рабочем движении, ускорила процесс его поляризации. По мнению французских исследователей, образование блоков повлекло за собой «новый раскол рабочего движения на Западе, с трудом спаянного в движении Сопротивления нацизму». Социалистические партии, обвинявшие коммунистов в «получении инструкций из Москвы», считали себя теперь вправе проводить «атлантическую» политику, приведшую их фактически к принятию «американского руководства». Лидеры большинства западных социал-демократических партий, восприняв план Маршалла, были вынуждены фактически солидаризироваться с доктриной «сдерживания» коммунизма, которая, как считают французские историки, в до предела накаленной международной атмосфере не могла не быть расценена как стремление «заставить отступить все формы социализма»[22]. В этой связи заслуживает внимания оценка настроения руководства ЛПВ английским лейбористом Д. Вейзи. «К середине 1947 г.,— пишет он,— положение выглядело почти безнадежным. Увеличивалась опасность, что коммунисты могут победить на

* Проблема будущего Коминтерна волновала не только европейскую социал-демократию. Так, еще в январе 1946 г. Социалистическая партия США обратилась ко всем социалистам со специальным документом, задуманным как проект и основа предстоящей дискуссии о судьбе Коминтерна. В нем прямо указывалось, что «коммунистическим группам, какими бы именами они ни прикрывались, нет места в демократическом Социалистическом интернационале»[20].

выборах в Италии и что мощная Французская коммунистическая партия придет к власти в стране. Тяжелое экономическое положение Великобритании и страх потери Греции привели к принятию «плана Маршалла». Поэтому социал-демократы должны были подготовиться к новому периоду — усиления военных и экономических связей с США... Социальная и экономическая политика социал-демократии теперь была поставлена в исключительную зависимость от американской помощи, а ее сохранение зависело от американского ядерного щита»[23]. Иными словами, занять промежуточное место, согласно концепции «третьей силы», под которой понималась в мирных условиях борьба против рабства капитала, с одной стороны, и «тиранической диктатуры большевиков», с другой, западной социал-демократии не удалось.

В такой обстановке шла подготовка к очередной конференции социалистов в Антверпене. Вновь проявилась дискриминационная линия по отношению к болгарской и румынской социал-демократии. Лейбористское руководство проигнорировало просьбу болгар содействовать их приглашению в Антверпен, поскольку всеобщая забастовка во Франции помешала БРСДП установить непосредственную связь с ЦК Бельгийской социалистической партии. В этой ситуации руководство БРСДП направило телеграмму в Бюро ЛПВ, рассчитывая на посредничество, но она осталась без ответа. Надежда болгар, что они будут выслушаны в Антверпене[24], рухнула. Думается, что этот эпизод весьма показателен, и, безусловно, не может рассматриваться как случайность. А между тем были среди участников антверпенской встречи такие, кто рассчитывал на приезд болгарской делегации. Незадолго до конференции лидер Итальянской социалистической партии Л. Бассо обратился к руководителю БРСДП Д. Нейкову с серьезным предложением. В письме от 31 октября 1947 г. Бассо отмечал целесообразность проведения «в абсолютно частном порядке» предварительной встречи делегатов Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Италии для выработки согласованных позиций по вопросам, вынесенным на повестку дня конференции. Л. Бассо подчеркнул, что, по его мнению, два момента станут «несомненным поводом» для дискуссии в Антверпене — создание Коминформбюро и «положение социализма в Румынии и Болгарии». Такую встречу Бассо считал уместной провести за день — два до открытия антверпенской конференции в месте, «которое может быть согласовано»[25]. Болгарская сторона согласилась с доводами итальянского лидера: 18 ноября 1947 г. был определен состав делегации на конференцию в Антверпен и на указанную встречу (Д. Нейков, З. Митовски, А. Нейков)[26], но тем дело и закончилось. Ответить на вопрос, состоялась ли встреча прочих делегатов, не представляется возможным из-за отсутствия источников. Известно лишь, что официальные представители румынской СДП также отсутствовали в Антверпене, что, несомненно, ослабило позиции той группы упомянутых в письме Л. Бассо стран,

такой международной организации первый шаг к «планированию европейского социализма»[19]. Поскольку будущей конференции в Цюрихе предстояло рассмотреть вопрос о трансформации Социалистического интернационала (речь шла о КОМИСКО) в Рабочий социалистический интернационал с участием всех рабочих партий, в том числе и коммунистических, то делегаты будапештской конференции, учитывая позиции социал-демократии Франции, Бельгии, Голландии, Англии, признали, что решить этот вопрос будет исключительно трудно*. Забегая вперед, отметим, что в Цюрихе в июне 1947 г. попытка оказалась неудачной.

Симптоматично, что позиция румынского социал-демократа на будапештской конференции немедленно вызвала острую критику со стороны французской социалистической печати. Руководство СДП Румынии было представлено как полностью подчинившееся коммунистической идеологии. Этот выпад весьма встревожил румынских лидеров. Было принято решение направить в «Оргбюро II Интернационала» подробное письмо с изложением позиции партии. Одновременно были предприняты шаги, направленные на усиление связей с миссией Великобритании в Бухаресте[21].

Конфронтация великих держав, приобретшая к осени 1947 г. законченный вид противостояния двух блоков, опускавшийся «железный занавес» непосредственно отразились на состоянии дел в рабочих партиях. «Холодная война» поставила их перед необходимостью более четко определить свои позиции и, несомненно, углубила имевшиеся трещины в международном рабочем движении, ускорила процесс его поляризации. По мнению французских исследователей, образование блоков повлекло за собой «новый раскол рабочего движения на Западе, с трудом спаянного в движении Сопротивления нацизму». Социалистические партии, обвинявшие коммунистов в «получении инструкций из Москвы», считали себя теперь вправе проводить «атлантическую» политику, приведшую их фактически к принятию «американского руководства». Лидеры большинства западных социал-демократических партий, восприняв план Маршалла, были вынуждены фактически солидаризироваться с доктриной «сдерживания» коммунизма, которая, как считают французские историки, в до предела накаленной международной атмосфере не могла не быть расценена как стремление «заставить отступить все формы социализма»[22]. В этой связи заслуживает внимания оценка настроения руководства ЛПВ английским лейбористом Д. Вейзи. «К середине 1947 г.,— пишет он,— положение выглядело почти безнадежным. Увеличивалась опасность, что коммунисты могут победить на

* Проблема будущего Социнтерна волновала не только европейскую социал-демократию. Так, еще в январе 1946 г. Социалистическая партия США обратилась ко всем социалистам со специальным документом, задуманным как проект и основа предстоящей дискуссии о судьбе Социнтерна. В нем прямо указывалось, что «коммунистическим группам, какими бы именами они ни прикрывались, нет места в демократическом Социалистическом интернационале»[20].

выборах в Италии и что мощная Французская коммунистическая партия придет к власти в стране. Тяжелое экономическое положение Великобритании и страх потери Греции привели к принятию «плана Маршалла». Поэтому социал-демократы должны были подготовиться к новому периоду — усиления военных и экономических связей с США... Социальная и экономическая политика социал-демократии теперь была поставлена в исключительную зависимость от американской помощи, а ее сохранение зависело от американского ядерного щита»[23]. Иными словами, занять промежуточное место, согласно концепции «третьей силы», под которой понималась в мирных условиях борьба против рабства капитала, с одной стороны, и «тиранической диктатуры большевиков», с другой, западной социал-демократии не удалось.

В такой обстановке шла подготовка к очередной конференции социалистов в Антверпене. Вновь проявилась дискриминационная линия по отношению к болгарской и румынской социал-демократии. Лейбористское руководство проигнорировало просьбу болгар содействовать их приглашению в Антверпен, поскольку всеобщая забастовка во Франции помешала БРСДП установить непосредственную связь с ЦК Бельгийской социалистической партии. В этой ситуации руководство БРСДП направило телеграмму в Бюро ЛПВ, рассчитывая на посредничество, но она осталась без ответа. Надежда болгар, что они будут выслушаны в Антверпене[24], рухнула. Думается, что этот эпизод весьма показателен, и, безусловно, не может рассматриваться как случайность. А между тем были среди участников антверпенской встречи такие, кто рассчитывал на приезд болгарской делегации. Незадолго до конференции лидер Итальянской социалистической партии Л. Бассо обратился к руководителю БРСДП Д. Нейкову с серьезным предложением. В письме от 31 октября 1947 г. Бассо отмечал целесообразность проведения «в абсолютно частном порядке» предварительной встречи делегатов Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Италии для выработки согласованных позиций по вопросам, вынесенным на повестку дня конференции. Л. Бассо подчеркнул, что, по его мнению, два момента станут «несомненным поводом» для дискуссии в Антверпене — создание Коминформбюро и «положение социализма в Румынии и Болгарии». Такую встречу Бассо считал уместной провести за день — два до открытия антверпенской конференции в месте, «которое может быть согласовано»[25]. Болгарская сторона согласилась с доводами итальянского лидера: 18 ноября 1947 г. был определен состав делегации на конференцию в Антверпен и на указанную встречу (Д. Нейков, З. Митовски, А. Нейков)[26], но тем дело и закончилось. Ответить на вопрос, состоялась ли встреча прочих делегатов, не представляется возможным из-за отсутствия источников. Известно лишь, что официальные представители румынской СДП также отсутствовали в Антверпене, что, несомненно, ослабило позиции той группы упомянутых в письме Л. Бассо стран,

к примеру, французские и итальянские социалисты. Еще в мае 1947 г. один из руководителей ИСП Ч. Боссо подчеркивал в письме Д. Нейкову: «...опасно будет ставить целью создание строгой международной социалистической организации»[30]. Мы намеренно фиксируем позицию итальянских социалистов, которые в рассматриваемое время стойко придерживались пакта о единстве с ИКП, тесно сотрудничали с социал-демократическими партиями стран Восточной Европы.

На наш взгляд, антверпенская конференция справедливо констатировала невозможность в той обстановке решить вопрос о восстановлении РСИ. Однако он не был и окончательно снят с повестки дня: резолюция зафиксировала, что к его рассмотрению следует вернуться «в нужное время»[31].

Если в 1947 г. по инициативе европейских лидеров социал-демократии был положен конец сотрудничеству с коммунистами во всех западноевропейских странах, кроме Италии, то начало 1948 г. довело процесс расцепления социалистического движения до логической развязки: за сотрудничество с компартиями из КОМИСКО одна за другой были исключены социал-демократические партии Венгрии, Румынии, Чехословакии. На Венской конференции в марте 1948 г. эта же участь постигла и ИСП, не пожелавшую разорвать пакт о единстве с ИКП[32]. Все эти акции расценивались западной общественностью как вынужденные меры, направленные против наступления коммунизма. В решении Венской конференции утверждалось, что «ответственность за раскол... внутри европейского социалистического движения полностью ложится на Коминформ». В обосновании данного вывода важную роль играли февральские события 1948 г. в Чехословакии. И много позднее лидеры Социнтерна предпочитали придерживаться этой позиции. Так, еще в конце 60-х годов видный деятель австрийского и международного социалистического движения Ю. Браунталь подчеркивал, что события в Праге в феврале 1948 г. «разрушили все мосты взаимопонимания между рабочим движением демократического социализма и коммунистическим движением»[33]. Не отбрасывая известной справедливости этого утверждения, все же отметим, что и ведущие социалистические партии Запада в лице их руководства несут свою долю вины за нагнетание напряженности в европейском социалистическом движении, в частности, за последовательную линию дискриминации, а затем и отлучения социал-демократических партий Восточной Европы и ИСП от этого движения. Вот как представлялась перспектива дальнейшего развития социалистического движения в Европе лидеру Голландской партии труда Форинку еще в ноябре 1947 г. Бесполезно искать компромисс с представителями социалистических партий стран Восточной Европы, считал он. Они «несвободны в своих действиях, а терроризированы и порабощены коммунистами... Было бы лучше идти вперед с ясной западной политикой, основанной на плане Маршалла и борьбе против коммунизма»[34].

2 марта 1948 г. руководство ЛПВ выступило со специальным заявлением в связи с февральским кризисом в Чехословакии. Лейбористы утверждали, что страна стала жертвой внешней агрессии и внутреннего предательства, народ был сломлен этими атаками, национальное единство разбито и установлена диктатура меньшинства. Резкой критике в связи с этим подверглись лидеры СДП. Президиум СДП принял в связи с заявлением ЛПВ ряд документов, разосланных, судя по всему, и в адрес других социал-демократических партий. В данной работе используются материалы, сохраняющиеся в фондах БРСДП. В них отразилась попытка опровергнуть обвинения лейбористов. Упор при этом делался на отрицание наличия в стране диктатуры меньшинства. После февральских событий, говорилось в документе, «правительство было изменено парламентскими методами с одобрения главы государства — президента Бенеша, который известен не только своей конституционной позицией, но и моральным авторитетом и философскими устремлениями при применении демократических методов и укреплении основ Чехословацкой республики». В коммюнике Чехословацкой социал-демократической партии подчеркивалось, что с момента своего основания социал-демократия страны была привержена идее международного социалистического сотрудничества, что эта ее позиция сохранилась и после II мировой войны, выразившись в участии в социалистических конференциях и борьбе за единство социалистического движения. Отмечалось также, что большинство социалистических партий Западной Европы стали жертвами опасных политических тенденций, приведших к компромиссу с силами международной реакции, персонифицированными в облике США, американского империализма, компромиссу, который благозвучно был наречен теорией «третьей силы».

Руководство СДП констатировало, что социалистическое движение раскололось: силам реакции противостоят социалистические партии, «оставшиеся верными принципам научного социализма и созидательного строительства, нашедшим выражение в создании революционной народной демократии». Отношение к недавним событиям в Чехословакии, выраженное на социалистической конференции в Лондоне в марте 1948 г., лишь укрепляет наше убеждение, говорилось далее, что дальнейшее участие чехословацкой социал-демократии в КОМИСКО «возлагает на нас ответственность за предательство рабочего класса»[35].

С аналогичным документом выступила и ППС. 22 марта 1948 г. в специальной Декларации, разосланной социалистическим партиям, ППС также констатировала, что большинство социалистических партий Европы пошло «по пути компромисса с консервативными общественными силами и международной реакцией», разрушения единства рабочего класса, атак против левого крыла международного социалистического движения. Наиболее ярким примером тому стали, по мнению ППС, отношение большинства социалистических партий Западной Европы к февральским со-

бытиям в Чехословакии и «открытая атака» на чехословацкую социал-демократию, а «венцом этой политики явилась поддержка... плана Маршалла и активное участие... в создании военного союза пяти западноевропейских стран». Особое опасение ППС вызвало «разрушение системы безопасности и мира после войны, основанной на Потсдамских соглашениях», и проблема экономического восстановления Западной Германии, которую поляки считали «источником опасности новой агрессии». Особое внимание было обращено на отношение большинства социалистических партий к СССР и странам народной демократии. «...Политика слепой ненависти к СССР понемногу распространяется и на страны народной демократии,— отмечалось в документе,— где после войны осуществились подлинные революции и где рождаются новые, прогрессивные формы общественной организации, открывающие путь к социализму. Оценивая участие ППС в послевоенном социалистическом движении, руководство партии заявило, что считало своим долгом таким путем «влиять как можно дольше на социалистические партии в плане изменения их политики в подлинно социалистическом духе, а также восстановить единство рабочего движения». Но к моменту принятия данной Декларации стала очевидной бесполезность этих усилий. Декларация ППС констатировала углубление раскола рабочего движения, ответственность за которое возлагала на руководство большинства социалистических партий Западной Европы. Более категорично, чем чехословацкая социал-демократия, ППС обвиняла западные социал-демократии в разрушении любого сотрудничества с социалистическими партиями Восточной Европы, исповедывавшими принципы марксизма и наиболее последовательно реализовывавшими единство рабочего движения. Исходя из всего вышеизложенного, ППС заявила, что «ее участие в международных конференциях, организованных КОМИСКО, более не имеет смысла», т. е. дистанцировалась от правого течения в социалистическом движении. В то же время ППС специально подчеркнула свою готовность сотрудничать с «социалистическими рабочими массами всего мира», «помочь им в их борьбе против наступления капитализма и реакции». Достижение «подлинного рабочего единства» руководство ППС связывало с освобождением социалистической массы рабочих от влияния правых социалистов и выражало свою твердую веру, что этот час наступит [36].

Таким образом, в 1948 г. в международном социалистическом движении завершились процессы, развивавшиеся с момента окончания II мировой войны. На фоне серьезных, принципиальных изменений расстановки сил на международной арене обозначились кризисные явления в ходе адаптации социал-демократии к новым условиям. Концепция демократического социализма, объединявшего некоторые марксистские взгляды с воззрениями радикальной буржуазии, призванного найти срединную линию в противостоянии социализма и капитализма в целях умиротворения, смягчения столкновений двух миров, не смогла стать объединяющим

фактором для социалистических и социал-демократических партий. Более того с наступлением «холодной войны», зафиксировавшей невиданную поляризацию сил на международной арене, усилилось деление в социалистическом движении на левых и правых. В глобальном плане этот водораздел прошел таким образом, что социалистические партии Западной Европы составили, за исключением Италии, правый фланг движения, а социал-демократии Восточной Европы образовали его левый фланг. Несомненно, что мощным катализатором поляризационных процессов явилась проблема сотрудничества с коммунистами, а дальнейшая судьба социал-демократических партий в Восточной Европе в значительной мере зависела от представлений руководства рабочих партий относительно методов и средств реализации идеи сотрудничества.

* * *

Нарастание «холодной войны» усилило тенденцию к укреплению связей между коммунистическими партиями в международном масштабе. Хотя идея эта высказывалась гораздо раньше (по сведениям польской исследовательницы З. Рутыны, еще в 1945 г. И. Б. Тито в беседе с И. В. Сталиным поднимал вопрос о создании нового международного органа коммунистического и рабочего движения «вместо Коминтерна»[37]), именно в 1946—1947 гг. в Москве прошла серия консультаций и бесед по этому вопросу между коммунистическими лидерами. В 1946 г. вопрос о каком-либо органе, «могущем обеспечить координацию действий и обмен мнениями между коммунистическими партиями», обсуждался И. Сталиным, И. Б. Тито, П. Тольятти и Г. Димитровым[38]. Во время неофициального визита В. Гомулки в Москву весной 1947 г. обговаривался и этот вопрос. В июне он был переведен уже в практическую плоскость: по предложению советской стороны ЦК ППР взял на себя роль организатора первого информационного совещания представителей некоторых компартий, и его Политбюро обсуждало в деталях ход его подготовки[39].

Представляется, что объективно в консолидации народно-демократических стран были заинтересованы все коммунистические и рабочие партии, действовавшие в них. Определившаяся к осени 1947 г. изоляция восточноевропейских государств от стран Запада вела к их интеграции с СССР, с советской политической и экономической системой. Однако уже в ходе подготовки информационного совещания выявились определенные различия в понимании направлений и масштабов этой интеграции. Думается, что именно в этом причина сомнений В. Гомулки, сдержанного, «без энтузиазма» отношения К. Готвальда к идее встречи в Польше, колебания М. Тореза и П. Тольятти[40]. И все же подобная позиция явилась скорее исключением. Во всяком случае компартии остальных стран народной демократии проявили заинтересованность в совещании и дали согласие на участие в нем. Об этом же заявили ЦК Французской и Итальянской компартий, переговоры с которыми вел от имени ЦК ППР О. Длуский.

Совещание открылось 22 сентября 1947 г. в польском курортном городке Шклярска Поремба в Нижней Силезии. По предложению советской стороны была определена повестка дня. После взаимного ознакомления с деятельностью коммунистических партий предстояло обсудить международное положение и вытекающие из него задачи компартий, а также рассмотреть вопрос об усилении связей между ними. Характерно, что в опубликованных затем текстах говорилось не об усилении, а о восстановлении этих связей.

Открывая совещание, В. Гомулка выдвинул ряд проблем для обсуждения. Оценив значение народно-демократических стран с точки зрения нового прорыва в системе империализма, польский лидер счел необходимым поставить вопрос о перспективах дальнейшего развития народной демократии, роста элементов социализма. Подчеркнув принципиальное различие в развитии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, с одной стороны, и Западной, с другой, он отметил важность и поучительность анализа причин истоков, обусловивших это различие с точки зрения практического действия. Гомулка проявил обеспокоенность в связи с «неприятным в последнее время развитием ситуации в Италии и Франции» и выразил надежду, что предстоящая дискуссия определит «наиболее удачную форму наших взаимных контактов и идейного воздействия на данном этапе». Руководство ППР, как следует из черновиков вступительной речи Гомулки, шло на совещание, понимая, что «настало время внести ясность в оценки всей мозаики явлений, связанных с формированием народной демократии в различных странах», что следует найти «объем применимости (принципов.— *Т. В.*) народной демократии», которые являются «выражением поисков творческой марксистской мысли, направленных на переустройство послевоенной действительности в направлении социализма». Сегодня,— говорил Гомулка,— как и годы назад, идет... принципиальное размежевание, острее, чем когда-либо прежде, между концепциями социал-демократии, которая ведет к поддержке финансового капитала и «теориям» мирного врастания монополистического капитализма в социализм, а значит и к остановке и угасанию классовой борьбы, и концепцией народной демократии, которая есть сокрушение диктатуры финансового капитала в стране и безусловная защита от экспансии чужого финансового капитала, что открывает в благоприятных условиях мирный путь к социализму. Концепция народной демократии — это развитие и приспособление к послевоенной деятельности революционной марксистской теории[41]. Хотя в Шклярской Порембе была подчеркнута необходимость «консультации и добровольной координации действий отдельных партий» и создано с этой целью Информационное бюро (место пребывания — Белград), среди участников совещания выявились различия в определении путей координации деятельности компартий, а также задач Информбюро. Польский исследователь Б. Бжезиньский, в частности, отмечает, что в первоначальном варианте

решений имелась правка принципиального характера, авторство которой не установлено, свидетельствующая о стремлении воспрепятствовать утверждению главенствующей роли Информбюро, ограничению самостоятельности отдельных партий и возможному нарушению межпартийных отношений[42]. Позднее, на пленуме ЦК ППР 11 октября 1947 г., В. Гомулка специально подчеркнул, что Информбюро «ни в коем случае не может быть приравнено к прежнему Коминтерну», который объединял около 60 компартий разных стран, обладал большим техническим аппаратом и, что может быть самое важное, имел программу, обязательную для объединенных в Коминтерне партий, и главный руководящий орган, директивы которого были обязательны[43]. Важнейшим организационным принципом деятельности Информбюро становилась для Гомулки добровольность: отдельные партии должны были, по его мысли, пожелать «совместно обсудить вопросы своей деятельности и координировать свои действия с другими... «Материалы, касающиеся любой страны, после их одобрения ЦК соответствующей компартии надлежало печатать в коллективном органе Информбюро «в основном без изменений»[44]. Опасения найти в Информбюро продолжение Коминтерна имели под собой реальные основания. Сегодня является общепризнанным, что для Сталина Коминтерн был удобным средством реализации командно-административных методов руководства всем коммунистическим движением, открывал по существу неограниченные возможности прямого вмешательства во внутренние дела зарубежных компартий. Исполком Коминтерна с готовностью воспринимал сталинские установки по ключевым вопросам политики коммунистического движения, зачастую не отграничивая свои действия от внешнеполитического курса СССР. После войны в условиях огромного авторитета И. В. Сталина в международном коммунистическом движении, превращении его фактически в харизматическую личность задача «усиления связей» между компартиями, провозглашенная в Шклярской Порембе, реально могла означать, к сожалению, одно — утверждение централистских форм руководства коммунистическим движением, возобновление опыта деятельности распущенного в 1943 г. Коминтерна. Определенные симптомы этого проявились еще до совещания в Польше. Летом 1947 г. в выступлениях советского руководства отчетливо ощущается патерналистская тональность. Примером может служить выступление А. А. Жданова в ходе дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», в котором советский идеолог, приветствуя появление на мировой арене государств «новой демократии», подчеркнул: «Кому, как ни нам — стране победившего социализма... помочь нашим зарубежным друзьям и братьям осветить свою борьбу за новое общество светом научного социалистического сознания, кому, как ни нам, просветить их и вооружить идейным оружием марксизма!»[45]

С исторической дистанции теперь ясно видно, как конкретно воплощался этот замысел, какие серьезные последствия имел для

компартий народно-демократических государств и для международного коммунистического движения в целом. Уже в Шклярской Порембе руководству народно-демократических стран, пишет болгарский исследователь Д. Драганов, была предложена фактически «подробная и точная программа, осуществление которой вело, независимо от пути, по которому они шли до сих пор, к созданию во всех странах народной демократии общества, идентичного или во всяком случае максимально близкого советской модели социализма». Ученый справедливо замечает, что программа эта была изложена в докладе Г. М. Маленкова «О деятельности ЦК ВКП(б)». Ориентиром для компартий становились индустриализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства, утверждение коммунистов в качестве ведущей политической силы, недопущение деятельности всяческих «антипартийных сил» как потенциальной основы «пятой колонны», постоянная борьба с остатками буржуазной идеологии и, наконец, противодействие фактам преклонения деятелей культуры перед буржуазными литературой и искусством, «находящимися в состоянии маразма и разложения»[46].

В Шклярской Порембе проявились левацкие настроения определенной части участников совещания, связанные в целом с тенденцией к ускорению революционных процессов, их «пришпориванию». Представители КПЮ безосновательно критиковали итальянских и французских коммунистов за преклонение перед парламентаризмом, за то, что допустили к власти буржуазию, утверждали, что в этих странах имелись условия для полного захвата власти при использовании поддержки большинства общества и реальной военной силы в лице партизанских отрядов. Эта критика была поддержана и в заключительном слове Гомулки, который счел, что французские и итальянские коммунисты не защищались, не апеллировали к массам, отдав власть без классовой борьбы. «Никто не рекомендует прибегать к путчу,— говорил Гомулка.— Однако для нас совершенно ясно, что без борьбы нельзя победить классового врага». Гомулка видел причины поражения ИКП и ФКП в том, что они, «часто слыша о так называемом мирном пути к социализму, о котором говорят коммунистические партии в странах народной демократии, оказались до некоторой степени под гипнозом этого мирного пути». В связи с этим, заявил Гомулка, следовало бы подчеркнуть, что, во-первых, «мирный путь к социализму в странах народной демократии — это путь острой и даже кровавой войны с классовым врагом и, во-вторых, о мирном пути можно говорить лишь если у партии крепкие позиции в правительстве и госаппарате»[47]. Но не только итальянцы и французы подверглись критике. Югославская и венгерская делегации выразили также несогласие с представлениями чехословацких коммунистов о национальном пути к социализму. Однако наиболее четко отголоски «левой» тактики Коминтерна проявились в поднятом на совещании вопросе о социал-демократических партиях. Резкая критика западных социал-демократов за их пере-

ход «на службу империализму» в заключительном слове Жданова неожиданно для многих приобрела более широкое звучание — о социал-демократии в целом. «Привыкли думать,— говорил Жданов,— что социалисты находятся к нам ближе всех. Но политическая ситуация может отвести социалистам место значительно правее, нежели другим. ...Может оказаться так, что социалисты отойдут дальше кого бы то ни было от коммунистов. ...Они могут стать главным врагом, тем, против которого мы должны сконцентрировать наш огонь»[48]. Очевидно, что подобная установка очерчивала линию недоверия к одному из отрядов рабочего движения, занимавшему важное место в народных и национальных фронтах. Прав польский исследователь Б. Дымек, отмечающий, что при подобном подходе к социал-демократии торжествовала не идея народного фронта 1935—1938 гг., а сектантская политика международного коммунистического движения 1927—1934 гг.[49] В этом есть своя логика, если учесть, что VII конгресс Коминтерна, взявший курс на объединение всех демократических, антифашистских сил, фактически явился своего рода уступкой Сталина растущему движению за единство. В дальнейшем же Сталин никогда не высказывался в поддержку решений и линии VII конгресса, видимо, так и не преодолев недоверия к политике рабочего единства и широкого антифашистского фронта. В первую очередь, недоверие это относилось к социал-демократам. Вследствие этого наметился поворот в отношении советского руководства к антифашистскому фронту широких демократических и патриотических сил; последний начали рассматривать как сугубо тактический вопрос.

Острота ждановских формулировок, очевидно, смутила польского лидера. Иначе трудно объяснить, почему в заключительном слове Гомулки, произнесенном уже после доклада Жданова, содержатся иные постановки вопроса об отношении к социал-демократии. Соглашаясь с тем, что наиболее важной задачей дня являлась борьба против американского империализма, Гомулка заострил внимание на проблеме союзников коммунистов в этой борьбе. И здесь важное место он справедливо отводил социал-демократическому отряду рабочего движения. «Нам хорошо известно отношение блюмов, бевинов и им подобных к экспансии американского империализма. Поэтому мы должны со всей решимостью бороться против них. Но мы можем рассчитывать на массы, находящиеся под влиянием социал-демократов, мы должны рассчитывать на ряд социал-демократических руководителей меньшего масштаба... Мы не должны забывать, что социал-демократические партии в отдельных странах пользуются еще серьезным влиянием в рядах рабочего класса, а ведь только рабочий класс может возглавить народ в этой борьбе. Поэтому главной нашей заботой должно быть объединение рабочего класса, объединение коммунистов и социалистов в борьбе с американским империализмом, в борьбе за мир... Тактика единого фронта должна остаться основной тактикой на нынешнем этапе... Нельзя

возвращаться к старому лозунгу единого фронта лишь снизу. Единый фронт будет тем крепче внизу, чем он выше дойдет в социалистических партиях». Характерно при этом, что возможности создания единого фронта и снизу, и сверху Гомулка видел как в странах народной демократии, так и на Западе. При этом он считал, что активизация левых социал-демократов в странах народной демократии способна оказать воздействие на социалистические партии в капиталистическом мире[50].

Но в Шклярской Порембе судя по всему была воспринята иная, ждановская позиция по отношению к социал-демократии. В опубликованных документах содержались резкие нападки на руководство западных социал-демократических партий. Вместе с тем четкого разграничения правых и левых социал-демократов не было проведено, явно возобладал старый, сектантский подход к социал-демократии, в которой легче и привычнее было увидеть «лакеев» американского империализма и «социал-предателей». Советская исследовательница В. С. Парсаданова подметила, что в отдельных экземплярах проекта Декларации совещания, розданных делегатам, определение «правые» было вычеркнуто и таким образом тяжкие обвинения в предательстве отнесены ко всем членам социал-демократических, социалистических и лейбористских партий[51]. Очевидно, что такая категоричность и острота формулировок применительно к социал-демократии, нашедшая понимание у большинства участников совещания, была чревата не снижением, а напротив ростом напряженности в рабочем движении и ставила под большой вопрос реализацию идеи равноправного сотрудничества социал-демократов и коммунистов в странах Восточной Европы. Представляется, что в практику компартий именно в это время оказалась заложенной большая и трагическая ошибка, выразившаяся в игнорировании значительного потенциала концепции левой социал-демократии, в принципе готовой к сотрудничеству с коммунистами.

Констатируя принципиальные расхождения, существовавшие среди некоторых участников встречи в Шклярской Порембе по отношению к социал-демократии, все же не следует эти расхождения переоценивать. Доклад Жданова оказал на того же Гомулку, на наш взгляд, двоякое влияние. С одной стороны, как мы старались показать, заставил скорректировать оценки перспектив сотрудничества с социал-демократами, а с другой — способствовал формированию жесткого подхода к вопросу о самостоятельности компартий. «...Когда кристаллизуются в мировом масштабе два антагонистических блока — империалистический и демократический,— проблема тактики компартий в отдельных странах не может быть лишь внутренней проблемой каждой отдельно взятой страны, но должна быть предметом заботы и обсуждения всех партий,— подчеркнул Гомулка. — ...Польская делегация не говорит, что не хочет вмешиваться во внутренние дела других партий, а ведь ко внутренним делам следует причислить и тактику отдельных партий. Мы хотим занять определенную позицию по

отношению к тактике других компартий, и мы того мнения, что имеем на это право, так же как всякая другая партия имеет право занять позицию относительно тактики нашей партии. Мы все имеем право вмешиваться взаимно в наши внутренние дела, а особенно оценивать тактику отдельной партии, так как мы все желаем построить наиболее прочный антиимпериалистический фронт и максимально увеличить силу европейской и мировой демократии»[52].

Таким образом, в Шклярской Порембе были заложены основы для перехода к «повторению пройденного»: в качественно новых условиях произошел возврат к идеям и практике Коминтерна. Хотя на совещании не был создан постоянный секретариат Информбюро, как это было в Коминтерне, но это оказалось делом времени. Этот руководящий орган был сформирован на заседании Информбюро в июне 1948 г. в Бухаресте. Возглавил Постоянный секретариат М. А. Суслов, но фактически его обязанности выполнял П. Ф. Юдин. Далее последовало прямое вмешательство аппарата Информбюро во внутренние дела партий, жесткая централизация руководства (к примеру, от партий-участниц требовались отчеты о выполнении тех или иных решений Информбюро), а также поддержка носителей сектантско-догматических взглядов в партиях. Однако упрощением было бы считать, что в последних отсутствовала питательная среда, своего рода гумус, для восприятия ортодоксального марксизма.

Признавая сегодня, что доминировавшие в международном коммунистическом движении сталинские взгляды укрепляли «левое» сектантство, т. е. мелкобуржуазную революционность, не следует недооценивать того факта, что они прежде всего опирались на него. Это принципиально важно, ибо заставляет отказаться от упрощенных выводов, сводящих все к нажиму советского руководства, и ориентирует на поиск внутренних факторов, способствовавших распространению левосектантских и догматических взглядов. Конкретные материалы позволяют констатировать: в самих партиях, в том числе и в их руководстве, имелись силы, с готовностью воспринявшие усиление догматизма в международном коммунистическом движении. Процесс нарастания последнего нередко шел «снизу», выражался прежде всего в претензиях коммунистов на монополию в рабочем движении, в тяге к решительным, спрямленным действиям во имя достижения социализма.

Советский опыт в подобной социально-психологической обстановке обеспечивал, как казалось, прорыв из отсталости стремительным рывком и, несомненно, являлся более предпочтительным для малоимущих слоев общества в странах Восточной Европы, нежели рассчитанные на постепенность идеи коалиционного управления, широкого фронта демократических сил. Как показано выше, эти идеи зачастую вызывали у рядовых коммунистов раздражение и разочарование. В этом плане новый курс на интенсификацию революционого процесса, сформулированный в

Шклярской Порембе, безусловно, находил отклик и понимание. Поддерживавшая связи с зарубежными коммунистами А. М. Коллонтай отмечала в письме Жданову от 1 ноября 1947 г. по поводу его выступления в Шклярской Порембе: «У многих последнее время развился пессимизм, но Ваш анализ и ясное указание последующих этапов нашей политики и освободительного движения во всем мире приоткрывает еще одну дверь в будущее»[53].

Новый курс означал неизбежное усиление ведущей роли рабочего класса. Однако соответствующий лозунг, воспринятый компартиями всех стран региона, понимался упрощенно — как утверждение классового принципа в качестве главного, если не единственного. Классовое происхождение, его «чистота» становились основным критерием при подборе и расстановке кадров. В Чехословакии, например, он проявился в назначении на руководящие посты исключительно рабочих, так как многие члены КПЧ были глубоко убеждены, что лишь представители рабочего класса заслуживают доверия, и демонстрировали сектантское отношение к интеллигенции. Кроме того, в КПЧ сильно чувствовалось деление кадров на старые и новые. К последним относились вступившие в партию после весны 1945 г.[54] В первую очередь, сектантские взгляды, равно как и классовый принцип распределения материальных благ в сложной экономической обстановке, импонировали наименее политически зрелым слоям рабочего класса.

Аналогичные явления наблюдались в Болгарии. Как отмечал журнал болгарских социал-демократов «Социалистическа борба» летом 1946 г., часть коммунистической интеллигенции и коммунистических функционеров «еще не могут освободиться от старой фракционной идеологии: они-де являются единственной революционной партией и вне их рядов нет революционных сил»[55]. Архивные источники сообщают о трениях, возникавших между «стариками» и «молодыми». По оценкам ЦК БРП(к), относящимся к весне 1945 г., в стране имелись три категории партийных кадров. Первые — так называемые московские, имели преимущество в теоретической подготовке, были знакомы с опытом партийной работы большевиков, но недостаточно освоили местные условия, часто забегали вперед, проявляя склонность к механическому применению в Болгарии советского опыта. Вторую, самую многочисленную группу, составляли «молодые» партийные руководители и активисты из партизан, в массе своей не имевшие необходимой теоретической подготовки и опыта государственной, административной и хозяйственной работы. И, наконец, к третьей группе относились «старые» партийцы, находившиеся в годы войны на легальном положении, но ведшие работу в массах, имевшие с ними широкие связи и знавшие их настроения.

Во всех компартиях стран региона «молодые» партийцы, обеспечившие мощный численный рост партий, зачастую не осознавали с необходимой глубиной целей и задач, стоявших перед коммунистами, или рассматривали их упрощенно. Отличаясь низкой

профессиональной, теоретической и общекультурной подготовкой *, но став членами правящих партий, т. е. войдя в сферу управления, они усваивали и были готовы реализовывать как главную и единственную лишь одну из его организационных форм — административную.

В силу вышеизложенного представляется, что жесткость и упрощенность оценок международной обстановки и задач, из нее вытекающих для компартий, которые содержались в докладе Жданова в Шклярской Порембе, были рассчитаны именно на широкие партийные массы. Сведéние сложных многообразных процессов к «полюсному», черно-белому изображению, конкретные указания что и как надо делать должны найти отклик среди партийной массы как в СССР, так и в странах Восточной Европы. Такой подход с неизбежностью усиливал позиции доктринерских группировок в руководстве компартий, тяготевших, в отличие от коммунистов-реформаторов, к использованию уже апробированных методов действия и готовых признать за последними универсальный характер.

В конце 1947 г. примером для подражания, помимо советского, являлся и опыт Югославии. Советская печать констатировала, что в этой стране «дело демократизации продвинулось дальше, чем в других странах», что Югославия занимает «передовое место» среди стран Юго-Восточной Европы, где также произошли глубокие демократические преобразования и т. д. Активно подчеркивался «значительный вклад Югославии в общее дело разгрома немецко-фашистских захватчиков», позволивший стране занять «почетное место» среди свободолюбивых народов мира [59]. В международном коммунистическом движении высокую

* Встававшая в то время как чрезвычайно актуальная задача повышения теоретического уровня партийных кадров решалась путем изучения истории ВКП(б). Журнал «Большевик» писал, что настольными книгами коммунистов за рубежом являлись «Краткий курс истории ВКП(б)» и книга Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза»[56]. «Краткий курс» издавался колоссальными по масштабам стран тиражами. К примеру, в Чехословакии в 1945—1949 гг. он выдержал девять изданий на чешском и три на словацком языках, а общий тираж составил 425 тыс. экземпляров; в Польше в 1944—1949 гг. тираж достиг 1 млн. 200 тыс. экземпляров; в Болгарии только в 1946—1948 гг. работа выдержала четыре издания общим тиражом 100 тыс. экземпляров. Следует иметь в виду, однако, что количественная сторона дела отнюдь не решала проблему эффективности такой «подготовки». Ведь даже для членов ВКП(б) изучение «Краткого курса» оказывалось нередко непосильной задачей. Не случайно на совещании в ЦК ВКП(б) 18 апреля 1946 г. по вопросам пропаганды подчеркивалось: «Если речь идет о рядовых коммунистах, то большинство из них, очевидно, не в состоянии еще изучить «Краткий курс». Люди из среды рабочих, крестьян не могут изучить „Краткий курс", они требуют политграмоту...»[57]. Что касается зарубежных коммунистов, то весьма скудные источники, которыми мы располагаем, рисуют ту же картину. К примеру, в отчете Агитпропа ЦК БРП(к) за 1946 г. констатировалось: «В сети политпросвещения наиболее многочисленные кружки — по истории ВКП(б), но из ряда мест жалуются, что история для них трудна. Большой интерес к истории РП(к), но дело тормозит отсутствие литературы [58].

оценку получили некоторые итоги революционного переустройства югославского общества, в частности, массовое обобществление основных средств производства. В соседней Болгарии, например, руководство компартии не раз поднимало вопрос о «соревновании» с югославскими товарищами, сверяло свои достижения с югославской практикой. В это время внимание к советскому и югославскому опыту уживалось с обоснованием собственных, национальных вариантов развития. В международном коммунистическом движении еще превалировала концепция многообразия путей перехода к социализму, допускалась возможность эволюционного развития в направлении к новому общественному строю через народную демократию[60]. При этом поначалу власть, установленная в результате крушения авторитарных режимов в Восточной Европе, рассматривалась как переходная к диктатуре пролетариата. Последняя отождествлялась лишь с ее советской формой, с советским ходом социалистического строительства. Вследствие зримого несовпадения облика власти, установленной в октябре 1917 г. в России и в 1944—1945 гг. в странах региона, народная демократия представала как иная, отличная от диктатуры пролетариата форма власти трудящихся, и такое ее восприятие до поры логично вписывалось в марксистско-ленинскую концепцию множественности путей к социализму. Известно, что на определенном этапе советское руководство и лично Сталин допускали возможность особой дороги к социализму — без советской формы диктатуры пролетариата, на основе постепенного, мирного осуществления демократических преобразований. Об этом, в частности, говорилось во время бесед Сталина с К. Готвальдом 20 и 22 июня 1946 г.[61]

Советский опыт построения социализма коммунистами стран региона неизбежно связывался с вооруженным захватом власти пролетариатом и гражданской войной. Иными словами, они шли от образца острой классовой поляризации сил, их ожесточенного столкновения, тогда как в своих странах наблюдали иное развитие революционного процесса. Советский строй и система рассматривались как образец перехода к социализму сразу через государство диктатуры пролетариата. Народная демократия оценивалась как новый путь в условиях относительно мирного развития на основах «классической» парламентской демократии как формы власти трудящихся. Концепции национальных путей развития с перспективой перехода к социализму, разработанные в странах народной демократии в 1945—1946 гг., характеризовались своего рода «пролонгирующим» подходом, когда радикальные перемены социалистического характера растягивались во времени, становясь менее болезненными. Особенно это касалось вопросов кооперативного преобразования в деревне, социалистической трансформации мелких собственников города. Концепции исходили из возможности притупления остроты классовых конфликтов в обществе, что достигалось на путях компромиссов, включения различных классов и слоев общества в сози-

дательную творческую работу. Реализация политики народных и национальных фронтов способствовала расширению общественной базы народно-демократической власти.

В качестве модели перехода к социализму «новый опыт» народно-демократических государств получил высокую оценку советского руководства, и прежде всего за открытие «своих путей перехода к более совершенным формам общественной жизни»[62]. Позитивные оценки какое-то время сохранялись и после совещания в Польше. 6 ноября 1947 г. в докладе, посвященном тридцатилетию Октября, на торжественном заседании Моссовета В. М. Молотов подчеркнул, что страны народной демократии «своими особыми самостоятельными путями... делают шаги к социализму, создав для трудящихся условия жизни, свободной от капиталистической кабалы, и отстаивая свою национальную независимость против попыток иностранных империалистов прибрать эти страны к рукам и навязать им свою волю»[63]. Однако вывод о национальных путях к социализму резко не состыковывался с концепцией единообразия, основы которой были заложены на совещании в Польше. Поэтому появление новых оценок не заставило себя долго ждать. В начале 1948 г. заведующий международным отделом ЦК ППР О. Длуский сообщал из Белграда, что Жданов включил в передовицу ближайшего номера газеты Информбюро «ряд острых фрагментов против югославов, не называя их по имени. Он обвиняет их,— писал Длуский,— в смазывании собственного облика, растворении партии в Национальном* фронте, в затушевывании классовой борьбы и т. д.». Длуский сообщил, что, по мнению Юдина, объектом критики Жданова явились прежде всего так называемые самородники** во главе с Джиласом. И хотя на заседании редколлегии Юдин «в острой формулировке» повторил эти упреки, югославы не вступили в дискуссию и решили передать этот вопрос на рассмотрение своего Политбюро[64].

Обстановка постепенно накалялась. На совещании в ЦК ВКП(б) 27 марта*** в связи с подготовкой конгресса ученых-славяноведов в Москве Жданов охарактеризовал особенности экономического развития стран народной демократии как «межславянскую ограниченность». К этим особенностям он отнес наличие лишь «проблесков», отдельных элементов социализма, развитие кулачества и капитализма, отказ от национализации земли. Жданов говорил: «За последнее время в силу ряда обстоятельств мы сосредоточили свое внимание на экономическом анализе стран новой демократии и, в частности, под влиянием того, что в некоторых странах новой демократии, как например в Югославии, распространяются неправильные концепции. Гово-

* Так в тексте. Следует читать: Народном.

** От польского: samorząd — самоуправление.

*** В совещании приняли участие А. А. Жданов, М. А. Суслов, Н. И. Вознесенский, В. П. Волгин, А. С. Гундоров, П. Н. Третьяков, Д. Т. Шепилов и С. В. Кафтанов.

рят, например, что Югославия является настоящей революционно-социалистической страной и что путь строительства социализма, по которому идут страны новой демократии, является более верным и более надежным, чем тот путь, по которому шел Советский Союз. ...Нельзя, например, проходить мимо того, что в странах новой демократии не исключается классовая борьба, а в речах некоторых руководителей этих стран отсутствует марксистский анализ. Нам надоело слушать, что югославский кулак будто бы не такой, каким он был в СССР, что в Югославии он, так сказать, „демократический", что крестьянство — это основа Югославского государства, что оно является крестьянством как таковым без всякого его расслоения. Это все такие вопросы, которые надо выяснять в партийном порядке»[65].

Определился абсолютно новый подход к процессам в странах народной демократии. На упомянутом совещании Жданов возмущался: «Выдумывают славянскую экономику, поддерживают иллюзию, что этапы перехода от капитализма к социализму в славянских странах какие-то особые, чем в других странах»[66]. Здесь, как говорится, не убавить, не прибавить... Раздраженный тон Жданова понятен — день проведения совещания в ЦК партии — это день отправки первого письма ЦК ВКП(б) руководству КПЮ. Не дожидаясь ответа югославской стороны, Сталин в апреле 1948 г. распорядился разослать письмо от 27 марта руководству компартий — членов Информбюро. Намерение выяснить возникшие вопросы «в партийном порядке» постепенно начало реализовываться: во втором письме (от 4 мая 1948 г.) югославской стороне сообщалось, что назрела необходимость обсудить «принципиальные разногласия» на ближайшем заседании Информбюро[67]. Очевидно, что вынесение этого вопроса на Информбюро не могло означать ничего другого, кроме осуждения. Это было тем более ясно, что в течение апреля — мая все ЦК партий — участниц Информбюро, направили югославскому руководству резолюции, выражавшие согласие с позицией ЦК ВКП(б). О содержании этих резолюций дает представление соответствующий польский документ от 19 апреля 1948 г., в котором руководство ППР указало на «принципиальную ошибочность теории и практики партийного строительства в Югославии, на недооценку ведущей и руководящей роли рабочего класса в системе народной демократии и непонимание роли партии как авангарда рабочего класса»[68].

Появление резолюций компартий, осуждавших югославов,— это, на наш взгляд, тема, достойная особого разговора. Мы намеренно привели польский документ, поскольку известна инициатива В. Гомулки по улаживанию разгоравшегося конфликта. Как сообщает А. Верблян, Гомулка, ознакомившись с переданной ему 6 апреля копией первого советского письма от 27 марта 1948 г., усомнился в достоверности материалов, послуживших основой для обвинения КПЮ, и высказался против каких-либо мер по отношению к Югославии. Передавшему копию письма

советскому дипломату В. Яковлеву Гомулка заявил: «Не беспокойтесь, это письмо я немедленно доведу до сведения членов Политбюро, и *там каждое предложение товарища Сталина будет поддержано, но, по моему убеждению, это предложение неправильно»* (курсив мой.— *Т. В.*)[69]. Что это было? Ясное понимание Гомулкой, что его особая позиция не найдет поддержки в руководстве ППР, или проявление привычки к пресловутой «партийной дисциплине», требовавшей от коммунистов публичной демонстрации не только единства действий, но и единства мыслей?

Определилась перспектива затяжного конфликта. Критика КПЮ, быстро переросшая в прямые обвинения, носила тенденциозный характер. «Прегрешения» КПЮ нарастали подобно лавине, сводясь постепенно в основном к отрицанию тех черт развития, которые имели специфическую национальную окраску. Югославская сторона через своего представителя в газете «За прочный мир, за народную демократию» Б. Зихерла обратилась 7 июня 1948 г. к П. Ф. Юдину. В письме отмечалась систематически проводимая в газете «линия косвенных нападок на КПЮ, основой которых явились известные письма Сталина и Молотова», отстаивалось право ЦК КПЮ не соглашаться с оценками положения в стране и партии и осуждался принятый газетой курс на «полное игнорирование политического и хозяйственного строительства новой Югославии»[70].

Письмо Б. Зихерла было рассмотрено на заседании редколлегии газеты 12 июня 1948 г. В принятом решении констатировался «недопустимый характер» письма, якобы ультимативного по форме и нелепого по содержанию, так как орган Информбюро призван защищать позицию партий-участниц. Примечательно, что еще до созыва очередного совещания Информбюро и принятия резолюции по югославскому вопросу политика ЦК КПЮ была оценена в упомянутом решении редколлегии как антисоветская и антимарксистская, «достойная не косвенной, а прямой критики». В решении указывалось, что коллектив редакторов «не видит необходимости менять линию газеты»[71]. Таким образом, попытка югославской стороны использовать коллегиальный орган Информбюро в поисках справедливости не увенчалась успехом.

В принятой на совещании Информбюро в июне 1948 г. в отсутствие югославов резолюции «О положении в Коммунистической партии Югославии» руководство КПЮ было, в частности, обвинено в непризнании марксистской теории классов и классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму, в проведении ошибочной политики в деревне, выразившейся в отказе от национализации земли и ликвидации кулачества как класса, в растворении партии в Народном фронте и, следовательно, в ревизии марксистско-ленинского учения о партии, в отсутствии внутрипартийной демократии, выборности и самокритики, в переходе компартии на путь национализма и разрыва с традициями интернационализма и т. д. Заканчивалась резолюция призывом к «здоровым силам КПЮ», верным марксизму-

ленинизму, «заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их», а в противном случае — «сменить их и выдвинуть новое, интернационалистское руководство КПЮ»[72].

В высшей степени несправедливое решение Информбюро и солидарность с ним почти всех коммунистических и рабочих партий * поставили КПЮ в положение полной изоляции. По рекомендации секретариата Информбюро компартии отклонили приглашение югославов прислать своих представителей на V съезд КПЮ. Мотивы отказа предлагалось сформулировать самостоятельно. Например, секретарь ЦК ППР Р. Замбровский сообщил в ЦК КПЮ 17 июля 1948 г. следующее: «Способ подготовки съезда, давление на членов партии, которые осмелились думать иначе, чем правящая группа в КПЮ, перечеркивают возможность, чтобы этот съезд сыграл оздоровительную роль в партии»[74].

Отлучением Югославии от народно-демократических стран в середине 1948 г. был положен конец развитию концепции национальных путей к социализму. О них, этих «национально-самобытных путях» развития, упоминают теперь лишь для подтверждения действия тех общих закономерностей социалистического строительства, которые воплотились в опыте СССР: наличие однопартийной системы, проведение индустриализации и коллективизации. «Нельзя признать правильным утверждение,— писал журнал „Большевик“ в середине 1948 г.,— что каждая страна идет к социализму своим, совершенно самобытным путем, что сколько стран, столько и путей к социализму. Говорить так,— значит отрицать международное значение опыта большевизма. Общие закономерности перехода от капитализма к социализму, вскрытые еще Марксом и Энгельсом, проверенные, конкретизированные и развитые Лениным и Сталиным на основе опыта большевистской партии и советского государства, обязательны для всех стран»[75]. С помощью этих «закономерностей», а фактически определенных методов в странах Восточной Европы, как ранее и в СССР, произошло складывание антигуманной административно-командной системы, напрочь отчуждающей труженика от собственности и политической власти, утверждающей в обществе нового гегемона — партийно-государственную бюрократию. Однако в конце 40-х годов объявленные «закономерностями социализма» эти методы рассматривались как обязательные для всех стран, вставших на путь социалистического строительства.

Партии, желавшие сотрудничать с ВКП(б) и СССР, должны были отказаться от намерения идти своей, самостоятельной дорогой к социализму, рискуя в противном случае быть обвиненными в национализме, скатывании к империализму, враждебном

* Это не означало, однако, что резолюция убедила всех. Так на пленуме ЦК ППР 1 июля 1948 г. подчеркивалось, что мотивировка отдельных сторон критики КПЮ неубедительна и непонятна, в силу чего отношение партийного актива к резолюции неоднозначно[73].

отношении к СССР. В таких условиях поиск национальных, подходящих формул и концепций социалистического строительства, что прежде считалось абсолютно естественным, начал рассматриваться в компартиях как «уклон».

Несомненно, что до определенного времени разработка концепции народной демократии как самостоятельного пути к социализму осуществлялась «с благословения» советского руководства. И дело здесь, видимо, в том, что различными путями страны региона должны были прийти к одному и тому же — к советской, сталинской модели социализма. Во всяком случае на сегодняшний день нет доказательств того, что народная демократия замышлялась как некая новая модель. Возможна ли была трансформация особого пути в особую модель? Теоретически такую возможность, на наш взгляд, следует допустить: до середины 1948 г. народная демократия предстает как исходная система для постепенного складывания отличной от советской модели социализма. 1948 год положил конец концепции многообразия путей к социализму, утвердив идею единообразия, унификации путей и методов создания нового общественного строя и, следовательно, единой для всех модели социализма. Вывод о народной демократии как одной из форм диктатуры пролетариата, к которому международное коммунистическое движение пришло в конце 1948 г., в новых условиях фактически стал обслуживать тезис об универсальности советского опыта создания нового общественного строя, «сталинской модели социализма».

Таким образом, вопрос о характере социалистической альтернативы, вынесенный в название данной главы, как свидетельствуют материалы, в 1948 г. в рабочем движении Восточной Европы все ощутимее приобретал определенность. Свертывание концепций «национального пути к социализму», которые разрабатывались как коммунистами, так и социалистами (социал-демократами), означало перспективу перехода к новому строю по советскому образу и подобию, т. е. через диктатуру пролетариата, выраженную во властной монополии коммунистической партии. Какой в этих условиях оказалась судьба социал-демократии в странах региона?

Глава 2

УНИФИКАЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ НА ПЛАТФОРМЕ БОЛЬШЕВИЗМА

К 1947 г. социалистические (социал-демократические) партии Восточной Европы оказались последним препятствием на пути коммунистов к властной монополии. В силу этого идейное противостояние двух отрядов рабочего движения приобретало осо-

бое значение. Планы объединения коммунистов и социал-демократов в единую партию рабочего класса, активно дебатировавшиеся во второй половине 40-х годов, предстояло реализовывать, решая принципиальный вопрос о ее идейно-теоретической платформе, о судьбах социал-демократии в целом. Определяющее влияние на состояние рабочего движения в странах региона оказала утвердившаяся под влиянием Коминформбюро идея единообразия перехода к социализму, что в конечном счете обусловило одинаковые методы действия коммунистов по отношению к социал-демократии. Однако различия в состоянии и степени влияния социал-демократических партий (здесь четко выделяются три группы стран — Польша и Венгрия, Болгария и Румыния и, наконец, Чехословакия) определили как особенности процессов, развивавшихся в социал-демократической среде, так и различное политическое значение объединения рабочих партий в этих странах.

* * *

До 1947 г. концепции «польского пути» к социализму, выдвигавшиеся обеими партиями польского рабочего класса — ППР и ППС, обнаруживали значительное сходство. И коммунисты, и социалисты выступали за эволюционные формы перехода к социализму через длительное функционирование многопартийной политической системы и многосекторной экономической структуры. Близкими были взгляды на профсоюзное движение и его задачи, на Единый фронт (ЕФ), рабоче-крестьянский союз [1]. В ноябре 1946 г. на собрании варшавского городского актива ППР и ППС В. Гомулка изложил более детально понимание «польского пути» к социализму. Определяя его как «путь народной демократии», Гомулка выделил следующие характерные черты: мирная смена власти в стране, отсутствие необходимости установления диктатуры пролетариата, наличие парламентской демократии и разделение законодательной и исполнительной власти, многопартийность, специфика в проведении политики по отношению к крестьянству (социалистические преобразования мыслились как далекая перспектива), к кооперации, костелу и пр. Очевидно, что сущностные черты народной демократии, как они виделись польской стороне, в значительной мере дистанцировали «польский путь» от советской модели.

В 1947 г. работа над уточнением концепции продолжалась в обеих партиях. Это было время бурных дискуссий между ними. В ППС теоретическая работа носила автономный характер, не увязывалась напрямую с ее политической линией. В результате концепция ППС закреплялась не в официальных партийных документах, а на страницах пэпэсовской печати. Наличие упомянутых общих положений отнюдь не означало, что они интерпретировались в ППР и ППС одинаково. И причина этого заключалась в различных интеллектуальных традициях обеих партий.

«Мы выходим из социализма, а не из коммунизма,— подчеркивал Ю. Хохфельд на заседании Главного совета ППС 30 июня 1947 г.— Для нас понимание тех завоеваний, которые связаны с достижениями предшествующей борьбы за права человека, за расширение свободы и прав человека,— не философия, не теория. В Польше нет места буржуазному либерализму, как нет места и пролетарской диктатуре. Есть место определенному синтезу революционных перемен, медленных перемен при опоре на предыдущие изменения»[2]. Этот тезис получил у Хохфельда дальнейшее развитие в программных документах к XXVII съезду ППС (декабрь 1947 г.), воплотившись в концепцию преобразований в стране как «синтеза социалистического демократизма и социалистического революционаризма, синтеза революционного и эволюционного пути к социализму». При этом и возникал специфический «польский путь», для которого чрезвычайно много значили традиции народа, его историческая память и менталитет. Этот путь исключал для ППС как советский вариант развития (одним из недостатков этого варианта считалась жесткая иерархическая зависимость жизнедеятельности общества от центра), так и английский. Последний, по мнению Я. Топиньского, был возможен «лишь в обществе с высочайшей общественной дисциплиной»[3].

Ви́дение «польского социализма» в ППС связывалось прежде всего с представлениями о гуманном строе, с установлением парламентско-демократического и социально-экономического согласия[4]. В центр раздумий польских социалистов не случайно поэтому выдвинулась проблема демократии. Понимая демократию прежде всего как полный политический плюрализм, социалисты тем не менее были готовы временно согласиться на его ограничения, решать вопросы, связанные с управлением, путем диалога и соглашения, а не парламентских выборов. «Мы боремся за демократию. Мы лояльны в нашем коалиционном блоке,— отмечал на XXVII съезде один из делегатов.— Но этот блок должен существовать до того момента, пока не будет иного порядка в государстве, порядка в экономике. Когда все урегулируется, тогда приступим к голосованию, чтобы показать силу польского социализма»[5]. Таким образом, «польский путь» представал прежде всего как коалиционный способ реализации власти. И лишь затем, в следующей фазе развития подобающее место предстояло занять голосованию как основе волеизъявления в обществе самоуправления.

При анализе концепции ППС следует иметь в виду, что эта партия не была едина в своих воззрениях. В традиционной триаде — левые, правые, центр, именно последнему, таким его представителям, как Ю. Хохфельд, О. Ланге, А. Рапацкий, Ч. Бобровский, Я. Топиньский, принадлежит наибольшая заслуга в разработке пэпээсовской концепции «польского пути». Идеологически связывая себя с австромарксизмом, прежде всего с идеями О. Бауэра, эти деятели создали оригинальные теоретические

разработки, расширившие круг тех вопросов, которые поднимал идеолог австрийской социал-демократии[6].

Левые социалисты разработали систему взглядов, которая в значительной мере совпала с позицией ППР[7], а теоретические изыскания правых пэпэсовцев практически равнялись нулю. В связи с этим под концепцией ППС в работе понимается главным образом позиция центра. Важное место в ней отводилось вопросу союза с ППР, включенному в более широкую проблему способов осуществления власти: народное управление должно институциональным образом обеспечить «контроль и влияние общественного народного фактора», «возможность ликвидации неизбежных в переходный период диктаторских средств осуществления власти», должно гарантировать гражданам на демократических основах право выбора в центральные и местные политические органы, свободу печати, собраний, слова и коалиции «в границах законов и безопасности революционных завоеваний»[8]. С большой проницательностью лидеры ППС предостерегали от опасности сосредоточения как экономической, так и политической силы в руках «группы администраторов» и «техников», т. е., выражаясь современным языком, аппаратчиков, на которых лежала ответственность за техническую подготовку тех или иных решений. Им удалось разглядеть и угрозу бюрократизации общества, исходившую со стороны верхов и рождавшуюся на почве политического волюнтаризма. Публицистика ППС неоднократно выражала недовольство чрезмерным этатизмом политики ППР, т. е. укреплением позиций государства и его аппарата, справедливо усматривая в этом неизбежное посягательство на гуманистические ценности. В узко-конкретном плане такая позиция свидетельствовала о том, что в руководящих кругах ППС созревало недовольство отношениями между рабочими партиями. ППС видела в нараставшей напряженности серьезную угрозу Единому фронту, высоко оценивавшемуся лидерами партии.

Значение ЕФ постоянно подчеркивалось в различных документах ППС. Так в резолюции Главного совета партии от 30 июня 1947 г. отмечалось, что «Единый фронт рабочих партий и сотрудничество всего левого лагеря необходимы не только в борьбе с фашизмом и войной, но и при реализации в интересах народа социальных экономических и политических реформ на пути к социализму, при защите этих реформ, их углублении и расширении». Характерно, что идея ЕФ летом 1947 г. была поднята руководством ППС до уровня «политической концепции», носившей «творческий, польский и социалистический характер». Польский — в силу того, что «снижал для польского народа цену революции», а социалистический — в силу того, что рассматривался как «кратчайший путь к социализму»[9]. Представляется, что этот тезис скрывал определенную полемическую направленность. Дело в том, что в августе 1946 г. в интервью газете «Дейли Геральд» И. В. Сталин отметил наличие двух вариантов перехода к социализму — русского («Русский путь был короче,

но труднее, сопровождался кровопролитием...») и английского, парламентского, который «носил мирный характер», но был «более длительным процессом»[10]. Получалось, что тезис ППС как бы развивал сталинскую идею, углубляя ее, а по существу превосходил тем, что сопрягался с проблемой цены «общественной трансформации, ее долгосрочной перспективы и последствий. Иными словами, с прогностической точки зрения тезис социалистов, как мы теперь понимаем, обладал огромной, но, к сожалению, не востребованной обществом потенцией. Обостренное внимание руководства ППС к этому вопросу не было случайным еще и потому, что в некоторых кругах партии ЕФ рассматривался как сугубо тактическое явление, а кроме того именно к лету 1947 г. ЕФ все определеннее стал давать сбои. Участились случаи неравноправия в отношениях ППР и ППС, диктаторских настроений и замашек функционеров ППР, взаимной подозрительности, ограничения «свободы маневра» для членов ППС. Среди последних, в свою очередь, ширились настроения «нездорового соревнования» с ППР, получила распространение некая «теория главенства», истоки которой таились в представлениях части пэпээсовцев о своей партии как главной силе в польском рабочем движении, занимавшей его левый фланг («левее нас никого нет»)[11].

Летом 1947 г. все эти тревожные явления широко обсуждались на заседании Главного совета партии, где один из руководителей ППС Т. Цвик поставил вопрос о нарастании кризиса доверия, развивавшегося как в верхах, так и в низах обеих партий. Он подчеркнул, что осложнение международной обстановки влияло «обостряюще» и на внутреннюю ситуацию в Польше, обусловив, в частности, усиление «боевой активности ППР». «Отсутствие доверия,— говорил Цвик,— означает, что ППР каждый раз охотнее оставляет ППС на другой стороне баррикады и в ЕФ оценивает нас не как партнера, с которым вместе очищают поле битвы, а скорее как контрагента, который сам требует очищения, который небезопасен для ППР или для той концепции, которую она создала»[12].

Много внимания в ППС уделялось выработке экономической концепции партии. «Гвоздем» ее была, как и для ППР, проблема обобществления средств производства. Но если для компартии высшей формой обобществления было огосударствление, то в ППС оно рассматривалось как один из вариантов. Государство должно было взять в свои руки военную и ключевые отрасли промышленности, железные дороги, добычу полезных ископаемых, почту, телеграф, электростанции, банки, кредит, страхование и внешнюю торговлю. Кооперативное движение рассматривалось как важнейший фактор создания нового строя: с помощью кооперации предстояло обобществить торговлю, среднюю промышленность, кредит в общегосударственном масштабе. Все остальное попадало в сферу приложения частного капитала, деятельность которого регулировалась с помощью общего экономи-

ческого плана и установления контроля со стороны государства. Видный экономист О. Ланге ставил вопрос о демократическом контроле и над обобществленной частью экономики, контроле, который мог быть усилен с помощью независимого рабочего движения, особенно профсоюзного, кооперации, а также соответствующих организаций, представляющих интересы крестьян [13]. Именно этот контроль был призван блокировать негативные стороны обобществления и прежде всего концентрацию экономической мощи в руках государственной бюрократии и связанные с этим привилегии при разделе общественного дохода.

В целом ППС стремилась к созданию такого общественно-экономического механизма, в котором были представлены три сектора, причем, кооперативный и частный сектора должны были быть автономными по отношению к госсектору. Вместе с тем пэпээсовцы фактически признавали некоторое превосходство кооперативного сектора: аппарат кооперации, связанный как с производителем, так и с потребителем, считался способным более гибко реагировать на интересы и тех, и других [14].

Концепция ППС затрагивала не только проблему собственно пути к социализму, но довольно широко обрисовывала отдельные стороны некоей «польской модели». Не случайно советские дипломатические представители в Польше полагали, что все расхождения между ППР и ППС упирались в различные виды на будущее страны [15].

Весной 1947 г. печать ППР начала широкую критику концепции ППС. Она носила не слишком объективный характер: при замалчивании сходства взглядов весь критический напор приходился на различия. Большинство материалов, появившихся в то время, изобиловало персональными оскорблениями в адрес пэпээсовцев, отличалось упрощенным подходом и навешиванием ярлыков. Публикации Р. Верфеля, П. Конрада, С. Ендрыховского, Ф. Блиновского и даже такого умелого полемиста, как А. Шафф, по меткому определению А. Вербляна, напоминали скорее «речь обвинителя на процессе о контрреволюции», нежели серьезную полемику [16]. Таким образом, речь шла не о лояльной дискуссии, а скорее о конфронтации двух концепций. Причем вполне определенно можно сказать, что напряженность инициировалась ППР.

Следует иметь в виду, что кампания критики ППС развертывалась на фоне усиления догматической ориентации в руководстве и членской массе ППР. Однако это вовсе не означает, что в ППР в это время ставилась под сомнение обоснованная Гомулкой возможность реализации концепции «польского пути» к социализму, как считают некоторые исследователи [17]. Сложилась парадоксальная ситуация: сторонник «польского пути» Гомулка активно участвовал в полемике и критике ППС. Резкость оценок, на наш взгляд, в известной мере объяснялась ухудшением экономической ситуации в стране в первой половине 1947 г., ростом в связи с этим недовольства в польском обществе, в том

числе и в рабочем классе, страдавшем от разгула спекуляции и «черного рынка». Выход из кризиса ППР связывала с курсом на ограничение частного и регулирование кооперативного секторов, на обеспечение «все возрастающего перевеса государственного хозяйства»[18]. Руководство ППС считало, что оживление экономики может быть достигнуто через предоставление приоритета производству средств потребления, быстро дававшему сравнительно большой доход. (Крылатой стала фраза Ч. Бобровского о необходимости развивать производство «зубных щеток»[19].) Пэпээсовцы также ставили вопрос об увеличении ввоза из-за границы некоторых товаров и пр. Таким образом, в центре концепции ППР лежала идея наступления на позиции капитализма в экономике страны, т. е. партия в рассматриваемое время ориентировалась на приближение перехода к социалистическому строительству. Очевидно, что в условиях, когда все более осязаемой становилась перспектива интенсификации коренных преобразований в жизни общества, концепция ППР представала как более адекватная польским реалиям. Концепция же ППС, преследовавшая цель «строить основание дома, который в далеком будущем примет социалистический облик», откладывала прорыв страны из крайне тяжкой экономической ситуации, решение наиболее острых вопросов, например, о безработице. Иными словами, с политической и общественной точек зрения предложения ППС носили менее реалистический характер в той конкретной ситуации. Видимо, в кругах ППС понимание этого имелось, а отсюда и согласие с предложениями коммунистов, выразившееся в так называемой битве за торговлю[20].

Следует отметить, что в руководстве ППР более благоприятная перспектива вырисовывалась для сторонников крайних форм экономического нажима, отражавших представления и оценки тех партийцев, которые испытывали «жажду борьбы», тоску по «настоящим» революционным действиям. Свойственная ППР палитра настроений не могла не проявиться в отношениях между рабочими партиями. Оживают прежнее недоверие и подозрительность по отношению к социалистам, ставится под сомнение их искренность в вопросе о сотрудничестве с коммунистами *. Вме-

* Думается, что в 1947 г. оценки ППС в руководстве ППР складывались в немалой степени под влиянием советской стороны. Отношение же советских представителей к пэпээсовцам было крайне необъективным, если не сказать враждебным. Москва получала информацию, согласно которой прошлое и настоящее ППС не имели буквально ни единого светлого пятнышка: «мелкобуржуазная националистическая партия, именующая себя социалистической, а по сути дела ничего с марксизмом не имеющая», «агентура польской буржуазии в рабочем классе — эту роль играла всегда!», «центристская сила в рабочем движении страны», чья политическая линия меняется в зависимости от обстановки и т. д., и т. п. Все эти уничижительные характеристики ППС относятся к концу лета 1947 г. По советским оценкам получалось, что ППС возникла как «антимарксистская, социал-демократическая мелкобуржуазная партия», что массовую базу партии составляли «отсталые, националистически настроенные рабочие», интеллигенция и крестьянство, что выступления ППС

сте с тем отдельные руководители, в том числе и В. Гомулка, считали, что сотрудничать с ППС гораздо легче, нежели с другими партиями. Именно в силу этого на апрельском пленуме ЦК ППР в 1947 г. Гомулка выдвинул задачу организационного единства рабочих партий вплоть до их слияния в единую партию польского рабочего класса. 25 мая Гомулка выступил в газете «Глос люду» с программной статьей «„Механическое" единство или единство идеологическое?» В ней он отрицал возможность объединения рабочих партий без учета существовавших между ними идеологических различий, без предварительного тщательного анализа сущности их воззрений. Вместе с тем Гомулка акцентировал тезис о том, что ППР и ППС связывают общие цели, а это делает реальной перспективу объединения и сглаживания противоречий. Таким образом, Гомулка фактически выступил против отсрочки объединения, но в качестве идейной его основы видел однозначно «единую марксистскую идеологию»[23]. По мнению польского исследователя В. Дымека, статья Гомулки преследовала фактически двуединую цель — с одной стороны, дать ответ противникам единства и тем, кто защищали «механический» способ его осуществления (в руководстве ППР такую позицию занимал, например, Р. Замбровский), а с другой,— парировать сектантские настроения в ППР в пользу прямой ликвидации ППС[24].

В ППС вопрос об объединении также стал одним из наиболее злободневных. Руководство партии в основном ясно понимало, что реализация концепции «польского пути» возможна лишь на основе объединения с ППР. Однако существовали различные взгляды на способы объединения. На упоминавшемся уже заседании Главного совета ППС в июне 1947 г. выяснилось, что одна группа (В. Дробнер, Ю. Хохфельд, Л. Гросфельд) стояла на позициях дальнейшего усиления влияния ППС в польском обществе, развития ЕФ, но на основе независимости социалистов. Объединение в будущем должно было осуществиться на основе синтеза идеологий обеих партий. Хохфельд констатировал, что идет процесс их сближения и «притирания». Но существование ППС рассматривалось им как «обязательное условие» реализации концепции «польского пути». Правительство без участия социалистов означало конец этого варианта развития. Другая группа (Ф. Барановский, Х. Швентковский, Т. Цвик) была согласна с идеей ППР об ускоренном объединении при непременном исключении из ППС «правых элементов», проявивших анти-

за сохранение Единого фронта — лишь маскировка, что в вопросе об объединении с ППР ее позиция «раскольническая» и пр.[21] На самом деле ППС, как и ППР, несомненно являлась рабочей партией: в обеих партиях рабочие составляли до 62—64 %, т. е. их влияние было примерно равным. Сближалась и их численность: в сентябре 1947 г. ППС насчитывала 713 тыс., а ППР — 820 тыс. членов. ППР имела преимущество в крестьянской среде (23 % против 14 % у ППС), а ППС — среди интеллигенции (14 % против 9,2 %) и лиц свободных профессий (соответственно 9,2 % и 2 %)[22].

пэпээровские и антиединофронтовские настроения. Группа центра (Ю. Цирапкевич, А. Рапацкий, К. Русинек, Х. Яблоньский) поддержала программу построения социализма, предложенную ППР, высказалась за объединение, критически отнеслась к идеологии социалистического гуманизма [25].

Расстановка сил в руководстве партии отразила то состояние брожения, в котором находилась ППС. Деление на группы было в значительной степени условным, претерпевало изменения. Пожалуй, можно говорить, что в Главном совете фактически сложилось неустойчивое равновесие. Советская дипслужба отмечала отсутствие «хороших» (видимо, сильных) лидеров у левых социалистов, а также маневры центра, представители которого, например, Цирапкевич, предпочитали не связывать себя открыто с левыми [26]. Но вскоре после июньского заседания Главного совета наметилось оживление в деятельности центра, выразившееся в идеологическом наступлении на правые силы в партии.

В объединении рабочих партий важную роль сыграл XXVII съезд ППС. По месту проведения он известен еще как Вроцлавский. Его созыву предшествовали важные изменения в социалистическом движении Польши: в мае органами госбезопасности были арестованы бывшие руководители ППС-ВРН. В конце лета лидеры ППС совершили поездки за рубеж: Швальбе — на Балканы, Рапацкий — в Италию, Русинек — в Англию и Чехословакию, Хохфельд — во Францию, Бельгию и Чехословакию. Общим зримым итогом этих поездок явилось усиление среди пэпээсовцев разговоров о самостоятельной роли партии и ее значении в международной жизни. С ноября 1947 г. началась проверка членского состава ППС.

Съезд во Вроцлаве собрал около 800 делегатов и работников центральных учреждений ППС, присутствовали также гости из Венгрии, Чехословакии, Франции, Голландии, Великобритании, деятели греческого ЭАМ. Внимание социалистов Запада к событиям в Польше, как и в других странах Восточной Европы, было не случайным: их весьма заботила перспектива развития контактов. Лейбористский представитель счел необходимым подчеркнуть единство целей — построение социализма, хотя и отметил, что ЛПВ идет «другими путями». Он также предупредил: если Польша и Чехословакия пойдут на ослабление своих отношений с Западом, то это отрицательно скажется на жизненном уровне населения [27].

Делегаты съезда активно участвовали в анализе полувековой истории ППС. Со специальным докладом выступил Ю. Цирапкевич. По мнению Р. Замбровского, положительно оценившего доклад, в нем делался акцент на значение идейного наследия левого течения в ППС, которое до войны было в партии в меньшинстве [28]. Оценивая ситуацию, сложившуюся ко времени съезда, Цирапкевич категорически заявил, что «враг (у ППС.— *Т. В.*) — только справа», но при этом сделал «реверансы в сторону противников Единого фронта с ППР». На вопрос советских

дипломатических представителей, заданный еще во время съезда, о причинах таких действий Циранкевич ответил: «...Иногда в целях удержания широкой базы... приходится делать вещи, с которыми сам не согласен».

В заключительном слове Циранкевич под бурю оваций провозгласил: «ППС есть и будет нужна польскому народу как самостоятельная партия». Она «не может быть луной, которая светит отраженным светом». Характерно, что позднее, редактируя текст своего выступления для печати, Циранкевич, как отметили советские наблюдатели, «смягчил формулировки». В докладе, опубликованном в журнале ППС «Пшегленд соцьялистычны», осталась лишь сильно урезанная фраза о том, что «ППС есть и будет нужна польскому народу»[29]. Иными словами, Циранкевич не просто «смягчил формулировки», он придал им принципиально иное содержание, поскольку под «отраженным светом», несомненно, понималось нежелание копировать ППР. Можно только гадать, когда этот лидер вступал в противоречие с самим собой — смело выступая на съезде или редактируя текст своего выступления для публикации? Видимо, нечеткость позиции Циранкевича раздражала советскую сторону, отметившую, что на Вроцлавском съезде он не проводил «твердую линию». Это даже породило подозрение: «Не исключено, что он (Циранкевич.— *Т. В.*) связан с правыми какими-то пока еще не известными нитями»[30].

Главный итог съезда заключался в определенном укреплении позиции левых и центра в организационных структурах ППС, хотя в целом ситуация была неоднозначной. Так, в новый состав Главного совета оказались избранными 140 человек, среди которых возросло число сторонников группы Циранкевича, выступавшей за ЕФ. Однако расклад сил в президиуме Главного совета фактически не изменился: в нем был представлен весь политический спектр польских социалистов, без чьего-либо перевеса. Компромисс стал возможен на основе четко обозначившегося намерения руководства партии продлить период взаимного сотрудничества с ППР[31].

Смысл выступления В. Гомулки на съезде был прямо противоположным обозначившейся позиции ППС: ЕФ может привести к возникновению единой партии, а ППР и ППС могут как ускорить, так и замедлить этот процесс. «Мы,— говорил Гомулка,— стоим на позиции ускорения этого процесса». Однако эти слова лидера ППР не получили на съезде ожидаемого отклика[32]. Это дало основание Р. Замбровскому критически оценить итоги съезда: он не стал поворотом партии налево, так как на нем не был поставлен вопрос о конкретной разработке перспективы органического единства, об отношении ППС к Социнтерну. К числу негативов Замбровский отнес также отсутствие на съезде «острой борьбы» против «правых концепций» Хохфельда («ошибки Хохфельда отклонены, но не обсуждены и не раскритикованы»), позиций Осубки-Моравского, концепции «третьей

силы» (о ней якобы «говорили скорее для заграницы, чем для Польши»). Раздражение вызвало и отсутствие в докладе О. Ланге «антиамериканских акцентов». На основании своих впечатлений от Вроцлавского съезда Замбровский сформулировал 22 декабря 1947 г. на заседании Секретариата ЦК ППР задачи коммунистов по отношению к ППС. В идеологической области они сводились к преодолению традиций социалистического движения, доказательству наличия двух течений в ППС, критике в пэпээровской печати «фальшивых тезисов Хохфельда», разработке тем для совместных обсуждений ЦК и ЦИК обеих партий, а также «серьезному продумыванию ряда проблем левой ППС». В практической плоскости ставилась задача «стремиться и впредь изолировать правых в ППС», развивать «все формы сотрудничества двух партий»[33].

Однако до весны 1948 г. никаких существенных перемен в плане практического решения вопроса об объединении не отмечено. В январе 1948 г. в ряде районов страны наблюдался активный переход пэпээсовцев в ППР. Однако, как подчеркивает А. Верблян, специально изучавший эти факты, источники не дают никаких оснований считать, что это происходило под давлением ППР на рядовых социалистов[34].

Видимо, с большой долей определенности можно констатировать, что объединительные настроения в ППР усиливались под влиянием изменений международной обстановки и ее оценок Информбюро. Не случайно польский исследователь Б. Бжезиньский сообщает, что в январе — феврале 1948 г. корреспонденция представителя ППР в Информбюро касалась главным образом проблемы отношений между коммунистами и социал-демократами в странах Восточной Европы[35]. Примерно в это же время, в феврале, Б. Берут информировал Ю. Циранкевича о том, что ППР берет новый курс в вопросе об объединении. Руководство партии, в котором именно в это время инициатива постепенно начинает переходить к Беруту и его сторонникам, было явно настроено на ускорение объединительного процесса. Видимо, можно говорить о двух уровнях реализации идеи «ускорения». В низах ППС усилился процесс выдвижения на руководящие посты активных сторонников органического единства с коммунистами. Это дало повод К. Керстен констатировать, что именно в это время знаменитый тезис: «ППС есть и будет нужна польскому народу»,— фактически модифицируется таким образом, что о будущем речь уже не идет[36]. В верхах ППС наблюдается последний всплеск энергии и попытка защитить собственные позиции. Выражением этого явилась так называемая битва за планирование. Речь идет о ликвидации последнего оплота ППС — Центрального управления планирования — в феврале 1948 г. Поводом послужил представленный Управлением проект закона о хозяйственном плане на 1948 г. Основными его отличительными чертами, вызвавшими резкую реакцию со стороны ППР, явились умеренные темпы развития экономики, при-

мат идеи потребления в обществе и, как следствие, отличная от предложенной ППР концепция инвестиционной политики, равномерность развития трехсекторной экономики и т. п.

Столкновение двух партий по вопросу о плане развития страны важно с нескольких точек зрения. Во-первых, поражение ППС на данном этапе выявило, на наш взгляд, «усталость» партии от борьбы с ППР. В силу этого накал и напряженность противостояния в феврале 1948 г., безусловно, не могут идти ни в какое сравнение с развернувшейся годом раньше, весной 1947 г., битвой за торговлю. Во-вторых, был сделан важный шаг к реализации представлений компартии об историческом развитии Польши, причем методы, с помощью которых устранялся оппонент,— демагогические обвинения, нетерпимость к возражениям — демонстрировали своего рода «эскиз» будущей картины польского общества. Не случайно один из свидетелей ликвидации ЦУПа пэпээсовец Я. Древновский позднее назвал эти события «первой демонстрацией сталинской модели общественной жизни в Польше».

На рубеже февраля — марта 1948 г. произошла фактическая капитуляция ППС под натиском компартии. Однако события в Польше являлись лишь фрагментом общего для стран Восточной Европы широкого процесса постепенной концентрации власти в руках одной партии. При этом важное значение приобретало стремление руководства ППР не оказаться в числе отстающих. Об этом прямо заявил Р. Замбровский на заседании Секретариата ЦК ППР в марте 1948 г., предлагая «прибавить шаг». Он также определил характерные черты складывавшейся новой ситуации, требовавшей, по его мнению, разрешения вопроса об организационном единстве рабочего класса. Среди них Замбровский назвал активизацию социалистических партий Запада, выступавших в поддержку проамериканской политики своих правительств, плана возрождения Германии, что означало сколачивание антисоветского блока. Далее Замбровский отметил принципиальную важность процессов в социал-демократических партиях стран народной демократии: достижение организационного единства рабочего класса в Румынии; решительный поворот налево социал-демократии в Чехословакии; массовый переход рядовых социал-демократов в компартию в Венгрии. Характерно, что доклад Замбровского отразил отказ руководства ППР от прежних, более взвешенных и объективных оценок ППС как партии крайнего левого фланга международной социал-демократии. Прозвучал вывод о смещении ППС вправо и как следствие сформулирована задача «вытеснения значительной части правых»[37]. Однако, видимо, можно было с основанием ожидать, что под влиянием жестких установок Информбюро «вытеснение» примет более резкие формы. В отчете советского посольства за 1947 г., датированном 21 марта 1948 г., в качестве непосредственной задачи ППР названы «разгром правых элементов ППС, создание единой партии рабочего класса...»[38]. Вместе с тем было

бы неверным, на наш взгляд, отрицать и наличие объективных предпосылок объединения. Важнейшей из них представляется та, что различия в истоках и идеологии обеих партий имели существенное значение лишь для их руководства, в то время как в сознании основной массы партийцев отчетливо не прорисовывались. В силу прежде всего этого 90 % членов ППС, по оценке Вербляна, связывали успех свой партии в социалистическом движении в условиях ЕФ с ППР и совместным строительством Народной Польши при значительном сближении политики обеих партий[39].

В марте 1948 г., в руководстве ППС в целом утвердилась относительно единая позиция. Она была сформулирована в выступлении С. Швальбе на собрании актива ППС в районе Варшавы — Жолибоже 21 марта: «Единый рабочий класс в социалистическом обществе может иметь лишь одно политическое представительство». Для руководства ППС побудительными мотивами, помимо всего прочего, явилось нежелание своей медлительностью способствовать нарастанию антагонизмов между рядовыми членами ППР и ППС. Видимо, мог в определенной мере повлиять и визит лидера венгерских левых социал-демократов Марошана (март), встречавшегося с Циранкевичем и убеждавшего последнего форсировать объединение.

Развитие событий потребовало публичной корректировки уже не раз упоминавшегося тезиса, провозглашенного на XXVII съезде ППС, о том, что эта партия «есть и будет нужна польскому народу». А. Цвик попытался «согласовать» этот тезис с политическими реалиями: во время многочисленных поездок по стране он убеждал пэпээсовцев, что имелась в виду такая ППС, которая наиболее простым и быстрым путем придет к органичному единству с ППР. Натяжка такой интерпретации очевидна.

Для отдельных лидеров ППС (Циранкевич, Русинек) таким путем, похоже, являлось конкретное определение сроков объединения. Но Политбюро ЦК ППР сочло подобные предложения поспешными. Гомулка, в частности, придерживался точки зрения, что необходима совместная публикация декларации обеих партий, а также развитие новых форм организационной деятельности — совместные собрания ячеек, комитетов, актива ППР и ППС, совместное строительство партийного дома и главное — «последовательная идеологическая чистка рядов ППС».

3 апреля 1948 г. на совместном заседании ЦИК ППС и ЦК ППР были заслушаны доклады Гомулки и Циранкевича[40]. В центре внимания обоих оказался вопрос об идейных основах объединения. Новая партия «вберет в себя все положительное и непреходящее из арсенала и ППС, и ППР», — подчеркнул, в частности, Циранкевич. Было принято решение о сборе средств на строительство здания для руководства будущей объединенной партии, о совместных первомайских празднованиях. На местах следовало создавать межпартийные шестерки из наиболее авторитетных партийцев как зародыши структуры новой объединен-

ной партии. После совместного заседания начались активные приготовления к объединению. На этом этапе руководящие структуры ППС покинула группа деятелей, которых «наверху» считали противниками объединения. Начались также перестановки в воеводских и повятовых органах ППС. В первой половине мая 1948 г. была образована комиссия по уставу и оргвопросам, а затем и для выработки идейной декларации. От ППР в нее вошли В. Гомулка, В. Беньковский, Я. Берман, Ф. Федлер, Р. Верфель; от ППС — Ю. Циранкевич, О. Ланге, С. Арский, С. Матушевский, А. Рапацкий. В мае же вышла брошюра «На пути к единой партии рабочего класса», в которой излагались идеологические основы будущей партии. Вот главные из них: рабочий класс как «передовая политическая сила польского народа» может достичь своего единства лишь на основе марксизма-ленинизма, строй народной демократии «может гарантировать Польше постоянный прогресс, хозяйственный и политический». В брошюре подчеркивалось, что при режиме народной демократии сохраняются социальные различия и классовая борьба, но примечательно, что тезис о ее обострении по мере продвижения к социализму не был выдвинут. Указывалось на необходимость демократизации общественной жизни. Принципиальное значение имела констатация роли и значения других классов и общественных групп как политических союзников рабочих, важности применения позитивного опыта, накопленного обоими течениями рабочего движения. Очень аккуратно говорилось о специфике «польского пути». При этом, хотя и указывалось, что «хозяйственная деятельность (представителей.— *Т. В.*) частной инициативы желательна и отвечает интересам всего народного хозяйства», четко ставился вопрос об «определенных границах» этой деятельности. Обращает на себя внимание явный акцент на потребности хозяйственного развития и поднятие жизненного уровня общества. В брошюре было зафиксировано очень важное положение «о помощи индивидуальным крестьянам в укреплении их хозяйств». О коллективизации вообще не упоминалось *. Таким образом, брошюра явилась выражением достигнутого политического компромисса и продемонстрировала способность руководства ППР в тот момент искать и находить взаимоприемлемые

* Документы свидетельствуют о том, что тема коллективизации была крайне злободневной в польском обществе. В одной из справок о внутреннем положении страны, подготовленной сотрудниками посольства СССР, к примеру говорилось: «Средний польский обыватель и, к сожалению, польское крестьянство убеждено, что колхозная система в СССР — это нечто вроде концлагерей. Рассеять этот бред никто не берется. Даже руководство ППР полагает, что выступить против этой клеветнической пропаганды значило бы подорвать в массах свой авторитет...». В донесении генконсульства СССР в Гданьске от 27 июля 1948 г. констатировалось, что не только крестьянство, но и интеллигенция обеспокоена вопросами коллективизации. Задают вопросы типа: «Неужели будет проведена немедленная коллективизация?», «Какие формы коллективного хозяйства может предложить правительство?»[41].

для обеих партий формулировки, учитывать реалии политической жизни.

После подготовки основополагающих документов будущей объединенной партии было назначено время проведения съезда — сентябрь 1948 г. Однако намеченные сроки не были выдержаны: помешал кризис, разразившийся в руководстве ППР в июне месяце. Начало его официально связывается с выступлением Гомулки на пленуме ЦК ППР 3 июня 1948 г., посвященным анализу традиций польского рабочего движения и оценкам «польского пути» к социализму. Свой доклад Гомулка не согласовывал и не консультировал с Политбюро, представив фактически собственную точку зрения в ожидавшейся им дискуссии. Видимо, сказалось при этом и четкое осознание Гомулкой того, что не все члены Политбюро разделят его взгляды. Кстати, самостоятельность Гомулки придала дополнительную остроту выступлениям его оппонентов на пленуме и была охарактеризована как «недопустимое нарушение организационных принципов» ППР[42].

Доклад Гомулки среди многих вопросов, связанных с традициями польского рабочего движения, содержал и наиболее острый и серьезный — о независимости Польши. Более того, именно он стал стержнем выступления. С исторической точки зрения такой акцент был абсолютно верным, ибо накануне объединения рабочих партий принципиально важно было проанализировать главные причины, приведшие в свое время к расколу рабочего движения, вскрыть существо былых споров и ошибки их участников. Важным это было не только для оценки позиций СДКПиЛ, КПП и ППС, но и с точки зрения конкретной ситуации 1948 г. Современная польская историография констатирует, что независимость Польши как во внешней (частично), так и во внутренней (особенно во внутренней!) политике для Гомулки имела принципиальное значение, причем понятие это было персонифицировано и понималось им как независимость от Сталина[43]. Внимательно проанализировав позиции по вопросу о независимости, защищавшиеся в разные годы партиями рабочего класса, вскрыв допущенные ошибки, Гомулка и к ППС подошел с диалектических позиций. Критика ее за реформистские и националистические проявления в прошлом, за антисоветизм сочеталась с признанием реалистичности характера многих оценок ППС, большого вклада в борьбу за независимость страны и укрепление ее государственности. Гомулке при этом важно было показать, что будущая единая партия рабочего класса, строящаяся на основе идеологии научного социализма, не намерена повторять ошибок прошлого в вопросе о независимости страны. Объективная оценка различных мнений должна была бы уберечь от рецидива старых концепций и практики и облегчить объединенной партии расширение влияния в обществе[44].

Однако надеждам этим не суждено было сбыться. Позиция Гомулки была подвергнута резкой критике и отклонена, дискуссии не получилось. Большинство выступивших участников

пленума — 11 из 18 — обвинили Гомулку среди прочего в некритическом отношении к ППС. В штыки была воспринята критика взглядов КПП, и это было симптоматично, ибо большинство членов ППР были связаны с догматическим течением в коммунистическом движении и входили в КПП. Политбюро ЦК ППР решило представить свою позицию по вопросу о независимости. 8 июня, т. е. спустя пять дней после пленума, Гомулке был вручен обширный документ — ответ Политбюро. В нем содержались весьма резкие нападки на ППС как реформистское течение, «националистическую агентуру буржуазии в рабочем классе». Как тут не вспомнить приведенные выше оценки ППС, данные советскими дипломатами в Польше в конце лета 1947 г. Почти буквальное совпадение наводит на мысль о вероятных консультациях с советской стороной, а может быть, и о предварительном одобрении ею атаки на Гомулку. Концепция ППС относительно независимости Польши оценивалась как «шовинистически-буржуазная»[45]. При таком подходе становилось очевидным, что объединение ППР и ППС будет проходить с большими моральными потерями для пэпэсовцев. Ситуация, возникшая на июньском пленуме ЦК ППР, свидетельствовала о том, что расхождения в руководстве партии достигли значительного накала.

После июньского пленума произошло постепенное оттеснение и изоляция Гомулки, продолжавшего занимать пост генерального секретаря ППР. Политбюро собиралось без его участия, заседания проходили под руководством Б. Берута. Как отмечено в польской историографии, эта явно противоуставная практика имела место «с ведения Сталина». Например, 14 июля 1948 г. Сталин направил Беруту копию письма ЦК ВКП(б) (в связи с Югославией) К. Готвальду для информации ЦК ППР. Ясно, что прежде всего такого рода корреспонденция должна была быть адресована Гомулке[46]. Собравшийся 6—7 июля 1948 г. пленум ЦК ППР прошел также без участия Гомулки, находившегося в отпуске. Пленум заслушал информацию А. Завадского о прошедшем заседании Информбюро в Бухаресте, а также несколько докладов, посвященных будущему объединению рабочих партий. В частности, М. Спыхальский остановился на традициях объединенной партии рабочего класса. Докладчик фактически вернулся к позиции членов Политбюро по вопросу о независимости, изложенной в документе от 8 июня, дав упрощенную и явно необъективную оценку ППС. «Течение реформизма и национализма, представленное в польском рабочем классе ППС,— говорил Спыхальский,— было в основе своей выразителем стремлений польской буржуазии... Замена ППС лозунга самоопределения лозунгом независимости в отрыве от революционного движения в государствах, разделивших Польшу, но в связи с австро-венгерским империализмом, противопоставляла рабочих из ППС русским рабочим, их революционной борьбе, а также революционной борьбе СДКПиЛ и была выгодна

как собственной буржуазии, так и империализму». Это явно был окончательный ответ Гомулке.

На июльском пленуме 1948 г. фактически завершилась смена политического курса ППР. Помимо того, что окончательно оформилась новая позиция по отношению к ППС, был принят на вооружение тезис об обострении классовой борьбы (доклад Бермана), а также «покончено» с трехсекторной моделью экономики. Х. Минц на пленуме подчеркнул решающую роль социалистических элементов экономики, которые «подчиняют себе, ограничивают и вытесняют элементы капиталистической экономики, преобразовывая одновременно элементы мелкотоварного хозяйства». Была четко сформулирована также задача переустройства сельского хозяйства путем развития производственной кооперации, которая «подрывает основы существования капитализма в деревне и в конечном итоге ликвидирует его». Вместе с тем Минц подчеркнул, что процесс этот требует тщательной подготовки и должен идти постепенно.

Дальнейшее развитие событий неумолимо пошло в русле нагнетания напряженности в руководстве ППР. После августовско-сентябрьского пленума ЦК партии, выдвинувшего против Гомулки обвинения в правонационалистическом уклоне, сперва в руководстве, а затем и в целом в ППР восторжествовали сектантско-догматические подходы к оценке ситуации в стране *. Сильное влияние итоги пленума оказали и на ход подготовки объединительного съезда, новый срок проведения которого был назначен на ноябрь 1948 г. Завершающий этап объединения проводило новое руководство ППР во главе с Берутом в изменившейся внутриполитической обстановке. Атмосфера польского общества уже была насыщена идеями усиления классовой борьбы, ликвидации правонационалистического уклона, остатков «ВРН-овского реакционного подполья». С 1 октября 1948 г. был приостановлен прием в партию, ограничены возможности открытых дискуссий. 15 октября в воеводских организациях ППР началась чистка. Главными мотивами исключения из партии становились принадлежность к «классово-чуждым элементам», неработоспособность, моральное разложение. Материалы по

* Изучение архивных материалов рисует весьма интересную картину. Бросается в глаза неожиданность для партийных кадров на местах многих решений пленума. Некоторые формулировки и оценки звучали наивно и даже неправдоподобно. К примеру, в Гданьском воеводстве до пленума руководители ППР якобы «не предполагали, что крестьянская масса неоднородна», что там есть и бедняки, и середняки, и кулаки. «На фоне решения пленума» вдруг стала заметной значительная «засоренность» рядов ППР торговцами, ремесленниками, использующими наемный труд, лицами без определенных занятий. В целом создается впечатление, что новый курс партии, вводимый «сверху», не отражал адекватно настроений и реального состояния польского общества. Показательно, что именно в это время среди определенной части его возникло недоумение: «зачем начинать классовую борьбу в деревне, ведь там было так спокойно»[47].

Гданьскому воеводству и районам Побережья, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что первые итоги чисток оценивались в воеводском комитете ППР Гданьска неудовлетворительно: комиссии, якобы неверно понимавшие свои задачи, делали многочисленные ошибки. Так, считалось, что в Сопоте из 1300 членов ППР не менее 300 человек (торговцев, спекулянтов, случайных лиц) подлежали исключению. Однако по данным на 30 октября 1948 г., из проверенных, составивших 75 % состава организации, исключены были «только» 19 человек, причем, из них — 11 рабочих за неаккуратную уплату членских взносов, семь торговцев и одна служащая (исключена за то, что не являлась членом общества советско-польской дружбы!). Всего по воеводству были исключены 157 человек, в том числе 55 рабочих, 30 крестьян и пр. Заслуживает внимания оценка в одном из документов генконсульства СССР в Гданьске хода чистки в воеводстве: «...Создается впечатление, что чистке своей партии в ППР не придают важного значения... более важная задача очистки рядов ППС, и за работой комиссий по чистке рядов ППС они (местные руководители из воеводского комитета ППР.— *Т. В.*) наблюдают зорко...»[48]. Большая доля правоты в этом заключении, безусловно, была, но об этом речь впереди.

Руководство ППС было застигнуто врасплох переменами в ППР. Не имея ни времени, ни возможностей для выработки самостоятельной тактики, оно было поставлено перед необходимостью согласиться с «заостренными» оценками ситуации руководством ППР.

6 сентября 1948 г. руководство ППС приняло к сведению решения последнего пленума ЦК ППР и рассмотрело вопрос о будущем лидере объединенной партии. Кандидатура Б. Берута виделась бесспорной, о чем ему и сообщила Политическая комиссия ЦИК ППС.

Драматическим моментом в истории ППС явилось последнее перед объединением заседание Главного совета партии в сентябре 1948 г. По оценке Б. Дымека, оно сыграло такую же поворотную роль, как и пленум ЦК ППР в августе — сентябре. С политическим докладом выступил Ю. Циранкевич, «пажимавший» на все негативы в историческом прошлом ППС, резко критиковавший «правые силы» в партии. Характеризуя объединительный процесс, Циранкевич подчеркнул: «Мы предприняли редкую в международном рабочем движении попытку перевести на платформу революционного социализма, марксизма-ленинизма партию, которая хотя и является массовой социалистической, но отягощена балластом реформизма, оппортунизма, немарксистских традиций, идеологии и деморализующей практики и вдобавок отличается исключительно сильно развитым национализмом и антисоветским комплексом...» Односторонняя и необъективная оценка социалистического движения сказалась в отождествлении «пассивного сопротивления» правых элементов в ППС, с которым, кстати, Циранкевич связывал «новый тип борьбы»

в партии, с деятельностью реакционного подполья в стране в 1944—1946 гг., в призыве ликвидировать это новое «подполье» в интересах «здорового развития партии». «Мы не хотим, чтобы ППС стала паромом, на котором в объединенную партию рабочего класса переправятся все правые и националистические элементы...»,— подчеркнул Циранкевич. В докладе отразилось также и изменение в трактовке народной демократии: теперь характеристика этого этапа развития оказалась дополненной установками об усилении классовой борьбы —«...только она может привести к изменению соотношения капиталистических, мелкотоварных и социалистических элементов в народной демократии в пользу последних, т. е. ...к постепенному, но не мирному и не автоматическому преобразованию в социализм». Формулировки Циранкевича отразили не только дух, но и букву установок из арсенала ВКП(б): по его убеждению, в ППС получили хождение «разные теории и теорийки», ничего общего не имевшие с марксизмом. В частности, к таковым были отнесены идеи «мещанского парламентаризма», причисленные к разряду оппортунистических, реформистских и даже националистических течений, критика которых, по оценке докладчика, началась в ППС с запозданием.

Идея произвести «окончательный расчет с правыми» стала лейтмотивом всего заседания. «Правые социалисты несут нам реформизм и национализм... Нет идеологического помоста между социал-реформизмом и марксизмом. ...Мы не можем терпеть в каких-либо органах партийной власти даже тех из них, кто не по сознательному злому умыслу, а невольно стал носителем правых взглядов»,— заявил В. Речек. Характерно, что по признанию этого оратора, чье выступление посвящалось оргвопросам, в ППС также выявились сторонники правонационалистического уклона. «У нас их много»,— констатировал Речек.

Еще один исключительно важный момент, выявившийся на заседании Главного совета,— враждебно-критическое отношение к интеллигенции в рядах ППС, которая, по словам Циранкевича, стала «неконтролируемым резервуаром правых настроений». Причину этого он усматривал в связях и влиянии мелкобуржуазной среды и «неправильном воспитании», рождавшем у интеллигенции «чувство превосходства во всех сферах, не исключая... и политическую»[49]. Принятая в результате обсуждения резолюция зафиксировала значительные отступления от прежних позиций ППС. Ошибочными были признаны теория синтеза демократического социализма и революционного социализма, трактовка народной демократии как «золотой середины» между революционностью и реформизмом, концепция трехсекторной экономической модели, недооценка классовой борьбы, особенно в деревне, а также некритическое отношение к историческим традициям ППС. Фактически эти изменения отразили победу догматических сил в руководстве партии, взявших на вооружение установки ППР.

В период, предшествовавший объединению, ППС сотрясали так называемые чистки. В 1948 г. они прошли двумя волнами, каждая из которых имела свои особенности. Специально изучавший этот сюжет А. Верблян считает, что первая чистка — по решению Главного совета в апреле — была сравнительно осторожной и поверхностной, т. е. не затронула партийных низов. В отличие от нее сентябрьская чистка направлялась против значительной части членов ППС с предвоенным стажем, аковцев, широких кругов партийной интеллигенции. Для каждого уезда существовали контрольные цифры по исключению. Например, по Гданьскому воеводству из 28 тыс. членов ППС предстояло «вычистить» 7 тыс., т. е. 25 %*. Эта акция одновременно являлась и чисткой государственного аппарата, так как за исключением из партии следовало немедленное отстранение от должности лиц, занимавших важные административные посты. Общий итог чистки, хотя в разных воеводствах она шла по-разному, был для ППС разгромным. По мнению польского исследователя А. Гарлицкого, из ППС была удалена почти четверть ее состава, а остальная часть была парализована [50].

3 ноября 1948 г. на совместном заседании ЦК ППР и ЦИК ППС было принято решение провести 8—13 декабря объединительный съезд. При подготовке Декларации единой партии дискутировался вопрос о ее названии, но окончательно вопрос был решен на Политбюро ППР. Предлагавшиеся варианты названия — Польская объединенная рабочая социалистическая партия и Польская партия трудящихся — были отклонены. Без ведома ППС было принято название будущего центрального печатного органа — «Трибуна люду». Эти факты показательны: совершенно очевидно, что руководство ППР не стремилось хотя бы формально «соблюсти приличие», имитировав коллегиальность при принятии важнейших организационных решений.

Объединительный съезд собрал 1008 делегатов от ППР и 530 — от ППС. Столь явная диспропорция свидетельствовала, что «на пути к объединению» ППС была разгромлена не только политически, но и организационно. Ко дню объединения ППР по численности вдвое превосходила ППС: в ее рядах находились свыше 1 млн человек против 531 тыс. членов в ППС.

Слияние двух рабочих партий в декабре 1948 г. в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП), происшедшее на основе идейно-политических и программных установок сектантско-догматических групп в ППР и ППС [51], завершило важный этап в

* О том, как проходило исключение, рассказывают архивные материалы. Активу ППС Гданьского воеводства было предложено три списка кандидатов на исключение. Списки составили воеводский комитет ППС, левица ППС и воеводский комитет ППР. И именно список, предложенный ППР, был принят, хотя в некоторых случаях возникли серьезные расхождения. Таким образом, то особое внимание ППР к чисткам в ППС, о котором сообщали в Москву сотрудники генконсульства СССР в Гданьске, выразилось в прямом участии в этой кампании.

процессе формирования политической системы в Польше, отвечавшей сущности советской модели социализма. ПОРП стала доминирующей силой в обществе. Идейно она оказалась связанной с традициями СДКПиЛ и КПП, в то время как традиции ППС решительно отвергались. Несмотря на то, что в стране действовали и другие политические объединения, фактически сложилась однопартийная, хотя и несколько закамуфлированная система.

В Венгрии на протяжении 1947—1948 гг. отношения коммунистов и социал-демократов, как и в Польше, развивались сложно. Противоречия между двумя рабочими партиями относительно будущего развития страны, касавшиеся темпов, методов и содержания процесса демократизации, а также и самого понятия «социализм», осложнялись острейшим противостоянием различных группировок в социал-демократической среде. При этом водораздел между последними определялся в значительной мере и едва ли не главным образом отношением к сотрудничеству с компартией. Что же касается стратегических установок СДП, то эта партия четко связывала будущее Венгрии с социализмом, путь к которому представлялся длительным. Основная задача переходного периода виделась в демократизации общества, искоренении остатков реакционного хортистского режима, утверждении идеалов «демократического социализма». Видя для себя образец в программных установках и деятельности лейбористской партии Великобритании, венгерская социал-демократия высоко оценивала потенциал парламентского пути развития, не принимала советскую практику пролетарской диктатуры, как и революционные методы преобразования общества в целом. В экономической сфере СДП также считала наиболее перспективным путь коренных реформ по уничтожению капиталистической эксплуатации, медленного и постепенного увеличения удельного веса общественных форм пользования средствами производства. Главным лозунгом, четко отразившим эволюционную концепцию партии, стал призыв: «Сегодня за демократию, завтра за социализм». Реализация этого лозунга рассматривалась в руководстве СДП, где к 1947 г. значительно усилилось влияние правых (К. Пейер, А. Кетли и др.), как особая историческая миссия СДП, которую ей предстояло выполнить в будущем, причем на пути самостоятельного развития. Эта позиция была подробно изложена Пейером накануне XXXV съезда партии в феврале 1947 г. в специальном меморандуме. В нем подчеркивалось, что СДП не должна быть «придатком одной из политических партий», находясь у нее в «рабском подчинении», как не должна быть «вассалом ни одной державы». Пейер подчеркивал, что именно из-за сотрудничества с коммунистами потеряли свое прежнее влияние социалисты и социал-демократы Франции, Чехословакии, Румынии, Югославии, Болгарии[52]. Архивные материалы свидетельствуют, что подобные оценки роли и места СДП в формирующейся политической системе страны находили серьезный отклик в кругах социал-демо-

кратии. В значительной мере это объясняет, с нашей точки зрения, провал попытки левого крыла партии добиться на XXXV съезде исключения Пейера и переориентации СДП на прочное сотрудничество с коммунистами. При формировании руководящих органов партии возобладала линия компромисса, которая дала перевес правым и центру. Возглавили партию сторонники центра — А. Сакашич, избранный генеральным секретарем, и И. Рис.

Расклад сил в руководстве СДП обусловил поведение партии в начавшейся летом 1947 г. кампании в связи с предстоящими выборами в парламент. 29 июля четыре партии правительственной коалиции (ВКП, СДП, Национально-крестьянская и ПМСХ) подписали соглашение, обязуясь следовать общей платформе, избегать взаимных нападок. Руководство СДП шло на выборы, стремясь укрепить свои позиции среди рабочих и других слоев трудящихся под старым лозунгом «самостоятельности и независимости партии», превращения ее в «сильнейшую». На местах, однако, этот лозунг подчас трансформировался в призыв к прямому, хотя и негласному, противостоянию коммунистам с их идеей рабочего единства. Вот, например, как инструктировал партийных агитаторов секретарь заводской организации СДП в Будафоке Н. Дьюркович: «Легально мы действуем вместе с компартией, а в действительности продвигаемся к своим собственным целям и нелегально действуем отдельно[53].

Несмотря на активную агитацию СДП и благоприятные для этой партии прогнозы, делавшиеся на Западе (поражение компартии, победа СДП с последующим ее «поправением»), результаты выборов для венгерской социал-демократии были неутешительными. В Венгерском национальном фронте независимости как коалиции партий произошла существенная перестановка сил: ведущей стала в нем ВКП, получившая 22,7 % голосов, что значительно превосходило не только позиции СДП, но и ПМСХ (15,4 %)[54].

После выборов в СДП возникло сильное стремление выявить причины неудачи. Определились различные позиции на этот счет. Значительная часть руководства партии главной виновницей поражения считала компартию, резко негативно оценивая влияние идеи единства действий рабочих партий на состояние социал-демократии[55]. Прямым следствием подобных оценок явились и практические действия правых в промышленных районах столицы, где велась агитация за «немедленный и полный разрыв» с компартией и отставку левых из руководства СДП. Эта агитация имела успех, однако, не абсолютный. Так, хотя в организациях СДП в Татабане, Абауйсанто, на заводе МАВАГ высказывалось недовольство «чрезмерными» контактами с коммунистами, на том же МАВАГе среди социал-демократов постепенно зрело убеждение, что причины поражения на выборах «надо искать не за пределами партии, а внутри нее», смелее обновлять руководящие структуры СДП, привлекая рабочих[56].

Нестабильность положения в СДП выразилась во внутрипартийном кризисе, разразившемся в сентябре 1947 г. По инициативе министра юстиции И. Риса члены правительственного кабинета от СДП заявили о свой отставке в связи со злоупотреблениями ВКП на выборах, но при этом не исключали полностью участия СДП в правительственной коалиции: положительное решение зависело от отношений между социал-демократами и коммунистами. Западные обозреватели поспешили выразить свое понимание сложившейся ситуации. В выходившем в Вене бюллетене агентства Рейтер «Вельтпресс» разногласия в СДП объяснялись «провалом контактов с компартией». Как бы ни трактовать эту оценку, очевидно, что и взгляд со стороны также фиксировал в качестве основной причины всех противостояний в руководстве партии разный подход к сотрудничеству с ВКП.

Следующий этап кризиса развернулся в низах партии. Информация советского посольства в Будапеште в это время констатирует значительную активность правых в СДП (организация «потока делегаций» от низовых организаций к руководству партии с требованием разорвать сотрудничество с компартией, выйти из коалиции или лишить коммунистов малейших преимуществ в рамках этой коалиции) при пассивном в целом поведении левых. Для того, чтобы изменить положение, надо было активизировать последних. Как указывалось в политическом отчете советского посольства за 1947 г., «по совету и при помощи компартии» была проведена соответствующая работа, в результате которой от рабочих — членов СДП, «посыпались требования», но теперь уже прямо противоположные, к руководству партии прийти к соглашению с коммунистами, усилить с ними сотрудничество в борьбе против реакции, немедленно сформировать новое правительство[57]. Эта акция увенчалась грандиозным митингом в Будапеште 6 сентября 1947 г. По некоторым сведениям, в нем участвовали 250 тыс. человек, в том числе многочисленные делегации рабочих — социал-демократов. Митинг прошел под лозунгами рабочего единства, отпора реакции, формирования нового кабинета министров. 8 сентября ВКП опубликовала свой вариант правительственной программы. Было сформировано новое правительство. В нем ВКП получила пять портфелей вместо четырех, ПМСХ — четыре вместо девяти, НКП — два вместо одного. Представительство СДП осталось прежним — четыре портфеля.

Свою социально-экономическую программу новому кабинету предстояло реализовать в условиях поворота революционного процесса к интенсивным формам развития, внося в нее соответствующие коррективы. В сфере политической особое значение в связи с решениями Информбюро приобретал вопрос об отношениях ВКП с социал-демократией и о дальнейшей судьбе СДП. Можно сказать даже, что для коммунистов этот вопрос стал основным во внутриполитических делах.

Ситуация в руководстве СДП не обнадеживала: преобладание правых продолжалось. Левые, являвшиеся, за исключением

Д. Марошана, молодыми по партстажу функционерами, не имели равного им влияния и авторитета в партии. В этих условиях резко возрастала роль центра, руководимого А. Сакашичем. Последний любой ценой стремился не допустить раскола в партии, с одной стороны, и не обострять отношения с ВКП, с другой. Поэтому в тот момент руководство СДП не демонстрировало разногласий с компартией по серьезным проблемам, предпочитая воевать «по мелочам», как правило из-за административных постов[58].

В конце декабря 1947 г. в советское посольство в Будапеште зачастил заместитель генерального секретаря СДП Д. Марошан, подробно информировавший советскую сторону о событиях в партии. Именно Марошан сообщил, что с конца декабря в СДП началось серьезное наступление на правые элементы. На заседании левого крыла руководства СДП было принято решение отстранить правых от руководящих партийных постов в провинции, начать постепенно *подбирать* (курсив мой.— *Т. В.*) участников будущего съезда партии. Левым удалось, действуя согласованно с коммунистами, добиться принятия на предприятиях совместных резолюций, осуждавших «предательскую деятельность» французских социалистов. В это же время началась борьба против «конкретных носителей правых взглядов» в СДП. Речь, по словам Марошана, шла о Келемане, Кетли и Седере. Интересно, что одним из стимулов для наступления на правые силы стал брненский съезд социал-демократов Чехословакии (октябрь 1947 г.), принесший победу правым. Марошан сообщил советскому посланнику, что во время съезда он имел беседу с лейбористом Д. Хили, заявившим о необходимости активных действий против ВКП: в этом залог спасения СДП от уничтожения. Москва, предупредил Хили, решила в течение одного, самое большее двух лет «ликвидировать социал-демократию в странах Юго-Восточной Европы» руками местных компартий[59].

В середине января 1948 г. Марошан вновь сообщил в советское посольство, что активизация левых в СДП продолжается. Социал-демократическая организация Будапешта приняла программу левых и в виде меморандума вручила ее лидеру партии Сакашичу. Одновременно меморандум был распространен среди членов СДП. Правые в это время мобилизовали рабочие организации пригородов Пешта и подготовили ответный документ, но последний носил подчеркнуто оборонительный характер. Именно это событие стало поворотным: были организационно оформлены две фракции СДП, существование которых усиленно пытался скрыть центрист Сакашич. В этот напряженный момент, как информировал Марошан, один из лидеров правых министр промышленности А. Бан посетил в Стокгольме венгерского посланника В. Бэма, тесно связанного с ЛПВ и имевшего славу «идеологического вождя» правых в СДП. В. Бэм адресовал руководству СДП письмо, основное содержание которого заключалось в следующем: венгерская социал-демократия должна ориентиро-

ваться на СССР как социалистическое государство и авангард борьбы за мир и по примеру ППС должна работать в тесном контакте с компартией. Заслуживает внимания двойственная оценка, данная Марошаном посланию Бэма. Признав, что его программа «вполне подходит» и левым социал-демократам, Марошан в то же время расценил письмо как трюк, цель которого сохранить позиции правых в партии. Совершенно очевидно, что Марошана не особенно заботила доказательная сторона дела. По всей видимости, цель его заключалась в зондаже позиции советского посланника. И надо сказать, что эта цель была достигнута: с советской стороны в беседе прозвучала резкая критика Бэма, замешанная в основе своей на недоверии к социал-демократам. Даже ориентация Венгрии на СССР, о которой говорилось в упомянутом письме, была связана советским дипломатом прежде всего с «географическим принципом», что, видимо, являлось достойным осуждения. Кроме этого Бэм подвергся заочной критике за оправдание французских социалистов и английских лейбористов, а также за «категорическое» нежелание слияния СДП и ВКП[60]. Заметим, что 20 января 1948 г. Марошан вновь пришел в посольство СССР с информацией, на сей раз о собственной встрече с В. Бэмом. Фактически Бэм повторил Марошану содержание своего письма руководству СДП. При этом он, причислив себя к левым силам в партии, высказался за удаление значительной части правых из руководства СДП, четко сформулировал свою положительную позицию относительно слияния двух рабочих партий, но при одном условии — СДП как «равная с коммунистами» сила не «растает» в недрах объединенной партии. По словам Марошана, Бэм просил довести его взгляды до Сакашича, Ракоши и советского посланника Пушкина[61].

Со второй половины 1947 г. активизировалась деятельность ВКП, направленная на объединение рабочих партий. К этому времени численность ВКП достигла 700 тыс. членов, а СДП — 525 тыс. человек[62]. Общая ситуация в стране и прежде всего отчетливо обозначившаяся перспектива устранения правых социал-демократов свидетельствовали о том, что коммунисты взяли курс на установление монополии власти под лозунгом диктатуры пролетариата. Это актуализировало, как подчеркивала газета «Сабад нэп», задачу «создать условия для подготовки принципиальной основы идейного и организационного единства, создать единую марксистско-ленинскую партию»[63]. В августе 1947 г. руководство ВКП официально обратилось к СДП с предложением подготовить идейные и организационные основы для объединения двух партий.

Настроения среди рабочих — социал-демократов были различными. Голосам «за» противостояли опасения, что «компартия стремится к полному уничтожению социал-демократической партии» и вследствие этого ставилась под сомнение сама возможность сотрудничества с компартией. Опираясь на подобные настроения, 8 сентября 1947 г. на заседании руководства СДП правые по-

требовали сформулировать в качестве главной задачу «соперничать» с компартией. В это время за самостоятельную линию СДП нередко выступали и центристы (например, министр промышленности А. Бан, А. Сакашич). Колебания Сакашича ставили его под огонь критики с обоих флангов. На заседании 8 сентября прозвучали отдельные голоса с обвинением этого лидера в «предательстве интересов социал-демократии». Сакашич тут же заявил об отставке, но Марошан и некоторые другие отстояли его. Этот факт, видимо, можно толковать, хотя и осторожно, в пользу наметившегося перевеса левых сил в руководстве СДП. Вместе с тем любая переоценка здесь была бы неуместной: нестабильность в верхних эшелонах партии продолжала сохраняться. Более того, правые проявляли известную активность. Однако носила она, на наш взгляд, скорее оборонительный характер. Так, 15 сентября 1947 г. группа социал-демократов в письме, адресованном руководству СДП, высоко оценила самостоятельный курс Пейсра и призвала к самороспуску партии, для деятельности которой, по их словам, в Венгрии «нет свободы»[64]. Более аккуратно формулировали правые в этот момент и свое отношение к объединению с ВКП: был выдвинут тезис о его несвоевременности, что, следовательно, не означало прежнего отрицания в принципе. При этом имелось ввиду, что прежде всего следует построить в Венгрии социализм, создать бесклассовое общество. Оставался открытым вопрос и об идеологической основе объединения, поскольку часть социал-демократов не признавала ленинизм, считая его «специфически русской разновидностью марксизма»[65].

Идейно-теоретическим обоснованием борьбы против объединения стал лозунг «третьей силы». Как писали газеты, венгерская социал-демократия «должна ждать и не торопиться в проведении мероприятий ни во внутренней, ни во внешней политике, не должна связывать себя чрезмерно ни совместными действиями с коммунистами, ни ликвидацией реакции, ни антиимпериалистической внешней политикой». При этом признавалось, что «балансировать на острие ножа», «не втянуться ни в одно из направлений» крайне тяжело, но именно «третий путь» отвечает идеалу социал-демократии[66].

В руководстве СДП против «третьего пути» выступали осенью 1947 г. Марошан, Шиффер и другие левые. Постепенно борьба с теорией «третьего пути» была перенесена в низовые организации: так, 4 декабря 1947 г. чрезвычайное заседание Исполкома социал-демократической организации Будапешта приняло резолюцию протеста против сторонников теории «третьего пути» — французских правых социалистов[67]. На местах также развернулась кампания в пользу созыва съезда СДП и объединения с ВКП. Еще осенью 1947 г. в условиях перевеса правых пленум СДП избрал комиссию по подготовке съезда. В ней преобладали правые социал-демократы. Но в практической работе левые, не считаясь с решениями пленума, фактически взяли подготовку

съезда в свои руки. Они провели массовую предвыборную кампанию под лозунгами острой критики правых и укрепления единства рабочего класса. Именно этот лозунг, а не идея объединения рабочих партий был более популярен в массах[68]. Предвыборная кампания оказалась для правых крайне неблагоприятной; хотя в пригородах Пешта, считавшихся «цитаделью правых», им и удалось провести в делегаты съезда около 70 % своих сторонников, в целом из 240 делегатов лишь 60, т. е. 25 %, принадлежали к правому крылу[69].

Уже с лета 1947 г. начался процесс перехода рядовых социал-демократов в ВКП. В начале 1948 г. он, особенно в промышленных районах, принял лавинообразный характер. За три недели февраля на заводе «Манфред Вейс», в ВКП перешли 2200 рабочих, на электроламповом заводе — 1067, на судостроительном заводе «Ганц» — 600 и т. д. В феврале в Будапеште подали заявления о приеме в ВКП около 100 тыс. членов СДП. Главной причиной, судя по заявлениям, была неудовлетворенность политической деятельностью правого руководства СДП, неверие в его способность осуществить революционные чаяния трудящихся. Группа бывших социал-демократов заявила в печати: мы «не с легкой душой оставили партию, членами которой состояли 15—20 лет и не без боли мы покинули наших старых товарищей... Но мы хотим продолжать борьбу в той партии, которая наиболее полно может представлять интересы трудящихся»[70]. Думается, что массовый переход в компартию социал-демократов, при всей важности этого процесса, все же не тождествен объединению рабочих партий, и в связи с этим мы не можем разделить точку зрения Л. Н. Нежинского и А. И. Пушкаша, усматривающих во вступлении социал-демократов в ВКП начавшееся снизу объединение[71]. На наш взгляд, при оценке этого явления следует прежде всего учитывать социально-психологическую обстановку момента, вполне четко определившиеся перспективы развития страны и место ВКП в обществе, равно как и стремление людей обрести надежную точку опоры, обеспечить собственное будущее. Решение этих вопросов многие связывали с пребыванием в правящей партии.

Развернувшийся в низовых организациях СДП процесс крайне насторожил правых социал-демократов, объявивших всех перешедших в компартию ренегатами. Левых в руководстве СДП и прежде всего Д. Марошана, судя по источникам, в период подготовки съезда ситуация в целом устраивала. 20 января 1948 г. в ходе беседы с советским посланником Марошан заявил, что считает победу левых на съезде обеспеченной и опасается лишь центриста Сакашича, который «пока слушает левых», но может попытаться спасти кого-либо из правых лидеров. Это заявление свидетельствует, что Марошан главную задачу съезда видел в изоляции правых лидеров. Однако при этом между ним и руководством ВКП обнаружились расхождения. 4 февраля 1948 г. Марошан жаловался в советском посольстве, что руководители

ВКП, несмотря на имевшуюся договоренность о плане действий левых, торопят с чисткой партии от правых элементов. «Я... уверен,— подчеркнул Марошан,— что после съезда, когда руководство партии перейдет к левым, очищу партию от правого крыла. Коммунисты требуют сделать это до съезда, а это ведет к провалу на съезде. Этого коммунисты не хотят понять»[72].

Признание Марошана крайне важно, ибо свидетельствует о сильном давлении руководства ВКП на левых социал-демократов, целью которого являлось обострение ситуации в СДП. В этом случае возрастали бы шансы одновременно нанести удар по центристам, защищавшим лозунг «Мир в партии любой ценой». Очевидно, что расчет Марошана найти понимание у советских представителей в этом вопросе был нереален, учитывая как, мягко говоря, их нелюбовь к правым, так и «генетическое» недоверие к центристам*.

Итогом очередного зондажа ситуации, предпринятого Марошаном, стали его решительные действия, которые, на наш взгляд, не были лишены коварства. Воспользовавшись отъездом Сакашича в Москву в составе правительственной делегации, левые провели мощную атаку на своих противников. 18 февраля 1948 г. пленум ЦК СДП исключил из партии 35 наиболее последовательных правых руководителей и объявил о созыве чрезвычайного съезда для решения вопроса об объединении с ВКП. Исключение из партии сопровождалось снятием активистов правого крыла с руководящих постов в правительстве, профсоюзах. В частности, Бан был удален с поста министра промышленности, Кишхази — председателя Совета профсоюзов и т. д. Во всех провинциальных парторганизациях правые были отстранены от руководства. Одновременно почти на всех предприятиях были созданы контактные комитеты из социал-демократов и коммунистов. Как подчеркивалось в отчете посольства СССР за 1948 г., «за какие-то десять дней ситуация в СДП стала неузнаваемой»[74]. Вследствие массового перехода социал-демократов в ряды компартии сложилась весьма неординарная ситуация, когда, «широко открыв свои двери», компартия могла «ликвидировать социал-демократическую партию без формального объединения». Характерно, что соблазн действовать именно в данном направлении был велик: в Политбюро ЦК ВКП в его пользу высказывались М. Ракоши и Я. Кадар. Однако в результате обсуждения было принято решение «о ликвидации СДП путем сохранения видимости объединения двух партий»[75]. Что же послужило при этом сдерживающим фактором? Несомненно, соображения как внутреннего (в первую очередь, боязнь затруднить отношения коммунистов с крестьянскими партиями), так и внешнего характера. Здесь следует иметь в виду изменения, которые произошли к

* Из записи в дневнике советского посланника Г. М. Пушкина (февраль 1947 г.): «Верить в искренность Сакашича нельзя, так как по всем данным он двурушничает»[73].

этому времени в социал-демократических партиях стран Восточной Европы. В феврале 1948 г. была создана Единая рабочая партия в Румынии, прошли бурные события в Чехословакии, объявлено о создании Единой общественно-политической организации Отечественного фронта в Болгарии, а болгарские социал-демократы взяли курс на объединение с коммунистами. Все эти события живо интересовали венгерских социал-демократов. Левое крыло партии постепенно склонялось к применению в Венгрии многих стран опыта СДП в указанных странах.

В этих условиях ликвидация СДП была чревата весьма серьезными последствиями и неблагоприятным резонансом за пределами страны. С учетом этого руководство ВКП приняло решение о временном прекращении приема бывших социал-демократов в компартию вплоть до открытия съезда СДП. Одновременно была проведена работа с Сакашичем, который по возвращении из Москвы попытался предпринять некоторые шаги по сохранению самостоятельности СДП. Были, в частности, отмечены его попытки заключить «брачный союз» с ПМСХ. В своих действиях, кстати небезуспешных, он ссылался на позицию СССР, который якобы был «заинтересован в сильной и самостоятельной социал-демократической партии». Сакашичу удалось временно убедить многих левых, в том числе и Марошана. Потребовалось вмешательство советской стороны* при одновременном нажиме руководителей ВКП, чтобы изменить положение дел. М. Ракоши в беседе с Сакашичем отметил, что последний не понимает серьезности ситуации в СДП и тяги масс к объединению, что коммунисты в состоянии перетянуть в свои ряды социал-демократов, сделав таким образом Сакашича «генералом без армии». В результате Сакашич обещал последовательно выступать за объединение партий. По-видимому, все эти события морально сломили его. Судя по всему он без сопротивления согласился сделать на съезде СДП доклад по тезисам, подготовленным левыми социал-демократами[77]. Сами же тезисы, несомненно, были согласованы с руководством ВКП

6 марта 1948 г. открылся XXXVI (чрезвычайный) съезд СДП, в центре внимания которого был вопрос об объединении. Съезд по политическому отчету Сакашича вынес решение объединить рабочие партии в стране. По докладу Марошана, насыщенному критическими выпадами против социалистических лидеров Запада**, также было принято специальное решение. Большинством голосов была осуждена деятельность правых элементов

* В политотчете советского посольства за 1948 г. об этом сказано весьма лаконично: «Нам пришлось парализовать эти трюки Сакашича»[76].

** По архивным данным, такую критическую направленность доклад Марошана приобрел по совету советской стороны. 4 февраля 1948 г. посланник Г. М. Пушкин записал в дневнике в связи с этим: «Я осторожно порекомендовал ему (Марошану.— *Т. В.*) значительную часть речи посвятить критике западных социалистов и английских лейбористов. Марошан охотно принял это»[78].

СДП как раскольническая, подтверждено исключение из партии лидеров правого крыла, было решено продолжить чистку СДП. Съезд дал полномочия новому руководству СДП «немедленно начать переговоры с руководством ВКП с целью обеспечения необходимых для создания единой партии идеологических, политических и организационных условий». В программно-идеологическом плане съезд осудил и отверг «все оппортунистические, реформистские традиции», заявил, что СДП следует «традициям марксизма», «великим революционным традициям международного и венгерского рабочего движения», «считает своим учением марксизм-ленинизм»[79]. Эта констатация означала, что социал-демократия официально готова отбросить главное разногласие между собой и коммунистами, признав основной предпосылкой социалистического переустройства страны установление пролетарской диктатуры. Однако представители ВКП в своих выступлениях на съезде дружно констатировали, что борьба с правыми в партии еще далеко не завершена. Это означало, что следующий этап объединения рабочих партий пройдет под знаком глубокой чистки рядов СДП.

10 марта 1948 г. на совместном заседании руководителей СДП и ВКП был установлен окончательный срок создания единой партии — 1 июля. Были образованы политический и организационный комитеты, на местах руководство организациями обеих партий следовало взять на себя комитетам единства. Именно в этот момент на первый план выдвинулись, пожалуй впервые, задачи чисто идеологического характера. По решению Политбюро ВКП в стране развернулась пропаганда марксистско-ленинской теории, которая охватила и массы рядовых социал-демократов. В начале мая руководство ВКП и СДП опубликовало совместные проекты программы и устава будущей единой рабочей партии, получившей название Венгерской партии труда (ВПТ). Проекты, как и следовало ожидать, были полностью одобрены и коммунистами, и социал-демократами, которые в это время осуществляли объединение первичных организаций ВКП и СДП. Подходила к концу чистка СДП: из ее рядов были исключены около 25 тыс. правых, руководство партии отозвало 32 видных деятеля из Государственного собрания, причем все они ранее были исключены из партии.

После завершения объединения на местах (на комитатских и городских объединительных конференциях) 12 июня 1948 г. в Будапеште открылись IV (внеочередной) съезд ВКП и XXXVII съезд СДП. Участники обоих съездов высказались за преодоление раскола рабочего движения. Социал-демократы подчеркнули большую помощь компартии в борьбе с правыми, приняли решение объединить обе партии. Коммунисты, в свою очередь, констатировали необходимость и в дальнейшем усиливать единство пролетариата в организационном и особенно в идеологическом отношении. 14 июня на I съезде объединенной партии было провозглашено создание ВПТ.

В программном заявлении и уставе ВПТ отмечалось, что новая партия строит свою деятельность на основе марксизма-ленинизма, видит свою главную задачу в борьбе «за социалистическое общество, в котором уничтожены эксплуататорские классы, исчезнет эксплуатация человека человеком, стираются различия между союзными трудящимися классами... и где развитие ведет к коммунизму». Народная демократия рассматривалась как «своеобразный, относительно мирный переход к социализму». Однако этот путь уже не мыслился без нарастания классовой борьбы и усиления бдительности по отношению к проискам классового врага[80].

ВПТ объединила при создании примерно 700 тыс. членов ВКП и 500 тыс. членов СДП. ЦК объединенной партии насчитывал 66 членов и 12 кандидатов. Среди них преобладали коммунисты (52). Та же картина наблюдалась в Политбюро (13 коммунистов, пять социал-демократов), в Секретариате ЦК (шесть коммунистов, два социал-демократа). Председателем партии был избран А. Сакашич, генеральным секретарем — М. Ракоши, а его заместителями — М. Фаркаш, Я. Кадар, Д. Марошан. ВПТ официально получила после объединения 46 % депутатских мест в парламенте*, 10 из 15 мест в правительстве. Президентский пост также принадлежал члену ВПТ.

Поначалу двери ВПТ оказались широко открытыми для всех желающих, но уже осенью 1948 г. прием был прекращен и проведена перерегистрация: в результате численность партии сократилась до 900 тыс. членов, причем, по некоторым данным, несколько возросла прослойка рабочих[82].

Объединение рабочих партий уже в то время расценивалось неоднозначно. Так в политическом отчете советского посольства в Венгрии за 1948 г. отмечалось, помимо оздоровления обстановки в стране и прекращения «нездорового роста» обеих партий и особенно ВКП, и возникновение дополнительных трудностей, в частности, «растворение» немногих коммунистов, имевших марксистско-ленинское воспитание, в массе, зараженной мелкобуржуазной идеологией. Эти трудности, как считалось, усугублялись тем, что ВКП не смогла до объединения превратиться в «подлинно большевистскую партию»: она лишь «медленно развивалась в этом направлении», часто «мирясь с мелкобуржуазными течениями и пережитками в своих рядах»[83]. В отчете отмечались также «серьезные ошибки» венгерских коммунистов, которые им предстояло настойчиво исправлять. Среди них — недооценка роли СССР и «боязнь распространения правдивой информации» о Советском Союзе, живучесть «националистической идеологии» в компартии, выражавшейся в случаях враждебности к советским представителям в Венгрии и стремлении «нанести ущерб интересам СССР». Вторая группа «ошибок»,

* Фактически эта цифра приближалась к 60 %, поскольку ряд депутатов от других партий имели двойное партийное членство[81].

подмеченных советской стороной, сводилась к недооценке советского опыта социалистического строительства. Неудовольствие вызвали «поиски каких-то новых путей строительства социализма, отличных от советского пути». В частности, как сообщал в беседе с советскими дипломатами М. Ракоши, отдельные члены Политбюро ВКП во время предвыборной кампании 1947 г. выступали перед крестьянами с заявлениями о том, что Венгрия минует этап коллективизации сельского хозяйства[84].

Очевидно, что данная информация отразила абсолютно новый подход советской стороны к концепции «национального пути к социализму». Последняя рассматривалась теперь как противостоявшая советской модели и, следовательно, как криминал. Смена модели означала помимо прочего, что включение массы социал-демократов в единую ВПТ произошло в условиях, когда ее коммунистическому «ядру» предстояло форсировать превращение в партию «большевистского типа», утверждая на практике концепцию партии-монолита, партии-крепости, бдительно следящей за чистотой своих рядов и систематически находящей в них затаившихся «врагов». Кроме того, постепенно начинал действовать «югославский синдром», определивший тот новый ракурс, с которого советские представители, находившиеся в стране, оценивали ситуацию в партии, искали и находили «ошибки», формулировки которых довольно точно совпадали с резолюцией Информбюро по Югославии.

В такой психологической обстановке недоверие руководства ВПТ (ее коммунистической части) к массе социал-демократов, якобы мечтавших подорвать изнутри рабочее движение и лишь с этой целью объединившихся с коммунистами, было предрешено.

* * *

В отличие от рассмотренных выше стран, ситуация в болгарском социал-демократическом движении была серьезно осложнена произошедшим в середине 1945 г. расколом. На политической арене действовали две социал-демократические партии — входившая в Отечественный фронт (ОФ) БРСДП и оппозиционная БРСДП (объединенная). Принципиальных различий программного характера между ними поначалу не существовало: в идейном плане болгарская социал-демократия являлась горячей сторонницей австромарксистской теории, которую она считала крупнейшим завоеванием революционной марксистской мысли и тактики. О. Бауэр и М. Адлер — крупнейшие лидеры и теоретики австромарксизма, являлись наиболее авторитетными фигурами, своего рода идейными ориентирами. С восторгом и колоссальным энтузиазмом в БРСДП была встречена также победа английских лейбористов на выборах в июне 1945 г. Советский и английский примеры и опыт обусловили поиски социал-демократией новых подходов к проблеме демократии и диктатуры. Уже в середине 1945 г. журнал «Социалистическа борба» отмечал, что для по-

беды рабочего класса необходима продолжительная и организованная революционная борьба. Даже добившись победы через демократический парламент, рабочему классу, вполне возможно, придется «сломить сопротивление буржуазии и диктаторскими средствами»[85]. Однако болгарская социал-демократия тяготела все же к идее законного, парламентского пути к власти — через избирательную борьбу и получение заветного 51 % голосов на выборах. С этой позицией солидаризировались те силы в партии, которые видели в советском построении социализма «азиатские черты», неприменимые к Болгарии.

Развернувшиеся в социал-демократических кругах дискуссии о путях к социализму выявили весьма широкий диапазон взглядов. Лиц, их исповедовавших, можно условно объединить в три группы. Об одной из них уже говорилось выше. Она была наиболее многочисленной и в нее входили поклонники О. Бауэра. Однако внутри этой группы выделялись сторонники бауэровских идей разных периодов его идейной эволюции. Для одних «светом в окне» являлась Линцская программа австрийской социал-демократии 1926 г., ориентированная на врастание социалистических элементов в капитализм. Другие опирались на «позднего» Бауэра — автора концепции «интегрального социализма», для которого западный и восточный социализм означал различные пути продвижения к единой цели. Наша эпоха «определена знаменем интегральности одного социализма», «нет революционного и нереволюционного социализма. Социализм один. Он не западный и не восточный. Однако пути его в разное время и в разные моменты различны, ибо марксизм не догма, он дает лишь общие направления рабочему классу... Дело лидеров решить вопрос о тактике в конкретный момент,— так в сжатом виде было сформулировано кредо сторонников «интегрального социализма» на XXXVII съезде БРСДП в августе 1945 г.[86]

Вторую группу представляли те социал-демократы, для которых программной стала позиция Л. Блюма, переживавшего в то время эволюцию, приведшую его с центристских позиций на правый фланг социалистического движения. Как отмечено в литературе, Л. Блюм дезавуировал в первые послевоенные годы свои прежние высказывания в пользу революционных действий, заимствовав у правого крыла французских социалистов тезис о «революционной эволюции». Он отказался от понятия классовой борьбы, заменив его понятием классового действия, легшим в основу системы взглядов «гуманистического социализма»[87].

И, наконец, третью группу составляли социал-демократы — «практики». Их настрой — пренебрежение к прошлому, когда БРСДП занималась «канцелярским социализмом, теориями, интеллигентскими спорами», призыв перейти к практическим делам, «управлять», «творить». Достойным подражания примером объявлялись действия советского руководства. «Встав во главе управления,— говорили «практики»,— Сталин объявил войну всяким интриганам и справился с ними, не созывая съездов (!). Он от-

странил Зиновьева, Бухарина и прочих и двинул партию и страну по самому правильному пути...»[88]. Хотя на первых порах эта группа была немногочисленной, появление ее свидетельствовало о начале формирования леворадикальных взглядов в социал-демократической среде, взглядов, ориентированных на жесткое, силовое решение внутрипартийных проблем, отрицание политического и идейного плюрализма, абсолютизацию советского опыта.

Содержавшиеся в программе БРСДП положения о решающей роли рабочего класса и единстве рабочих всего мира в борьбе за социализм, о создании единого боевого социалистического движения обусловили необходимость в практической плоскости ставить и решать вопрос о взаимоотношении между БРСДП и БРП(к) и в более широком плане — о рабочем единстве. В этом вопросе коммунисты и социал-демократы обнаруживали определенные разногласия. Если руководство БРП(к) считало, что совместная работа по осуществлению программы ОФ подготовит необходимые условия для будущего создания единой партии болгарских социал-демократов и коммунистов, то лидеры БРСДП, в частности Д. Нейков, хотели, чтобы дружба и совместные действия обеих партий «действительно были бы вечными»[89].

Такая постановка вопроса фактически отдаляла перспективу создания единой рабочей партии, отдавая приоритет существованию самостоятельной БРСДП. Среди «старых» партийных кадров довольно популярным было предложение установить между социал-демократами и коммунистами «четкую демаркационную линию»[90]. Но интересно, что хотя подобные настроения «стариков» не получили в партии широкой поддержки, все же требование к руководству БРСДП «очень аккуратно и точно объяснить разницу между социал-демократами и коммунистами, выявить принципиальные различия» приобрело немалую популярность[91]. Оно кстати не противоречило стремлению широких слоев социал-демократии к единству с компартией: с мест систематически сообщалось о стремлении социал-демократов к организационному объединению, причем инициаторами как правило выступали сторонники левого крыла БРСДП[92].

Выборы в Великое Народное собрание (ВНС) в октябре 1946 г. обозначали переломный момент в послевоенном развитии страны: завершалась поляризация политических сил по линии БРП(к) — объединенная оппозиция (БЗНС-Никола Петков, БРСДП(о), «независимые»), было сформировано правительство, в котором половина портфелей принадлежала коммунистам. Это создавало качественно новую ситуацию и для партнеров БРП(к) по Отечественному фронту. Им предстояло серьезно скорректировать свою политическую линию в условиях очевидной радикализации настроений в обществе.

В БРСДП, как и в других партиях ОФ, недовольных итогами выборов (напомним, что социал-демократы получили 1,78 % голосов против более 53 % у БРП(к)), начался поиск причин провала. Мнения разошлись. Часть членов партии главную причину

провала видела в «оппортунистическом духе» БРСДП. в неясности ее идейных позиций[93]. Но большинство было склонно винить коммунистов, предложивших «негодный» способ голосования, который «фактически разорвал пять партий ОФ», поставил их в положение соревнующихся вместо того, чтобы заставить действовать сообща. Реализованную в ходе выборов идею выступления с единым списком делегатов от ОФ. но с бюллетенями разного цвета для определения степени влияния каждой из партий руководство БРСДП назвало «злополучной» как нарушившую предвыборное соглашение о лояльности партий. Поскольку публично констатировать неудачу на выборах социал-демократам очень не хотелось, возникла любопытная, хотя и необъективная, с нашей точки зрения, оценка. Суть ее сводилась к признанию того, что партия якобы «не достигла успеха, но и не потерпела поражения»[94]. Одновременно наблюдались попытки завысить роль и значение БРСДП на новом этапе ее истории, представить ее столь же мощным политическим фактором в жизни страны, как ЛПВ или французские социалисты. Эти настроения, в частности, проявились на встрече руководства БРСДП с Г. Димитровым вскоре после выборов. В ответ на соответствующие заявления Г. Димитров подчеркнул, что в условиях Болгарии «тем, чем сегодня в Англии является Лейбористская партия, в стране являются коммунисты, а не социалистическая партия»[95].

Скромное представительство БРСДП в управленческих и законодательных структурах крайне раздражало руководство партии. В Декларации Высшего партийного совета (ВПС) БРСДП по итогам выборов указывалось, что социал-демократы — «единственная из партий, которая сильнее других недооценена...»[96]. Именно подобные настроения определяли тональность кампании по подготовке очередного XXXVIII съезда БРСДП. Одним из главных для социал-демократов стало требование увеличить их удельный вес в госаппарате. Кроме того они настаивали на более четком разграничении программы партии с БРП(к), предупреждали об опасности превращения социал-демократии в сателлита коммунистов.

Встает вопрос, насколько реальной была эта опасность? Думается, что основания для беспокойства на этот счет у социал-демократов имелись. К середине 1947 г. четко проявилось намерение руководства БРП(к) дать политическую оценку прошлому болгарской социал-демократии, причем через призму провозглашения изначального приоритета «тесняков» внутри болгарского социалистического движения. В мае 1947 г. в центральном органе БРП(к) газете «Работническо дело» была помещена статья к годовщине смерти Д. Благоева с резкими выпадами против «общедельцев». В статье они были названы «политическими карьеристами», стремившимися привязать молодую рабочую партию к колеснице буржуазных группировок, поставить ее на службу монархической реакции[97]. Ответ последовал незамедлительно:

на страницах «Народа» 13 мая появилась статья «В защиту единства», в которой социал-демократы объявлялись такими же борцами за идею социализма, за интересы рабочего класса, как и «тесняки», а затем и коммунисты. «Споры среди социал-демократов,— подчеркивала газета,— обусловливались как состоянием социализма, так и реальными политическими условиями Болгарии. Ошибки и увлечения имелись как у Я. Сакызова, так и у Д. Благоева». Наряду с этой верной констатацией социал-демократы сочли своевременным заявить о еще неизжитом в БРП(к) «сектантском ослеплении», подтверждением которого явились резкие обвинения в адрес «общедельцев».

Может быть, на более раннем этапе реакция коммунистов была бы более спокойной. Но в новых условиях провозглашенного разделения мира на два противоборствующих лагеря оценка ими критической позиции социал-демократов как правой была, пожалуй, предопределена. Это обстоятельство по-новому поворачивало проблему отношения БРП(к) к БРСДП. 3 октября 1947 г. на совместном заседании руководства обеих партий, обсудившем современное положение и вытекавшие из него задачи, перед социал-демократами были четко поставлены следующие задачи: начать активное наступление на политику и идеологию англо-американского империализма, готовившего, как тогда считалось, новую войну; вести открытую борьбу против правого крыла социалистических партий всех стран как агентов англо-американцев (Шумахера, Бевина, Рамадье, Блюма и др.); изгнать правых из БРСДП и разгромить оппозиционную группу К. Лулчева. По информации секретаря ЦК БРП(к) Г. Чанкова, переданной советнику миссии СССР К. Д. Левычкину, Д. Нейков полностью согласился с оценкой современного положения и задачами, сформулированными ЦК БРП(к). Однако он «уклонился от ответа на предложение открытой борьбы против лично Рамадье, Блюма и Бевина». Тем не менее участники заседания договорились, что съезд БРСДП, открывающийся 5 октября, будет проходить в духе поставленных задач, что Д. Нейков в политическом докладе и В. Червенков в приветствии «будут бить в одну точку»[98].

На съезд прибыли 384 делегата. Они представляли примерно 41 тыс. членов БРСДП, хотя эти данные нуждаются в уточнении. Вообще вопрос о численности партии на разных этапах ее развития требует оговорок. Сведения на этот счет весьма разноречивы, их отличает явная тенденция к преувеличению. Кстати, неудовлетворенность делегатов состоянием отчетности проявилась и на XXXVIII съезде. В политическом докладе констатировалось «искусственное создание иллюзии сильной партии», чреватое «еще более сильным разочарованием, когда наступит время испытаний»[99]. Однако иллюзия эта создавалась не только путем явно дутой отчетности. К примеру, 5 октября 1947 г. в день открытия съезда в Софии прошел, как сообщалось, 50-тысячный митинг социал-демократов. Однако, как рассказал секретарь ЦК БРП(к)

Г. Чанков К. Д. Левычкину, сделать митинг более массовым помогли коммунисты, отвечая на просьбу представителя руководства БРСДП Г. Попова. «Митинг не должен провалиться,— говорил последний в руководстве БРП(к),— иначе гости из других стран решат, что силы социал-демократов в Болгарии ничтожны. Общественность будет думать, что основная масса социал-демократов идет за оппозиционной партией К. Лулчева». Следует заметить, что закулисная сторона проведенного митинга широким массам социал-демократов осталась неизвестной и более того, как выяснилось на съезде, многие делегаты, особенно из провинции, «были опьянены» проявившейся, как они считали, мощью партии, «возомнили свою силу в стране» (так в документе.— *Т. В.*)[100].

Съезд выявил довольно широкий спектр взглядов болгарских социал-демократов на текущий момент и перспективы партии. Левые социал-демократы (З. Митовски, Д. Братанов, Д. Бодуров, И. Бодуров, И. Попов и др.) выступали в духе договоренности с коммунистами от 3 октября, критикуя оппозиционеров Лулчева и правое крыло социалистических партий Запада. Правые, особенно представители местных организаций, избегали критики БРСДП (о), резко осудили попытки левых представить западных социалистов как «агентуру англо-американцев». «Коммунисты не должны требовать такой критики и борьбы со стороны болгарских социал-демократов»,— говорилось в одном из выступлений[101]. Правые (среди них члены ЦК Митев, Тихолов, Христов, Цолов) определили на съезде и принципиальное отношение к проблеме единства рабочего класса: оно возможно лишь тогда, когда станет единым международное рабочее движение. Они заявили, что социал-демократическая партия «должна резко отличать себя от коммунистов и не смешиваться с ними», а компартия, со своей стороны, должна дать свободу росту БРСДП, не препятствовать созданию ее новых организаций.

Самостоятельная позиция правых на съезде была однозначно оценена Г. Чанковым в упоминавшейся беседе с К. Д. Левычкиным: «В БРСДП укрывается значительная часть англо-американских агентов, ожидающих более благоприятных условий для открытой борьбы с РП(к)[102]. Весьма характерно, что к правому крылу был отнесен Д. Нейков, занявший, по определению Чанкова, «золотую середину».

В состав нового ЦК БРСДП были избраны двенадцать левых, десять правых и пять центристов. После съезда, по всей видимости по согласованию с левыми*, ЦК БРП(к) наметил начать критику Д. Нейкова и правых в партийной печати, развернуть

* 9 октября 1947 г. Г. Чанков информировал К. Д. Левычкина о том, что накануне, т. е. 8 октября, в ЦК БРП(к) явился З. Митовски и от имени левых ставил вопрос о смещении Д. Нейкова с поста руководителя БРСДП[103]. Ответная реакция, к сожалению, не известна, но не исключено, что последствия этого визита проявились в феврале 1948 г., когда произошли изменения в руководстве БРСДП.

борьбу с колеблющимися в ЦК БРСДП, т. е. с центром. Но если в отношении правых стояла задача их удаления из партии, то центр предполагалось перетянуть на сторону левых. Такая линия в отношении союзнической партии полностью вписывалась в курс на интенсификацию революционного процесса, определившегося после совещания представителей девяти коммунистических и рабочих партий в Шклярской Порембе. На XIII пленуме ЦК БРП(к) 14 октября 1947 г. основные выводы и решения совещания были конкретизированы применительно к условиям Болгарии. Политбюро особенно отметило, что «между политикой СССР и коренными болгарскими национальными интересами существует полное тождество». В. Червенков, в отсутствие Г. Димитрова и В. Коларова, выдвинул ряд новых для партии тезисов. Он отметил, что после 9 сентября 1944 г. руководство БРП(к) не имело полностью ясного представления о характере коренных перемен в Болгарии, равно как и о перспективах и темпах движения вперед. Прямым следствием этого, по мысли Червенкова, было сохранение в почти нетронутом виде экономической базы буржуазии, опоздание с разгромом оппозиционных сил. Государственый аппарат в силу незначительных изменений в нем по сути дела стал тормозом общественно-революционных преобразований.

Выводы пленума о политических задачах партии имели далеко идущие последствия. Политическую линию партии отныне предполагалось выстраивать с учетом перехода к непосредственному строительству социализма в обстановке решительного наступления на «реакционные и контрреволюционные силы», т. е. сознательно обостряя классовую борьбу внутри страны. Основным содержанием этого наступления должна была стать ликвидация традиционных буржуазных партий, лишение «лояльной оппозиции ОФ» возможности легальной деятельности, реорганизация ОФ, программа которого должна была ясно указать «перспективы социалистического развития», определить характер и прерогативы политической деятельности отдельных партий [104].

Несмотря на то, что пленум подтвердил основные выводы, сделанные в духе Информбюро, в руководстве БРП(к) шла серьезная борьба мнений. В беседе с советским посланником С. П. Кирсановым В. Коларов сообщил, в частности, о предложениях некоторых «молодых» коммунистов (именно их взгляды в первую очередь выражал В. Червенков) «открыто говорить о социализме», включить в программные документы ОФ «ясные указания о социалистическом пути развития Болгарии». Сам Коларов занял более осторожную позицию, исходя из настроений прежде всего крестьянства, среди которого, по его словам, еще имелось «много предрассудков в отношении социализма». «Можно идти к социализму, не поднимая словесного шума»,— подчеркнул Коларов [105]. Победили сторонники более гибкой тактики: было решено временно воздержаться от включения в документы ОФ, в частности в принятую 22 октября 1947 г. декларацию Национального комитета ОФ (НКОФ), формулировок относительно

перехода Болгарии на социалистический путь развития, само слово «социализм» в документе отсутствовало. Введено было положение о «дальнейшем социальном и демократическом развитии страны». Однако совершенно очевидно, что за формулировками о решительном усилении темпов развития государственного и кооперативного секторов народного хозяйства, о борьбе с империалистической агентурой в стране, конфискации имущества противников народной власти и пр. по существу была скрыта уверенность руководства БРП(к), что страна стоит на пороге серьезных преобразований, меняющих общественный строй. Характерно, что представители БЗНС и БРСДП в НКОФ осенью 1947 г. уже были готовы в формулировках, определявших перспективы развития страны и ОФ, вполне ясно и конкретно говорить о социализме. Так, на заседании НКОФ 22 октября социал-демократ П. Цолов заявил о возможности придать будущей программе Фронта «если не полностью, то в значительной степени» социалистический характер. Однако при этом он выразил убеждение в необходимости сохранения в интересах дела максимальной свободы действий партиям ОФ: последние еще не исчерпали своих возможностей играть самостоятельную положительную роль в массах, весьма важны и их связи с родственными им партиями в других странах[106]. Эта позиция завоевала немало сторонников в БРСДП: так, например, 7 декабря 1947 г. на заседании ЦК партии, обсуждавшем проект устава Единой общественно-политической организации ОФ, подчеркивалось, что самостоятельность партий-участниц ОФ не должна быть ограничена.

Вопрос о перспективах БРСДП, об объединении рабочих партий активно обсуждался и в первичных организациях социал-демократов. При этом зачастую ни одной из группировок — носительниц противоположных взглядов по этим вопросам не удавалось достичь явного перевеса.

В конце декабря 1947 г. руководство БРСДП г. Русе приняло резолюцию, которая вызвала сильный резонанс в центральном руководстве партии. Ее авторы утверждали, что в обстановке, когда социализм в Болгарии «осуществляется на деле», когда от БРСДП требуется «наиболее активное участие в политической жизни и в общественно-экономической трансформации», линия действия центрального руководства привела социал-демократов к изоляции. ЦК БРСДП обвинялся в том, что не исполнил свой долг, оказался неспособным проводить «творческую политику и мобилизацию партийных кадров для осуществления акций рабочего класса и ОФ», что не выразил четко и ясно своего отношения к итогам совещания в Шклярской Порембе * и социалисти-

* По некоторым сведениям, это отношение было отнюдь неоднозначным, что, по всей видимости, и удерживало ЦК БРСДП от выработки документа оценочного характера. Часть социал-демократов (преимущественно правые) декларацию совещания в Польше связывали с началом наступления компартии на реакцию. Вместе с тем они считали, что это наступление «может увлечь за собой широкие массы мирного населения» и тем самым подорвать авторитет социалистических партий[107].

ческой конференции в Антверпене. В резолюции русенцев подчеркивался положительный пример социалистов Румынии, Венгрии, Польши, вплотную подошедших в то время к организационному объединению с коммунистами. Очень четко были сформулированы и основные предположения: поскольку отдельное и самостоятельное существование БРСДП потеряло свое значение, ЦК БРСДП по примеру соседней Румынии должен немедленно предпринять шаги к объединению двух рабочих партий; если же по особым соображениям обе партии признают, что момент объединения еще не наступил, то им следует создать такую организационную связь между собой, которая, исключив недоверие друг к другу, «будет гарантировать навсегда и при всех обстоятельствах их единомыслие и единодействие»[108]. 16 января 1948 г. общее собрание социал-демократической организации г. Русе всесторонне рассмотрело подготовленный документ. Была принята новая резолюция, вновь остро поставившая вопрос об объединении и подчеркнувшая «повеление и право» БРП(к) играть руководящую роль в строительстве социализма в стране. Русенцы также предупреждали, что если руководство БРСДП проигнорирует их резолюцию, они приступят к объединению двух партий в своей области самостоятельно. Одобренная околийским и окружным комитетами БРСДП эта резолюция была разослана во все социал-демократические организации страны. 26 января она стала предметом обсуждения на заседании ВПС БРСДП. Значительная часть присутствовавших (всего собралось 350 человек) поддержала идею объединения, выразив в связи с этим положительное отношение к русенской резолюции, а также озабоченность: «...переговоры об объединении не должны продолжаться бесконечно, ибо если будем долго ждать и тянуть, события могут нас опередить»,— говорил представитель г. Добрича. При этом объединение мыслилось по принципу «равный с равным», оно не должно было осуществляться на персональной основе: БРСДП предполагалось целиком влить в единую рабочую партию[109].

Часть социал-демократов, позитивно относившихся к идее объединения, вместе с тем осудила резкий тон русенской резолюции, а заявление русенцев о возможных самостоятельных действиях расценила как проявление недисциплинированности. Характерно, что среди факторов, усиливших стремление к объединению, ряд выступавших назвали резолюцию в Шклярской Порембе, положительные итоги срабатывания с коммунистами («работали в ОФ три года, и демаркационная линия между нами стерта»), переход к строительству социализма. Открыто на заседании 26 января против объединения не высказался никто. Однако делегаты от Горна-Джумаи, Горна-Оряховицы, Кюстендила, Перника, Провадии, Видина, Силистры не выразили своего отношения. Левые оценили такую сдержанность как несогласие с объединением и опасение открыто выразить свою точку зрения, что само по себе являлось весьма симптоматичным и свидетельствовало об определенной атмосфере в политической жизни стра-

ны. Об этом говорила и новая, прежде не свойственная социал-демократам терминология, явно заимствованная ими из арсенала БРП(к). Так, уже после заседания ВПС представитель г. Левски Николов обвинил левых в том, что они «до конца выполнили свою задачу как чуждые агенты внутри социал-демократической партии». По словам лидера левых З. Митовского, на заседании ВПС, а ранее на XXXVIII съезде партии выяснилось мнение части социал-демократов, согласно которому сторонники объединения объявлялись «карьеристами», «агентами коммунизма», толкающими БРСДП к объединению «по принуждению»[110].

На заседании ВПС был поднят вопрос и об идеологических основах объединения: например, предлагалось подготовить специальные тезисы и воззвания к членам БРДСП, провести в первичных организациях собрания для обсуждения вопроса о единстве с позиций марксизма-ленинизма, «на который окончательно ориентирована наша партия»[111]. Однако вопрос этот не был однозначен: далеко не все партийцы придерживались подобной точки зрения, хотя, безусловно, время открытых оппозиционных проявлений подходило к концу*.

Основное решение заседания ВПС касалось переговоров с ЦК БРП(к) об объединении рабочих партий. Во исполнение этого решения ЦК БРСДП 29 января 1948 г. направил в ЦК БРП(к) декларацию ВПС и специальное письмо с предложением провести в ближайшее время совместную встречу Политбюро БРП(к) и Исполнительного комитета БРСДП[113]. Одновременно в специальном циркуляре, адресованном околийским организациям БРСДП, ставилась задача подготовки и проведения партийных конференций для рассмотрения вопроса об объединении.

Стремление подавляющей части социал-демократов к объединению (во всяком случае так об этом говорилось) поддерживалось далеко не всеми в руководстве БРП(к). Ограниченность источников позволяет лишь обрисовать контуры этого интересного явления. Согласно имеющимся у автора материалам, в руководстве компартии существовали по меньшей мере две позиции по этому вопросу. Сторонники одной считали, что объединение рабочих партий — дело ближайшего будущего. Эту точку зрения выразил, к примеру, Тр. Костов на конференции ОФ 1-го района Софии[114]. Сторонники другой (к их числу относился защитник идеи «чистых революционных форм» Г. Чанков), ссылаясь на незначительную численность и силу БРСДП, считали, что пока нет необходимости объединяться. В политическом отчете посольства СССР в Бол-

* По некоторым оценкам деятелей БРП(к), важным рубежом стала ликвидация оппозиционного БЗНС в августе 1947 г. и казнь его лидера Н. Петкова 23 сентября. Член ЦК БРП(к) Р. Леви в беседе с сотрудником советского посольства Г. П. Купкой констатировал: «После ликвидации оппозиции Н. Петкова наши партийные союзники перестали проявлять даже признаки несогласия с политикой рабочей партии». Исходя из этого факта, Леви заключал, что «вопрос координации междупартийных отношений сейчас будет максимально упрощен и облегчен»[112].

гарии за 1947 г. категорически указывалось: «стремление социалистов к объединению с БРП(к) не поддерживается последней[115]. Линия компартии определялась в то время как вовлечение в ряды БРП(к) наиболее честных и прогрессивных социал-демократов, что практически не могло не вести к распаду и расколу рядов БРСДП.

Февраль 1948 г. принес крайне важные изменения в руководстве БРСДП. Группа З. Митовского, обеспечив себе большинство в Исполнительном комитете партии, провела замену главного секретаря. При этом Митовски временно блокировался с правыми, действовал напористо и не особенно заботясь о моральной стороне дела*. Характерно, что свое назначение главным секретарем БРСДП Митовски провел в отсутствие Д. Нейкова и Г. Попова (они находились в Бухаресте). При этом в качестве главного аргумента против Нейкова он использовал обвинение в том, что он не занял четкой позиции по вопросу об объединении и заявлял, что «указание о замене Нейкова он получил от РП»[117].

Дело принимало скандальный оборот. В БРСДП громко зазвучали голоса о «нечестных маневрах Митовского, его карьеристских интересах. Митовскому пришлось на расширенном заседании Исполкома по существу оправдываться. Более того, он осудил клевету в свой адрес как «отражение личных целей бывших членов ИК БРСДП»[118]. Однако его объяснения не были, по всей видимости, особенно убедительными. Во всяком случае в вышедшем 15 марта 1948 г. первом номере бюллетеня новосозданного Центрального инициативного совета (ЦИС), цель которого состояла в идейной проверке членов и деятелей БРСДП, разоблачался карьеризм «занимавших высокие посты лиц» (З. Митовского, Д. Братанова). Последовала немедленная реакция — столичная организация БРСДП, в которой преобладали сторонники Митовского, исключила из партии организатора ЦИСа Я. Алекова. ЦК БРСДП оценил ЦИС как «дело врагов» и дезавуировал его. Однако как не бывает дыма без огня, так и настойчивые разговоры о карьеризме Митовского и некоторых иных руководителей БРСДП имели под собой определенную почву. Складывается впечатление, что разногласия в руководстве партии носили отнюдь не принципиальный характер. Развернулась, причем по инициативе Митовского и его сторонников, откровенная борьба за власть с группой Нейкова. Любопытно, что коммунисты имели довольно четкое представление о том, «кто есть кто». По словам члена БРП(к) Г. Грозева, «Митовски в действительности является карьеристом, но его карьеризм не представляет опасности, ибо коммунисты ограничивают его там, где необходимо». Гораздо более важным, чем соображения морального порядка, оказывалось в данном случае для БРП(к) охотно демон-

* Член ЦК БРСДП, заместитель Д. Нейкова Г. Попов указал на факты угроз со стороны Митовского в адрес правых: или они поддерживают его, или он вообще «ликвидирует их политически»[116].

стрировавшееся Митовским желание «безоговорочного сотрудничества с коммунистами», решительный разрыв с традициями социал-демократов[119]. Констатация Грозева важна еще и в том плане, что фактически подтвердила действия Митовского с одобрения или под прямую диктовку БРП(к), но в любом случае они совпадали с желанием лидеров левых. Сторонники Митовского настойчиво старались убедить советских представителей в Болгарии в том, что перемены в организационных структурах БРСДП связаны с грядущим объединением рабочих партий, то при Нейкове этот «исторический акт» трудноосуществим[120].

В конце апреля 1948 г. были подготовлены подробные тезисы по объединению БРСДП и БРП(к). Они содержали острую критику западноевропейского правого социализма, который под маской некоей «третьей силы» играл, как подчеркивалось в тезисах, контрреволюционную роль. Большое внимание уделялось проблеме единства рабочего класса и внутренним причинам объединения. Подчеркивалось, что БРСДП решительно порывает с «общедельческой» и оппортунистической политикой правых лидеров партии «далекого и близкого прошлого». Идейной основой новой партии становится марксизм-ленинизм.

6 мая 1948 г. по предложению Г. Димитрова Политбюро ЦК БРП(к) приняло специальное решение о слиянии рабочих партий, содержавшее конкретные условия: публичное признание программы и устава БРП(к), решительная критика теории и практики «широкого социализма» как «вредных для рабочего класса», признание марксизма-ленинизма в качестве руководства к действию рабочего класса в условиях строительства социализма, признание необходимости постоянной борьбы с правыми социалистами — «агентами империализма». Специальной комиссии из представителей БРП(к) и БРСДП предстояло в индивидуальном порядке определить, кто из социал-демократов не соответствует данным условиям и не может войти в состав БРП(к). В разосланной околийским комитетам обеих партий инструкции конкретно назывались причины, препятствовавшие приему в БРП(к): враждебные проявления по отношению к компартии, участие в оппозиции без последующей демонстрации разрыва с ней, антисоветские настроения, бытовое разложение и участие в спекуляции и прочих аферах и деятельности, «позорящих партию рабочего класса». В то же время в конце мая 1948 г. начала действовать специальная комиссия, готовившая передачу имущества и архивов БРСДП организациям БРП(к).

Несмотря на то, что к лету 1948 г. вопрос об объединении рабочих партий перешел в практическую плоскость, противоречия в центральных органах БРСДП сохранялись. В ЦК и ИК наблюдались настроения, что с объединением не надо спешить, следует подождать до весны 1949 г. Распространение получил старый тезис об объединении «равного с равным». Часть социал-демократии в вопросе о единстве рабочего движения приоритет отдавала не организационному объединению, а сотрудничеству

коммунистов и социал-демократов. Примером при этом служили в первую очередь те слои венгерской и польской социал-демократии, которые выступали за единство действий и полное взаимопонимание с коммунистами при сохранении организационной самостоятельности. В связи с подобными настроениями среди социал-демократов весьма негативную реакцию вызывало появление брошюры «По вопросу о единстве рабочего класса в Болгарии» с предисловием Митовского. Главная причина недовольства заключалась в сугубо отрицательных оценках исторического прошлого болгарской социал-демократии, данных Митовским [121].

Практическая работа по объединению организаций БРСДП и БРП(к) была проведена очень быстро. В августе — сентябре 1948 г. она практически завершилась объединительными собраниями по всей стране. Непринятые могли обжаловать решение объединительной комиссии. Судя по характеру апелляций, среди причин отказа назывались слабое участие или неучастие в работе ОФ, реакционные проявления (в частности, к таковым отнесены были германофильские настроения, участие в легионерском движении или в оппозиции, обвинения в сотрудничестве с «фашистским режимом»), непосещение собраний первичных организация БРСДП, слабая политическая подготовка, неуплата членских взносов. Поводом для отказа служили также случаи бытового разложения или вступление в партию в 1948 г., т. е. накануне объединения. В апелляциях имелись жалобы на то, что иногда негативное решение принималось без объяснения причин. Следует отметить, что степень активности бывших социал-демократов при подаче апелляций была различной: так в 1-м районе Софии было подано 16 апелляций, из которых по 12 были приняты положительные решения. Во 2-м районе имелась всего одна апелляция, и по ней решение также было положительным. В 4-м районе Софии из 17 апелляций положительные решения были приняты в семи случаях и т. п. Характерно, что в некоторых апелляциях указывалось на слабую материальную обеспеченность их авторов [122]. Видимо, в БРСДП существовало понимание, что членство в компартии даст определенные преимущества и поможет решить многие бытовые вопросы.

Несмотря на значительный процент отсева социал-демократов, у некоторых руководителей БРСДП существовало убеждение, что комиссия по слиянию «сознательно проявляет либерализм к массе рядовых социалистов, так как их легко перевоспитать в духе коммунизма». З. Митовски, чьи слова процитированы нами, полагал в августе 1948 г., что в результате слияния будут отсеяны 4—5 тыс. человек, которые честной работой в ОФ смогут подготовить себя в будущем к вступлению в БРП(к) [123]. В действительности, по некоторым данным, в объединенную партию не были допущены около 50 % членов БРСДП, т. е. более 20 тыс. человек [124].

Объединение поставило немало задач перед бывшими социал-демократами. Главнейшей и труднейшей из них, несомненно, была

задача «переработать себя идеологически». Немалую остроту приобретал вопрос о судьбах социал-демократических функционеров после объединения. Противоречия и острая борьба в руководящих кругах БРСДП в новых условиях сохранились и даже приобрели новые малоприятные оттенки. В беседе с секретарем советского посольства Г. П. Купкой Митовски ничтоже сумняшеся обвинил Д. Нейкова и его сына Асена, редактора газеты «Народ», в связях с английской разведкой, предупредил, что «о других его темных делах также известно ЦК БРП(к)». Однако несмотря на столь тяжкие обвинения Д. Нейков был принят в БРП(к).

Завершая тему объединения, следует отметить, что главным его итогом явилось поглощение социал-демократической партии БРП(к). Социал-демократы растворились в партии, которой были присущи серьезные недостатки. И едва ли не главным из них следует, по нашему мнению, признать четко обозначившееся в 1947—1948 гг. стремление коммунистов ориентировать страну исключительно на СССР при механическом и некритическом восприятии советского опыта безо всяких поправок на национальные условия. «Все советское считается жизненно необходимым для дальнейшего развития страны, ...вся общественная, экономическая, политическая, культурная и научная жизнь болгарского народа все более и более насыщается просоветским содержанием»,— подчеркивалось в политическом отчете посольства СССР за 1948 г. Вместе с тем констатировалось наличие среди руководства БРП(к), в том числе и в ЦК, «иждивенческих настроений с расчетом получить все готовое из СССР, причем на самых льготных условиях»[125]. При таких внутренних установках, влияющих прежде всего на молодых партийцев, можно ясно представить себе участь бывших социал-демократов, влившихся в компартию. В условиях, когда «чистота классового происхождения» становилась по советскому образцу едва ли не главным критерием, бывшие члены БРСДП, среди которых преобладали служащие, могли заранее ожидать проявлений недоверия и настороженности.

Объединение БРСДП и БРП(к) совпало по времени с процессом против оппозиционной социал-демократической партии К. Лулчева. Лидерам партии было предъявлено обвинение в контрреволюционной и антисоветской деятельности. Осенью 1948 г. БРСДП(о) перестала существовать.

Таким образом социал-демократическая идеология и выразители ее в лице двух партий — БРСДП и БРСДП(о) — были удалены с политической сцены. Разница заключалась лишь в способах осуществления этого шага: в одном случае речь шла о судебно-административных мерах, в другом — о фактической ликвидации партии путем ее слияния с коммунистами.

В Румынии все первые послевоенные годы проходили под знаком борьбы за восстановление единства рабочего класса. Пожалуй, ни в одной другой стране Восточной Европы эта проблема не была осознана столь четко уже на ранних этапах революционного

процесса. Создание весной 1944 г. Единого рабочего фронта (ЕРФ) на основе общедемократических задач (свержение диктатуры Антонеску, восстановление независимости Румынии и провозглашение демократических свобод) выдвинуло на первый план конкретные практические действия. Естественно, что наличие ЕРФ не означало ликвидации идейно-политических и тактических разногласий между КПР и СДП, однако, они не имели более преобладания в отношениях между обеими партиями[126]. Поэтому румынские материалы не дают таких примеров концептуальных столкновений социал-демократов и коммунистов, как, к примеру, польские и болгарские. Однако и на конкретно-практическом уровне, когда речь шла о программах действия, социал-демократы стремились придерживаться собственных взглядов на перспективы развития страны, публично заявляли о них. Это соответствовало плюралистическим традициям СДП, допускавшей в своих рядах различные, вплоть до диаметрально противоположных, теоретические и тактические установки.

Вместе с тем с 1945 г. явно обозначились расхождения в руководстве СДП, где противостояли друг другу правые и левые элементы. При этом важное значение имел тот факт, что возглавлял партию занимавший реформистские позиции К. Титель-Петреску. Разногласия, несомненно, стали все более обостряться и принимать принципиальный характер по мере актуализации вопроса о сущности предстоящих в стране преобразований.

Позиция К. Титель-Петреску и его сторонников сводилась к признанию неготовности Румынии перейти на социалистический путь развития. При этом он предлагал не просто эволюционный вариант общественной трансформации, но и обусловливал возможность его в Румынии осуществлением революции в развитых капиталистических странах. В силу этого перспектива социализма в Румынии заметно отдалялась. Более того, в одной из своих послевоенных работ Титель-Петреску подчеркнул, что социализм является своего рода идеалом. Советская модель оценивалась им как «специфически русское явление», неприемлемое для Румынии. Сама концепция большевиков, по его мнению, отвечала прежде всего чувствам и устремлениям «неорганизованных» масс, воспринимавших радикальные большевистские лозунги о власти, мире и земле[127]. Вместе с тем он высоко оценивал демократические институты Запада, считал, что настоящая демократия осуществляется во Франции, Англии, США. (Примечательно, что носительницей таких настоящих демократических традиций в собственной стране Титель-Петреску считал СДП). На практике воззрения председателя партии и его сторонников получили конкретное воплощение в действиях, вызывавших острое недовольство среди той части руководства КПР, которая отличалась леворадикальными настроениями. Контакты Титель-Петреску с руководителями «исторических партий» — Национал-царанистской и Национал-либеральной — были расценены коммунистами как курс на подчинение СДП интересам буржуазии. На заседании ЦК ЕРФ

17 мая 1945 г. В. Лука, например, заявил, что председатель СДП идет путем Керенского, поддерживая национальную буржуазию, и тем самым выражает интересы румынской реакции. Он даже предложил сместить Титель-Петреску с поста председателя партии.

Резкие оценки ситуаций в СДП и характеристики ее отдельных лидеров, данные В. Лукой, вызвали несогласие Л. Рэдэчану, Т. Йордэкеску и других социал-демократов — участников встречи. Однако в целом они признали, что деятельность правых внушает опасения, и обязались выступить против их ориентации на Запад.

Дальнейшему размежеванию с СДП в значительной мере содействовали события, связанные с «королевской забастовкой». В ходе их К. Титель-Петреску заявил о намерении создать однородное социалистическое правительство по типу лейбористского в Англии. Очевидно, что любая попытка приступить к реализации этого плана означала раскол ЕРФ и резкую поляризацию сил рабочего класса, жесткое противостояние вместо сотрудничества и взаимодействия.

Позиция, занятая Титель-Петреску, вызвала острую политическую борьбу в руководстве СДП и в партии в целом. Важной вехой здесь явилась подготовка к выборам в парламент, предстоявшим в 1946 г.

СДП оказалась перед дилеммой: участвовать в выборах в союзе с коммунистами или выступать самостоятельно, с отдельным списком кандидатов. В руководстве СДП оформились различные точки зрения. Сторонники одной, в их числе был К. Титель-Петреску, считали, что при условии действительно свободных выборов, участвуя в них самостоятельно, СДП сможет стать первой партией в Румынии, возглавить коалицию политических сил и восстановить страну[128]. В целом правое крыло СДП утвердилось во мнении, что на выборах единство действий рабочего класса не нужно, и в силу этого вообще не упоминало о Едином фронте ни в выступлениях, ни в документах, выходивших из-под пера его представителей. Следует, отметить, что эта категоричность подпитывалась и левацкими проявлениями в руководстве КПР, основой которых служили укоренившееся недоверие коммунистов к социал-демократам, несправедливое отождествление их с предателями рабочего классса.

Левое крыло СДП, напротив, категорически подчеркивало свою приверженность идее ЕРФ, не раз заявляло о готовности всеми силами крепить его единство (Ш. Войтек). В конце 1945 г., видимо, можно говорить об известном равновесии сил в руководстве СДП. Отражением его стали компромиссные формулировки, заложенные в резолюцию пленума ЦК СДП от 28 сентября 1945 г., содержавшие тем не менее положительную оценку роли ЕРФ и намерение СДП именно через единый фронт добиваться «подлинной демократизации страны». Но это равновесие было динамическим: в партии продолжали существовать различные по-

зиции по крупным политическим проблемам. Не случайно в октябре 1945 г. социал-демократическая пресса неоднократно помещала выступления руководящих деятелей СДП с комментариями и уточнениями в связи с резолюцией пленума [129].

Очередной пробой сил двух крыльев в СДП стала первая национальная конференция партии в декабре 1945 г. Состав делегатов отразил примерное равенство сторонников правого и левого крыла. Однако оговоримся: в период подготовки конференции коммунисты по рекомендации Политбюро ЦК КПР поддерживали постоянный контакт с левыми социал-демократами, способствовали, как пишет К. Нири, «созданию благоприятной обстановки» для избрания многочисленных левых социал-демократов на конференцию СДП [130].

Вопрос о единстве рабочего класса стал центральным на конференции. Титель-Петреску, открывая заседание, подчеркнул, что румынское общество переживает «длительную... предреволюционную эпоху», что осуществление социалистических идеалов отодвигается в отдаленную перспективу. По всей видимости, на этом этапе вопросы единства рабочего класса, ЕРФ, вообще сплочения демократических сил не считались актуальными, ибо Титель-Петреску умолчал о них.

Титель-Петреску и его сторонникам возражали левые, которым в конечном итоге удалось переломить настроения участников конференции. После докладов Ш. Войтека и Л. Рэдэчану, выступавших в защиту идеи единства рабочего класса, левые делегаты значительно активизировались. Была принята резолюция в пользу «консолидации ЕРФ», проведения «крупных структурных реформ», могущих в обозримом будущем («завтра») превратить демократическую Румынию в «могучую, процветающую, социалистическую». Вместе с тем, несмотря на общую «единофронтовскую» тональность резолюции, в ней присутствовал ряд формулировок, которые настраивали рядовых социал-демократов в ином ключе. Отмечалось, в частности, что «утверждение идеологической и организационной независимости СДП» является одной из главных задач политики партии [131]. Данная констатация свидетельствовала о собственном понимании социал-демократами сущности ЕРФ, противоречившем установкам КПР на достижение организационного единства.

Логическим развитием подобного подхода СДП к оценкам места и роли партии в Едином фронте стал тезис правых социал-демократов о самостоятельном выступлении на парламентских выборах. К. Титель-Петреску заявил, что этот тезис отражает единодушное мнение Политбюро и ЦК СДП, и конференция согласилась с изложенной позицией без голосования (!). В литературе этот факт объясняется, с нашей точки зрения, довольно поверхностно: завороженные заявлением председателя партии левые социал-демократы оказались якобы в замешательстве и не дали должного отпора правым [132]. Видимо, объяснение нужно искать в круге более глубинных причин. Представляется, что

идея сохранения политической и организационной самостоятельности СДП не была отринута и находила отклик в широких социал-демократических кругах, веривших в возможность увязать такой подход с идеей ЕРФ.

Дальнейшие события развивались при вмешательстве ЦК КПР, оказавшего нажим на левых лидеров Ш. Войтека, Л. Рэдэчану, З. Тэнасе и других с целью изменить резолюцию конференции. Однако этого сделать не удалось. «Избирательный блок мог бы бросить тень на программу СДП, повлечь за собой большие потери голосов и нанести урон влиянию партии в стране и за рубежом,— говорилось в резолюции.— Выступая на выборах отдельно, СДП утверждает свою независимость и свободу действий и пользуется случаем, чтобы, уточнив свой наличный состав, ясно отдать себе отчет в соотношении сил в будущей правительственной коалиции»[133].

Таким образом, итогом конференции СДП явилась, по нашему мнению, весьма двусмысленная ситуация: проголосовав в принципе за ЕРФ, социал-демократы при решении конкретного вопроса о выборах высказались фактически против него. Эта двусмысленность отразила, с одной стороны, открытое противостояние в партии правой и левой тенденций, а, с другой, невозможность сторонников каждой из них в тот момент утвердиться как доминирующая в партии сила.

Итоги конференции СДП стимулировали деятельность руководства КПР, направленную на изменение ситуации в социал-демократической партии. На местах был взят курс на поддержку левых социал-демократов при одновременном разоблачении сторонников правого крыла. В это же время компартия сочла необходимым приступить к разработке платформы Единой рабочей партии с тем, чтобы опубликовать ее в подходящий момент, свидетельствующий о достаточном укреплении рядов левых социал-демократов. Поэтому не исключалась поддержка левого крыла в деле подготовки и созыва съезда СДП или новой конференции с преобладанием левых с целью удаления из партии противников рабочего единства (в понимании коммунистов).

В ходе подготовки к парламентским выборам ЦК КПР провел в январе 1946 г. пленум, подтвердивший курс на единство действий рабочих партий. Одновременно руководство компартии вновь поставило перед ЦК СДП вопрос о единых списках, фактически открыв тем самым новый этап дискуссии в руководстве СДП. В феврале 1946 г. пленум ЦК СДП принял решение вынести этот вопрос на съезд партии. На пленуме рассматривались два проекта резолюции — за единство действий СДП со всеми другими демократическими силами на выборах и за выдвижение самостоятельных списков кандидатов от СДП. Оба проекта были опубликованы в центральном органе СДП[134]. Интересно сравнить мотивировку обоих проектов. Авторы первого утверждали, что благодаря сотрудничеству с КПР и правительственным блоком на выборах «возрастает мощь партии», при том что «индивидуаль-

ность и независимость партии ни в коем случае не будут ущемлены». Авторы второго проекта подтвердили решение декабрьской конференции СДП: «верность политике ЕРФ» они не связывали с организацией какого-либо блока на выборах». Существование могучей и независимой СДП определялось как одно из неотъемлемых условий демократизации страны, углубления отношений с тремя великими державами, создания предпосылок для развития страны по пути социализма. «...Для укрепления своих политических позиций, для утверждения своей индивидуальности в деятельности и мышлении ЦК считает необходимым баллотироваться на выборах отдельно». В результате голосования на пленуме 19 голосов было подано за первый проект, десять — за второй, что свидетельствовало о существенном сдвиге в соотношении сил в руководстве СДП: их равновесие, закрепленное на декабрьской конференции СДП, сменилось преобладанием левых элементов. Потерпев поражение на пленуме, сторонники Тительпетреску попытались перенести центр тяжести дискуссии об участии СДП на выборах в местные организации партии. С этой целью они подготовили и распространили в провинции специальный циркуляр от имени ЦК СДП, в котором изложили свои аргументы в пользу выдвижения самостоятельного списка. Среди них назывались: 1) отказ социал-демократических партий во всех странах слиться с компартиями; 2) перспектива создания в близком будущем Социнтерна, членом которого непременно будет румынская социал-демократия; 3) ошибочность утверждения коммунистов, что лишь Национально-демократический фронт (НДФ) олицетворяет подлинную демократию в Румынии; 4) убеждение, что единые списки будут означать для СДП, представляющей «идеологию, которая господствует на Западе», утрату в Румынии своей репутации и хождение на поводу у компартии или НДФ и, наконец, 5) возможность сотрудничества с коммунистами в будущем правительстве «на основе полученных голосов»[135].

Как видим подтекст этих аргументов заключался в ориентации СДП на «западный социализм» (в циркуляре говорилось о пригодности для Румынии его скандинавского варианта) в противовес курсу компартии на завершение в стране буржуазно-демократической революции и переход к социализму через диктатуру пролетариата. Не случайно лидеры НЦП и НЛП советовали руководителям правого крыла СДП «сохранить социалистический и классовый облик партии», поддерживали в печати правых социал-демократов. Эти партии, писала «Либертатя», вполне устроила бы «средняя» линия СДП, которая фактически означала ослабление притягательной силы блока демократических сил[136].

Накануне съезда левые социал-демократы предприняли попытку изменить ситуацию в местных организациях, многие из которых заявили о поддержке идеи самостоятельного участия партии в выборах. Левое крыло в ЦК рекомендовало Политбюро СДП пересмотреть некоторые организационные принципы партии. На

подготовительном этапе предлагалось усилить позиции Генерального секретариата (инструкции по избранию делегатов на съезд СДП исходят только от Секретариата, все прочие недействительны. Все, кто издает или руководствуется иными документами, а также те, кто не информирует о их появлении Генеральный секретариат, объявляются ведущими фракционную деятельность), запретить использование для любой информации, касающейся СДП, печать других политических партий и пр. За нарушение этих норм предлагалось лишать права участвовать в работе съезда. Соответствующее решение Политбюро было принято и опубликовано в центральном органе СДП 23 февраля 1946 г.

10 марта 1946 г. открылся XVII съезд СДП. Повестка его содержала единственный вопрос — об условиях участия партии в парламентских выборах. Существовавшие в партии точки зрения были изложены Ш. Войтеком (левое крыло) и Ш. Войней (правое крыло). Несмотря на перевес в настроениях в пользу левого крыла, финал съезда неожиданно приобрел драматическую тональность. Исполком партии отклонил предложение Титель-Петреску о тайном голосовании, после чего он покинул съезд. Однако другой лидер правого крыла Ш. Война не последовал этому примеру, а напротив осудил поведение Титель-Петреску. В результате голосования 232 голосами при 29 против и 60 воздержавшихся было зафиксировано, что СДП будет участвовать в парламентских выборах «в едином фронте с партиями и организациями», сформировавшими 6 марта 1945 г. правительство П. Грозы. Открытое голосование явилось дополнительным средством давления на правое меньшинство съезда, определив его столь сокрушительное поражение. Безусловно, тайное голосование дало бы иной расклад голосов, хотя вряд ли, думается, изменило бы окончательный результат.

Нарушение процедуры голосования дало основание Титель-Петреску утверждать после съезда, что поражение правых обусловлено процедурными мотивами. В манифесте «К стране», «Обращении к крестьянам» и «Призыве к интеллигенции», изданным сразу после съезда, Титель-Петреску и его сторонники призвали провести новый съезд и, таким образом, отстоять «единство и индивидуальность» социал-демократии. Титель-Петреску объявил левое большинство СДП отколовшейся частью партии. Правая группировка, приняв название «Социал-демократическая партия под председательством К. Титель-Петреску», начала печатать собственные бланки для вступающих в партию, членские билеты и пр. В специальном циркуляре от имени ЦК новой партии организации СДП на местах призывались провести замену левого руководства людьми, не подчинившимися решениям от 10 марта, отказаться от чтения газеты «Либертатя», нацелить всю агитацию на самостоятельное участие в выборах[137].

В качестве ответной меры Исполком СДП 27 марта разослал циркуляр внутреннего характера, также призывавший провести размежевание сторонников и противников решений XVII съезда.

Заслуживает внимания метод действий предложенный руководством СДП: всем членам партийных комитетов на местах, руководителям учебных кружков, контрольных и прочих комиссий, профессиональных объединений, молодежных, женских и всех иных комитетов надлежало подписать специальную декларацию о поддержке решений съезда. Собирая такие подписки, руководство СДП тем самым парализовывало право каждого члена партии на свободу политического выбора, действуя по сути авторитарными методами, весьма далекими от плюралистических традиций СДП.

Одновременно ЦК СДП издал специальное «Уточнение» о деятельности группировки Титель-Петреску, поставившее правых социал-демократов фактически вне партии. «Новосозданная группировка,— подчеркивалось в „Уточнении",— не имеет ничего общего с социал-демократической партией»[138]. Однако ожидаемой стабилизации ситуации в социал-демократических кругах этот документ не принес. Сообщения с мест свидетельствовали, что немало членов партии, кто скрытно, кто явно, противились курсу XVII съезда, в ряде организаций влияние Титель-Петреску даже усилилось. В этих условиях ЦК ЕРФ поспешил осудить деятельность правых, прибегая при этом к необъективным характеристикам и откровенному навешиванию ярлыков. В коммюнике ЦК ЕРФ от 31 марта 1946 г. сторонники Титель-Петреску, например, были заклеймлены как «диверсионная по духу группировка», как чуждая агентура[139]. «Разоблачение» правых определялось как одна из главных задач плана совместных действий КПР и СДП в предвыборной кампании, разработанного в середине октября 1946 г. Объявление открытой борьбы против партии Титель-Петреску стало, с нашей точки зрения, консолидирующим моментом для КПР и СДП. Недаром руководство СДП (Ш. Войтек) констатировало в тот момент начало нового этапа в развитии отношений между рабочими партиями, характеризовавшегося «органическим, все более тесным сближением тактических и идеологических принципов обеих партий»[140].

Накануне парламентских выборов лидеры «исторических» партий Ю. Манну и Д. Братиану и К. Титель-Петреску подписали совместное «Обращение к демократам мира» с призывом оказать влияние на внутренние дела Румынии. В октябре Титель-Петреску встретился с представителем Великобритании в Бухаресте А. Хольманом с целью убедить последнего в необходимости вмешательства западных держав и отсрочки выборов. Титель-Петреску доказывал Хольману, что в стране отсутствовала благоприятная обстановка для их проведения. Действия трех политических лидеров следует признать успешными: в ноябре 1946 г. правительства США и Великобритании в специальных нотах румынскому правительству поставили под сомнение возможность проведения свободных и демократических выборов в Румынии.

Выборы, однако, состоялись, принеся победу Блоку демократических сил. Но конкретные итоги их и, в частности, большее

число голосов, полученных СДП, по сравнению с другими партиями, в том числе и КПР, вызвали, помимо понятного удовлетворения, заметную тревогу в руководстве и членской массе СДП. Эта тревога была связана с распространившимися слухами о возможной мести коммунистов, о том, что руководство КПР готовит «большую расправу с СДП»[141]. Одновременно в социал-демократических кругах оживлялись сепаратистские настроения, появились отдельные публикации, авторы которых высказывались за сохранение всеми силами самостоятельности СДП, усиление ее позиций в профсоюзном движении как средство подавления возросшей силы КПР и ее намерений уничтожить социал-демократическое движение[142]. Видимо, подобные настроения определили весьма критическое отношение советских дипломатических представителей в Румынии к СДП. В информации посла С. Кавтарадзе в январе 1947 г. отмечалось, что в партии имелась значительная по численности группа «лейбористски» настроенных лиц, чьим лидером являлся Л. Рэдэчану, что многие социал-демократы, голосовавшие за Маниу или Титель-Петреску, были уверены: именно на СДП смогут опереться в Румынии Англия и США[143].

После выборов изменились и оценки советской стороной отдельных лидеров СДП. В январе 1947 г. в посольстве СССР резко негативно оценивали позиции одного из левых лидеров — Л. Рэдэчану, в то время как однозначно приняли сторону Ш. Войтека*. Причину такого выбора мы усматриваем в том, что советским дипломатам стало известно интервью Рэдэчану английской «Дейли Геральд», в котором он достаточно откровенно заявил: «Компартия восприняла тактику буржуазных партий. Она не основывается более на марксистских научных тезисах о развитии общества. Она изменила и марксизму, и социализму и связалась с авантюристической политикой Сталина, концом которой является не что иное, как буржуазно-империалистическая политика, немного окрашенная в красный цвет. Мы не могли стать на непримиримую позицию Титель-Петреску, так как коммунистическая партия, которая имела власть, могла нас отбросить вправо, как это ей удалось с Маниу. Деятельность Маниу мы рассматриваем как необходимость. Маниу сдерживает и регулирует деятельность компартии в очень здоровом смысле. Благодаря этому все большие массы покидают КПР и переходят к нам. Уничтожив Интернационал, коммунисты стали проводить националистическую буржуазную политику. Это аналогично тому, что сделал Гитлер»[145]. Комментарии, как говорится, здесь излишни. Советская дипслужба отреагировала соответствующим образом: позиция Рэдэ-

* А ведь незадолго до этого, в материалах советского посольства за 12 ноября 1946 г., отмечалась «неискренняя позиция» Ш. Войтека и Л. Рэдэчану по отношению к Блоку демократических сил. «Лидеры СДП знают, что правительственный блок нуждается в них, и это положение они используют в узких интересах своей партии»,— подчеркивалось в одном из документов[144].

чану «совершенно несовместима с платформой ЕРФ». Партию можно оздоровить путем исключения Рэдэчану и его сторонников и укрепления положения Войтека. Однако окончательный итог размышлений, сформулированный в письме посла С. Кавтарадзе от 24 января 1947 г. в МИД СССР, звучит по сути дела приговором всей СДП: «Друзья» (КПР.— *Т. В.*) наивно допускают возможность искренних намерений социал-демократов. В этом их ошибка [146].

Архивные материалы свидетельствуют о том, что Ш. Войтек занимал весьма реалистичную позицию как при оценке общей ситуации в стране, так и в вопросе о сотрудничестве с коммунистами. В начале марта 1947 г. он встречался с лидерами французских социалистов Блюмом, Дюпре, Ги Молле. Вскоре после этой встречи Войтек четко выразил свое понимание текущего момента. «Коммунисты не должны играть с огнем до начала Московской конференции, а должны знать, что сильная СДП является порукой хорошего управления страной, находящейся на границе Советского Союза. Если они не будут нам уступать, мы готовы [пойти] даже на создание правительственного кризиса. Мы не были, не являемся и не будем их придатком. КПР должна знать, что нас уничтожить нельзя, как в Болгарии. Сейчас возможно управление страной с Пэтрэшкану и со мной, но не с Василием Лука. Сейчас симпатии на нашей стороне. Когда настанет другой момент, мы отойдем в сторону и предоставим место Луке и Анне Паукер. До сих пор коммунисты это понимали. Если они это перестанут понимать, мы можем перейти в оппозицию»[147]. Для нас принципиально важно, что будучи одним из лидеров левого крыла в СДП, Ш. Войтек ориентировался на те силы в КПР, которые не склонны были к левому радикализму, а стремились, как Л. Пэтрэшкану, к компромиссу с партнерами, отличались широтой подходов и оценок вопросов сотрудничества и, наконец, просто более высокой культурой. К сожалению, советские дипломаты весьма своеобразно оценили позицию Войтека. В отчете посольства СССР за 1947 г. констатировалось: «Считаем, что румынские социал-демократы, по примеру Франции, имеют целью занять ведущую и командную роль (так в тексте.— *Т. В.*) в правительстве и проводить независимую от Советского Союза внутреннюю и внешнюю политику»[148]. Полагаем, что именно последнее соображение определило отношение к СДП в целом, поскольку лишь компартия рассматривалась как опора для советского влияния в стране.

1947 год прошел в СДП под знаком приблизившегося объединения рабочих партий. Весной руководство КПР открыто поставило перед лидерами СДП вопрос о создании единой партии. Ответом стала стихийная реакция протеста, выражением которого явились высказавшиеся рядовыми социал-демократами мнения, что стране нужна «автономная», «самостоятельная» СДП, что коммунисты стремятся ликвидировать ее[149]. Однако в СДП, безусловно, имелись и сторонники объединения, для которых спор-

ными стали предлагавшиеся варианты, способы объединения: или проведение соответствующего решения на съезде партии, намеченными на октябрь, или немедленные действия. Ш. Войтек и Л. Рэдэчану придерживались мнения, что СДП должна пройти этап политической и идеологической кристаллизации «сверху донизу», т. е. тщательно подготовить объединение как идеологически, так и организационно[150].

Как свидетельствуют источники, упоминавшаяся кристаллизация реально означала решение ранее дебатировавшегося в СДП вопроса о существовании «правого течения» в партии. В августе 1947 г. полемика была вынесена на страницы партийной печати. Однако дискуссия сорвалась, ибо по отношению к ее участникам И. Буркэ, М. Мере, М. Левину (все — члены ЦК) были применены строгие меры: первым двум было предложено подать в отставку, а Левин получил публичное предупреждение Политбюро СДП. Участникам полемики инкриминировалось серьезное нарушение внутрипартийной дисциплины. Этот факт весьма показателен: видимо, можно считать, что к середине 1947 г. в позиции членов руководящих структур СДП произошли глубинные качественные изменения. Суть их сводилась в общем и целом к тому, что линия на единодействие стала подкрепляться, по образцу КПР, линией на единомыслие. Характерно, что для КПР меры, принятые Политбюро СДП, оказались недостаточными. Печатный орган коммунистов потребовал (!) от руководства СДП уточнить свое отношение к позиции Буркэ, начать борьбу с явлениями «правого уклона». Весьма примечательно, что руководство СДП не только не выразило протеста против такого диктата, но и поспешило выполнить требование КПР: на протяжении августа «Либертатя» дважды возвращалась к этому вопросу[151]. Было заявлено, что СДП является «левой социалистической партией». «Правые проявления и элементы не допускались и не будут допускаться в партию»,— подчеркивала газета.

Этой констатацией открылась широкая кампания разоблачения «правых» социал-демократов, сопровождавшаяся чисткой партийных рядов. Вновь, в частности, вспомнили о бывшем члене Политбюро И. Буркэ: в Бухаресте и Клуже собрания организаций СДП принимали решения об исключении Буркэ и его единомышленников из партии с весьма показательной формулировкой — «за подрывные действия». Резкая критика была направлена в это время и против членов партии Титель-Петреску. Стимулировала руководство СДП и позиция, занятая коммунистами. Хотя КПР официально заявила о невмешательстве во внутренние дела СДП (свой «живой интерес» к ситуации в этой партии коммунисты оправдывали соглашением о Едином фронте), на страницах коммунистической прессы говорилось о недооценке социал-демократами «правой опасности» в своей партии и, что весьма важно, подчеркивался антидемократический, антикоммунистический и антисоветский характер агитации правых[152]. Под знаком борьбы с правыми прошла и предвыборная кампания в профсоюзах. Со-

брания на предприятиях готовились социал-демократами, как правило, при помощи коммунистов и в немалой степени благодаря этому приобретали острокритический характер. Такой напор в предвыборной кампании принес свои плоды. На большинстве предприятий в местные профсоюзные комитеты оказались избранными в основном коммунисты, причем за них отдавали свои голоса и члены СДП. Так на бухарестском заводе «Малакса», где социал-демократическая организация насчитывала 100 человек, за ее кандидата проголосовали лишь пятеро. В связи с этим, по словам одного из руководителей Агитпропа ЦК КПР Л. Рэуту, на отдельных предприятиях коммунисты стремились обеспечить победу социал-демократов, опасаясь в противном случае усиления в СДП правых элементов[153].

В начале октября 1947 г., по сведениям, сообщенным В. Лукой сотрудникам советского посольства, резко увеличился приток социал-демократов в компартию. Лука не остановился на причинах этого явления, но мы полагаем, что далеко не последнюю роль сыграла критика социал-демократии на совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Шклярской Порембе и четко определившиеся перспективы ускорения перехода к социализму в Восточной Европе через утверждение советской модели. Последняя предполагала наличие одной партии рабочего класса, поэтому КПР стремилась блокировать простой перелив в свои ряды социал-демократической массы. Важно было добиться усиления нажима рядовых социал-демократов на собственных лидеров и подталкивания последних к слиянию рабочих партий.

Прошедший в октябре 1947 г. XVIII Всеобщий съезд СДП определил в качестве практической задачи вопрос о полном политическом, организационном и идеологическом единстве рабочего класса. Вместе с тем требование, сформулированное в докладах Войтека и Рэдэчану, о решительной чистке партийных рядов не нашло поддержки большинства съезда и не было включено в резолюцию. Это вызвало раздражение коммунистов, проявившееся на страницах партийной печати[154]. КПР тесно увязывала вопрос чистки СДП с идеологической подготовкой объединения. Лишь таким образом можно было, по мысли коммунистов, избежать упрека в механическом слиянии рабочих партий. Необходимо отметить, что осенью 1947 г. в руководстве КПР стали нарастать настроения глубокого недоверия к социал-демократии. Например, В. Лука усматривал в согласии генеральных секретарей партии Войтека и Рэдэчану на объединение лишь «ловкий маневр», подоплекой которого являлось якобы желание «спасти и даже укрепить свои позиции среди рабочих, в Блоке демократических партий и правительстве»[155]. Подозрительность, неверие в искренность намерений, которые не могли не чувствовать по отношению к себе социал-демократы, существенным образом влияли на настроения в СДП.

На основе решений XVIII съезда СДП Генеральный секретариат партии (Ш. Войтек, Л. Рэдэчану, Б. Соломон), разработал специальный циркуляр с практическими указаниями местным организациям в связи с объединением. Он ориентировал кадры на проведение работы по укреплению рядов СДП, углублению сотрудничества в ЕРФ путем преодоления имевшихся разногласий и проведения совместных с коммунистами политических мероприятий. Характерно, что в циркуляре ставился вопрос об исключении из партии пассивных и недисциплинированных членов, что означало фактически попытку в несколько завуалированном виде провести отвергнутую съездом чистку СДП. Одновременно ставилась задача привлечения в партию новых членов. Всю работу предлагалось проводить до появления совместной политико-идеологической платформы рабочих партий, устава будущей единой организации и выработки технических норм объединения.

В конце октября 1947 г. ЦК ЕРФ практически начал подготовительную работу по созданию Единой рабочей партии (ЕРП). Были образованы две комиссии для разработки платформы, устава, а также организационного плана мероприятий по объединению. К середине ноября 1947 г. эта работа была завершена: с небольшими изменениями предложенная КПР платформа была одобрена руководством СДП. 13 ноября ее опубликовала «Скынтейя». Платформа констатировала наступление нового этапа в исторической эволюции Румынии и включала в себя широкую сферу вопросов в связи с политическим и идеологическим обликом будущей партии: идеология и принципы организации, пролетарская мораль ЕРП; ближайшие задачи ЕРП в связи с развитием народной демократии в Румынии; внешняя политика; конечная цель партии [156].

В румынской историографии отмечено, что обсуждение платформы не всегда проходило на требуемом теоретическом и принципиальном уровне. К. Нири приводит, в частности, примеры, когда правые элементы настаивали на применении принципа паритета в будущих органах единой партии, в правительстве и в местных органах управления, что, по их мнению, позволило бы избежать поглощения СДП компартией. При этом подчеркивалось, что принципиальная платформа ЕРП должна представлять собой синтез социал-демократизма и коммунизма, иначе объединение однозначно будет означать «упразднение» СДП, ее «капитуляцию» перед компартией. Последнее обстоятельство вызывало серьезную озабоченность в связи с возможным резонансом в кругах западных социалистов, а также среди социал-демократов соседних стран. Поводом для серьезного беспокойства определенной части румынских социал-демократов была судьба кадров партии, многие из которых в течение десятилетий способствовали распространению партийной идеологии и принципов среди трудящихся. Перечисленные факты оценены К. Нири как «фактическая попытка осуществить механическое слияние» партий, при котором сохранились бы все элементы для нового раскола [157]. Нам представ-

ляется, что эта явно конъюнктурная оценка сильно упрощена хотя бы потому, что синтезу, о котором говорили социал-демократы, органически чуждо механическое соединение. Более того, именно отказ от синтеза коммунистических и социал-демократических воззрений приближал обе партии к механическому объединению за счет исключения положений социал-демократической теории из арсенала будущей ЕРП.

События конца 1947 г.— вывод из состава правительства либеральной буржуазной группировки Г. Татареску, упразднение монархии и провозглашение Румынской Народной Республики — подготовили наступление финального этапа в процессе образования ЕРП. Он начался в январе 1948 г. созданием Центральной организационной комиссии, готовившей съезд ЕРП. Началось формирование новых партийных структур «снизу». При этом ЦК КПР неоднократно осуждал как сектантские проявления коммунистов, выступавших против включения членов СДП в руководство на местах, так и требования строгого паритета в составе этих органов, исходившие от социал-демократов. Параллельно с созданием органов ЕРП развернулась работа по уточнению численности обеих партий, по подготовке единой системы политического воспитания, слиянию имущества КПР и СДП.

На 10 февраля 1948 г. в 71 854 единых организациях числилось 937 846 человек. Из них 805 769, или 85,92 % состояли прежде в КПР, а 132 077, или 14,08 % — в СДП [158]. Учитывая, что к моменту объединения в СДП насчитывалось 285 021 человек [159], нетрудно подсчитать, что почти 153 тыс. социал-демократов, или 53,66 % членов СДП остались за пределами объединенной партии.

После завершения подготовительного этапа 21 февраля 1948 г. открылся объединительный съезд, закрепивший уже ставшее фактом объединение рабочих партий Румынии.

* * *

Возрождение Чехословацкой социал-демократической партии (СДП) после освобождения страны проходило в условиях, когда одной из отличительных черт политической жизни общества являлось преобладание социалистических настроений. Причем в сравнительно широких кругах рабочих и среди интеллигенции социализм ассоциировался с конкретным примером и опытом СССР. Этот факт отразился на ходе организационного восстановления СДП, поскольку многие социал-демократы сомневались в необходимости дальнейшего самостоятельного существования партии. Это в сущности имел в виду К. Готвальд, когда 12 мая 1945 г. на партийном активе в Праге подчеркнул, что руководство КПЧ столкнулось с сильными объединительными тенденциями [160]. Многие старые члены СДП после мая 1945 г. вступили в компартию, в то время как призывы Центрального комитета действия, возглавлявшегося З. Фирлингером, крепить ряды социал-демократии не оказали значительного влияния [161].

Переход членов СДП в КПЧ серьезно сократил численность партии, отразился на ее социальной базе, поскольку уже в первые месяцы после освобождения СДП потеряла многих своих членов прежде всего на заводах. Например, в Пльзене, где прежде социал-демократы традиционно преобладали, безоговорочно утвердилось превосходство КПЧ. Подобная ситуация была характерна и для других районов страны [162].

Констатируя нарастание в СДП тяги к объединению с коммунистами, руководство КПЧ в тот момент не считало целесообразным форсировать этот процесс, явно отдавало предпочтение созданию прочного политического блока рабочих партий в лице КПЧ, СДП и национальных социалистов как наиболее влиятельной части Национального фронта (НФ) и правительства. Перспектива организационного объединения откладывалась тем самым на неопределенное время.

В этих условиях руководство СДП, возглавлявшееся вернувшимися из эмиграции деятелями (З. Фирлингер, Б. Лаушман, В. Эрбан и др.), оказалось перед необходимостью выработать новые подходы к вопросам политики и тактики партии, определить ту социальную нишу в обществе, которую можно было бы обеспечить за СДП. Программа партии, принятая на XX съезде в октябре 1945 г., четко зафиксировала соответствующие установки на этот счет. «Нынешнее положение неизбежно является переходным, поскольку возвращение к прошлому невозможно и любое промедление с реализацией социалистических преобразований привело бы к новым и опасным осложнениям... Социализм перестает быть только делом рабочего класса и становится условием социального развития нации... Перспективой нынешнего переходного периода является уже не альтернатива — социализм или капитализм, а социализм или хаос». Социал-демократы исходили из убеждения, что «капиталистическая система, основным содержанием которой были интересы отдельных лиц, должна неизбежно уступить место высшей общественной системе — социалистической, при которой каждый член общества будет трудиться для блага всех» [163]. Программа СДП подчеркивала, что «народная демократия» должна обеспечиваться не только законными нормами, но и экономической реорганизацией страны. Только в таком случае народ получит возможность обладать всей полнотой власти, станет ее главным и основным источником. Мирный путь общественной трансформации СДП связывала с усилением роли парламента как центра политической жизни при гарантиях демократических свобод и прав трудящихся. Для строительства государства в интересах широких слоев народа подчеркивалась необходимость «самостоятельного существования социал-демократии». Партия высказывалась за сохранение НФ как формы сотрудничества, «отвечающей национальным, экономическим и социальным требованиям республики». СДП также намеревалась продолжить тесное сотрудничество с КПЧ и чешскими национальными социалистами в едином блоке левых сил.

В сфере экономики программным положением СДП являлось введение планового руководства хозяйством. Главной предпосылкой этого социал-демократы считали национализацию крупной промышленности, банков, страхования. Не случайно требование национализации неизменно включалось социал-демократией в комплекс реформ, чье проведение означало подлинную «социальную революцию», на которую Чехословакия, как любили подчеркивать в СДП, решилась первой после СССР [164]. Вторым принципиальным пунктом экономической концепции партии было провозглашение «свободы частного предпринимательства и постоянства дохода крестьян».

Представления СДП об общенациональной перспективе перехода к социализму определили и подходы к вопросу о социальной базе партии. Если КПЧ была фактически закрыта для всех, кроме рабочих, то СДП ориентировалась на самые различные слои общества, рассматривая их как надежный источник пополнения партии. В то же время руководство СДП понимало всю сложность ситуации и прежде всего неадекватность новой социальной базы традиционным представлениям о социалистической идеологии. В декабре 1946 г. генеральный секретарь СДП Б. Вилим на съезде социалистов Центральной Европы подчеркивал, в частности: «Мы понимаем, что эта последняя категория (речь шла о земледельцах.— *Т. В.*) наших членов не является в идеологическом отношении полноценными социалистами, но мы сейчас пытаемся с помощью воспитательной работы в организациях создать в партии идеологическое единство» [165]. Определенные результаты, безусловно, имели место: так, например, влияние СДП в Союзе ремесленников превосходило другие партии. Рабочие, естественно, также не были исключены из политических планов СДП, но как правило к их привлечению тяготели в большей степени радикально настроенные члены руководства. Рост рядов СДП проходил, к сожалению, при явном снижении ее качественного потенциала. К осени 1947 г. в партии стали численно преобладать кадры, мало или попросту ничего общего не имевшие с довоенной социал-демократией и даже не являвшиеся по большей части ее сторонниками [166].

Задача сохранить (или создать) свое лицо была важным моментом в идеологических дискуссиях в СДП. Выражалась она лозунгом, который, особенно позднее, связывался с правыми силами в ее руководстве: «Демократия — наш путь, социализм — наша цель». Чехословацкая историография отмечает, что используя этот лозунг, правые прежде всего стремились обслужить идею самостоятельной партийной линии СДП, не зависевшей ни от коммунистов, ни от национальных социалистов [167]. В левом по составу руководстве партии имелось понимание неправомерности и опасности противопоставления демократии и социализма. Во всяком случае уже на XX съезде об этом подходе как о неверном было заявлено в полный голос. В частности, о попытках «оживить старые споры» в партии, «вызвать духа распрей»,

«противопоставить... демократию социализму» говорил в своем выступлении З. Фирлингер. «И если мы хотим сохранить индивидуальность нашей партии,— подчеркнул он,— мы не должны переоценивать значение обычных, привычных проявлений партийного соревнования слева» [168]. Идеологическая дискуссия и разногласия внутри социал-демократической партии усилились перед выборами, назначенным на май 1946 г. Это время характеризовалось сильными нападками на социал-демократов со стороны национальных социалистов, считавших, что партия не способна занять самостоятельную позицию и является «субарендатором» коммунистов.

Политическая дифференциация чехословацкого общества в тот момент оказалась в целом неблагоприятной для руководства СДП: усилились противоречия внутри НФ, социалистический блок фактически распался, внутри самой партии заметно возросли оппозиционные настроения.

Все партии с нетерпением ожидали выборов. Помимо общеполитического значения избрания высшего законодательного органа страны, выборы становились первой демонстрацией соотношения политических сил, влияния конкретных партий в обществе. Социал-демократы шли на выборы с оптимизмом. Партийное руководство выступило с предвыборным обращением к избирателям, в котором подчеркивались «великое и честное» прошлое чехословацкой социал-демократии, имеющей самую богатую историю по сравнению с другими партиями страны, ее выдающаяся роль в деле создания I Республики, приверженность идеям и принципам Т. Г. Масарика. Делая упор главным образом на прошлые заслуги партии, руководство СДП высказалось за солидарность всех трудящихся классов и сотрудничество социалистов и коммунистов на основе общей правительственной программы [169].

Выборы 26 мая 1946 г. в целом продемонстрировали полевение в настроениях избирателей, но наряду с этим и дальнейшую поляризацию политических сил. Отчетливо проявилась тенденция голосовать за партии, находившиеся на крайних флангах Национального фронта. В этих условиях СДП, выдвигавшая недостаточно четкую программу, обращенную в значительной мере к прошлому, к оценкам пройденного пути, собрала лишь 12,05 % голосов. Результаты выборов вызвали в СДП шоковую реакцию. Надежды на то, что в рейтинге партий СДП займет 3—4-е место [170], рухнули: из 300 мандатов в Национальном собрании 114 получили коммунисты, 55 национальные социалисты, 46 — народная партия, 43 — демократическая партия и лишь 37 — СДП, заняв, таким образом, 5-е место.

По информации советского посольства, переданной в Москву, голоса за социал-демократию отдала определенная часть рабочего класса, «еще не порвавшая прошлые связи с этой партией и верящая в действенность социалистических лозунгов этой партии, записанных в ее программе», а также категории мелких

собственников, которые «испытывают еще сегодня боязнь перед радикальными мерами коммунистов в отношении их собственности» [171].

Итоги выборов были рассмотрены 30 мая 1946 г. на заседании ЦИК СДП, прошедшем весьма бурно. Основным политическим итогом выборов и их оценки руководством СДП явилось еще большее ослабление позиций левых, хотя Фирлингер по-прежнему оставался председателем партии. Более того, лозунг создания сильной и самостоятельной социал-демократической партии привлек немало сторонников широкого левого крыла партии. Объективно это означало, что некоторой частью СДП под сомнение ставился прежний политический курс партии, ориентированный на сотрудничестве с КПЧ. В целом же, по оценке чехословацкой исследовательницы П. Вошагликовой, социал-демократия на выборах в 1946 г. выполнила свою задачу: привлекла к сотрудничеству в революционных преобразованиях прежде политически пассивную часть общества и одновременно нейтрализовала влияние правых сил партии на эти слои [172]. Следует отметить, что подобные оценки высказывались в определенных кругах чехословацкого общества непосредственно после выборов *, но назвать их в то время доминировавшими нельзя.

Интересно, что после выборов лидеры СДП попытались смягчить недовольство и разочарование рядовых членов партии, заявив на страницах печати, что партия «отстояла свои политические позиции и одновременно с тем сохранила за собой основное место, которое она в будущем использует для дела демократии и государства» [174]. Заявление об «основном месте» СДП в системе политической власти приобретало важный смысл, поскольку 151 мандату коммунистов и социал-демократов в Национальном собрании противостояли 149 мандатов иных партий, т. е. практически существовало равновесие сил. Крайне важным в ожидавшейся острой парламентской борьбе становился каждый голос. Коммунистам предстояло завоевать сторонников своих предложений среди партнеров по НФ и перспективнее всего с этой точки зрения была СДП. Руководство последней, понимая это, сформулировало свой взгляд на данную ситуацию, получивший название «стрелки весов». Сущность его заключалась в утверждении, что СДП занимает ключевую позицию (или то самое «основное место»): без социал-демократов ни коммунисты, ни группировки всех прочих партий не получают большинства. Политика «стрелки весов», как считает Я. Недвед, отразила новую ориентацию СДП в Национальном фронте: стремление проводить самостоятельную линию [175]. Но на практике это не при-

* Например, журнал «Чил» констатировал, что на выборах СДП «осталась только при своих сознательных приверженцах и той части избирателей, которая не признает политику коммунистической партии... но под влиянием социал-демократии осознала опасность, грозящую трудящимся в случае, если бы она оказалась на выборах в одних рядах с национальными социалистами и лидовцами» [173].

вело к антикоммунистической политической ориентации партии, как, впрочем, и к однозначному сотрудничеству с КПЧ. Иными словами, четкая оппозиционная программа не была сформулирована. Неудача на выборах объективно играла на руку тем элементам в партии, которые находились в прямой оппозиции к левому руководству или же не разделяли его взглядов. Громко зазвучали голоса, обвинявшие руководство СДП в неуспехе прежней политики, призывы ее кардинально пересмотреть и изменить. Кое-где, например в Плзенском крае, был поднят вопрос о созыве чрезвычайного съезда и даже разослано специальное обращение в краевые секретариаты партии.

После выборов от левого крыла в руководстве СДП стала отходить группа «левых оппортунистов», по определению Фирлингера. Скорее, однако, это была центристская группировка, стремившаяся укрепить позиции партии к следующим выборам, шедшая на сотрудничество с правой частью руководства, но никогда не пользовавшаяся полным доверием последней. Возглавил эту группировку Б. Лаушман.

Результаты выборов привели к интересной перегруппировке сил на местах: при реорганизации национальных комитетов НФ в Плзене и Оломоуце, например, правые социал-демократы блокировались с национальными социалистами и лидовцами, оттеснив от руководства коммунистов, хотя КПЧ здесь победила на выборах. Примечательно, что во время обсуждения этих фактов в руководстве СДП линия местных лидеров партии получила поддержку, а осуждавший ее Фирлингер остался в меньшинстве. Более того, он и отчасти Лаушман критиковались за слишком тесное сотрудничество с коммунистами, за «потерю самостоятельной линии» [176].

В рассматриваемое время значительное влияние на положение в СДП оказывала внешнеполитическая ситуация. Пример антигитлеровской коалиции, несомненно, содействовал сотрудничеству всех левых сил страны, в том числе коммунистов и социал-демократов. Естественно, что нарастание противоречий внутри коалиции углубило противоречия между левыми силами НФ. Однако сотрудничество продолжало развиваться, хотя и в нескольких суженных рамках: на основе совместной программы возрождения страны, в которой, наряду с задачей искоренения фашизма и коллаборации, выдвигалось требование социалистического преобразования в обществе.

Аналогичной была ситуация в большинстве социалистических партий стран восточноевропейского региона. В международном социалистическом движении после 1945 г. чехословацкая социал-демократия представляла левое крыло. Так было на всех послевоенных конгрессах социалистических партий вплоть до амстердамской конференции 1947 г. По большинству вопросов представители чехословацкой социал-демократии выступали совместно с польскими социалистами. Сходство позиций обусловливалось одинаковыми оценками опасности германского фашизма, стремле-

нием любой ценой не допустить его возрождения, а также пониманием роли и значения Советского Союза в германском вопросе. В силу этого усиление правых тенденций в западноевропейском социалистическом движении проявилось среди социал-демократов Чехословакии косвенным образом: не критика внешнеполитической ориентации на Советский Союз или сотрудничества с социал-демократическими партиями народно-демократических стран, а скептическое отношение к деятельности чехословацких коммунистов, которая, по мнению социал-демократов, выходила за рамки парламентской демократии.

До лета 1947 г. ситуация в партии оставалась относительно стабильной, хотя непрерывно усиливались правые тенденции в ее руководстве. Однако последние с разной степенью интенсивности проявлялись в разных сферах деятельности СДП. Наиболее стабильным было отношение к вопросам экономической теории и к конкретным социальным мероприятиям, что в значительной мере объяснялось острым интересом к ним широкой общественности, ограничивавшим возможность каких-либо вариантов интерпретации основных требований.

В идейном отношении в партии царила значительная растерянность. Но в партийной деятельности правые тенденции проявлялись наиболее отчетливо. Во всех случаях, когда правые не имели возможности ссылаться на существующие различия в интересах коммунистов и социал-демократов, они подчеркивали, что коммунисты заимствовали социал-демократические требования. При этом игнорировалось, что все рабочие партии, включая и самые правые, в своих программах имели социалистические по характеру требования и лозунги. Все дело в том, что различались способы достижения намеченных целей.

Летом 1947 г. в стране разразилась сильная засуха. Борьба с ней стала предметом серьезных обсуждений и дискуссий в правительстве. В ходе их усилились противоречия между коммунистами и социал-демократами. Ответственность за это несут обе партии. Сектантские настроения и крайне жесткие формулировки в адрес социал-демократов (возможность судить о них дают материалы ЦК КПЧ, где встречаются, к примеру такие выражения — «будете танцевать под нашу дудку», «ударить по социал-демократии» и т. д.) уравновешивались многочисленными фактами участия социал-демократов на местах в антикоммунистическом блоке. В январе 1947 г. К. Готвальд сообщил на заседании ЦК КПЧ о 37 местных организациях, где действовал такой блок при участии социал-демократов [177]. Однако в решительный момент, когда коммунисты внесли предложение о чрезвычайном налогообложении крупной собственности («налог с миллионеров»), вызвавшее резко негативное отношение других партий, социал-демократы пошли на соглашение с КПЧ о совместных действиях при разрешении разногласий в правительстве. В результате обе партии согласились подать общий проект введения чрезвычайного обложения миллионеров и чрезмерной прибыли.

В принятом коммюнике также подчеркивалась необходимость принять согласованное решение по вопросу о реформе заработной платы служащих общественных и государственных учреждений и пр. Соглашение, подписанное 11 сентября 1947 г. высшим руководством обеих партий (Готвальд, Копецкий, Сланский — от КПЧ, Фирлингер, Тымеш, Вилим — от СДП), явилось неожиданным для других партий НФ, вызвало их недовольство и упреки в сколачивании блока двух социалистических партий.

Мотивы, которыми руководствовались лидеры СДП, подписывая соглашение, изложил министр промышленности Б. Лаушман в одном из публичных выступлений: «...Мы знаем, что в настоящее время в этом государстве невозможно создать правительство без коммунистов. Именно потому, что мы это знаем, мы не хотим ни при каких обстоятельствах допустить, чтобы был образован единый антикоммунистический фронт, в который нас несколько раз приглашали, но в который мы никогда не вошли, зная, что как тоталитаризм, с одной стороны, так и антикоммунистический фронт, с другой, были бы началом конца Республики, это была бы гражданская война» [178].

Правые члены руководства СДП заняли негативную позицию по отношению к соглашению с компартией. 12 сентября в знак протеста министр снабжения Майер подал в отставку, но она не была принята.

Сентябрьские события стали весьма важным рубежом во внутриполитическом развитии страны. Думается, что Лаушман, считавший, что соглашение двух партий сняло угрозу политического и государственного кризиса [179], был не так уж далек от истины. Эти события имели немалое значение и для самой СДП. Левые силы убедились в своей способности проводить конструктивный политический курс в решающие моменты, а правые поняли, что иная политическая линия партии возможна лишь после отстранения от руководства сторонников сотрудничества с КПЧ. Права П. Вошагликова, считая сентябрьское соглашение «увертюрой к обострению внутрипартийных конфликтов» [180]. Последние отчетливо проявились на XXI съезде партии, созванном в середине ноября 1947 г. в Брно.

Следует учитывать, что брненский съезд прошел после совещания в Шклярской Порембе, изменившего стратегическую ориентацию КПЧ и остро критиковавшего «западные демократии» и социал-демократические партии Запада, в частности. Несмотря на то, что руководители КПЧ поспешили подтвердить свою приверженность курсу на сотрудничество в рамках НФ *, видимо,

* В. Копецкий на страницах «Руде право» 11 сентября 1947 г. подчеркнул: совещание в Польше не может рассматриваться как преграда для сотрудничества социалистических партий НФ. Принятые там решения заставляют нас «еще решительнее проводить политику сотрудничества коммунистов и социал-демократов». Р. Сланский, выступая перед шахтерами, заявил: «Мы хотим сотрудничать с социал-демократами как равный с равным. Мы заинтересованы в том, чтобы существовала сильная социал-демократия»[181].

итоги встречи в Польше вызвали определенную нервозность в СДП. Не случайно непосредственно перед съездом в Брно ЦК СДП принял решение, осудившее декларацию совещания в Шклярской Порембе.

Накануне съезда прошла подготовительная кампания, которую правые провели исключительно активно и плодотворно. В целом им удалось посеять, особенно в низовых партийных организациях, сомнения в правильности действий Фирлингера. Многие левые социал-демократы на местах выражали недовольство тем, что председатель СДП «слишком тесно связался с коммунистами», склонялись к мысли о новом лидере [182]. Сторонники Фирлингера действовали не столь активно, считая, что обстановка диктует тактику компромиссов с правыми. Фактический раскол партии при активизации правых сил в ней определил характер брненского съезда. Форум заслушал отчет Фирлингера о деятельности партии за два года, решил оргвопросы, избрав новый ЦК и председателя СДП, принял политическую резолюцию. Открывая съезд, Б. Лаушман коротко сформулировал идейно-политические принципы партии: цель СДП — социализм; социал-демократы — сторонники научного социализма, опираются на рабочий класс прежде всего как на носителя социалистических идеалов и принципов; партия выступает за НФ, очищенный от реакционных и антидемократических элементов. Особенно важное звучание приобретал тезис, отрицавший влияние «чужих интересов» как справа, так и слева на политику СДП [183]. Иными словами, идея самостоятельности партии в политической жизни становилась своего рода камертоном, определившим «звучание» всего съезда.

Отчет Фирлингера особое внимание уделял наиболее острому вопросу — сотрудничеству с КПЧ. Председатель СДП подчеркнул, что социал-демократы не могли проводить в отношении коммунистов ту же политику, что перед войной. Высказавшись за сотрудничество, Фирлингер отметил, что к нему «должна быть привлечена и партия национальных социалистов». С озабоченностью Фирлингер констатировал, что план Маршалла, вызвавший «понятное недоверие» со стороны Чехословакии, грозит созданием западного блока («нового Интернационала») против СССР. По оценке Фирлингера, ответная тактика взаимного соглашения, избранная компартиями, явилась «симптомом дальнейшего разделения» мира, что, несомненно, «маложелательно». Однозначная ориентация Чехословакии на Восток, предложенная Фирлингером, имела серьезное обоснование: «Постоянная угроза Германии и опыт Мюнхена должны стать предостерегающим маяком на нашем пути»,— подчеркнул он [184]. Доклад Фирлингера был резко раскритикован правыми социал-демократами, о председателе партии говорили как о случайном человеке, «слуге Москвы». Политика СДП в течение последних двух лет была названа ошибочной (выступление В. Бенеша). Когда кандидатура Фирлингера была вновь выдвинута на пост председателя

партии, то в зале была устроена обструкция. Нападки на Фирлингера были столь резки, а выпады правых столь вызывающи, что группа делегатов (Эрбан, Янковцева, Линдауэр, Йон) публично выразила обеспокоенность. Фирлингеру на съезде была противопоставлена выдвинутая избирательной комиссией кандидатура Б. Лаушмана. Это был остроумный ход: Лаушман представлял собой, как пишет Я. Недвед, «весьма подвижную политическую фигуру» и в тот момент, безусловно не был правым [185]. В ходе голосования за Лаушмана было подано 283 голоса, за Фирлингера — 182. Чашу весов в пользу первого перевесила поддержка центра и части левых, считавших Лаушмана своим. В новый состав ЦК СДП оказались избранными 64 человека. Более половины (до 54 %) составили правые, примерно 30 % — левые, и около 16 % центр. В президиуме ЦК из 19 членов 12 принадлежали к правому крылу. Из трех заместителей председателя партии лишь Л. Янковцева занимала левые позиции. Она и Ф. Тымеш (центрист) вошли в состав правительства вместо ушедших в отставку Фирлингера и Лаушмана. Тымеш занял пост заместителя премьер-министра, а Янковцева — министра промышленности.

XXI съезд СДП принес поражение левым силам партии. Победа оказалась на стороне правых и центристов. Съезд показал, что СДП как целое под руководством левых сил не сможет стать значительной силой будущего объединения рабочих партий. Вместе с тем нельзя говорить и об абсолютной победе правых: их позиция не получила в партии однозначной поддержки. Не была ревизована партийная программа, к чему стремились правые. Открытым интригам правых в социал-демократических организациях давался отпор, а у наиболее радикально настроенных членов СДП несогласие проявилось в выходе из партии и вступлении в КПЧ. По некоторым данным, за период с 1 октября 1947 г. по 2 февраля 1948 г. в КПЧ вступили около 3300 социал-демократов. Однако подобные действия не находили особой поддержки в руководстве КПЧ. В одном из партийных документов того времени подчеркивалось: «Мы против такого перехода. Нужно убеждать социал-демократов, что переходить не следует, что борьбу за социалистическую линию нужно вести внутри собственной партии» [186]. Эту точку зрения, видимо, удалось закрепить среди левых сил. И хотя после брненского съезда вопрос о полной организационной самостоятельности левых, т. е. о расколе партии, ставился неоднократно, дальше создания Клуба социалистической демократии и издания левыми журнала «Смер» дело не пошло.

Февральский кризис 1948 г. разрядил обстановку сильного напряжения в НФ и во всем обществе. Отношение СДП в кризису отразило расстановку сил внутри этой партии, а также и в ее руководстве. Правые (Майер и его сторонники) высказались за поддержку подавших в отставку министров — членов национально-социалистической, народной и демократической партий. Левое

течение во главе с Фирлингером сочло, что в интересах будущего социал-демократии следует присоединиться к предложениям КПЧ и вместе с ней образовать рабочее правительство большинства. И, наконец, третья группа во главе с председателем партии Лаушманом заняла выжидательную позицию, не поддержав ни отставку правых министров, ни предложения КПЧ. Именно эта позиция в февральские дни оказалась преобладающей среди социал-демократов. В целом же, по оценке Я. Недведа, февральские события были таким типом ситуации, который вел к утрате доминирующего положения правого крыла в ведущих органах власти [187]. Подтверждением тому стал факт, что 20 февраля социал-демократы не присоединились к оппозиционным министрам, подавшим в отставку. Опираясь на настроения широких кругов социал-демократии, левая часть руководства СДП активизировала в сложившейся ситуации поиски путей сотрудничества с компартией. Изменилось соотношение сил и в Президиуме ЦК СДП — 24 февраля большая его часть уже выступила в поддержку Фирлингера.

После февраля СДП оказалась в особом положении, по сравнению с другими партиями: кризис коснулся ее в наименьшей степени. Это наложило отпечаток на динамику отношений с КПЧ. Хотя февральские события вновь поставили социал-демократию перед дилеммой — сотрудничество с КПЧ или поддержка антикоммунистического блока и СДП отвергла второй вариант, это не означало безоговорочного утверждения среди рядовых социал-демократов и руководства партии идеи объединения с коммунистами.

Вопрос о будущем партии стал причиной острых споров. В марте — начале апреля 1948 г. Президиум ЦК СДП неоднократно обсуждал перспективы партии. Выявились различные точки зрения. Часть руководства предлагала на следующих выборах выступать самостоятельно, сохранив тем самым в обозримом будущем независимость партии и выполнив назначенную ей миссию. Среди группы социал-демократов, защищавших необходимость самостоятельного существования партии, были сторонники теории временного приспособления к ситуации. По их представлениям, социал-демократической партии следовало воспользоваться приливом членов из других некоммунистических партий и в перспективе взять на себя роль представительницы всех оппозиционных сил в стране. Во время заседаний неоднократно констатировалось, что «в КПЧ переходят целые организации». На местах подчас этот процесс стимулировался позицией коммунистов. Так, в Брно члены КПЧ открыто заявляли, что на предприятиях будут действовать лишь организации компартии, что естественно вызывало чувство неуверенности среди социал-демократов. Имелись в руководстве партии силы, которые выступали за объединение с КПЧ, считая его логическим результатом политического развития, но только на основе принципа «равный с равным» [188].

В целом представляется правомерным считать, что после февраля 1948 г., несмотря на изменение ситуации, идея объединения исходила не от СДП. Инициатором была, несомненно, КПЧ. Причин тому несколько, но важнейшая заключалась, по нашему мнению, в изменении в руководстве компартии взгляда на ситуацию в стране, в появлении новой оценки текущего момента. В руководстве КПЧ утвердилось, хотя и не без внутренней борьбы, мнение, что в феврале 1948 г. начался новый этап развития, требовавший, согласно доминировавшей в комдвижении схеме, существования единой рабочей партии, ориентированной на социализм в традиционно догматическом его понимании. Единство действий рабочего класса рассматривалось как гарантия против «контрреволюционной деятельности свергнутых классов и разрушительного мелкобуржуазного влияния». Нет сомнений, что руководство КПЧ опасалось реставрации оппозиционных партий под прикрытием СДП. Те 65 % голосов, которые предположительно могла набрать КПЧ на предстоявших в мае 1948 г. выборах в Законодательное национальное собрание, представлялись недостаточными [189]. Атмосферу подогрели также намерения социал-демократов участвовать в выборах, а также недостаточный, с точки зрения КПЧ, размах послефевральской чистки в СДП, когда из рядов партии были исключены лишь члены правого руководства (Майер, Вилим, Майснер, Дерер, Гернер и некоторые другие) и несколько десятков наиболее известных политиков правой ориентации.

Такое развитие событий вызвало тревогу в руководстве КПЧ. 5 апреля ЦК партии принял решение о выдвижении единых кандидатур от НФ на выборах. 7 апреля это решение поддержал Совет профсоюзов. 9 апреля ЦК КПЧ рассмотрел с руководством СДП вопрос об объединении рабочих партий. Фирлингер дал свое согласие. Таким образом, важнейший для СДП вопрос решил вопреки уставу не съезд, а исполнительный комитет партии, причем без участия исключенных правоориентированных членов. Впоследствии это дало части социал-демократов и социал-демократической эмиграции весомое основание не признать объединение. «Социал-демократы сдали свои позиции и согласились на условия, предлагаемые компартией»,— подчеркивалось в одном из документов советского посольства [190]. На заседании ЦК КПЧ было решено, что объединение пройдет на организационных и идейных принципах коммунистического движения. Главное и решающее слово имели при отборе новых членов первичные ячейки КПЧ и объединительные комитеты, причем именно первые решали, кто из социал-демократов будет принят. На практике было сделано все, чтобы в КПЧ пришли только левые социал-демократы, которые уже раньше сотрудничали с коммунистами.

Настроения в СДП были сложными. В целом представляется, что число энтузиастов объединения было сравнительно невелико. Преобладало негативное отношение, выражавшееся в «пассивном сопротивлении». К примеру, есть сведения о том, что лишь 25—

30 % социал-демократов, т. е. менее трети членов, посещали собрания, связанные с вопросами объединения [191]. Недовольство вызывал сам порядок вступления в КПЧ, поднимались вопросы о новом названии единой партии (предлагались названия «Партия труда», «Единая партия» и пр.), о созыве съезда. Высказывались опасения, что КПЧ не будет следовать демократическим принципам внутрипартийной жизни. Наблюдались случаи, когда целые партийные организации СДП, как это произошло, в частности, в г. Чески-Брод, принимали решение не вступать в единую партию, оставаясь беспартийными. Отмечались также факты распространения слухов, особенно в мелкобуржуазной среде, о близкой войне Запада с СССР, в результате которой советское влияние в Восточной Европе, в том числе и в Чехословакии, будет утрачено. Отсюда определялась задача — «сохранить социал-демократические кадры на протяжении всего периода коммунистической диктатуры» [192]. Сложная гамма настроений в связи с объединением наблюдалась на заседании руководства СДП 17 апреля 1948 г. Однако преобладало неприятие решения об объединении с компартией. По информации советского посольства, «большинство социал-демократов вступят в КПЧ по необходимости, но не по желанию». Совсем в духе того времени такие члены партии рассматривались как «резерв для вербовки международной реакцией... кадров для организации антисоветского шпионажа» [193]. Следует отметить, что настороженность и опасения в связи с объединением характеризовали и настроения коммунистов, допускавших, что произойдет создание в КПЧ социал-демократической фракции [194].

В результате объединительной акции к 4 января 1949 г. в КПЧ вступили 118 104 социал-демократа. Учитывая, что, по данным брненского съезда, численность СДП достигала 363 735 человек, в КПЧ вошли около 32,5 % членов партии. Иными словами, оптимистический прогноз Фирлингера о том, что в объединенную партию будет переведена большая часть членов СДП [195], не справдался. Признание марксистско-ленинской идеологии как основы объединенной партии означало, что отныне у социал-демократической модели в чехословацком обществе не было перспектив.

* * *

1947—1948 гг. стали переломными в развитии стран Восточной Европы. В эти годы исчезла фактически последняя альтернатива общественного развития, носителями которой выступали социалистические (социал-демократические) партии региона и которая по ряду принципиальных характеристик существенно отличалась от концепций, предлагавшихся коммунистами. На основе большевизма произошла унификация коммунистического и социалистического движения, в странах Восточной Европы начала реализоваться советская модель построения социализма. Почему это произошло, можно ли все объяснить чистым произволом правя-

щих или становившихся таковыми партий? Думается, что такой ответ был бы упрощенным. Несомненно, общество в странах Восточной Европы, и мы по мере сил старались это показать, оказалось более готовым к восприятию именно коммунистической модели как обеспечивавшей высокие темпы прорыва из отсталости или разрыва с негативами прошлого. С этой точки зрения социал-демократическая модель, рассчитанная на постепенность, предполагала временную отсрочку такого прорыва и не удовлетворяла нетерпение прежде всего огромной массы люмпенизированных слоев, определявших в значительной мере облик послевоенного общества Восточной Европы.

Восприятие сталинской модели определило судьбу социалистических (социал-демократических) партий в Восточной Европе: все они были удалены с политической сцены, главным образом, путем объединения с компартиями. При этом их идеологический багаж, их теоретические разработки были решительно отброшены, как непригодные для рабочего класса и общества в целом. Произошла крупнейшая и драматичная историческая ошибка, приведшая к обеднению, неоправданной нивелировке общественной жизни, оказалась суженной возможность для правящей партии принимать решения и разрабатывать политическую линию, наиболее адекватно отражавшую ситуацию в обществе. Социал-демократия в Восточной Европе стала жертвой установления монополии коммунистических партий в обществе. Однако неверно было бы не учитывать и тот факт, что драматической развязке в немалой степени способствовали леворадикальные силы в самих социалистических (социал-демократических) партиях, с помощью которых стало возможным решить вопрос о единстве рабочего класса именно таким образом, как это было сделано. Особо следует отметить, что исключительно важную роль при этом сыграла позиция лидеров европейской социал-демократии, отсекших свою восточноевропейскую ветвь из-за ее курса на сотрудничество с коммунистами. Таким образом, судьба социал-демократических партий решалась при сложном переплетении внутренних и внешних факторов, заслуживающих тщательного и детального изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О СОДЕРЖАНИИ ЭТАПА НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РАЗВИТИИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Итак, в 1944—1948 гг. в странах Восточной Европы имел место феномен народной демократии, возникший и оформившийся на завершающем этапе второй мировой войны в специфических условиях подъема «народного радикализма». Разрывая с фашизмом и авторитарными режимами военного времени, подавляющая часть общества Восточной Европы связывала свое будущее с демократией, предлагая различные модификации этой генеральной идеи общественного развития (от традиционного либерализма и концепций демократического переустройства общества на основе аграризма до «демократического социализма»). В этих условиях коммунистическое движение, занимавшее крайне левые позиции на политической арене, предприняло попытку совместить доктринальные установки марксизма-ленинизма с новыми политическими реалиями. Это стимулировало обращение к идее промежуточных, переходных форм власти различных политических сил, противостоящих фашизму, власти, получившей название «народная демократия». Исторически это понятие было связано с политическим опытом и трагедией гражданской войны 1931—1939 гг. в Испании. Причем поначалу в политическом лексиконе не только коммунистов, но и социалистов (социал-демократов) предпочтение отдавалось определению «новая демократия». Тем самым, по-видимому, подчеркивалось ее отличие как от старой западной демократии, так и от советской формы политической власти, базировавшейся на идее диктатуры пролетариата.

На основании проведенного исследования мы считаем возможным квалифицировать этап народной демократии как политически вариативное, переходное состояние общества, отвергнувшего правый тоталитаризм в различных его модификациях, которые по терминологии тех лет объединялись общим понятием «фашизм», и, как показала история, безуспешно пытавшегося определить принципы своего дальнейшего демократического развития.

Одновременно мы рассматриваем этап народной демократии как время расширения леворадикальных настроений в обществе и «прорастания» на их основе политической монополии компартий при одновременном свертывании социал-демократической альтернативы и устранении ее носителей в лице социалистических и социал-демократических партий и формирования узловых элементов партийно-бюрократического государства, сложившегося на рубеже 40—50-х годов.

«Генетический код» этого переходного состояния определялся неприятием в обществе реакционных режимов любой окраски и преобладающей ориентацией на демократическое устройство, хотя и различно понимавшееся. Это нашло свое выражение в выдвижении ряда концепций дальнейшего общественного развития собственных стран. Поэтому народная демократия — это и столкновение, конкуренция данных концепций, острая политическая борьба их сторонников и противников. Изучение форм и хода этой борьбы не дает основания оценивать конкретные процессы в странах Восточной Европы в рамках схемы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Политические реалии были гораздо сложнее и драматичнее. Изучение общественных позиций и политических ориентиров конкретных социальных групп, классов и слоев на этапе послевоенного развития свидетельствует о наличии уже в 1944—1945 гг. по меньшей мере трех центров, к которым в Восточной Европе тяготели сторонники разных концепций.

Один из таких центров складывался вокруг старых, традиционных партий и группировок, которые при всей их специфике можно квалифицировать как либеральные, осознавшие потребность в реформировании общества в демократическом направлении. Ориентиром для них являлись классические западноевропейские образцы либеральной демократии, основанной на сочетании элементов политического плюрализма и парламентаризма. Обеспечить общественную стабильность при переходе от войны к миру и в дальнейшем предполагалось через создание (или возрождение, как в Чехословакии) механизма представительной демократии в политической сфере и усиление регулирующей роли государства в экономике с прочными гарантиями частной собственности. Вместе взятое это, как считалось, позволяло сопрягать интересы общества и государства и ослаблять возможные социальные потрясения в условиях подъема радикальных настроения после войны.

Другой центр выражал позиции рабочего движения, политически организованного на базе по-разному интерпретируемого марксизма. Выступавшие от имени рабочего класса коммунистические и социалистические (социал-демократические) партии в то время отдали приоритет не классовым, а общенациональным задачам. Предлагавшиеся ими программы преобразований тоже базировались во многом на основных принципах либеральной демократии и экономического плюрализма. Но интерпретация самих преобразований как способа обеспечения интересов прежде всего социально слабых слоев общества за счет крупных собственников свидетельствовала о разности целей, которые ставились сторонниками двух названных центров.

Социализм же (в понимании которого между социалистами и коммунистами были принципиальные расхождения) даже коммунистами рассматривался как отдаленная перспектива, как генеральный ориентир. В рабочем движении (в его социалистической

и коммунистической ветви) активно дискутировались проблемы национальных путей к социализму. Этот путь виделся и коммунистам, и социал-демократам весьма длительным, охватывающим жизнь скорее всего не только одного поколения, без диктатуры пролетариата и революционных потрясений. Что же касается содержания конечной цели, то восточноевропейские социал-демократы в большинстве своем ориентировались на западноевропейский реформистский (в позитивном понимании этого слова) вариант социализма, отрицая большевизм как заключавший в себе «азиатские черты».

Коммунисты, зачастую исходя из доктринальных установок, рассматривали «советскую демократию» как высшую форму народовластия. Но достичь ее они надеялись мирным путем, без издержек, характерных для политической жизни советского общества. Отсюда проистекало стремление к использованию принципов представительной демократии, что можно отчетливо наблюдать в программах народных и национальных фронтов, которые реализовывались на практике. Вместе с тем следует разводить теоретические рассуждения в высших эшелонах рабочих партий о национальных путях перехода к социализму и восприятие и оценки ситуации рядовыми членами этих партий, где наблюдалось революционное нетерпение, стремление разрушить прошлое «до основанья», и нередко звучали открытые призывы «опираться только на пролетарский класс», а не «играть в демократию». Причем в равной мере это относится как к коммунистическим, так и к социалистическим партиям.

Однако в Восточной Европе, где основную часть населения составляло крестьянство, существовал в ряде стран и третий центр, который был представлен организованным крестьянским политическим движением. Оно выдвигало на передний план и отстаивало особые интересы крестьян — мелких собственников и производителей, предлагая модель крестьянской кооперативной республики, где будет обеспечена сословная демократия. Отвергались любые формы диктатуры; парламент и сильная исполнительная власть рассматривались как институты, отвечающие принципам демократии, как гаранты осуществления реформ и недопущения гражданской войны. Революция как средство построения нового общества однозначно отвергалась. Оформившись как относительно самостоятельный фактор, этот центр оттягивал на себя часть социально разнородных демократических сил не только в деревне, но и в городе.

В рамках борьбы за представительную демократию крестьянское движение претендовало на руководящую роль в послевоенной политической реальности, что соответствовало духу и букве концепции аграризма в ее различных радикально-демократических вариантах.

Таким образом, хотя принципы и лозунги представительной демократии были взяты на вооружение всеми политическими силами, выступившими за разрыв с реакционными режимами, на-

личие трех центров, различавшихся конечными целями и методами действий, закладывало объективные предпосылки для противостояния и борьбы за лидерство в обществе.

Вместе с тем в странах региона существовали внутренние объективные факторы, обусловливавшие необходимость более или менее продолжительного взаимодействия сторонников всех вышеназванных концепций. Без соглашения разных политических сил, заключавшегося нередко под давлением внешнего фактора, нельзя было обеспечить решения главных общенациональных задач: восстановления национально-государственной независимости, решения вопроса о международном статусе и территориальных спорах, восстановления разрушенной войной экономики и ее демилитаризации, перехода от авторитарно-тоталитарных принципов организации общества к его демократическому устройству.

Единство действий всех сил, провозгласивших свою приверженность демократии, диктовалось также и необходимостью не допустить возможности возрождения реакционных режимов. Именно с этой целью были созданы, особенно на первом этапе, жесткие организационные рамки народных и национальных фронтов, куда под лозунгом борьбы с фашизмом и его остатками был закрыт доступ сторонникам крайне правых. За рамками коалиций в ряде стран оказались при этом те представители либеральной демократии, которые или не приняли идею коалиционной власти, или отвергали по разным мотивам возможность сотрудничества с коммунистами. Вместе с тем единство действий объективно становилось препятствием всплеску леворадикальных общественных настроений. Такие тенденции имели место в регионе уже в 1944—1945 гг. не только в коммунистическом, но и в социалистическом и крестьянском движениях. Причем, если в подавлении рецидивов «справа» были заинтересованы практически все антифашистские силы, то опасность «слева» наиболее остро осознавали сторонники либеральной демократии и крестьянских вариантов переустройства общества. В этих кругах национальные и народные фронты не случайно рассматривались прежде всего как инструмент регулирования революционного «напряжения» в обществе и сдерживания левоэкстремистских настроений.

Важнейший фактор, оказывавший поначалу цементирующее воздействие на отношения разных внутренних сил, действовал извне. Вышедшее из войны общество стран Восточной Европы было открыто для воздействия как «западного», так и «восточного» факторов, ибо в массовом сознании послевоенное развитие напрямую связывалось с фактом существования антигитлеровской коалиции и состоянием отношений между союзниками. Само возникновение коалиционной власти в странах региона с участием сторонников различной внешнеполитической ориентации являлось прямым отражением согласованной политики великих держав на международной арене в годы войны. Иными словами,

внешний фактор воспринимался в обществе стран Восточной Европы как один из регуляторов внутренних процессов.

Итак, внутренние и международные условия приводили различные политические силы в регионе к признанию необходимости или неизбежности совместных действий. Однако как политическая реальность в странах региона возникла не представительная демократия, провозглашавшаяся в программах разных политических партий, а один из ее ограниченных вариантов, который условно можно назвать демократией по соглашению. Суть ее заключалась в том, что через предвыборные блоки, принцип паритета или «партийного ключа» формировалось замкнутое политическое пространство, в котором действовали партнеры и должны были бы ограничиваться любые крайние проявления в их политике.

При такой организации политической жизни деятельность оппозиции в пределах этого пространства становилась все более ограниченной. Не случайно оппозиционные партии и группировки в большинстве стран вынуждены были действовать за рамками фронтов, неизбежно приобретая статус антидемократических. Вместе с тем демократия по соглашению открывала достаточно широкое поле действий внешнему фактору (разное в разных странах и на разных этапах развития) и силовыми структурами власти.

Конкретный материал показывает, что по масштабу соглашений и участия демократических сил в правящих послевоенных коалициях, по хронологической протяженности взаимодействия этих сил, по степени ограничения демократических норм и напряженности противостояний внутри коалиций, а также по соотношению воздействия внутренних и внешних факторов ситуация в разных странах принципиально различалась. Наиболее широкой, продолжительной по времени существования и устойчивой вплоть до середины 1947 г. была демократическая коалиция в Чехословакии. Ее относительная стабильность обусловливалась прежде всего длительным равновесием социально-политических сил, что находило свое выражение в формировании высших органов власти на принципе паритета, без использования «партийного ключа». Представляется, что в Чехословакии, где уже в межвоенное время формировались традиции демократического парламентаризма и закладывались основы гражданского общества, расстановка политических сил в коалиции ограничивала возможности любой из сторон использовать методы силового воздействия на общественные процессы. Основным направлением динамики развития было движение вплоть до лета 1947 г. от согласительной к представительной демократии.

Со второй половины 1947 г. в результате действий компартии, которая, опираясь на поддержку значительной части социально слабых слоев, стала систематически нарушать условия функционирования парламентской демократии, и ответной реакции партнеров по коалиции оказалась заблокированной деятельность На-

ционального фронта. Это свидетельствовало о сбоях в демократическом механизме осуществления власти на высшем уровне, которые привели в феврале 1948 г. к его полному разрушению.

Принципиально иным содержанием отличалось развитие ситуации в Югославии и Албании. В этих странах уже при переходе от войны к миру реальная власть концентрировалась в руках коммунистов, что явилось объективным итогом роли компартий в организации национально-освободительной борьбы. Тем не менее конкретные материалы свидетельствуют об усилиях разных политических сил и в этих странах придать власти неформальный коалиционный характер и тем самым привести в действие элементы согласительной демократии. Однако эти попытки были кратковременными и в целом безуспешными. В Югославии и Албании политическая монополия компартий не имела реальной демократической альтернативы, что вело общество к тоталитарному режиму левого толка. Данная тенденция обозначилась в рассматриваемый период вполне отчетливо: об этом говорят, в частности, факты использования органов принуждения в политических целях и активно развивавшийся процесс сращивания компартии с государственными структурами.

Более четко, чем в Югославии и Албании, элементы согласительной демократии просматривались в Болгарии и Польше, где главные рычаги власти в разной правда мере, но также контролировались коммунистами. Здесь, особенно в Польше, значительная часть общества не восприняла безоговорочно ни ограниченную коалицию только левых сил, ни ключевую роль коммунистов в этой коалиции.

Ощущая сопротивление части общества (в Польше значительной, в Болгарии — более узкой) и признавая приоритет общенациональных задач, вокруг которых было возможно объединение различных политических сил и достижение общественного консенсуса, болгарские и польские коммунисты шли на компромисс с этими силами и на использование механизмов согласительной демократии. Но особенность ситуации в этих странах состояла в том, что масштаб консенсуса и его продолжительность неоднократно изменялись, а наличие элементов коалиционности нередко скрывало неадекватность содержания власти и ее формы.

Конкретно-исторический материал позволяет выделить хотя и кратковременный этап функционирования неформальной согласительной демократии на достаточно широкой социально-политической основе. Соглашения правящей коалиции с Н. Петковым в Болгарии и со Ст. Миколайчиком в Польше явились не только отражением динамики внутренней ситуации, но и итогом воздействия «восточного» и «западного» внешних факторов. Крайне важно подчеркнуть, что уже в 1944—1947 гг. в Болгарии и особенно в Польше для продвижения к политической монополии коммунистами использовались методы управления и контроля за

обществом, присущие не демократическим, а тоталитарным режимам. Все более отчетливо стала просматриваться перспектива превращения компартий в стержневую государственно-политическую структуру.

Что касается Венгрии и Румынии, то в этих странах «рисунок» согласительной демократии был принципиально иным. Его характерной чертой было опережающее (по сравнению с внутренней ситуацией) исходное воздействие внешнего, прежде всего советского, фактора. Другой особенностью формировавшегося режима в этих странах был широкий спектр составлявших его основу социально-политических сил при относительно слабом левом фланге, который представляли рабочие партии. Во многом отсюда и проистекала относительная стабильность этапа согласительной демократии. Продолжительность же его обусловливалась постепенностью, растянутостью во времени изменений в расстановке и балансе сил внутри коалиции в пользу левых партий.

Таким образом, 1944—1947 гг. в большинстве стран Восточной Европы — это время существования политических режимов на основе принципов согласительной демократии. Импульсы к возникновению этих режимов шли как из внешнего мира, так и рождались на собственной национальной почве, а их соотношение было различным в разных странах и весьма динамичным. Характерной чертой этих режимов была их связь с массовыми рабочими и крестьянскими движениями. Это придавало специфический облик согласительной демократии в Восточной Европе.

Народная демократия как один из вариантов демократии по соглашению имела временный характер, ибо несла в себе «гены» саморазрушения. В его основе лежали принципиально разные стратегические цели партнеров по коалиции. По мере того, как исчерпывалось решение общенациональных задач, размывалась и основа общественного консенсуса. Эти качественные перемены в ситуации осознавались всеми политическими силами и каждая из них стремилась перехватить лидерство у партнеров по коалиции с тем, чтобы обеспечить реализацию собственных представлений о дальнейшем развитии. Сторонники либерально-демократической и аграристской альтернатив прилагали усилия посредством выборов оттеснить рабочие партии на периферию политической жизни и изменить суть соглашения партнеров по коалиции, обеспечив тем самым движение к представительной демократии. Отсюда столь ожесточенная политическая борьба, сопровождавшаяся попытками обеспечить поддержку и «западного», и «восточного» внешних факторов, вокруг проблемы выборов в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии.

Определяя внутренние истоки движения коммунистов к установлению монополии власти, важно понять, почему левый радикализм — эта в исторической ретроспективе слабая общественная тенденция, к концу 40-х годов в Восточной Европе, как и в России в 1917 г., стал набирать силу.

Подъем левого радикализма был во многом обусловлен качеством социальной структуры большинства восточноевропейских обществ, которая характеризовалась неустойчивостью, множественностью открытых социальных типов и большим числом маргинальных слоев. В годы второй мировой войны она испытывала воздействие резкого выброса люмпенизированных масс, прежде всего в среду работавших по найму. Последнее обстоятельство не могло не провоцировать леворадикальных настроений как в рабочем классе, так и среди крестьянства, мелких городских собственников, а также среди интеллигенции, утрачивавшей возможности профессионального самовыражения. В программах национальных и народных фронтов и в действиях рабочих и крестьянских партий эти наиболее социально уязвимые слои видели реальный шанс изменения своего общественного положения. Первые шаги по реализации этих программ оправдывали такие надежды, ибо вовлекали их, ранее не допускавшихся к политике и власти, в государственно-политическую жизнь.

О том, что предлагавшийся общественный аванс был принят, свидетельствовал взрывообразный (в десятки и сотни раз!) рост численности крестьянских и в особенности рабочих партий, превратившихся в правящие и соправящие. «Наполнение» партий, располагавшихся на левом фланге коалиционных сил, представителями наиболее обнищавшей части общества, оборачивалось ростом настроений революционного нетерпения, требований насильственного отчуждения и перераспределения материальных благ на уравнительно-обезличенной основе. Решить сложнейшие экономические, социальные и политические проблемы они считали возможным методом «рывка», «скачка», не задаваясь вопросом о цене и тем более о долгосрочных последствиях подобных действий.

Такие настроения резко усилились под влиянием установок созданного в сентябре 1947 г. Коминформбюро, а также в ходе подготовки объединения в странах региона коммунистических и социалистических (социал-демократических) партий. Характерно, что само объединение, осуществившееся в 1948 г. «на марксистско-ленинской основе», отразило факт победы в рабочих партиях леворадикальной тенденции. С политической сцены различными способами были сведены те силы, которые выступали за эволюционный переход к новому общественному строю путем реформ с учетом и согласованием интересов различных слоев общества, национальной специфики и традиций. Рассчитанная на постепенность социал-демократическая концепция развития не могла быть и не была востребована той частью общества, которая становилась в конце 40-х годов политически доминирующей в странах Восточной Европы. Объединение открыло дорогу формировавшейся номенклатурной, кланово-коммунистической бюрократии. Возникновение, разрастание и социально-политическая активность этого нового по предназначению и социальной природе слоя «высвечивали» как наиболее вероятное на-

правление развития в сторону тоталитаризма левого толка — государства «диктатуры пролетариата».

Завершался важнейший этап послевоенного развития стран Восточной Европы. Общество выходило из переходного состояния. Народная демократия как конкретный, воплощенный в реальность вариант согласительной демократии была обречена. Подтверждением тому был становившийся все более отчетливым (особенно в Югославии, Албании и Польше) курс компартий на слияние законодательной, исполнительной и судебной власти, на устранение территориального самоуправления, на отказ от принципов политического плюрализма и утверждение единомыслия в сфере политики, экономики, идеологии и культуры.

Победа леворадикальной альтернативы полностью исключила какие-либо варианты в развитии народной демократии, которая оказалась промежуточным этапом между тоталитарными режимами правого и левого толка. Коммунистам был открыт путь к монополии политической власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ЧИТАТЕЛЮ — СОВРЕМЕННИКУ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

1 СССР — Югославия. 1948 г. в современном прочтении // Сов славяноведение. № 4. 1990; Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов, середина 40-х — конец 80-х годов XX в. // История СССР. 1991. № 1; СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине и второй половине 40-х годов // Сов. славяноведение. 1991. № 6; Революции и реформы // Новая и новейшая история. 1991. № 2: Обсуждение этих проблем развивается и в национальных историографиях стран Восточной Европы. См., например: *Kersten K.* Utrwalenie systemu władzy. w Polsce. 1943—1948. W-wa, 1989; Vznik, rozvoj a krize sovetskeho bloku. Pr., 1991; *Баева И.* За народна демокрация — полемично // Векове. 1989. Кн. 6; *Драганов Д.* Съществувал ли е народнодемократичен модел на социализма? // Векове. 1989. Кн. 4 и др.

2 Это во многом относится и к нашим работам, вышедшим в 70—80-е годы. См., например: Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985; *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. М., 1979; *Носкова А. Ф.* Крестьянское политическое движение в Польше (сентябрь 1939 — весна 1948 г.). М., 1987 и др.

3 См., например: *Соболев А. И.* Марксизм-ленинизм о формах перехода от капитализма к социализму. М., 1958; *Удальцов И. И.* XXII съезд КПСС и изучение проблем народной демократии // Новая и новейшая история. 1962. № 3; *Мурашко Г. П.*, *Носкова А. Ф.* Революции 40-х гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт // Сов. славяноведение. 1987. № 6 и др.

4 См., например: *Krystufek Zd.* The Soviet Regime in Czechoslovakia. Boulder Colo, 1981; *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce. Toronto, 1985; *Loth W.* Die Teilung der Welt. 1941—1955. Geschichte des Kalten Krieges. München, 1990; *Albert A.* Najnowsza historia Polski. 1918—1980. W-wa, 1989; Kovrig *B.* The myth of Liberation: East-Central Europe in U. S. Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore and London, 1973.

5 СССР — Югославия. 1948 год в современном прочтении // Сов. славяноведение. 1990. № 4. С. 6, 8, 15—16; *Новопашин Ю. С.* У разбитого корыта // Россия. 1990. № 1; *Kersten K.* Utrwalenie systemu władzy. 1943—1948. W-wa, 1985; *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce.

6 СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине и второй половине 40-х гг. // Сов. славяноведение. 1991. № 6. С. 3, 10—11, 17.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

1 *Милибенд Р.* Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М., 1964. С. 381—382.

2 *Кекконен У.* Финляндия: путь к миру и добрососедству. М., 1979. С. 20.

ГЛАВА 1

[1] New Statesman and Nation. 1943. 27.VI.

[2] Подробнее см.: *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьбы за окончательное утверждение новой Югославии // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

[3] *Petranović B.* AVNOJ. Revolucjonarna smena vlasti. 1942—1945. Beograd, 1976. S. 220—221.

[4] *Nešović Sl.* Temelji nove Jugoslavije. Beograd, 1973. S. 83—85; Vjesnik. 1944. 12.VI.

[5] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 851. Л. 188.

[6] Архив внешней политики Российской Федерации МИД Российской Федерации (Далее: АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 29. Д. 16. П. (папка) 166. Л. 23.

[7] *Гибианский Л. Я.* Указ. соч. С. 330.

[8] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 32. Д. 4, П. 128. Л. 23.

[9] Там же. Оп. 30. Д. 37. П. 120. Л. 5, 76.

[10] Там же. Оп. 29б. Д. 2. П. 154. Л. 12—13.

[11] Подробнее см.: *Гибианский Л. Я.* Указ. соч. С. 330—335; *Он же.* Борьба за утверждение и международное признание новой Югославии в период освобождения страны от фашистской оккупации (осень 1944 — весна 1945) // Etudes balkaniques. 1972. N 2.

[12] АВП РФ. Ф. 144. Оп. 5. Д. 16. П. 7. С. 24.

[13] Там же. Ф. 067. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 204; *Смирнова Н. Д.* Развитие народно-освободительной борьбы в Албании // Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 150—153, 155.

[14] Там же.

[15] АВП РФ. Ф. 067. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 227.

[16] Народные и национальные фронты... С. 240.

[17] АВП РФ. Ф. 067. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 176; Оп. 14. Д. 21. П. 105. Л. 375; *Смирнова Н. Д.* НОФ и создание албанского народно-демократического государства // Там же. С. 242.

[18] См.: *Korboński S.* Polskie państwo podziemne. Paryż, 1975.

[19] *Micewski* A. Między dwiema orientacjami. W-wa, 1990. S. 21.

[20] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 208.

[21] Оглашению подлежит: СССР—Германия, 1939—1941. Документы и материалы. М., 1991 *Парсаданова В. С.* Трагедия Польши в 1939 г.//Новая и новейшая история. 1989. № 5; *Она же.* К истории Катынского дела // Новая и новейшая история. 1990. № 3; *Лебедева Н. С.* О трагедии в Катыни // Международная жизнь. 1990. № 5. С. 112—113.

[22] *Kersten K.* Narodziny systemu władzy. Polska 1943—1948. W-wa, 1985. S. 14; Armia Krajowa w dokumentach. L., 1973. T. 2. S. 283—284, 321; Ibid. L., 1976. T. 3. S. 361—369.

[23] *Żenczykowski T.* Dramatyczny rok 1945. Polonia. 1985. S. 17; *Idem.* Polska Lubelska. 1944. W-wa, 1990. S. 76.

[24] *Bobowski St.* Stosunki Państwo—Kościół katolicki w latach 1945—1965. W-wa, 1986. S. 1.

[25] *Kersten K.* Op. cit. S. 20, 23, 42, 46, 63.

[26] Polska Partia Robotnicza. Dokumenty i materiały. 1942—1948. W-wa, 1984. S. 519—535, 525.

[27] Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 28 ноября — 1 декабря 1943 г. // Советский

Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1978. Т. II. С. 167.

28 *Kersten K.* Op. cit. S. 43.

29 *Turlejska M.* Te pokolenia załobami czarne... Skazani na śmierć i ich sędziowie. 1944—1954. L., 1989. S. 49.

30 *Żenczykowski T.* Polska Lubelska. S. 8—51.

31 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 7. П. 136. Л. 9.

32 *Нązаревич Р.* Варшавское восстание. 1944. М., 1989.

33 Rudé právo. 1945. 17.VI.

34 Cesta ke Kvetnu. Vzník lidové demokracie v Československu. Pr., 1965. S. 338—360.

35 *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 297.

36 Cesta ke Kvetnu. S. 56.

37 *Fejerabend L.* Ve vlade v exilu. Wash., 1987. S. 14.

38 *Fejerabend L.* Pod vladou Národní Fronty. Wash., 1968. S. 13.

39 *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce. S. 15.

40 Cesta ke Kvetnu... S. 421.

41 См.: *James E.* Dejiny ekonomického myslení 20. Století. Pr., 1968. S. 216—218.

42 *Fejerabend L.* Pod vladou... S. 12—13.

43 Ibid. S. 56.

44 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 7; Оп. 34. Д. 11. П. 130. Л. 41.

45 Там же. Оп. 35. Д. 7. П. 136. Л. 9—10.

46 Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947. М., 1974. С. 339—341.

47 ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 4414. Л. 82.

48 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34. Д. 16. П. 131. Л. 42.

49 История Венгрии. М., 1972. Т. III. С. 444—445, 471.

50 Освобождение Венгрии. 1944—1945. Сб. документов. Будапешт, 1975. С. 79—82.

51 Там же. С. 58—59.

52 История Венгрии. Т. III. С. 470.

53 См.: АВП РФ. Ф. 453. Оп. 19. Д. 4. П. 1а. Л. 2—5об.

54 Там же. Оп. 1а. Д. 1. П. 1а. Л. 59, 62, 76, 66; Д. 3. П. 1а. Л. 27.

55 Там же. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 14.

56 Подробнее см.: *Vida I.* A Függetlrn Kisgazdapárt politikája. 1944—1947. Bp., 1976; *Вида И.* Политика независимой партии мелких сельских хозяев в 1944—1948 гг. // Acta Historica. 1973. Т. 19.

57 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 14, 19—20.

58 Там же. Л. 19, 14.

59 Там же. Ф. 453. Оп. 1а. Д. 3. П. 19. Л. 37.

60 Там же. Ф. 077. Оп. 25. Д. 11. П. 113. Л. 1—2.

61 Там же. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 44; Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 20.

62 Подробнее см.: *Izsák L.* Polgári ellenzéki partok Madyarorszagon 1944—1949. Bp., 1983. 15—16. old.

63 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 15; Там же. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 43.

64 Там же. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 44.

65 *Izsák L.* Op. cit. 44—61. old.

66 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 83.

67 *Вида И.* Партийно-политическая структура венгерской народной демократии. 1944—1948 // Acta Historica. 1980. N 3/4.

68 *Волокитина Т. В.* Программа революции. У истоков народной демократии в Болгарии. 1944—1946. М., 1990. С. 52—53.

69 См.: *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България. 1934—1939. С., 1971; *Кадацкий В. Ф.* Политическая борьба в Болгарии. 30-е годы XX века. М., 1984. С. 32—33, 76.
70 *Исусов М.* Формиране на многопартийната система в България (1944—1948) // В чест на академик Димитър Косев. С., 1974. С. 355.
71 Цит. по: *Волокитина Т. В.* Указ. соч. С. 95—96.
72 Цит. по: История на антифашистката борба в България. 1939—1944. С., 1976. Т. 2. С. 70.
73 *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944—1948. С., 1978. С. 14.
74 Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно събрание. Д. 1. С., 1945. С. 39.
75 *Исусов М.* Комунистическата партия и революционният процес в България С., 1983. С. 39.
76 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. Д. 13. П. 135. Л. 4—5.
77 *Димитров И.* Народен съюз «Звено» // Исторически преглед. 1970. № 5. С. 6—7; *Исусов М.* Политическите партии... С. 105.

ГЛАВА 2

1 Экономика Югославии. М., 1966. С. 13; *Grahovac P., Kubović B., Mikić M., Runjić A., Sirotković J., Stipetić V.* Ekonomika Jugoslavije. Opci dio. Zagreb, 1984. S. 204—206.
2 История Югославии. М., 1963. Т. 2. С. 141—142.
3 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 31. Д. 7. П. 191. Л. 7; Там же. Оп. 31. Д. 16. П. 123. Л. 76.
4 Школа европейских стран социализма. М., 1976. С. 296; *Wasilewski T., Felczak W.* Historia Jugoslawii. W-wa; Kraków; Wrocław, 1985. S. 434.
5 История Югославии. С. 158; Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917—1929. М., 1988. С. 474, 502.
6 Klasno-socijalna struktura Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1984. S. 327.
7 Расчеты М. Б. Ешича на основе: *Šuvar S., Jelić I., Magdalenvić I.* Društvene promjene i djelovanje komunista u selu. Zagreb, 1968. S. 42; подтверждаются архивными данными. См.: АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 32. Д. 13. П. 129. Л. 58.
8 См.: *Kidrič B.* Zbrano delo. Članki in razprave. 1946—1948. Ljubljana, 1962. Knj. 3. S. 349.
9 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29б. Д. 2. П. 154. Л. 14, 16, 27.
10 Там же. Оп. 32. Д. 13. П. 129. Л. 63—64; Оп. 31. Д. 16. П. 123. Л. 53.
11 Там же. Оп. 33. Д. 15. П. 134. Л. 89.
12 *Durović Dr., Bogetić L.* Sindikati i samoupravljanje. Beograd, 1982. S. 41—43.
13 АВП РФ. Ф. 067. Оп. 16б. Д. 1. П. 117а. Л. 39, 98, 111.
14 *Koseski* A. Albania. Krótki zarys dziejów. W-wa, 1988. S. 7.
15 АВП РФ. Ф. 067. Оп. 13. Д. 13. П. 103. Л. 195, 127.
16 Там же. Оп. 14. Д. 21. П. 105. Л. 38.
17 Там же. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 223, 178, 176.
18 *Смирнова Н. Д.* НОФ и создание албанского народно-демократического государства // Там же. С. 242.
19 АВП РФ. Ф. 067. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 176—177.
20 Там же. Оп. 14. Д. 21. П. 105. Л. 102—103.
21 *Вида И.* Прямая демократия и ее формы в период народно-демократической революции в Венгрии (1944—1948) // Политические системы СССР и стран Восточной Европы в 20—60-е годы XX в. М., 1991. С. 48—55; *Исусов М.* Работническата класа в България. 1944—1947. С., 1971. С. 237; Všeodborový Arhiv Ústřední rady odborů. F. Sj.-1. Kart. 1. Inv. 5. L. 31;

Curteanu M. Sectorul de stat în România anilor 1944—1947. Buc., 1974. P. 109.

[22] Освобождение Венгрии... С. 49; АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115; Л.; VOA ÚRO. F. Sj.-1. Kart. 1. Inv. 5. L. 3/2.

[23] Подробнее см.: Polska Ludowa. 1944—1950. Przemiany społeczne. W-wa, 1974.

[24] *Żarnowski J.* Społeczeństwo Drugiej Rzeczypospolitej. W-wa, 1973, S. 32, 27; Polska odrodzona. 1918—1939. Państwo-społeczenstwo-kultura. W-wa, 1988. S. 249; Historia ruchu robotniczego. 1918—1939. W-wa, 1988. T. 3. S. 18.

[25] ЦГАОР. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 1671. Л. 93; *Madajczyk Cz.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. W-wa, 1971. T. II. S. 20.

[26] *Bobowski St.* Stosunki Państwo—Kościoł katolicki. S. 1.

[27] *Bujak W.* Historia Stronnictwa pracy. 1937—1946—1950. W-wa, 1988.

[28] Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe. 1942—1948. W-wa, 1984. S. 561.

[29] Ibid. S. 12—13, 148—178.

[30] PPR. VII. 1944—XII. 1945. W-wa, 1929. S. 291; Archiwum Akt Nowych Oddzial VI. Archiwum lewicy Polskiej (Далее: AAN ALP). Sygn. 295/VII-211. S. 1; 295/VII-70. S. 63—64.

[31] *Słabek H.* Historia społeczna Polski Ludowej (1944—1970). W-wa, 1988. S. 538.

[32] PPR. VIII. 1944—XII. 1945. S. 292; *Toranska T.* Oni. W-wa, 1989. S. 57, 85.

[33] Historia ruchu robotniczego... S. 11.

[34] Подробнее см.: *Syzdek Br.* Polska Partia Socjalistyczna w latach 1944—1948. W-wa, 1974. Rozd. 1.

[35] Program Polski Ludowej WRN. L., 1941. Przemiany społeczno-ustrojowe w świetle programu WRN // Nowe drogi. 1990. N 1. S. 154—161.

[36] *Syzdek Br.* Op. cit. S. 34.

[37] Ibid. S. 68—69, 80, 99, 161; *Jabłoński H.* PPR w początkowym okresie Polski Ludowej // Nowe drogi. 1989. N 8. S. 112—115.

[38] Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe. S. 529—532, 554—561.

[39] Социалистическа България. С., 1969. С. 176; *Landau Z., Tomaszewski I.* The economic strukture of the european socialist countries. Pr., 1984. P. 19.

[40] Статистически годишник на НРБ. С., 1967. С. 110; *Бочев И.* Революционният процес в България. С., 1963. С. 30.

[41] Классы и социальные слои: исторические судьбы. СССР и Восточная Европа. М., 1990. С. 164.

[42] Подсчитано по: *Исусов М.* Работническата класа в България. 1944—1947. С., 1971. С. 128; *Георгиев В.* Към характеристиката на българската работническа класа. 1944—1947 // Известия на Българското историческо дружество. С., 1967. С. 52—60; Статистически годишник на НРБ. 1961. С., 1961. С. 116.

[43] *Исусов М.* Работническата класа... С. 87.

[44] Стопанска история на България. 681—1981. С., 1981. С. 453.

[45] Школа европейских стран социализма. С. 52; Классы и социальные слои. С. 156.

[46] *Исусов М.* Политическите партии в България. С. 21.

[47] *Исусов М.* Работническата класа... С. 139.

[48] Подсчитано по: *Исусов М.* Работническата класа... С. 139.

[49] См.: *Исусов М.* Работническата класа... С. 139—140.

[50] Подсчеты сделаны по: *Исусов М.* Политические партии... С. 41.

[51] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115. Л. 4, 10.

[52] Анализ программы см.: *Волокитина Т. В.* Указ. соч. С. 72—119.

[53] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115. Л. 68.

[54] Там же. Л. 13, 14.
[55] *Волокитина Т. В.* Указ. соч. С. 133.
[56] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115. Л. 78, 45.
[57] Там же. Л. 10.
[58] Цит. по: *Исусов М.* Работническата класа... С. 247.
[59] Из истории народно-демократических и социалистических революций. С. 58; *Остоич П.* Българската работническа социал-демократическа партия. 9 септември 1944—11 август 1948 С., 1980. С. 103.

[60] См.: *Kalinová L., Brabec V.* K některým strankám vývoje struktury a postavení dělnické třídy v letech 1945—1948 // Odbory a naše revoluce. Pr., 1968. S. 50—51.

[61] Archív Statní Planovací komise (далее: ASPR). F. GSHR. Č. j. 1938. S. 1—10—7; *Průcha V.* Změny v sociální struktuře československé společnosti. 1938—1945. Pr., 1970. S. 59.

[62] *Kalinová L., Brabec V.* Op. cit. S. 54, 56, 58.

[63] Studijný materiály k dějinám ČSR a KSČ (1945—1948). Pr., 1967. Č. III. S. 4—5.
[64] *Шмераль Я. Б.* Расстановка политических сил в Чехословакии после освобождения страны и стратегическая линия КПЧ // Из истории народно-демократических и социалистических революций. М., 1977. С. 278—279.
[65] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 3. П. 140. Л. 37.

[66] Cesta ke Květnu... S. 106.
[67] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 24. Д. 7. П. 132. Л. 25—26.

[68] *Nedved J.* Cesta ke sloučení sociální demokracie s komunistickou stranou v r. 1948. Pr., 1968. S. 33.

[69] *Kaplan K.* Mocní a bezmocní. Toronto, 1989. S. 17.

[70] *Vošahlíková P.* Československá sociální demokracie a Národní fronta. Pr., 1985. S. 46.
[71] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 24. Д. 7. П. 132. Л. 11, 25—26.
[72] Там же. Оп. 26. Д. 8. П. 132. Л. 62.

[73] *Vošahlíková P.* Op. cit. S. 43.
[74] *Nedved J.* Op. cit. S. 52.

[75] Program Československé sociální demokracie. Pr., 1946. S. 13.

[76] *Vošahlíková P.* Op. cit. Příloha. Č. 1. S. 172, 191, 168.
[77] *Шмераль Я. Б.* Указ. соч. С. 283.

[78] *Harna J.* Kritika ideologie a programu českého národního socialismu. Pr., 1978. S. 39.
[79] Svobodné slovo. 1945. 20.VI.
[80] *Шмераль Я. Б.* Указ. соч. С. 287.
[81] История Вен рии. Т. III. С. 322; *Андорка Р.* Формирование социальной и профессиональной структуры населения послевоенной Венгрии // Классы и социальные слои: исторические судьбы... С. 237.
[82] Школа европейских стран социализма. С. 82.
[83] Венгерское Центральное статистическое управление. Статистический ежегодник. 1957. Будапешт. 1959. С. 7.
[84] Подробнее см.: *Беренд И. Т.* Развитие венгерской промышленности со времени освобождения страны // 125 лет свободной Венгрии. Будапешт, 1971. С. 7.
[85] АВП РФ. Ф. 453. Оп. 1а. Д. 4. П. 1а. Л. 2, 4об., 5.

[86] *Лацко М.* Структурные изменения в составе венгерских индустриальных рабочих в 1945—1970 гг. // 25 лет свободной Венгрии. С. 59.
[87] *Беренд И. Т.* Указ. соч. С. 7.
[88] Подсчитано авторами по: Статистический ежегодник. 1957. С. 73; *Андорка Р.* Указ. соч. С. 234.
[89] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 81.
[90] Там же. Оп. 25. Д. 11. П. 113. Л. 12.
[91] *Borsi E.* Az európai népi demokratikus forradalmak. Bp., 1975. 47. old.
[92] *Нежински Л. Н.* Перерастание демократической революции в Венгрии в социалистическую // Из истории народно-демократических и социалистических революций... С. 98; АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 11.
[93] АВП РФ. Ф. 453. Оп. 1а. Д. 4. П. 1а. Л. 3.
[94] *Nowak Z.* Geneza i pierwsze lata demokracji ludowej na Węgrzech. W-wa, 1987. S. 85—86.
[95] АВП РФ. Ф. 453. Оп. 1а. Д. 1. П. 1а. Л. 56; Там же. Д. 4. П. 1а. Л. 3.
[96] Там же. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 127. Л. 24.
[97] Там же. Ф. 453. Оп. 1а. Д. 4. П. 1а. Л. 2.
[98] Там же. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 12.
[99] Там же. Л. 24.
[100] A Magyar Kommunista Part es a Szocialdemokrata Part hatarozatai. 1944—1948. Bp., 1967. 24. old.
[101] *Сабо Б.* Программа действий Венгерской коммунистической партии осенью 1944 г. // 25 лет свободной Венгрии. Будапешт, 1971.
[102] *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса на национализацию промышленности. М., 1979. С. 112—113.
[103] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Д. 11. П. 113. Л. 13.
[104] Там же. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 13; *Нежинский Л. Н.* Указ. соч. С. 99.
[105] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 22.
[106] Там же. Л. 22.
[107] Там же. Оп. 25. Д. 11. П. 113. Л. 169; Там же. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 20, 170.
[108] Там же. Оп. 25. Д. 11. П. 113. Л. 12, 14.
[109] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности 1945—1949 // Вопросы национализации в современном мире. Варшава, 1978. С. 52.
[110] См.: АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. Д. 11. П. 113. Л. 6.
[111] *Landau Z., Tomaszewski J.* The economic structure... P. 19.
[112] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 105; *Константинеску Н. Н.* Индустриализация Румынии. М., 1967. С. 9.
[113] *Карре В. А.* Строительство социалистической экономики в РНР. М., 1953. С. 117—118; Обзор экономического развития РНР. М., 1957. С. 40.
[114] Школа европейских стран социализма. С. 189.
[115] Из истории народно-демократических и социалистических революций... С. 262; Социалистическая Республика Румыния. М., 1984. С. 17; Краткая История Румынии. М., 1987. С. 413.
[116] *Patraşcanu L.* Problemele de bază ale Romăniee. Buc.. 1944. P. 294, 306.
[117] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 3б. Д. 14. П. 136. Л. 14—15.
[118] Там же. Ф. 012. Оп. 34. Д. 11. П. 130. Л. 41.
[119] Там же. Л. 52.
[120] История Румынии. 1918—1970. М., 1971. С. 226.
[121] Libertatea. 1947. 8.X; АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 7. П. 136. Л. 45.
[122] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34. Д. 11. П. 130. Л. 47—48.
[123] *Petric A., Ţuţui Gh.* Frontul Unic Muncitoresc in Romănia. Buc., 1970.
[124] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 37—38; Там же. Оп. 34. Д. 11. П. 130. Л. 47—48.
[125] Там же. Л. 41.
[126] Там же. Оп. 35. Д. 7. П. 136. Л. 49.
[127] Из истории народно-демократических и социалистических революций... С. 262.
[128] АВП РФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 4. П. 82. Л. 5.

1 *Kalinová L., Brabec V.* K některým strankam vývoje struktury a postavení československé dělnicke třídy v letech 1945—1948 // Odbory a naše revoluce. Pr., 1968. S. 69.
2 Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 48—29.
3 *Михутина И. В.* О социальном характере и социальных аспектах программ и деятельности крестьянских партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы // Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период. М., 1986. С. 153.
4 Там же. С. 159; Zarys historii polskiego ruchu ludowego. W-wa, 1970. T. II. S. 424—425, 429—431; *Петрова Д.* Болгарский земледельческий народный союз между двумя мировыми войнами // Социальная структура и политические движения... С. 173.
5 *Михутина И. В.* О месте крестьянских партий в политической эволюции стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами // Сов. славяноведение. 1982. № 2. С. 26.
6 *Uhlíř D.* Republikánská strana venkovského a malorolnického lidu. 1918—1938. Pr., 1988. S. 10—14, 172—173; *Hemmerling L.* Ruch ludowy w Polsce, Bulgarii i Czechoslowacji. W-wa, 1987. S. 358.
7 *Uhlíř D.* Op. cit. S. 175; *Матвеев Г. Ф.* Идеология Аграрной партии в первые годы существования Чехословацкой республики (1918—1920) // Вестник МГУ. 1990. № 1. Сер. 8. История. С. 42—51.
8 *Uhlíř D.* Op. cit. S. 174—175; *Lukeš F.* Podivný mir. Pr., 1968.
9 *Drtina P.* Československo — můj osud. Kniha života Českého demokrata 20. století. Toronto, 1982. T. II, kn. 1. S. 23.
10 *Barnovský M.* Socialne triedy a revolučne premeny na Slovensku v rokoch 1944—1948. Br., 1978. S. 178.
11 *Михутина И. В.* О месте крестьянских партий... С. 39.
12 *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции... С. 314, 322—323.
13 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 31. Д. 16. П. 123. Л. 55.
14 *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции... С. 353—354.
15 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. Д. 9. П. 118. Л. 31—33.
16 *Михутина И. В.* О месте крестьянских партий... С. 30.
17 *Доби И.* Исповедь и история. М., 1967. С. 241.
18 *Вида И.* Партийно-политическая структура... С. 316.
19 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 13; *Вида И.* Партийно-политическая структура... С. 310, 313.
20 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 10.
21 ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 4413. Л. 46; *Madgearu V.* Doctrina ţaranistă — Doctrinele partidelor politice. Buc., 1924. P. 79, 80; Proect de program al Partidul Ţaranest din România. Supus si aprobat de Congresul general din novembrie 1921. Buc., 1921. P. 47.
22 Центральный архив Министерства обороны. Ф. 243. Оп. 2943. Д. 18. Л. 236—238.
23 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 36. Д. 14. П. 145. Л. 28.
24 Там же. Оп. 34. Д. 10. П. 113. Л. 63, 83.
25 Там же. Ф. 067. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 220.
26 Там же. Оп. 13. Д. 12. П. 103. Л. 41; Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 169.
27 *Hemmerling Z.* Op. cit. S. 298—299.
28 *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС 1920—1923. С., 1988.
29 *Зарчев Й.* БЗНС и изграждането на социализма в България. 1944—1962. С., 1984. С. 24—25, 32.

[30] См.: *Borkowski I.* Działalność społeczno-polityczna i postawa chłopów w latach 1918—1939 // Historia chłopów polskich. W-wa, 1980. T. III.

[31] *Piatkowski W.* Myśl agrarystyczna St. Miłkowskiego. W-wa, 1983. S. 18—19, 140—148.

[32] *Szaflik J. R.* Początki konspiracyjnego ruchu ludowego. W-wa, 1974.

[33] *Gmitruk J., Matusiak P. Nowak J.* Kalendarium działalności bojowej Batalionów Chłopskich. 1940—1945. W-wa, 1983. S. 11; *Przybysz K.* Chłopi polscy wobec okupacji hitlerwoskiej. 1939—1945. W-wa, 1983. S. 150.

[34] Programy stronnictw ludowych. Zbiór dokumentów. W-wa, 1969. S. 158, 164, 228.

[35] Из листовки СЛ-Рох. Август 1944 г. Цит. по: *Zenczykowski T.* Polska Lubelska. S. 276.

[36] *Wojtas A.* Kryzys programu i polityki «Rocha». Powstanie SL-Wola Ludu. W-wa, 1976.

[37] *Hemmerling Z.* Ruch ludowy w Polsce, Bułgarii i Czeshosłowacji. S. 409—410.

[38] *Стамболийски А.* Избрани произведения. С., 1977. 231—232; *Петрова Д.* Програмата на БЗНС от 1919 г. // Векове. 1980. № 2. С. 36—46; *Матвеев Г. Ф.* О некоторых источниках идеологической концепции А. Стамболийского // Известия на българското историческо дружество. С., 1974. Кн. XXXIX. С. 229—254; *Он же.* Формирование идеологии чешских аграриев в конце XIX в.— 1914 г. // Вестник МГУ. 1990. № 5. Сер. 8. История. С. 42—55; *Zaleski A.* Agraryzm. W-wa, 1933.

[39] *Miłkowski St.* Agraryzm jako forma prezebudowy usbroju społecznego. Kraków, 1934; *Idem.* Walka o nową Polskę. W-wa, 1936; *Kuncewicz. J.* Na nowych drogach. Cieszyn, 1934; *Dabski I.* Ideologia chłopska. W-wa, 1929 и др.

[40] *Borkowski J.* Wizje społeczne i zmagania wiciarzy. W-wa, 1966. S. 48—51.

[41] Zarys historii polskiego ruchu ludowego. W-wa, 1970. T. II. S. 390; *Piatkowski W.* Op. cit. S. 29—30, 61, 70, 69; Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego. W-wa, 1969. T. 3. S. 117.

[42] *Zaleski A.* Agraryzm. S. 21.

[43] *Ziembiński J.* Problem władzy i ziemi w koncepcjach społeczno-politycznych ruchu ludowego w Polsce // 70 lat ruchu ludowego. W-wa, 1967.

[44] Materialy źródłowe... T. 3. S. 250.

[45] Materialy źródłowe... T. 3. S. 228, 235, 245; *Piątkowski W.* Op. cit. S. 39, 105—106.

[46] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. Д. 9. П. 118. Л. 13—21.

[47] *Grahovac P., Kubović P., Mikić M., Runjić A., Sirotković I., Stipetić V.* Ekonomika Jugoslavije. S. 206; Классы и социальные слои... С. 164—165, 171, 235, 237, 238; Polska odrodzona. S. 249 (пересчет в проценты сделан авторами); *Луджев Д.* Дребната буржуазия в България. 1944—1958. С., 1985. С. 11.

[48] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 4. П. 146. Л. 18; Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период. М., 1986. С. 93—94; *Żarnowski J.* Społeczeństwo Polski międzywojennej. W-wa, 1969. S. 127, 135; *Barnovský M.* Op. cit. S. 100.

[49] AAN ALP. Sygn. 295/VII-129. T. 1. S. 1, 93; Ibid. 295/VII-128. S. 8, 12; Ibid. Sygn. 295/VI-211. T. 101.

[50] *Шмераль Я. Б.* Расстановка политических сил... С. 279, 238.

51 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 13, 40; Там же. Д. 3. П. 120. Л. 30; Там же. Ф. 453. Оп. 1а. Д. 4. П. 1а. Л. 5.

52 *Вида И.* Партийно-политическая структура... С. 318.

53 *Шмераль Я.* Указ. соч. С. 287; *Barnovský M.* Op. cit. S. 196.

54 *Borkowski J.* Rola i działalność mikołajczykowskiego PSL. W-wa, 1958. Rękopis. S. 179—184; AAN ALP. Sygn. 295/IX-266. S. 52a.

55 *Волокитина Т. В.* Программа революции. С. 151, 153.

56 Классы и социальные слои... С. 164, 171; Polska odrodzona... S. 273; *Vidaković Z.* Promene u strukturi jugoslovenskog društva i savez komunista. Beograd, 1967. S. 23.

57 Социално класовата структура на съвременото българско общество. С., 1968. С. 169.

58 *Landau Z., Tomaszewski J.* Polska w Europe i Świecie. 1918—1939. W-wa, 1980. S. 46—47; *Żarnowski J.* Struktura społeczna inteligencji w Polsce w latach 1918—1939. W-wa, 1964. S. 135; *Хусар Т.* Интеллигенция Венгерской Народной Республики // Социологические исследования. 1980. № 3. С. 201.

59 Подробнее см.: *Ешич М. Б.* Некоторые проблемы развития интеллигенции в условиях строительства социализма. 1945—1975 // Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы. М., 1987. С. 129; *Димитров К.* Социологическата структура на буржуазното общество в България и професиолната структура на интелигенцията // Социологически проблеми. 1970. № 4. С. 78; *Maňak I.* Početnost a struktura české inteligence v letech 1945—1948 // Sociologický časopis. 1957. Č. 4. S. 405—409.

60 См.: *Vrabec V.* Zmarněná nadeje. K historie odbojového seskupení Petičný výbor «Věrními zůstaneme». Pr., 1985. S. 68—85.

61 *Kural V.* ÚVOD (Ústřední vedení odboje domácího). Pr., 1985. S. 139—140.

62 AAN ALP. Sygn. 295/VII-211. S. 5; *Żarnowski J.* O inteligencji polskej... ... S. 172; *Шмераль Я. Б.* Указ. соч. С. 279; *Malinowski M., Kolomejczyk N.* Polska Partia Robotnicza. 1942—1948. W-wa, 1986. S. 269.

63 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 4. П. 140. Л. 89—90.

64 Там же. Оп. 26. Д. 10. П. 132. Л. 55.

65 *Barnovský M.* Op. cit. S. 121—122, 196.

66 *Chajn L.* Pod sztandarami Stronnictwa demokratycznego inteligencja, rzemiosło maszeruja do nowych zwyczeństw i sukcesów. W-wa, 1950. S. 28—31; Stronnictwo Demokratyczne w Polsce Ludowej. Wybrane dokumenty z lat 1944—1949. W-wa, 1968. Cz. 1; *Winczorek P.* Miejsce i rola SD w strukturze politycznej PRL. W-wa, 1985.

67 *Żarnowski J.* Społeczeństwo Polski międzywoejnnej. S. 123—124; *Idem* O inteligencji polskej... S. 172—173, 175, 183.

68 См.: *Madajczyk Cz.* Dramat katyński. W-wa, 1989; *Duraczyński E.* Generał Iwanow zaprasza. W-wa, 1990; *Turlejska M.* Te pokolenia załobami czarne.

69 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. Д. 7. П. 244. Л. 5; Там же. Ф. 0122. Оп. 29. Д. 3. П. 208. Л. 9—10.

70 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 31. Д. 16. П. 123. Л. 56.

71 Там же. Д. 6. П. 121. Л. 39.

72 См.: *Аврамов П.* Културната революция в България. С., 1980. С. 71—73; *Чичовска В.* Българската интелигенция в народнодемократическата революция (1944—1948) // Великият Октомври и социалистическите революции

в Централна и Югоизточна Европа. С., 1980. С. 224—225; *Димитров К.* Указ. соч. С. 75—76.

[73] АВП РФ. Ф. 452. Оп. 2. Д. 56. П. 37. Л. 26, 122; Там же. Д. 56а. П. 37. Л. 78.

[74] *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944—1948. С., 1978. С. 179—185.

[75] *Аврамов П.* Указ. соч. С. 72.

[76] *Маринеску И. И.* О привлечении интеллигенции на сторону народно-демократической революции в Румынии (1944—1947) // Балканский исторический сборник. Кишинев. 1973. С. 346—348, 352, 355.

[77] АПВ РФ. Ф. 0125. Оп. 36. Д. 11. П. 144. Л. 9—10.

[78] *Nowak J.* Geneza... S. 86.

[79] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 3. П. 120. Л. 29; Там же. Д. 11. П. 121. Л. 11.

[80] Там же. Д. 3. П. 120. Л. 34.

[81] *Хусар Т.* Указ. соч. С. 201.

[82] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 15; Там же. Д. 4. П. 120. Л. 50; Там же. Д. 3. П. 120. Л. 46.

[83] *Доби И.* Исповедь и история. С. 243, 248—250.

[84] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 3. П. 120. Л. 49.

[85] См.: *Polvinen T.* Between East and West. Finland in international politics. 1944—1947. Minneapolis, 1986.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 4—11 февраля 1945. М., 1984. С. 231, 252, 257, 258.

[2] Foreign Relations of the United States 1942. Wash., 1961. Vol. 3. p. 205—212.

[3] Подробнее см.: *Moulis V.*, *Valenta J.*, *Vykoukal J.* Vznik, krize a rozpad sovětského bloku v Evropě. 1944—1989. Pr., 1991. S. 12—18.

[4] *Dean V. M.* U. S. Policy in Europe // Foreign Policy Report. 1946. 15. I. P. 293.

[5] *Albert A.* Najnowsza historia Polski. 1918—1980. W-wa, 1989. S. 387.

[6] Советский Союз на международных конференциях. Крымская конференция... С. 231.

[7] *Albert A.* Op. cit. S. 387.

[8] *Šik O.* Jarní probuzení — a skutečnost iluze. Pr., 1990. S. 24; *Rakowski M.* Jak to się stało. W-wa, 1991. S. 7.

[9] *Мошанов Ст.* Из спомените ми. След 9 септември 1944 // Научен архив на БАН. IV. Оп. 1. А. е. 135. Л. 132—133.

[10] Шифрограмма посольства СССР в Вашингтоне с изложением речи У. Черчилля в Фултоне, цит. по: *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. М., 1989. Книга II, часть 2. С. 88—89.

[11] См.: Большевик. 1946. № 17/18. С. 1; № 19. С. 1. 1947. № 1. С. 3.

[12] *Kovrig B.* The myth of Liberation: East-Central Europe in U. S. Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore; London, 1973. P. 73.

ГЛАВА 1

[1] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. Д. 25. П. 134. Л. 51.

[2] *Petranović B.* Istorija Jugoslavije. 1918—1978. Beograd, 1984. S. 380.

[3] Борба. 1945. 10. III.

[4] *Lovrenović S.* Ekonomska politika Jugoslavije. Sarajevo, 1956. S. 98—99.

[5] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3740. Л. 39. (Из выступления Хебранга А. 28.II. 1944 г.).

[6] *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova narodne vlasti u Jugoslavij za vreme obnove. Beograd, 1969. S. 246.

[7] Борба. 1945. 8. VIII; ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3740. Л. 39; Оп. 28/2. Д. 942. Л. 5—6.
[8] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29б. Д. 2. П. 154. Л. 11.
[9] Там же. Оп. 29. Д. 16. П. 116. Л. 22, 24, 25, 29, 30, 32.
[10] Там же. Оп. 29б. Д. 3. П. 154. Л. 1.
[11] Там же. Оп. 30. Д. 37. П. 120. Л. 78.
[12] Там же. Оп. 29. Д. 28. П. 117. Л. 114, 119.
[13] Из истории народно-демократических и социалистических революций... С. 365—366.
[14] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29б. Д. 3. П. 154. Л. 1—2. 5—8.
[15] Из истории народно-демократических и социалистических революций... С. 372; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije. S. 381.
[16] *Petranović B.* Istorija Jugoslavije. S. 388.
[17] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 31. Д. 16. П. 123. Л. 70; Оп. 29. Д. 16. П. 116. Л. 24—25, 29—30.
[18] *Petranović B.* Politické i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ. Beograd, 1964. S. 197.
[19] История дипломатии. М., 1974. Т. 5, кн. 1. С. 131—132.
[20] Народные и национальные фронты... С. 453; АВП, Ф. 0144. Оп. 30. Д. 37. П. 120. Л. 71.
[21] Борба. 1945. 1. XII; Из истории народно-демократических революций... С. 385, 349.
[22] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 29. Д. 28. П. 177. Л. 141.
[23] Там же. Л. 76—77, 80—82.
[24] Там же. Оп. 31. Д. 16. П. 123. Л. 63.
[25] Там же. Оп. 30. Д. 37. П. 120. Л. 77—78.
[26] Там же. Л. 80—81; Оп. 31. Д. 16. П. 123. Л. 63, 67.
[27] Там же. Оп. 29. Д. 16. П. 116. Л. 141—142; *Petković A.* Politicka borba za novu Jugoslaviju. Beograd, 1986. S. 296.
[28] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. Д. 37. П. 120. Л. 82.
[29] Там же. Оп. 29б. Д. 3. П. 154. Л. 25.
[30] Там же. Л. 23; ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 942. Л. 5—6.
[31] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. Д. 9. П. 118. Л. 22.
[32] Там же. Оп. 29б. Д. 3. П. 154. Л. 25—27.
[33] Там же. Оп. 30. Д. 9. П. 118. Л. 13.
[34] Там же. Л. 14.
[35] Там же. Л. 21.
[36] Там же. Л. 16—17.
[37] Там же. Оп. 29б. Д. 3. П. 154. Л. 28.
[38] Там же. Оп. 30. Д. 9. П. 118. Л. 24.
[39] Там же. Оп. 29. Д. 28. П. 117. Л. 18.
[40] Там же. Оп. 30. Д. 37. П. 120. Л. 113; Оп. 31. Д. 16. П. 123. Л. 65, 66.
[41] Там же. Л. 66; Оп. 29. Д. 28. П. 117. Л. 18.
[42] Там же. Оп. 31. Д. 16. П. 123. Л. 65—66; 68; Оп. 31. Д. 6. П. 121. Л. 38, 54; Оп. 29. Д. 28. П. 117. Л. 18.
[43] Там же. Оп. 30. Д. 22. П. 119. Л. 18.
[44] *Смирнова Н. Д.* Образование Народной республики Албании. М., 1961. С. 152—153.
[45] Народные и национальные фронты... С. 467.
[46] Там же. С. 466.
[47] АВП РФ. Ф. 067. Оп. 16. Д. 4. П. 117. Л. 8; Оп. 14. Д. 6. П. 104. Л. 46; Оп. 15. Д. 12. П. 107. Л. 289; Оп. 16б. Д. 1. П. 117а. Л. 23.
[48] Там же. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 177, 214, 228, 229; Д. 12. П. 107. Л. 291, 295—296.
[49] Там же. Ф. 067. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 180.
[50] Там же. Л. 181—182; Народные и национальные фронты... С. 469.
[51] АВП РФ. Ф. 067. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 183.
[52] Там же. Л. 184—191.

[53] Там же. Ф. 067. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 171; Оп. 16б. Д. 1. П. 117а. Л. 179; Оп. 15. Д. 12. П. 107. Л. 321.
[54] Там же. Ф. 067. Оп. 15. Д. 11. П. 107. Л. 193, 188, 268—269, 275.
[55] Там же. Оп. 14. Д. 6. П. 104. Л. 109, 136.
[56] Там же. Ф. 067. Оп. 15. Д. 12. П. 107. Л. 290—291.
[57] Там же. Д. 11. П. 107. Л. 290, 231, 232, 239, 247—249.
[58] Там же. Оп. 14. Д. 6. П. 104. Л. 54.
[59] Там же. Оп. 15. Д. 12. П. 107. Л. 293.
[60] Там же. Л. 299—300; Оп. 16б. Д. 1. П. 117а. Л. 14; Оп. 14. Д. 22. П. 105. Л. 63.
[61] Там же. Оп. 14. Д. 6. П. 104. Л. 140—141, 151—152; Оп. 15. Д. 12. П. 107. Л. 291, 289.
[62] Там же. Оп. 14. Д. 6. П. 104. Л. 151.
[63] Там же. Д. 22. П. 105. Л. 9—10.
[64] Там же. Оп. 16б. Д. 1. П. 117а. Л. 148; Оп. 15. Д. 12. П. 107. Л. 372.
[65] Там же. Оп. 15. Д. 12. П. 107. Л. 368, 369.
[66] Там же. Оп. 14. Д. 22. П. 105. Л. 65; Оп. 16б. Д. 1. П. 117а. Л. 23—24.
[67] Там же. Оп. 16б. Д. 1. П. 117а. Л. 25.

ГЛАВА 2

[1] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. Д. 3. П. 171. Л. 86.
[2] Там же. Оп. 26. Д. 8. П. 132. Л. 68—70; *Gottwald K.* Spisy. Pr., 1955. Sv. XI. S. 134.

[3] Statní Ústřední archív (SÚA); archív ÚV KSČ. F. 01. Sv. 2. A. j. 9. L. 97.

[4] Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Pr., 1965. S. 727.

[5] SÚA, archív ÚV KSČ. Ibid. L. 32.
[6] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 5. П. 140. Л. 4.
[7] Там же. Оп. 26. Д. 4. П. 139. Л. 7.
[8] Там же. Оп. 28. Д. 2. П. 140. Л. 61; Оп. 29. Д. 4. П. 146. Л. 5.
[9] Там же. Оп. 27. Д. 4. П. 135. Л. 5.
[10] *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce. Toronto, 1985. S. 383.

[11] AUML ÚVKSČ. F. 23. Č. j. 26. L. 14.

[12] Archív předsednictva vlády. Zápis 60 schůze vlády 25.IX 1945. S. 5.
[13] Svobodné slovo. 1945. 21.IX; Pravda. 1945. 2. X.
[14] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 27. Д. 4. П. 135. Л. 48.

[15] Lidová demokracie. 1945. 4.XI; *Kral V.* Cestou k Únoru. Pr., 1963. S. 125.
[16] *Мурашко Г. П.* Политическая борьба в Чехословакии и национализация основных средств производства. М., 1986. С. 317.
[17] АВП РФ. Ф. 138. Оп. 26. Д. 13. П. 43. Л. 35—37; Там же. Оп. 28. Д. 3. П. 140. Л. 33.
[18] Lidová demokracie. 1946. 31.I; 26.II.

[19] Těsnopisecké zprávy o schůzích ÚNS. 1946. Sch. 7. S. 16.
[20] Svobodné slovo. 1946. 12.III.
[21] Rudé právo. 1946. 12.V.

[22] SÚA, archív ÚV KSČ. F. 01. Sv. 2. A. j. 9. L. 35; Koho volit? Pr., 1946. S. 139.

[23] *Barnovský M.* Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944—1948. Br., 1978. S. 141.
[24] *Opat J.* O novou demokracii 1945—1948. Pr., 1966. S. 178—179.
[25] *Fejerabend L. K.* Op. cit. S. 86, 91.

[26] *Kral V.* Cestou k Únoru. Pr., 1963. S. 171.
[27] Цит. по: *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce... S. 388.

[23] Цит. по: *Kaplan K.* Op. cit. S. 388—389.
[29] *Fejerabend L. K.* Op. cit. S. 108.
[30] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 5. П. 140. Л. 4, 5.
[31] *Gottwald K.* Spisy. Sv. XIII. S. 80.
[32] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28, Д. 2. П. 140. Л. 32.

[33] AÚV KSČ. F. 01. Sv. 2. A. j. 12. L. 15, 16.
[34] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 5. П. 140. Л. 6.
[35] *Мурашко Г. П.* Политическая борьба... С. 218—220.

[36] Tesnopisecké zprávy o schůzích ÚNS. Pr., 1946. Sch. 9, S. 7; Sbírka zákonů a nařízení Republiky Československé 1946. Pr., 1947. S. 1201.

[37] *Vošahlíková P.* Československá socialní demokracie a Národní fronta. Pr., 1985. S. 72—78.
[38] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. Д. 2. П. 171. Л. 38, 62 и др.

[39] SÚA, archív ÚV KSČ. F. 1. Sv. 2. A. j. 13. L. 383—389, 411; F. 1. Sv. 3. A. j. 14. L. 22.
[40] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 2. П. 140. Л. 84.

[41] SÚA, archív ÚV KSČ. F. 01. Sv. 2. A. j. 13. L. 104.
[42] Ibidem. F. 01. Sv. 3. A. j. 14. L. 175—176, 171.
[43] *Марьина В. В.* Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 124.

[44] Archív Statní Plánovací komise. F. GSHR. Průmyslová komise. Č. 2. L. 1.
[45] Svobodné slovo. 1947. 21.X.
[46] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. Д. 2. П. 171. Л. 72.

[47] Rudé pravo. 1947. 21—28.III; Archiv Federalního Národního Shromáždení. Zápis o schůzi výboru rozpočtového. Sch. 22.IV. S. 7.
[48] См.: Svobodné slovo. 1946. 9.XI; 1947. 15.III.
[49] *Марьина В. В.* Указ. соч. С. 229.
[50] См.: *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. S. 37, 315, 335.

[51] SÚA, archív ÚV KSČ. F. 1. Sv. 3. A. j. 14. L. 101.
[52] *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce... S. 64, 103.
[53] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29а. Д. 2. П. 171. Л. 62.
[54] Цит. по: *Kaplan K.* Op. cit. S. 108.
[55] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 4. П. 146. Л. 6.
[56] Там же. Оп. 29а. Д. 2. П. 171. Л. 63; Оп. 29. Д. 4. П. 146. Л. 17.
[57] Там же. Оп. 29а. Д. 3. П. 171. Л. 22.
[58] *Kaplan K.* Op. cit. S. 99, 389.
[59] *Kaplan K.* Op. cit. S. 133.

[60] *Frejka L.* Československó hospodářství na cestě k socialismu. Pr., 1948. S. 10.
[61] *Мурашко Г. П.* Политическая борьба... С. 281.
[62] Подробнее см.: *Поп И. И.* Чехословакия — Советский Союз. 1941—1948 гг. М., 1990. С. 224—245.

ГЛАВА 3

[1] *Волокитина Т. В.* Программа революции. У истоков народной демократии в Болгарии. 1944—1946. М., 1990. С. 120—124.
[2] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115. Л. 45.
[3] Там же. Л. 52, 77.
[4] *Костов Т.* Публицистика. Кореспонденции. С., 1987. С. 15.
[5] *Кунин П.* Процесът на изграждане на социалистическия строй в българското село: същност и закономерности. Разрешение на аграрноселския въпрос. С., 1977. С. 38.

[6] Цит. по: *Георгиев Н.* Като кооперативен деец и сдружен земеделец в революционните събития 1941—1944 // Исторически преглед. 1969. № 2/3. С. 265.
[7] Бразда. 1945. № 6. С. 351—352.
[8] *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944—1948. С., 1978. С. 72—73.
[9] БКП в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК. С., 1955. Т. 4. С. 29—41.
[10] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115. Л. 51—52, 91; *Исусов М.* Указ. соч. С. 92.
[11] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115. Л. 103—104.
[12] Там же. Л. 118.
[13] *Исусов М.* Указ. соч. С. 164—165.
[14] *Волокитина Т. В.* Указ. соч. С. 151—153.
[15] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115. Л. 129.
[16] *Исусов М.* Указ. соч. С. 230; *Волокитина Т. В.* Указ. соч. С. 177.
[17] АВП РФ. Ф. 452. Оп. 2. Д. 51. П. 35. Л. 1, 5.
[18] Международные отношения после второй мировой войны. М., 1962. Т. 1. С. 507—508; Внешняя политика Советского Союза. 1946 г. М., 1952. С. 380.
[19] *Исусов М.* Указ. соч. С. 266.
[20] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. Д. 9. П. 125. Л. 47, 37.
[21] *Трайков Г.* Избрани съчинения. С., 1985. Т. 1. С. 48; АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115. Л. 52; Оп. 35. Д. 9. П. 125. Л. 37, 44, 47, 54—57.
[22] Изгрев. 1946. 16.V.
[23] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. Д. 9. П. 125. Л. 8—10, 44, 28.
[24] Там же. Оп. 36. Д. 13. П. 135. Л. 10.
[25] Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно Събрание. С., 1946. Дял 1, кн. 1. С. 39.
[26] *Исусов М.* Указ. соч. С. 266.
[27] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. Д. 13. П. 135. Л. 13.
[28] Там же. Оп. 35. Д. 9. П. 125. Л. 5, 107.
[29] *Мозеров В. Д.* Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности. Саранск, 1973. С. 121.
[30] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. Д. 9. П. 125. Л. 107.
[31] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. Д. 8. П. 125. Л. 13.
[32] Там же. Ф. 074. Оп. 36. Д. 13. П. 135. Л. 8.
[33] Там же. Ф. 452. Оп. 2. Д. 56. П. 37. Л. 149, 112.
[34] Там же. Ф. 074. Оп. 35. Д. 8. П. 125. Л. 10.
[35] Там же. Ф. 074. Оп. 35. Д. 9. П. 125. Л. 112, 107.
[36] Там же. Л. 88.
[37] *Генчев Н.* Изборите за Велико Народно събрание през октомври 1946 // Исторически преглед. 1964. № 2/3. С. 224.
[38] История на Българската комунистическа партия. С., 1984.
[39] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. Д. 13. П. 135. Л. 13.
[40] Там же. Оп. 35. Д. 9. П. 125. Л. 106.
[41] Там же. Оп. 36. Д. 13. П. 135. Л. 13.
[42] Стенографски дневници на ВНС. Дял 1, кн. 1. С. 50—52, 100—102; кн. 2. С. 529—530.
[43] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 35. Д. 9. П. 125. Л. 116—117.
[44] *Петков П.* Ликвидиране на капиталистическата собственост в промишлеността на България. С., 1965. С. 86—87; *Исусов М.* Работническата класа на България 1944—1947. С., 1971. С. 63—65.
[45] Стенографски дневници... Дял. 1, кн. 2. С. 606—618.
[46] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. Д. 9. П. 135. Л. 20; Д. 10. П. 135. Л. 89; Д. 13. П. 135. Л. 17.
[47] Там же. Оп. 36. Д. 9. П. 135. Л. 12—13, 17, 31.
[48] Стенографски дневници... Дял. II. Кн. 1. С. 52—57.
[49] *Исусов М.* Политическите партии... С. 363; АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. Д. 17. П. 143. Л. 5.
[50] ЦДА на НРБ. Ф. 84. Оп. 1. А. е. 62. Л. 2, 3.

[51] *Kersten K.* Społeczeństwo polskie i władza ludowa w latach 1944—1947 // Dzieje Najnowsze. 1982. N 1—4. S. 83.

[52] *Żenczykowski T.* Polska Lubelska. 1944. W-wa. 1990. S. 7, 20, 39—41.

[53] *Kersten K.* Narodziny systemu władzy. Polska 1943—1948. W-wa, 1985. S. 119.

[54] *Wolski W.* Organy Bezpieczeństwa Publicznego. 1944—1955 // Wojskowy Przegląd Historyczny. 1982. N 2; Подробнее см.: *Żenczykowski T.* Polska Lubelska. Rozd. VI; *Paczkowski A.* UB Story // Rzeczpospolita. 1991. 12—13, 19—20, 26—27.X; 2—3, 9—10.XI.

[55] *Osóbka-Morawski E.* Dziennik polityczny. 1943—1948. Polska droga do socjalizmu. Gdańsk, 1981. S. 43, 59; *Turlejska M.* Te pokolenia żałobami czarne... S. 41—42; *Kersten K.* Narodziny... S. 77; *Żenczykowski T.* Polska Lubelska. S. 8.

[56] *Wojtas A.* Kryzys programu i polityki Rocha. Powstanie SL-Wola Ludu. W-wa, 1976. S. 164; *Syzdek B.* PPS w latach 1944—1948. W-wa, 1974. S. 80.

[57] *Duraczyński E.* Generał Iwanow zaprasza. Proces 16. Przywódcy podziemnego państwa polskiego przed sądem moskiewskim. W-wa, 1989; *Paczkowski A.* Stanisław Mikołajczyk czyli klęska realisty. W-wa, 1991. S. 125.

[58] Советский Союз на международных конференциях в годы Великой Отечественной войны. Т. 4: Крымская встреча руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 31—32, 101, 151.

[59] Archiwum Akt Nowych. Archiwum Lewicy Polskiej (далее: AAN ALP). Sygn. 295/VII-225. S. 6, 23.

[60] AAN ALP. Sygn. 294/VII-15. S. 83, 77.

[61] Dziennik Polski. Londyn, 1945. 26.IV; 6.V.

[62] Plenum KC PPR. Maj. 1945. W-wa, 1945; Wizja programowa Polski Ludowej. W-wa, 1979. S. 111—112; *Gomułka W.* W walce o demokrację ludową. W-wa, 1959. T. 1. S. 162; Доклад В. Гомулки на пленуме см.: Archiwum ruchu robotniczego. W-wa, 1982. T. VII.

[63] AAN ALP. Sygn. 295/VII-2. T. 1. S. 85—88.

[64] См., например, протоколы заседания секретариата ЦК ППР от 15 ноября 1945 г. (AAN ALP. Sygn. 295/VII-1. S. 119—120).

[65] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. Д. 26. П. 134. Л. 44, 47, 50.

[66] AAN ALP. Sygn. 295/VII-15. S. 10, 22, 33, 77, 83, 120, 154.

[67] *Osóbka-Morawski E.* Dziennik... S. 41—42, 61.

[68] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. Д. 26. П. 134. Л. 44, 55, 60 (Выдержки из стенограммы XXVI конгресса ППС. Июнь — июль 1945 г.); *Носкова А. Ф.* Крестьянское политическое движение в Польше (сентябрь 1939 г.— весна 1948 г.). М., 1987. С. 103—104, 111—112.

[69] AAN ALP. Sygn. 295/VII-211. S. 107—108.

[70] *Парсаданова В. С.* Формирование Национального фронта в Польше. М., 1972. С. 67—68; Kształtowanie się podstaw programowych PPR. W-wa, 1958. S. 323—349, 404—442.

[71] Economist. 20.V. 1945.

[72] *Gomułka W.* W walce... T. 1. S. 162.

[73] Archiwum Zakładu Historii Ruchu Ludowego (Далее: AZHRL). Sygn. 1—16. S. 11—12. AAN ALP. Sygn. 295/VII-1. S. 77, 49; *Paczkowski A.* Op. cit. S. 139.

[74] AAN ALP. Sygn. 295/VII-211. S. 104, 107, 108; 295/IX-266. S. 73, 114; AZHRL.: Sygn. II-PSL/2, 63; Sygn. II-PSL/4, 40.

[75] AAN ALP. Sygn. 295/VII-1. S. 51.

[76] PPR. VII. 1944—XII. 1945... S. 291; АВП РФ. Ф. 122. Оп. 28а. Д. 10. П. 110. Л. 5; AZHRL. II-PSL/40; PSL/2; *Borkowski J.* Rola i działalność

mikołajczykowskiego PSL. 1945—1947. Rękopis. W-wa, 1958. S. 170.
77 AZHRL. Sygn. II—PSL/42, 45, 50.
78 *Парсаданова В. С.* Указ. соч. С. 136—137: См. выступление Э. Осубки-Моравского на XXVI конгрессе ППС (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 26. П. 134. Л. 49).
79 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. Д. 44. П. 199. Л. 48; *Kersten K.* Narodziny... S. 137.
80 Programy stronnictw ludowych. W-wa, 1969. S. 366—70.
81 Gazeta Ludowa. 1946. 4.II.
82 Polska Ludowa. Przemiany społeczne. Wroclaw, 1974; Upaństwowienie i odbudowa przemysłu w Polsce (1944—1948). W-wa, 1967, 1969. T. I—II; *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu w Polsce. W-wa, 1965. S. 312.
83 Programy stronnictw ludowych... S. 359; Chłopski Sztandar. 1946. N 4.
84 Programy... S. 362; AZHRL. Sygn. II-PSL/10; Gazeta Ludowa. 1946. 8.III.
85 Programy... S. 375—376.
86 Z pola walki. 1964. N 2. S. 11; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29в. Д. 1. П. 309. Л. 1.
87 AAN ALP. Sygn. 195/II-4. S. 2—57.
88 Z pola walki. 1964. N 2. S. 11.
89 AAN ALP. Sygn. 295/II-4. S. 8.
90 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. Д. 47. П. 199а. Л. 29; *Buczek R.* Na przełomie dziejów. PSL w latach 1945—1947. Toronto, 1983. S. 112.
91 *Kersten K.* Narodziny... W-wa, 1985. S. 135.
92 AAN ALP. Sygn. 295/VII-1. S. 121.
93 *Markiewicz S.* Państwo i Kościół w Polsce Ludowej. W-wa, 1981. S. 37—52.
94 *Wolski W.* Organy Bezpieczeństwa... S. 101; ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5548. Л. 90.
95 AZHRL. Sygn. II-PSL/40, 2; Wieś współczesna. 1985. N 12. S. 117; AAN ALP. Sygn. 295/IX-267; Polska Ludowa. 1944—1950... S. 263—264.
96 AAN ALP. Sygn. 295/VII-174. S. 31.
97 AAN ALP. Sygn. 295/VII-174. S. 11.
98 Ibid.
99 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. Д. 3. П. 247. Л. 23.
100 AZHRL. II-PSL/42, 45, 50; Archiwum ruchu robotniczego. W-wa, 1984. T. 9. S. 156—237; *Ożóg M. E.* Gomułka W. Biografia polityczna. W-wa, 1989. T. 1. S. 163—164.
101 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29. Д. 3. П. 208. Л. 24.
102 *Kersten K.* Narodziny... S. 219.
103 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. Д. 3. П. 247. Л. 10, 34.
104 Głos Ludu. 1946. 12.VII.
105 *Kersten K.* Historia polityczna Polski. 1944—1956. W-wa, 1982. S. 43.
106 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 28а. Д. 9. П. 92. Л. 29.
107 Там же. Л. 39, 49; *Kersten K.* Historia polityczna... S. 47.
108 *Werblan A.* Stalinizm w Polsce. W-wa, 1991. S. 16.
109 AAN ALP. Sygn. 295/VII-175. S. 12; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 6. П. 86. Л. 38.
110 *Pajórek L.* Fałszowanie wyborów // Polityka. 1990. 27.X; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. Д. 3. П. 247. Л. 10, 34.
111 *Wojcik St.* Na 30-lecie wyborów // Zeszyty historyczne. Paryz, 1978. N 43. S. 34—35.

ГЛАВА 4

1 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. Д. 5. П. 127. Л. 8, 15—16; Там же. Д. 6. П. 127. Л. 5—6, 12.
2 Там же. Д. 6. П. 127. Л. 8.

[3] Там же. Д. 5. П. 127. Л. 15.
[4] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 28/1. Д. 814. Л. 70—71; Там же. Оп. 27/1. Д. 4412. Л. 10, 249—250.
[5] Там же. Оп. 27/1. Д. 4414. Л. 82; Д. 4412. Л. 249.
[6] АВП РФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 4. П. 82. Л. 5; Там же. Ф. 0125. Оп. 33. Д. 5. П. 127. Л. 22.
[7] Там же. Ф. 0125. Оп. 33. Д. 5. П. 127. Л. 22—23.
[8] Там же. Л. 33.
[9] Там же. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 9.
[10] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 4419. Л. 55.
[11] *Никита П.* Политиката на съюзи на Румънската комунистическа партия през 1944—1948 // Известия на Института по история на БКП. С., 1972. Кн. 27. С. 416—419.
[12] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. Д. 5. П. 127. Л. 16.
[13] Там же. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 10—12.
[14] См.: Румыния в годы народно-демократической революции... С. 341.
[15] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34. Д. 11. П. 130. Л. 38.
[16] Там же. Д. 11. П. 130. Л. 34—35; Д. 10. П. 130. Л. 4.
[17] История дипломатии. М., 1974. Т. 5, кн. 1. С. 35—36.
[18] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 13.
[19] Там же. Л. 14—15.
[20] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 908. Л. 28; Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1947 гг. М., 1974. С. 194.
[21] Румыния в годы народно-демократической революции. С. 323—324.
[22] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 17.
[23] Там же. Оп. 34. Д. 11. П. 130. Л. 99, 105.
[24] Там же. Л. 98.
[25] Dreptatea. 1944. 16.X; ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 908. Л. 16.
[26] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 908. Л. 16.
[27] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 34. Д. 16. П. 131. Л. 119—120.
[28] Там же. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 17.
[29] Там же. Оп. 34. Д. 16. П. 131. Л. 109, 120, 98.
[30] Там же. Л. 108.
[31] Там же. Л. 120, 109.
[32] Там же. Д. 10. П. 130. Л. 87.
[33] Там же. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 65.
[34] Там же. Оп. 34. Д. 10. П. 130. Л. 109, 119.
[35] *Нири К.* От единого рабочего фронта к единой партии рабочего класса Румынии. Бухарест, 1972. С. 193.
[36] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 7. П. 136. Л. 42.
[37] Там же. Д. 18. П. 137. Л. 32.
[38] Там же. Л. 33.
[39] Там же. Л. 30.
[40] Там же. Д. 14. П. 136. Л. 109—111.
[41] Там же. Оп. 37. Д. 13. П. 154. Л. 25.
[42] Там же. Оп. 35. Д. 14. П. 136. Л. 12—13.
[43] Там же. Л. 75.
[44] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/2. Д. 6843. Л. 86.
[45] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 18. П. 137. Л. 37—38.
[46] Там же. Д. 8. П. 136. Л. 19.
[47] Там же. Оп. 37. Д. 13. П. 154. Л. 10.
[48] Там же. Л. 10.
[49] Там же. Оп. 36. Д. 14. П. 145. Л. 30.
[50] Drapelul. 1948. 17.V.
[51] Румыния в годы народно-демократической революции. С. 341—342.
[52] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 36. Д. 14. П. 145. Л. 85.
[53] Румыния в годы народно-демократической революции. С. 284.
[54] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 13. П. 136. Л. 6, 10.
[55] Там же. Д. 14. П. 136. Л. 84—85.
[56] Румыния в годы народно-демократической революции... С. 283.
[57] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 14. П. 136. Л. 85; Там же. Д. 13. П. 136. Л. 6.

[58] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 6843. Л. 151.
[59] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 14. П. 136. Л. 109.
[60] Там же. Л. 111.
[61] Там же. Д. 8. П. 136. Л. 17—18.
[62] *Шевяков А. А.* Отношения между Советским Союзом и Румынией. 1944—1949. М., 1985. С. 152.
[63] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 8. П. 136. Л. 32.
[64] Там же. Оп. 36. Д. 14. П. 145. Л. 46—47.
[65] Там же. Оп. 35. Д. 8, П. 136. Л. 74.
[66] Там же. Д. 14. П. 136. Л. 127.
[67] *Шевяков А. А.* Указ. соч. С. 179; АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 8. П. 135. Л. 74.
[68] Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948. С. 251.
[69] История венгерского рабочего движения. М., 1973. Т. 3. С. 100.
[70] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 21.
[71] История Венгрии. М., 1972. Т. III. С. 505—506, 518—519.
[72] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 127. Л. 9; Там же. Оп. 25. Д. 37. П. 115. Л. 45.
[73] Советско-венгерские отношения. 1945—1948. М., 1969. С. 44.
[74] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 127. Л. 24.
[75] Szabad Nép. 1945. 25. V.
[76] *Szabó B.* Népi democracia és forradalomelmélet. Bp., 1970. 125, 127. old.
[77] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности. 1945—1949 // Вопросы национализации в современном мире. Варшава, 1978. С. 52.
[78] *Вида И.* Прямая демократия и ее формы в период народно-демократической революции в Венгрии (1944—1948) // Политические системы в СССР и странах Восточной Европы. 20—60-е годы XX в. М., 1991. С. 48—49; Szabad Nép. 1945. 25. V; 1945. 14. VII.
[79] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 26, 28—29.
[80] Там же. Л. 25.
[81] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 31—32.
[82] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5182. Л. 49.
[83] Цит. по; *Čierná-Lantayová D.* O nové Maďarsko. Br., 1979. S. 126.
[84] *Вида И.* Прямая демократия... С. 51—52, 59—60.
[85] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5183. Л. 20.
[86] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 41.
[87] Там же. Л. 42—44; ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5182. Л. 25.
[88] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. Д. 11. П. 121. Л. 48.
[89] *Balogh S.* Konstituirung und Programm der Tildy Regierung // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis. Section Historica. 1973. T. XIV. S. 238.
[90] *Čierná-Lantayová D.* Op. cit. S. 124.
[91] *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. М., 1961. С. 295—299.
[92] История Венгрии. Т. III. С. 535—536; *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Указ. соч. С. 295—299.
[93] *Vida I.* A fuggetlen kisgazdapart politikaja 1944—1947. Bp., 1976. 159 old.
[94] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5182. Л. 181.
[95] Там же. Л. 286.
[96] Подробнее см.: *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Указ. соч. С. 306—309.
[97] *Vida I.* A fuggetlen... 159—160 old.
[98] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5182. Л. 351.
[99] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 56.
[100] Там же. Л. 56—58.
[101] Там же. Л. 59—62.
[102] *Berend J.* Der Schutz der Währungsstabilisierung und des staatskapitalistische Weg der Kapitalenteignung in Ungarn (1946—1948) // Acta Historica. 1963. N 1; *Рац Б.* Указ. соч. С. 68—72.
[103] *Čierná-Lantayová D.* Op. cit. S. 139; *Nowak R.* Geneza i pierwsze lata demokracji Ludowej na Węgrzech 1944—1948. W-wa, 1987. S. 209—210.

[104] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5183. Л. 148.
[105] A Madyar kommunista Part III Kongresszusának jegyzökonyve. Bp., 1946. 310 old.
[106] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5183. Л. 166.
[107] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 66—67.
[108] Там же. Оп. 26. Д. 6. П. 116. Л. 1.
[109] Там же. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 67.
[110] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5183. Л. 205—207.
[111] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 69.
[112] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5183. Л. 206.
[113] A Magyar Kommunista Párt III kongresszusának... 311 old.
[114] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 7.
[115] *Вида И.* Партийно-политическая структура... С. 328.
[116] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 5182. Л. 346, 343, 320; АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 4. П. 120. Л. 5, 8; Там же. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 10.
[117] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 7. П. 120. Л. 21—22, 29—30.
[118] Там же. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 24—25.
[119] *Вида И.* Партийно-политическая структура... С. 328.
[120] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 17—19.
[121] Там же. Оп. 27. Д. 7. П. 120. Л. 42—43; Там же. Оп. 28. Д. 10. П. 25. Л. 25; Там же. Оп. 27. Д. 3. П. 120. Л. 2.
[122] Там же. Ф. 077. Оп. 27. Д. 3. П. 120. Л. 3.
[123] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 6381. Л. 96; АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 3. П. 120. Л. 3.
[124] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 7. П. 120. Л. 69.
[125] ЦГАОР. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 6381. Л. 166.
[126] *Вида И.* Прямая демократия... С. 65—69.
[127] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 3. П. 120. Л. 30, 34.
[128] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 7. П. 120. Л. 80—81.
[129] Там же. Л. 32.
[130] Там же. Л. 69, 90, 99, 103.
[131] *Вида И.* Партийно-политическая структура... С. 334.
[132] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 3. П. 120. Л. 47.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

[1] *Чубарьян А. О.* «Холодная война» в историографии Востока и Запада // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 65—66.
[2] *Филитов А. М.* «Холодная война». Историографические дискуссии на Западе М., 1991. С. 120.
[3] *Стивен Ст.* Операция «Раскол» // Диалог. 1990. 14. IX. С. 78.
[4] См., например: *Милякова Л. Б.* Международная обстановка на начальном этапе строительства основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. М., 1989. С. 18.
[5] *Анулова Г.* «План Маршалла» для СССР?// Диалог. 1990. 16. XI. С. 69.
[6] *Leffler M.* The United States and the Strategic Dimensions of the Marshall plan // Diplomatic History. 1988. V. 12, N 3. P. 277.
[7] Советско-американские отношения в современном мире. М., 1987. С. 27.
[8] *Маринин М.* «Доктрина Трумэна» и «план Маршалла» // Большевик. 1947. № 15. С. 48.
[9] *Анулова Г.* Указ. соч. С. 69.
[10] *Маринин М.* Указ. соч. С. 42, 49.
[11] Foreign Affairs. 1947. 22. VII. P. 576.
[12] Борьба сил демократии и реакции на международной арене // Большевик. 1947. № 9. С. 5, 9.
[13] *Исраэлян В.* «Прокурорская дипломатия» Вышинского // Новое время. 1988. № 41. С. 39.
[14] Две Германии — одна Европа? // Правда. 1990. 12. III.
[15] Кто проиграл «холодную войну»? // Правда. 1990. 4. VII.

16 *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. М., 1989. Кн. 2, ч. II. С. 90.

ГЛАВА 1

1 *Healey D. W.* The International Socialist Conference. 1946—1950. // International Affairs. 1950. V. 26, N 3. P. 364.
2 История международного рабочего и национально-освободительного движения. М., 1966. Ч. III. С. 596.
3 *Paterson W., Campbell J.* Social-Democracy in Post-War Europe. L., 1971. P. 19.
4 New Statesmen and Nation. 1947. 25.IV.
5 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 4. П. 120. Л. 31.
6 Observer. 1947. 5. I.
7 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 4. П. 120. Л. 32.
8 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 573. Л. 57.
9 Цит. по: *Сибилев Н. Г.* Социалистический Интернационал: История, идеология, политика. М., 1980. С. 20.
10 Свободен народ. 1946. 28. VIII.
11 Об этом говорилось, в частности, в письме руководства БРСДП, адресованном Г. Ласки, в апреле 1946 г. (ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 576. Л. 6).
12 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 4. П. 120. Л. 15, 32.
13 Там же. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 121.
14 Там же. Ф. 077. Оп. 27. Д. 4. П. 120. Л. 29.
15 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 580. Л. 54—55, 56.
16 Там же. А. е. 576. Л. 18, 20.
17 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 4. П. 120. Л. 37.
18 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 580. Л. 56, 59.
19 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 4. П. 120. Л. 38.
20 The Call. 1946. 7. I.
21 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 4. П. 120. Л. 42, 43.
22 L'Histoire générale du Socialisme. T. IV: De 1945 à nos jours. P., 1978. P. 21, 22.
23 *Vaizy I.* Social Democracy. L., 1971. P. 167, 172.
24 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 575. Л. 83; А. е. 585. Л. 4.
25 Там же. А. е. 575. Л. 85.
26 Там же. А. е. 585. Л. 1.
27 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. Д. 6. П. 116. Л. 99.
28 Там же. Л. 91, 92, 97.
29 *Cole G. D. H.* Europe and the Problem of Democracy. L., 1948. P. 3—5, 8, 11—12.
30 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 575. Л. 43.
31 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. Д. 6. П. 116. Л. 99.
32 *Салычев С. С.* В поисках «третьего пути». Эволюция социал-демократии в современную эпоху. М., 1988. С. 175.
33 *Braunthal J.* Geschichte der Internationale. Hannover, 1971. Bd. III. S. 234.
34 Sunday Times. 1947. 30. XI.
35 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 583. Л. 78—80.
36 Там же. А. е. 576. Л. 43, 44.
37 *Rutyna Z.* Jugosławia na arenie międzynarodowej. 1943—1948. W-wa, 1981. S. 330.
38 *Brzeziński B.* Wpływ Biura Informacyjnego na politykę PPR // PPR i PPS. Najnowsza historia PRL. Szkice. W-wa, 1983. S. 81.
39 *Werblan A.* Władysław Gomułka — sekretarz generalny PPR. W-wa, 1988. S. 505.
40 *Brzeziński B.* Ibid. S. 83; *Kozłowski Cz.* Rok 1948. W-wa, 1988. S. 76; *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения. 1945—1949. М., 1990. С. 156.

[41] AAN ALP. 295/VII-247. K. 12, 15—16.

[42] *Brzezinski B.* Ibid. S. 87.

[43] Цит по: *Dymek B.* Geneza i działalność Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej (1948—1954) // Tradycje i wartości polskiego ruchu robotniczego. W-wa, 1988. N 10. S. 51.

[44] AAN ALP. 295/VII-247. K. 37—38.

[45] *Жданов А. А.* Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». 24 июня 1947 г. М., 1947. С 44.

[46] *Драганов Д.* Съществувал ли е народнодемократичен модел на социализма? // Векове. 1989. № 4. С. 57; Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948. С. 128—129, 148—149.

[47] Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985. С. 354; *Тольятти П.* Избранные статьи и речи. М., 1965. Т. 2. С. 663; AAN ALP. 295/VII-247. K. 49.

[48] Цит. по: Werblan A. Op. cit. S. 49.

[49] Dymek B. Op. cit. S. 49.

[50] AAN ALP. 295/VII-247. K. 53—54.

[51] *Парсаданова В. С.* Указ. соч. С. 164.

[52] AAN ALP. 295/VII-247. K. 45.

[53] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. (Далее: РЦХИДНИ). Ф. 77. Оп. 2. Д. 108. Л. 1.

[54] *Kaplan K.* Utváreni generální linie vystavby socializmu v Československu (Od Unora do IX. sjezdu KSČ). Pr., 1966. S. 274; АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 4. П. 146. Л. 14.

[55] Социалистическа борба. 1946. № 2. С. 86.

[56] *Зеленов Т.* Издание и распространение произведений И. В. Сталина. // Большевик. 1949. № 23. С. 94—95.

[57] РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 976. Л. 69.

[58] ЦПА при БСП. Ф. 1. Оп. 15. А. е. 16. Л. 14.

[59] *Пономарев Б.* Демократические преобразования в освобожденных странах Европы // Большевик. 1947. № 6. С. 105; *Иванов В.* Демократические преобразования в Югославии // Большевик. 1947. № 2. С. 38, 45.

[60] См., например: *Димитров Г.* Речи, доклади, статии. С., 1947. Т. 3. С. 387; *Тито Josип Броз.* Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 187; PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki KC. VIII. 1944—XII. 1945. W-wa, 1959. S. 227—228; *Horváth M.* A III Kongreszus // Társadalmi szemle. 1946. N 1. 698. old.: Čierna-Lantajová D. O nové Mad'arsko. (Korene, vznik a vývoj mad'arskej ludovej demokracje. 1941—1948). Br., 1979. S. 189; *Thorez M.* Oeuvres choisies en trois volumes. P., 1966. V. 2. P. 453.

[61] Archiv Ústředního vyboru KSČ. F. 01. Sv. 2. A. j. 13. L. 104.

[62] См., например: *Александров Г.* О советской демократии // Большевик. 1946. № 22. С. 12.

[63] *Молотов В. М.* Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г. // Большевик. 1947. № 21. С. 8.

[64] AAN ALP. 295/VII-247. K. 92.

[65] РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 990. Л. 4.

[66] Там же.

[67] *Гиренко Ю. С.* Сталин — Тито. М., 1991. С. 378.

[68] AAN ALP. 295/VII-73. K. 51.

[69] *Werblan A.* Op. cit. S. 521.

[70] AAN ALP. 295/VII-73. K. 9.

[71] Ibid. K. 11.

[72] Правда. 1948. 29.VI.

[73] *Вроньский С.* Еще раз о советско-югославском конфликте // Проблемы мира и социализма. 1990. № 4. С. 84.
[74] AAN ALP. 295/VII-73. K. 42.
[75] *Бурджалов Э.* О международном значении исторического опыта партии большевиков // Большевик. 1948. № 17. С. 51.

ГЛАВА 2

[1] PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki KC. VIII. 1944—XII. 1945. W-wa, 1959. S. 227—228; *Gomułka W.* Artykuły i przemówienia. W-wa 1962. T. 1. S. 515.
[2] AAN. Archiwum Lewicy Polskiej. 235/II-9. K. 175.
[3] *Topiński J.* O nowy program naszej partii // Przegląd socjalistyczny. 1947. N 1. S. 8.
[4] Rok 1948 // Polityka. 1988. 17. XII.
[5] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. Д. 26. П. 134. Л. 48.
[6] *Werblan A.* Władysław Gomułka — secretarz generalny PPR. W-wa, 1988. S. 477.
[7] *Elczewski M.* Kierownictwo przedsiębiorstwa państwowego // Przegląd socjalistyczny. 1946. N 8/9. S. 52—53.
[8] Archiwum Lewicy Polskiej. 235/II-9. K. 173.
[9] Ibid. K. 230. 15—16.
[10] Daily Herald. 1946. 22. VIII. P. 2.
[11] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. Д. 5. П. 200. Л. 124; Ф. 0138. Оп. 26. Д. 26. П. 134. Л. 47, 48.
[12] Archiwum Lewicy Polskiej. 235/II-9. K. 88.
[13] *Lange O.* Gospodarcze podstawy demokracji w Polsce // Przegląd socjalistyczny. 1947. N 3. S. 10.
[14] *Tomicki J.* Polska Partia Socjalistyczna. 1892—1948. W-wa, 1983. S. 487.
[15] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29в. Д. 7. П. 309. Л. 15, 17.
[16] *Werblan A.* Op. cit. S. 481.
[17] См., например: *Janowski K.* Demokracja w koncepcjach politycznych PPRi odrodzonej PPS // Miesięcznik literacki. 1986. N 1. S. 81—82.
[18] Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948. С. 103.
[19] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29в. Д. 7. П. 309. Л. 17.
[20] Подробнее об этом см.: *Kaliński J.* Bitwa o handel. W-wa, 1971.
[21] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29в. Д. 7. П. 309. Л. 20.
[22] *Czubiński A.* Najnowsze dzieje Polski. 1914—1983. W-wa, 1987. S. 339—340
[23] *Gomułka W.* Artykuły i przemówienia. W-wa. 1964. T. 2. S. 432.
[24] *Dymek B.* Geneza i działalność Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej (1948—1954) // Tradycje i wartości polskiego ruchu robotniczego. W-wa, 1988. N 10. S. 102.
[25] Archiwum Lewicy Polskiej. 235/II-9. K. 92, 93, 173, 175, 223.
[26] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29в. Д. 7. П. 309. Л. 30.
[27] Там же. Л. 37.
[28] Archiwum Lewicy Polskiej. 295/II-3. K. 89.
[29] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29в. Д. 7. П. 309. Л. 37, 38; Przegląd socjalistyczny. 1948. N 1/2. S. 7.
[30] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29в. Д. 7. П. 309. Л. 39.
[31] *Dymek B.* Op. cit. S. 103.
[32] *Kersten K.* Narodziny systemu władzy. Polska. 1943—1948. Lublin, 1989. S. 329.
[33] Archiwum Lewicy Polskiej. 295/VII-3. K. 89—89a.
[34] *Werblan A.* Op. cit. S. 535.

[35] *Brzeziński B.* Wpływ Biura Informacyjnego na politykę PPR // 40-lecie Polskiej Partii Robotniczej. Materiały sesji 5—6 stycznia 1982 r. W-wa, 1982. S. 376.
[36] *Kersten K.* Op. cit. S. 329.
[37] *Werblan A.* Op. cit. S. 537, 538.
[38] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30а. Д. 3. П. 247. Л. 40.
[39] *Werblan A.* Op. cit. S. 539.
[40] *Gomułka W., Cyrankiewicz J.* Budujemy wspólny dom. W-wa, 1948. S. 41—52, 53—59.
[41] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. Д. 2. П. 214. Л. 65, 71.
[42] *Werblan* A. Op. cit. S. 543, 551.
[43] Rok 1948 // Polityka. 1988. 17.XII.
[44] *Syzhek E., Syzdek B.* Polityczne dylematy Władysława Gomułki. W-wa, 1985. S. 112.
[45] *Syzdek B.* Spór w kierownictwe PPR o tradycje polskiego ruchu robotniczego. Zbiór dokumentów // Z pola walki. 1983. N 1. S. 22—24.
[46] *Werblan A.* Op. cit. S. 566.
[47] АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 30. Д. 2. П. 214. Л. 75, 74.
[48] Там же. Л. 75—76.
[49] Archiwum Lewicy Polskiej. 235/II-10. K. 3, 5—6, 9, 10, 16, 87, 91, 92.
[50] Rok 1948 // Polityka. 1988. 17.XII.
[51] *Orzechowski M.* W sprawie ideowego rodowodu PZPR // Ideologia i polityka. 1981. N 7. S. 131.
[52] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. Д. 11. П. 121. Л. 76; Д. 4. П. 120. Л. 30.
[53] Цит. по: *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. 1944—1948. М., 1961. С. 413.
[54] История Венгрии. М., 1972. Т. III. С. 561—562.
[55] Népszawa. 1947. 2, 3.IX.
[56] *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Указ. соч. С. 426.
[57] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. Д. 10. П. 125. Л. 61, 62.
[58] Там же. Л. 74.
[59] Там же. Л. 77; Д. 6. П. 125. Л. 10—11.
[60] Там же. Оп. 29. Д. 12. П. 132. Л. 8; Оп. 28. Д. 6. П. 125. Л. 18.
[61] Там же. Оп. 28. Д. 6. П. 125. Л. 21—23.
[62] Szabad Nép. 1947. 15. IV.
[63] Ibid. 1947. 2. VIII.
[64] Szabad Nép. 1947. 26. X.
[65] *Révai J.* Munkásegység. Bp., 1946. 25—26. old.
[66] Szabad Nép. 1947. 14.XII; Népszava. 1947. 27.XI.
[67] *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Указ. соч. С. 463.
[68] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. Д. 12. П. 132. Л. 8.
[69] Там же. Оп. 28. Д. 6. П. 125. Л. 23.
[70] Szabad Nép. 1948. 11. II.
[71] *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Указ. соч. С. 467.
[72] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. Д. 12. П. 132. Л. 32.
[73] Там же. Оп. 25. Д. 10. П. 113. Л. 36.
[74] Там же. Оп. 29. Д. 12. П. 132. Л. 11.
[75] Там же. Л. 12, 13.
[76] Там же. Оп. 29. Д. 12. П. 132. Л. 13.
[77] Там же. Оп. 28. Д. 6. П. 125. Л. 31; Оп. 29. Д. 12. П. 132. Л. 14.
[78] Там же. Оп. 28. Д. 6. П. 125. Л. 31.
[79] A szociáldemokrata Párt XXXVI. Kongresszusának teljes jegyzőkönyve Budapesten 1948 március 6—7—8-an. Bp., 1948. 33—34. old.
[80] Программное заявление и Устав Венгерской партии трудящихся. Будапешт, 1948. С. 33, 17.
[81] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. Д. 12. П. 132. Л. 16.
[82] *Кадар Я.* Отчетный доклад ЦК ВСРП VII съезду партии // Коммунист. 1959. № 18. С. 126.

83 АВП РФ. Ф. 077. Оп. 29. Д. 12. П. 132. Л. 17.
84 Там же. Л. 17—18.
85 Социалистическа борба. 1945. № 1 (юни) С. 5.
86 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 14. Л. 130; А. е. 1. Л. 116.
87 *Салычев С. С.* В поисках «третьего пути». Эволюция идеологии социал-демократии в современную эпоху. М., 1988. С. 158, 159, 160.
88 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 14. Л. 106—107.
89 Там же. Л. 8, 19.
90 Там же. Л. 131.
91 Там же. Л. 86.
92 Центральный архив Министерства обороны. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 226. Л. 124; АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. Д. 10. П. 115. Л. 65.
93 Народ. 1946. 5, 26.XI.
94 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 44. Л. 9.
95 Цит. по: *Остоич П.* БРСДП (август 1945 — август 1948) // ИИИ на БКП. Т. 26. С. 202.
96 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 44. Л. 4.
97 Работническо дело. 1947. 7.V.
98 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. Д. 10. П. 135. Л. 72.
99 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 44. Л. 4.
100 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. Д. 10. П. 135. Л. 80, 83.
101 Там же. Л. 82.
102 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. Д. 10. П. 135. Л. 85.
103 Там же.
104 *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944—1948. С., 1979. С., 386—387.
105 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. Д. 8. П. 134. Л. 140.
106 *Исусов М.* Политическите партии... С. 389.
107 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 36. Д. 10. П. 135. Л. 87.
108 *Исусов М.* Указ. соч. С. 422.
109 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 53. Л. 2.
110 Там же. Л. 3, 5, 6.
111 Там же. Л. 3.
112 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. Д. 13. П. 142. Л. 74.
113 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 501. Л. 1.
114 Отечествен фронт. 1948. 24.I.
115 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. Д. 17. П. 143. Л. 14.
116 Там же. Д. 13. П. 142. Л. 59.
117 Там же.
118 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 495. Л. 11.
119 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. Д. 13. П. 142. Л. 80—81.
120 Там же. Л. 57, 63.
121 *Остоич П.* БРСДП... С. 237.
122 ЦПА при БСП. Ф. 205. Оп. 3. А. е. 503. Л. 1—27, 28—30, 31—58, 49, 52.
123 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. Д. 14. П. 143. Л. 22.
124 История на България. Т. 2. С., 1955. С. 927.
125 АВП РФ. Оп. 38. Д. 14. П. 152. Л. 26, 27, 73.
126 *Нири К.* От единого рабочего фронта — к единой партии рабочего класса. Бухарест, 1972. С. 11.
127 См.: *Покивайлова Т. А.* Основные тенденции развития румынской исторической науки в межвоенный период // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 161, 162.
128 Libertatea. 1945. 28.IX.
129 Например: Libertatea. 1945. 3, 4, 6, 7, 10, 12, 18, 21, 24.X.
130 *Нири К.* Указ. соч. С. 133.
131 Libertatea. 1945. 3, 5.XII; *Ţuţui Gh.* Evoluţia partidului social-demokrat din România de la Frontul unic la partidul unic. Buc., 1979. P. 92.
132 *Нири К.* Указ. соч. С. 135.
133 Libertatea. 1945. 5.XII.
134 Libertatea. 1946. 15.II.
135 *Нири К.* Указ. соч. С. 149.

136 Libertatea. 1946. 28.II.
137 *Нири К.* Указ. соч. С. 162.
138 Libertatea. 1946. 28.III.
139 Scînteia. 1946. 31.III.
140 Ibid. 1946. 1.XI.
141 *Нири К.* Указ. соч. С. 201.
142 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 36. Д. 14. П. 145. Л. 34, 35.
143 Там же. Оп. 35. Д. 7. П. 136. Л. 46, 49.
144 Там же. Оп. 34. Д. 10. П. 130. Л. 67.
145 Цит. по: Там же. Оп. 35. Д. 7. П. 136. Л. 49—50.
146 Там же. Л. 51.
147 Там же. Д. 18. П. 137. Л. 37—38.
148 Там же. Л. 38.
149 Там же. Оп. 36. Д. 14. П. 145. Л. 34.
150 *Нири К.* Указ. соч. С. 210.
151 Libertatea. 1947. 19, 23.VIII.
152 Scînteia. 1947. 3, 13.VIII; 5.X.
153 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 14. П. 136. Л. 131—132.
154 Scînteia. 1947. 12.X.
155 АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. Д. 14. П. 136. Л. 140.
156 Scînteia. 1947. 14.XI.
157 *Нири К.* Указ. соч. С. 235, 236.
158 Там же. С. 240.
159 *Ţuţui Gh.* Op. cit. P. 194.
160 *Nedved J.* O smyslu existence Československé socialní demokracie v letech 1945—1948 // Přehled 1966. Příloha 2. Pr., 1966. S. 183.
161 *Nedved J.* Cestou ke sloučení sociální demokracie i komunistickou stranou v roce 1948. Pr., 1968. S. 41—42.
162 *Vošahliková P.* Československá sociální demokracie a Národní fronta. Pr. 1985. S. 43.
163 Program československé sociální demokracie. Pr., 1946. S. 13.
164 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 3. П. 140. Л. 21.
165 Там же. Л. 46.
166 *Erban V.* Zapasy KSČ očima pamětníků. Pr., 1971. S. 339—340.
167 *Vošahliková P.* Op. cit. S. 49.
168 Protokol XX. manifestačního sjezdu socialné demokratické strany. Pr., 1945. S. 54—55.
169 Právo lidu. 1946. 10.V.
170 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 2. П. 140. Л. 29.
171 Там же. Л. 29—30.
172 *Вошагликова П.* К вопросу о развитии чехословацкой социал-демократической партии в 1944—1948 годах // Сов. славяноведение. 1987. № 4. С. 19.
173 Čil. 1946. N 22. S. 338.
174 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 3. П. 140. Л. 30.
175 *Nedved J.* Cestou ke sloučení... S. 51.
176 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 2. П. 140. Л. 34.
177 *Nedved J.* Cestou ke sloučení... S. 53.
178 Právo lidu. 1947. 11.IX.
179 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 4. П. 140. Л. 145.
180 *Вошагликова П.* Указ. соч. С. 21.
181 Цит. по: *Nedved J.* Cestou ke sloučení... S. 54.

[182] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. Д. 4. П. 140. Л. 156.
[183] Pravo lidu. 1947. 15.XI.
[184] Ibid. 1947. 16. XI.
[185] *Nedved J.* Cestou ke sloučení... S. 59.
[186] Ibidem.
[187] Ibid. S. 63.
[188] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 4. П. 146. Л. 168.

[189] *Nedved J.* Cestou ke sloučení... S. 69.
[190] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 4. П. 146. Л. 168.

[191] Там же. Л. 169; *Nedved J.* Cestou ke sloučení... S. 76.
[192] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 4. П. 146. Л. 169—170.
[193] Там же. Л. 170.

[194] *Nedved J.* Cestou ke sloučení... S. 77.
[195] Ibid. S. 79.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю-современнику (вместо введения) 3

Раздел первый

НА РУБЕЖЕ ВОЙНЫ И МИРА:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОЗИЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ
ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИЛ 9

Глава 1. Довоенная политическая элита в условиях послевоенной реальности 13

Глава 2. Рабочий класс и его политические ориентации 36

Глава 3. Крестьянство, интеллигенция, мелкие городские предприниматели: социальные интересы и политические позиции 71

Раздел второй

ВЫДВИЖЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА ИХ УТВЕРЖДЕНИЕ
(1944—1947 гг.) 92

Глава 1. Югославия, Албания: утверждение монополии компартий на власть 97

Глава 2. Чехословакия: «неклассовый национальный социализм» или социализм в коммунистической интерпретации? 118

Глава 3. Болгария, Польша: через народную демократию к социализму или к крестьянской республике? 135

Глава 4. Румыния, Венгрия: либеральная демократия западного образца или народная демократия как пролог социализма? 168

Раздел третий

1947—1948 гг.— УСТРАНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 204

Глава 1. Какой быть социалистической альтернативе: «демократический социализм», «национальный путь к социализму» или «диктатура пролетариата»? 208

Глава 2. Унификация коммунистического и социалистического движения в странах Восточной Европы на платформе большевизма . . 235

Заключение. О содержании этапа народной демократии в развитии стран Восточной Европы 306

Примечания 314

Научное издание

Волокитина Татьяна Викторовна,
Мурашко Галина Павловна,
Носкова Альбина Федоровна

**НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ:
МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

**Общественно-политические процессы
в Восточной Европе.
1944—1948 гг.**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Российской академии наук

Редактор издательства А. В. Болдов
Художник Б. М. Рябышев
Художественный редактор В. Ю. Яковлев
Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректор А. Б. Васильев

ИБ № 183

Сдано в набор 16.12.92. Подписано к печати 09.03.93.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,5. Усл. кр.-отт. 21,8.
Уч.-изд. л. 26,6. Тираж 800 экз. Тип. зак. № 504.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»,
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Новосибирская типография № 4 ВО «Наука»
630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

готовится к изданию

И. И. Свирида

САДЫ ВЕКА ФИЛОСОФИИ В ПОЛЬШЕ

15 а. л.

Богато иллюстрированная книга, в которой рассматривается утопическая концепция естественного парка XVIII века. Автор рассказывает о художественном облике парка, об иллюзиях и реальности паркового быта, о том, как представляли себе идеального обитателя парка его «конструкторы» и создатели. Читателя наверняка заинтересует и рассказ о тайной символике парков, возникшей не без влияния масонства. Приложение содержит различные описания парков их современниками.

Для широкого круга читателей.